

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 9/2 2018 (СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала

Общество с ограниченной ответственностью

«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

В.Л. Степанов — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин — к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
П.В. Акулишин — д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
Э.Н. Алиева — д.филол.н., доцент, независимый эксперт
А.Ю. Ватлин — д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Г.И. Воронина — д.п.н., проф., Гуманитарно-социальный институт
Е.Е. Вяземский — д.п.н., проф., МПГУ
Н.А. Герасименко — д.филол.н., проф., МГОУ
Е.Б. Евладова — д.п.н., г.н.с., ИИД СВ РАО
А.Э. Котов — д.и.н., доцент, С-Петербургский ГУ
С.К. Лебедев — д.и.н., С-Петербургский институт истории РАН
П.В. Лизунов — д.и.н., проф., Сев. [Арктический] Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
А.П. Миньяр-Белоручева — д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
М.В. Михайлова — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Я.М. Нейматов — д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова — д. филол.н., проф., Московский гум. университет
В.В. Петрусинский — д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
Т.А. Печенёва — д.п.н., Белорусский ГУ
Н.Л. Пушкарева — д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
А.Н. Рыжов — д.п.н., проф., МПГУ
А.И. Савостьянов — д.п.н., проф., МПГУ
А.С. Сенявский — д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН
М.Ю. Сидорова — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
А.М. Сморгчов — д.и.н., проф., РГГУ
О.Ю. Стрелова — д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
В.И. Тюпа — д. филол.н., проф., Институт филоп. и истории РГГУ
Н.М. Щедрина — д. филол.н., проф., МГОУ
С.Н. Ханбалаева — д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
Н.В. Юдина — д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью

«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

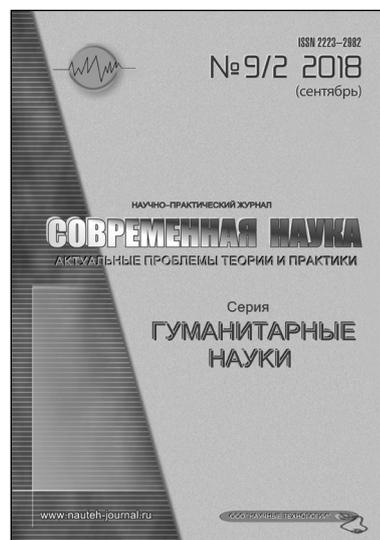
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 9/2 сентябрь 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал

«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 20.09.2018 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Антошин А. В., Антошин В. А. — Левые политические группы российских иммигрантов в США в середине 1940-х гг.
Antoshin A., Antoshin V. — Left political groups of Russian immigrants in USA in the middle of 1940s 5

Ванькина Е. А. — О восстановлении деятельности мировых судов в период 1912–1917 гг.
Vankina E. — About restoration of work of world vessels in the period 1912–1917 11

Педагогика

Альтман Г. С. — Педагогические условия успешного обучения ребенка-иностранца
Altman G. — Pedagogical conditions of successful learning of a foreign child 16

Анцелевич О. В., Ангелова М. Н., Кольчугина Т. А. — Анализ проблем профессиональной подготовки студентов в высшей школе
Antselevich O., Angelova M., Kolchugina T. — Analysis of problems of professional training of students in higher school 22

Гарбузов С. П., Сатосова Н. Л. — Методики преподавания физической культуры и спорта в школе
Garbuzov S., Satosova N. — Methods of teaching physical culture and sport in school 26

Девель Л. А. — Сохранение и изучение мирового культурного наследия как благодатная тема для виртуальной практики международной коммуникации, развития языковых навыков и навыков активной семантизации, поликультурной компетенции
Devel L. — World cultural heritage studies as a fruitful topic for language and active semantisation skills development, virtual international communication practice, intercultural competency development 30

Иванова С. П., Белоусова И. К. — Реализация проектного метода в процессе преподавания иностранного языка в ВУЗе
Ivanova S., Belousova I. — Realization of the project method in the process of teaching foreign language in the university 36

Краснов П. С., Мясникова О. К. — Формирование проектной компетентности учителя
Krasnov P., Myasnikova O. — Formation of design competence of a teacher 39

Рычкова Т. А., Иванищева О. Н., Бурцева А. В., Коренева А. В. — Проблема обучения письменному русскому языку (чтению и письму) взрослого населения на Кольском севере в XX веке
Rychkova T., Ivanishcheva O., Burtseva A., Koreneva A. — The problem of teaching written Russian (reading and writing) to adults in the Kola North in the twentieth century 43

Северин Н. Н., Гусев Ю. М., Михеев И. А., Радоуцкий В. Ю., Северин С. Н. — Информационная система оценки и отбора учебных материалов
Severin N., Gusev Yu., Mikheev I., Radautsky V., Severin S. — Information system of estimation and selection of educational-methodical materials 48

Хачев М. М., Теммоева С. А. — Состояние, проблемы и перспективы инженерного образования в регионах
Hachev M., Temmoeva S. — Status, problems and perspective of engineering education in the regions 53

ФИЛОЛОГИЯ

Агошкова Т. В. — Феномен лингвокультурной лакуны в современном франкоязычном романе
Agoshkova T. — The phenomenon of the linguocultural gap in the modern french-speaking novel 57

Ангалева М. А. — Система ценностей армейской субкультурной среды США в зеркале фразеологии (на материале английского языка)
Angaleva M. — The U.S. military subculture system of values in the mirror of phraseology (as exemplified in English) 60

- Бутенко Е. Ю.** — Экстралингвистические аспекты мировоззренческого концепта «EYORISHNESS» (пессимизм)
- Butenko E.* — Extralinguistic aspects of the outlook concept «EYORISHNESS» 64
- Виноградова О. Н.** — «Непрофессиональное» осмысление актуальных литературоведческих понятий «литература» и «художественная литература»
- Vinogradova O.* — «Non-professional» reflection actual literature concepts «literature» and «artistic literature» 70
- Виноградова О. Н.** — Целеустановка как недостающий аспект жанровой теории в понимании феномена литературы
- Vinogradova O.* — Goal-setting as the unacceptable aspect of genre theory in understanding the phenomenon of literature 73
- Гайнанова Л. М.** — Специфика звуковой системы языка киньяруанда в контексте обучения РКИ
- Gaunanova L.* — Specificity of the Kinyarwanda language sound system in the context of teaching Russian language as a foreign language 80
- Катермина В. В., Цатурян М. А.** — Политкорректность или эвфемизация политического дискурса
- Katermina V., Tsaturyan M.* — Political correctness or euphemization of the political discourse 85
- Климина Л. В.** — Лингвистический подход к анализу эмотивного содержания художественных произведений
- Klimina L.* — Linguistic approach to the analysis of emotive content for works of art 89
- Красиловская А. А.** — Интерсемиотичность художественного текста: взаимодействие вербального и изобразительного кодов (на материале романа Р. Риггза «Дом странных детей»)
- Krasilovskaya A.* — Intersemiology of literary text: the interaction of verbal and pictorial codes (based on the material of the R. Riggs' novel «Miss Peregrine's Home for Peculiar Children») 93
- Крючкова Е. С.** — Русский или Московский? Особенности употребления лексической единицы «московский» в украиноязычных словарях начала XX века
- Kriuchkova E.* — Russian or Moscowscy? Features of the use of the lexical unit «Moscowscy» in the Ukrainian-language dictionaries of the early twentieth century 97
- Кулик В. Н.** — Словообразовательные аспекты англоязычных заимствований в немецком медицинском дискурсе
- Kulik V.* — The global educational aspects of English-budgetary borrowings in German medical discourse .. 101
- Куликова О. В.** — Жанровое разнообразие англоязычного медийного дискурса: когнитивно-прагматические особенности жанра «Briefs»
- Kulikova O.* — Genre diversity of the Anglophone media discourse: cognitive and pragmatic characteristics of the Briefs genre 107
- Ма Сянфэй** — Стереотипные представления о ветре в русской лингвокультуре
- Ma Xiangfei* — Stereotypic representations of the wind in the Russian lingvoculture 110
- Малкарбаева Л. Б.** — Роль категории одушевленности в английском и татарском языках в процессе передачи информации
- Malkarbaeva L.* — The role of the category of animateness in the English and Tatar languages in the process of information transmission 114
- Малкарбаева Л. Б.** — Глаголы в английском и татарском языках, используемые для обозначения косвенной эвиденциальности
- Malkarbaeva L.* — The verbs in the English and Tatar languages used for indirect evidentiality identification 117
- Моисеенко А. В., Баскова А. А.** — Семантические особенности искусственного языка Hen Llinge
- Moiseenko A., Baskova A.* — Semantic peculiarities of artificial language Hen Llinge 122
- Никитина Е. А.** — Местоименные наречия в немецкой разговорной речи
- Nikitina E.* — Pronominal adverbs in German colloquial speech 126

Пашкова Е. А. — Языковые и социокультурные особенности англоязычного песенного дискурса	
<i>Pashkova E.</i> — Linguistic and sociocultural features of English songs discourse	129
Пермякова Т. Н. — Стилистическая характеристика японской литературной сказки	
<i>Permiakova T.</i> — Stylistic characteristics of the Japanese literary tale	136
Пискун Е. С. — К проблеме современной русской драматургии как художественного целого	
<i>Piskun E.</i> — The problem of the modern Russian drama as the artistic unit	142
Проскурина А. В. — Словообразовательные типы в системе языка как отражение мировидения его носителей (на материале телеутского языка)	
<i>Proskurina A.</i> — Wordformational types in the language system as the reflexion of its speakers world view (based on the Teleut language)	147
Романов А. С., Шнякина К. В. — Девизы родов войск и видов вооруженных сил США в контексте этнокультурной стереотипизации	
<i>Romanov A., Shnyakina K.</i> — Armed services and branches of the U.S. armed forces within the context of ethnocultural stereotyping	152
Савицкая Е. В. — Спациальное моделирование действительности в естественном языке	
<i>Savitskaya E.</i> — Spatial modelling of reality in natural language	157
Садовникова И. И. — Принципы словообразования фитонимов в эвенском языке	
<i>Sadovnikova I.</i> — Principles of word-formation of phytonyms in the Evenian language	161
Саидов А. М., Гаджихмедов Н. Э., Рашидов А. А. — Структурно-семантические особенности сложноподчиненного предложения в кумыкском языке	
<i>Saidov A., Gadjiamedov N., Rashidov A.</i> — Structural-semantic features of the complex process in Kumiksky language	164
Семина А. А. — Георгий Иванов в разбитом зеркале Сергея Чудакова	
<i>Semina A.</i> — Georgy Ivanov in Sergey Chudakov's broken mirror	170
Тан Цзин — Особенности образов – символов лирики Ф. Сологуба в исследованиях китайских литературоведов (по материалам диссертационных исследований Ши Хана и У Ханя)	
<i>Tang Jing</i> — Features of symbols of Sologub's lyrics in the studies of Chinese literature levels (based on the dissertational studies of Shi Khan and U Khan')	179
Цатурян М. М. — Авторский язык и язык героев романа Ч. Диккенса «Посмертные записки пиквикского клуба»: герменевтический аспект	
<i>Tsaturyan M.</i> — Author's language and language of heroes of Ch. Dikpens' novel «The posthumous notes of the Pickwick club»: hermeneutical aspect	184
Чумакаев А. Э. — Фразеологизмы с компонентами-соматизмами в составе фразеологических единиц, выражающих качественную характеристику человека в алтайском языке	
<i>Chumakaev A.</i> — Phraseologisms with somatic components in the composition of phraseological units wich express a person's qualitative characteristic in the Altai language	188
Информация	
Наши авторы. Our Authors	191
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	193

ЛЕВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РОССИЙСКИХ ИММИГРАНТОВ В США В СЕРЕДИНЕ 1940-Х ГГ.

LEFT POLITICAL GROUPS OF RUSSIAN IMMIGRANTS IN USA IN THE MIDDLE OF 1940S

**A. Antoshin
V. Antoshin**

Summary. The article is devoted to phenomenon of left political organizations created by immigrants in USA. The article is based on the materials of American and Russian archives and press materials. It gives the main attention to immigrants who were members of Russian Independent Mutual Aid Society and American Russian Mutual Aid Society. The authors prove that members of these organizations supported active social policy and idea of cooperation between USA and USSR.

Keywords: Russian immigrants in USA, Russian Independent Mutual Aid Society, American Russian Mutual Aid Society, «Russky Golos».

Антошин Алексей Валерьевич

*Д.и.н., профессор,
Уральский Федеральный Университет
alex_antoshin@mail.ru*

Антошин Валерий Алексеевич

К.ф.н., профессор, УрИУ РАНХиГС

Аннотация. Статья посвящена феномену левых политических организаций, созданных иммигрантами в США. Статья базируется на материалах американских и российских архивов, а также периодической печати. Основное внимание уделено тем иммигрантам, которые входили в состав Русского независимого общества взаимопомощи и Американско-русского общества взаимопомощи. Авторы доказывают, что члены этих организаций выступали за активную социальную политику правительства в интересах «простых американцев», поддерживали идею продолжения сотрудничества между США и Советским Союзом.

Ключевые слова: русские иммигранты в США, Русское независимое общество взаимопомощи, Американско-русское общество взаимопомощи, «Русский голос».

История левых общественно-политических организаций и групп, созданных российскими иммигрантами в США, довольно редко привлекает внимание исследователей. В советской историографии к этому феномену обращались в работах, посвященных сотрудничеству отдельных представителей Русского Нью-Йорка с Советским Союзом, их патриотической деятельности в годы Второй мировой войны [7]. Однако многие труды такого плана носили пропагандистский характер, практически не уделялось внимания анализу роли этих общественных деятелей в жизни американского общества [2].

Американские исследователи чаще всего затрагивают эту проблематику, характеризуя те структуры, которые были созданы трудовыми иммигрантами, приехавшими за океан из Российской империи или украинских и белорусских районов Польши 1920–1930-х гг. [24; 25; 26; 27; 31]. Однако в этих работах практически не анализируется участие представителей этих объединений в общественно-политической жизни США. Эта же черта характерна и для современных российских публикаций, посвященных объединениям российских иммигрантов в США [5]. Данное обстоятельство обуславливает актуальность нашей статьи.

В центре внимания статьи находится середина 1940-х гг., переломный момент в эволюции мирового порядка. Именно в это время мир находился на распутье: будет ли

продолжено сотрудничество СССР и США, начавшееся в рамках антигитлеровской коалиции, или начнется новый виток международной конфронтации. Левые политические интеллектуалы и группы США были среди тех, кто наиболее последовательно выступал за продолжение советско-американского диалога.

Источниковой базой исследования выступают материалы ряда американских и российских архивов. Значительное внимание уделяется анализу публикаций ключевых периодических изданий, где печатались левые интеллектуалы Русского Нью-Йорка и освещалась деятельность близких им иммигрантских структур США, прежде всего, газеты «Русский голос» (Нью-Йорк).

В 1920–1930-е гг. в Нью-Йорке именно вокруг редакции этой газеты складывается группа интеллектуалов-выходцев из России, которые разделяли левые политические взгляды и стремились сотрудничать с Советским Союзом. Среди них были яркие фигуры, известные в США представители творческой интеллигенции. Наибольшую известность приобрела личность поэта и художника, футуриста, ближайшего друга В. В. Маяковского Д. Д. Бурлюка. Д. Д. Бурлюк представлял собой тип представителя российской левой интеллигенции, воспринявшей события Октября 1917 г. как начало процесса подлинно революционных преобразований во всех сферах жизни и прежде всего как исходную точку формирования нового искусства. Однако трагедия этих лю-

дей состояла в том, что реальное развитие советского общества в 1920–1930-е гг. пошло по линии все большего ограничения творческой свободы, доминирования социалистического реализма, который воспринимался футуристами как возвращение к консервативным направлениям в искусстве. Это вынудило Д. Д. Бурлюка уехать в США. Однако он продолжал рассматривать себя в качестве проводника идей нового искусства, пропагандиста социалистического общества в капиталистическом мире. Позитивным оставалось его общее отношение к проводимым в СССР преобразованиям. В своих письмах советским друзьям Д. Д. Бурлюк стремился продемонстрировать симпатии к Советскому Союзу, заявляя: «всегда принадлежал и принадлежу к левому крылу американской интеллигенции, ... много писал стихов в честь Родины, во славу СССР» [9, л. 32–33].

В годы Второй мировой войны Д. Д. Бурлюк активно взаимодействовал с советским посольством в США, участвовал в проводимых им мероприятиях. Весьма позитивно отзывался о его деятельности работавший в те годы в посольстве А. А. Громыко. Характеризуя Д. Д. Бурлюка, будущий министр иностранных дел СССР выразил общее мнение своих коллег, заметив: «У советских товарищей, которые встречались с ним в США, сложилось твердое убеждение, что это человек, которого социальная буря перенесла на чуждую ему почву» [4, с. 145].

Д. Д. Бурлюк много лет стремился посетить Советский Союз. Однако, несмотря на ярко выраженные симпатии к Родине, побывать в сталинском СССР ему так и не удалось. Он смог приехать в Советский Союз и встретиться со своими старыми друзьями по «кругу Маяковского» только после XX съезда КПСС, в 1956 г. [8].

Рядом с Д. Д. Бурлюком в редакции «Русского голоса» работали и другие яркие фигуры. Одной из них была искусствовед Лидия Надежина, удостоившаяся того, что ее личный архив хранится в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США. Она всегда стремилась к сотрудничеству с советскими деятелями культуры, в 1920-е — начале 1930-х гг. вела с ними активную переписку. Из писем своих советских друзей и коллег (например, известного этнографа, старого народника В. Г. Богораза) Л. Надежина получала и некоторую информацию о реальной атмосфере в Советском Союзе, репрессиях в отношении интеллигенции [28]. Это привело к тому, что постепенно Л. Надежина отошла от редакции «Русского голоса».

Пиком общественной активности Л. Надежиной стал период сотрудничества между СССР и США, связанный с существованием антигитлеровской коалиции. В годы Второй мировой войны Л. Надежина активно участвует в самых разнообразных проектах. В апреле 1942 г.,

например, она обратилась к созданному в Нью-Йорке «Комитету содействия России в войне» с предложением участвовать в деятельности этой организации [29]. Известно, что в годы войны Л. Надежина читала лекции по истории русского средневекового искусства, сбор средств от которых шел в фонд помощи Советскому Союзу. С лекциями на тему: «Земля и люди по ту сторону Русского фронта» она выступала в женских клубах Нью-Йорка и Балтимора, музее «Метрополитен» и т.д. В письме исполнительному секретарю Национальной Федерации деловых и профессиональных женских клубов Луизе Бах, написанном летом 1944 г., Лидия Надежина отмечала, что видит свою цель в том, чтобы «помочь нашей американской (это и мой дом тоже) интеллигенции понять культуру и народ наших союзников в войне» [30].

В 1945 г. Вторая мировая война закончилась. Каковы же были настроения русских в США в тот момент? У таких людей, как Л. Надежина, сотрудничество времен антигитлеровской коалиции породило надежды на возможность более тесных контактов с покинутой ими Родиной. Л. Надежина предпринимает все усилия для того, чтобы поехать в командировку в СССР. Ей казалось, что после того, как СССР и США были союзниками во Второй мировой войне, препятствий для такой поездки быть не может. Однако несмотря на то, что в течение нескольких лет Л. Надежина вела борьбу за право вновь оказаться на Родине, ей это так и не удалось. Советские власти не давали ей разрешения на въезд. Руководство СССР проводило противоречивую линию в отношении сочувствовавших Родине российских иммигрантских организаций. Всячески приветствуя их деятельность в США, оно весьма выборочно давало разрешение на возвращение активистов этих структур на Родину. В сталинском Советском Союзе прожившие не один десяток лет на Западе левые интеллектуалы — люди нонконформистского склада — были не нужны.

Газета «Русский голос», которую редактировал муж Л. Надежиной Д. З. Крынкин, была ориентирована в основном на русскоязычных экономических иммигрантов, приехавших в США из Российской империи, а также украинских и белорусских районов межвоенной Польши. На Родине жизнь этих людей зачастую была нелегкой, они не относились к верхушке общества. О том, почему они покидали Россию или Польшу, красочно описал в своем выступлении на митинге летом 1945 г. один из таких иммигрантов, И. Васьковский: «Многие из нас не могли посещать школу и потому, что не было возможности, и потому, что во многих селах и деревнях не было школ. У многих в зимнее время не было обуви, и они не могли ходить не только в школу, но и в церковь... Несмотря на богатства природы нашего края, мы терпели голод и холод. Только раз в год, в день Воскресе-

ния Христова, мы ели белый пшеничный хлеб и мясо молодого поросенка, или яичко, а в остальное время года голодали, чтобы наши паны могли выезжать за границу и проигрывать большие суммы в игорных местах Парижа и Лондона... Голод и холод заставили нас оставить родину и мы думали, что только временно, на один-два года. Но это «временно» протянулось на два-три десятка лет» [17].

Эта часть «русских» (среди них было немало этнических украинцев и белорусов) в США уже достаточно давно объединялась в разнообразные общественные организации. Одним из крупнейших было Русское независимое общество взаимопомощи (РНЗОВ), возникшее на базе основанного еще в 1912 г. Свято-Георгиевского братства. Несколько позже, в 1920 г., образовалось Американо-русское общество взаимопомощи (АРОВ). Главной целью таких структур было страхование русских иммигрантов на случай болезней, производственных травм и т.д. Все это было чрезвычайно актуально для основной массы экономических иммигрантов, поскольку условия труда на американских предприятиях (особенно в первой трети XX в.) были весьма тяжелыми. Как отмечал «Русский голос», в Детройте, например, основная масса русских американцев были «трудящимися на фабриках и заводах и беднейшими мелкими коммерсантами» [18]. Подобная ситуация складывалась в Нью-Йорке, Чикаго и ряде других городов США.

Однако, постепенно, не без влияния со стороны левой интеллигенции, предпринимаются попытки расширить функции таких структур, как АРОВ, РНЗОВ и др. Они начинают заниматься культурно-просветительской работой, проводить различные мероприятия и т.д. Отражением этого процесса стало, например, возникновение в Нью-Йорке в 1930 г. Общества имени Н.Г. Чернышевского. Своими союзниками оно считало членов упомянутых выше структур — «аровцев» и «роовцев», а также объединения мужских и дамских портных, «разборщиков домов» и т.д. [23].

Естественно, что процессы ассимиляции, весьма сильные в среде русскоязычных общин Америки, не могли не затронуть и эти объединения. К 1940-м гг. организации, созданные трудовыми иммигрантами из Российской империи, уже становились элементами гражданского общества США, были интегрированы в его структуру. Те симпатии к Советскому Союзу, которые выражали эти объединения, отражали не только спектр настроений в среде русскоязычной диаспоры США. Они показывали наличие подобных взглядов в американском обществе в целом.

Конечно, активизация общественной деятельности таких организаций пришлось на период Второй миро-

вой войны. Они приняли участие в организации помощи Советскому Союзу, сбору средств сиротам и т.д. [3]. Впрочем, эта деятельность, о которой уже немало написано в литературе, проходила отнюдь не без проблем. Были и такие русские американцы, которые по разным причинам отказывались помогать Советскому Союзу. Газета «Русский голос» пыталась бороться с подобными настроениями разными способами. Наряду с призывами принять участие в акциях помощи, она использовала и метод публикации фельетонов и сатирических произведений. Пожалуй, наиболее ярким примером этого было помещение в «Русском голосе» стихотворения «Сэм Никчемный», где высмеивался подобный тип «русского американца»:

*«Утречком Сэм на работу идет,
Руки мозолит и спину он гнет.
Бонда ж не купит — не хочет, чуждак,
После работы — в соседний кабак.*

*Рюмку, другую пропустит — и вот
Вдруг о войне рассуждать он начнет:
— Что, — говорит он, — мне эта война?
Право, она мне совсем не нужна —*

*Глянь-ка, налоги какие плачу!
Денег совсем я не сколочу.
Пятую рюмку, поморщась, глотнет,
И рассуждения снова начнет:*

*— Родине, вон, говорят, помоги.
Мачехой лютой была мне она.
Здесь вот я виски пью, ем пироги,
И наплевать мне, что где-то война!*

*Джоб я имею, одет и обут,
И о голодных — так это все врут!
Зарятся люди на мой, мол, карман,
Да не поддамся на их я обман...» [20]*

Такие настроения вызывали тем большее возмущение значительной части русских американцев, что в реальности очень многие семьи оказались затронуты войной. Бывало и так, что в армии оказывалось сразу несколько членов семьи русских американцев, и родителям приходилось переживать за всех сразу. Так, у Ивана Ващука за время войны сразу три сына отслужили в войсках, причем воевали они не только на Тихом океане, но и в Европе. Один из них, Майкл, успел повоевать еще в Гражданской войне в Испании, сражаясь на стороне республиканцев в составе Бригады Авраама Линкольна [19].

Пребывание молодых русских американцев в рядах армии США в годы войны привело к тому, что у них ино-

гда возникали контакты с советскими людьми. Результаты такого общения были зачастую весьма любопытны. В ряде случаев, по словам ориентировавшихся на СССР изданий, дети иммигрантов приходили в восторг от некоторых сторон жизни советского общества. Конечно, к таким публикациям надо относиться осторожно, учитывая, в какой прессе они появлялись. Так, например, молодому американцу Антону Шицу — переводчику армии США, служившему в Европе, довелось побывать вместе с американскими офицерами на Родине отца — Смоленщине. В письме домой он так описывал свои мысли и ощущения: «Когда мы пересели в советскую машину, то я подумал, что нам, привыкшим к американским машинам, будет не так удобно на советской, т.к. мы приучены думать, что американские машины — самые лучшие в мире. Мое опасение, однако, было напрасным. Когда мы проехали несколько сот миль, я увидел, что русские машины намного прочнее и удобнее наших... Советские машины намного быстрее наших, американских» [22]. Действительно ли советские автомобили второй половины 1940-х гг. были столь хороши? Или молодому американцу захотелось обрадовать своего отца, написав что-то хорошее об его Родине?

Однако, даже на страницы просоветски настроенной прессы «прорывались» и случаи иного рода. Активисты левых организаций, родившиеся в Америке и никогда не бывавшие на Родине предков, вдруг узнавали что-то совершенно неожиданное о том, каковы они — реальные советские люди. Так, сын эмигрантов из Белоруссии П.К. Змитрович в письме родителям в Бронкс рассказал о том, как ему довелось пообщаться в Германии с советскими солдатами. Перед тем, как расстаться со своими новыми знакомыми, молодой русский американец пожал им руки и, вспомнив о грядущей Пасхе, произнес: «Христос Воскресе». «Они не дали обычного ответа» [16], — с удивлением заметил П.К. Змитрович.

Усилившиеся в этот период симпатии к Советскому Союзу вели к тому, что в деятельности таких структур, как АРОВ, стали еще более заметны тенденции копирования форм работы, характерных для организаций в СССР. Члены отделов в Хартфорде и Филадельфии, например, употребляли по отношению друг к другу обращение «товарищ», в той же Филадельфии в структуре организации существовал женотдел, носивший имя Н.К. Крупской [21].

Будучи гражданами США, активисты левых иммигрантских структур подчеркивали ту роль, которую сыграла Америка в победе над нацизмом. Именно эта мысль была ключевой в статье «Победа», опубликованной 11 мая 1945 г. в «Русском вестнике»: «Победил американский народ, наши войска, наши рабочие, наши фермеры, наша передовая интеллигенция». В свете офи-

циальной советской концепции победы над нацизмом, подобное прославление Америки выглядело, конечно, несколько удивительным. Однако эти строки были опубликованы в американской газете, их разделяли близкие к «Русскому голосу» «аровцы» и «роовцы», которые уже много лет жили в США. Отмечая роль США в борьбе с нацизмом, эти люди подчеркивали: в данном случае их новая Родина оказалась верна тому духу свободы и демократии, который лежал в основе ее государственности. Напоминая слова Рузвельта о том, что Америка стала «арсеналом демократии», публицист «Русского голоса» С. Алмазов заявлял: «Америка Вашингтона, Джефферсона, Линкольна и Рузвельта сделала еще один большой шаг вперед на благо своего народа и на благо всего человечества» [1]. Таким образом, возникала парадоксальная ситуация: просоветски настроенные иммигранты отстаивали идею о миссии США по защите демократии во всемирном масштабе!

Однако, подобная концепция неизменно сочеталась на страницах «Русского голоса» с тезисом о том, что только в союзе с СССР Америка сможет сохранить демократический характер своей государственности. Заявляя, что газета служила «демократическим идеалам Америки», ее публицисты подчеркивали, что такая Америка должна была «уважать культурные ценности русского народа», выступать против «фашизма и его «пятой колонны»: антисемитизма, негроненавистничества, национальной и религиозной вражды и дискриминации» [10]. А всего этого можно было, по их мнению, избежать только в союзе с СССР.

При этом, «Русский голос» выдвигал весьма спорную (но совершенно логичную, учитывая состав его читателей) концепцию о том, что «простой американец» всегда мог понять «простого человека» в СССР. В этом же ряду находились и сообщения о том, что армейские газеты, издававшиеся отдельными американскими пехотными дивизиями, выступали в своих публикациях за сотрудничество с СССР [12]. В реальности настроения «простых американцев», конечно, были гораздо менее однозначны, многие из них, напротив, постепенно все более критически начинали относиться к Советскому Союзу.

При этом следует учитывать: лидеры левых иммигрантских структур были частью американского общества и должны были исходить из национальных интересов США. Они прекрасно понимали, что вынуждены учитывать ситуацию в американской экономике: их читатели никогда бы не поддержали то, что принесло бы ей какой-либо ущерб. Поэтому «Русский голос» доказывал: США вышли из войны мощной державой, чьи ресурсы позволяют ей не только сполна удовлетворить потребности внутреннего рынка, но успешно выходить на мировой рынок. А раз так, то Америка, по их мнению, могла

себе позволить отказ от «империалистической» политики. Более того: из такой оценки состояния американской экономики «Русский голос» делал далеко идущие выводы. Его публицисты стремились доказать, что именно экономическая стабильность делала для Америки возможным переход к плановому хозяйству «с мобилизацией всех творческих сил страны на общественные работы крупного масштаба» [15]. Таким образом, речь шла о своеобразном движении США в сторону советской модели развития. Конечно, «Русский голос» прекрасно понимал, что такая идея встретит одобрение далеко не у всех читателей газеты (тем более учитывая ту информацию о специфике советской экономики, которую давала большая часть американской прессы). Поэтому они стремились доказать, что такая модель развития будет способствовать поднятию уровня жизни основной массы населения США и укреплению позиций профсоюзных организаций.

Именно поэтому «Русский голос» решительно выступал против тех предложений американского правительства, направленность которых была прямо противоположной. Как «реакционер» оценивался сенатор Тафт, предлагавший отменить государственный контроль над ценами и зарплатой [11]. Редакция «Русского голоса» выступала за усиление социальной сферы в экономической модели США.

Деятели левых иммигрантских организаций стремились найти свое место в существующей партийно-политической системе США. На страницах «Русского голоса» печатался секретарь правления Русско-Славянского Демократического клуба в Нью-Йорке В. Казак. С одобрением оценивалась деятельность клуба, сообщалось, что его офис был украшен портретом Президента Г. Трумэна [6]. Фактически некоторые из близких к «Русскому голосу» кругов были на позициях левого крыла Демократической партии, как бы встраиваясь в двухпартийную систему.

Эта тенденция проявлялась и в оценке «Русским голосом» деятельности самого Г. Трумэна. Д. З. Крынкин и его соратники заявляли о себе как о горячих сторонниках политики Президента, по их словам, шедшего «по стопам» Ф. Рузвельта. Те негативные тенденции, которые были заметны в экономической сфере (например, со-

кращение зарплат на предприятиях) инспирировались, по их словам, «реакционными» кругами. Что же касается Президента, то его мероприятия оценивались как «прогрессивные» [14]: глава Американского государства и лидер Демократической партии был вне критики.

На региональном уровне эти круги поддерживали различные леволиберальные блоки, опять же с участием Демократической партии. Так, летом 1945 г. редкий номер «Русского голоса» обходился без статьи в поддержку Конгресса индустриальных организаций (КРИ), возникшего на муниципальных выборах в Детройте. КРИ представлял собой блок разнообразных сил, который выдвинул на выборах мэра кандидатуру профсоюзного лидера Р. Франкенштейна. Эту кандидатуру поддерживали не только левые, взгляды Р. Франкенштейна были противоречивыми. Поэтому редакция «Русского голоса» старалась сформировать позитивный образ кандидата среди своих читателей — рабочих предприятий Детройта из числа иммигрантов. Газета заявляла, что ему «близки и понятны интересы трудящихся» [13].

Д. З. Крынкин и его товарищи иногда заявляли о поддержке даже кандидатов, выдвигавшихся весьма далеко от просоветского «Русского голоса» силами — например, Американской федерацией труда (АФТ). Так, поддержанный блоком АФТ и демократов политик стал в 1945 г. мэром Миннеаполиса, что позитивно было встречено «Русским голосом». Это показывает политическую гибкость редакции газеты, готовность блокироваться с теми силами, которые в меньшей степени воспринимались как защитники интересов крупных монополий и противники СССР.

Таким образом, та часть русской диаспоры США, которая занимала в середине 1940-х гг. левые политические позиции, была неоднородна. Заметную роль играли некоторые представители творческой интеллигенции, левые интеллектуалы, которые стремились выступать от имени масс трудовых иммигрантов, объединявшихся в различные организации (РНзОВ, АРОВ и др.). Левые иммигрантские группировки пытались встроиться в политическую систему США, найти свое место в ней. Они выступали за активную социальную политику и продолжение российско-американского сотрудничества, начавшегося в годы Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазов С. Победа // Русский голос. 1945. 11 мая.
2. Афанасьев А. Полюнь в чужих полях. М., 1984.
3. Белокопытов А. День Матери у Чернышевцев // Русский голос. 1945. 21 июля.
4. Громыко А. А. Памятное. М., 1988. Кн. 1.
5. Зацепина О, Ручкин А. Русские в США. Нью-Йорк, 2011.

6. Казак В. У русских демократов // Русский голос. 1945. 4 июля.
7. Куликов Н. Г. Я твой, Россия. . . М., 1990.
8. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 372, карт. 10, ед.хр. 35.
9. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 1497, оп. 1, д. 184.
10. Русский голос (Нью-Йорк). 1945. 13 мая.
11. Русский голос. 1945. 14 мая.
12. Русский голос. 1945. 2 июля.
13. Русский голос. 1945. 3 июля.
14. Русский голос. 1945. 10 июля.
15. Русский голос. 1945. 6 июля.
16. Русский голос. 1945. 8 июля.
17. Русский голос. 1945. 26 июля.
18. Русский голос. 1945. 2 августа.
19. Русский голос. 1945. 19 августа.
20. Сеоев Н. А. Сэм Никчемный // Русский голос. 1945. 18 мая.
21. Соломахина Т. Благодарность женскому отделу им. Крупской // Русский голос. 1945. 16 мая.
22. Хилькович Д. На Родине наших отцов (рассказ русско-американского солдата) // Вестник (Торонто). 1947. 4 января.
23. Шушкевич В. К 15-летию Общества имени Н. Г. Чернышевского // Русский голос. 1945. 21 июля.
24. Alexander, J. Daily Life in Immigrant America. 1870–1920. Chicago, 2007.
25. Eubank, N. The Russians in America. Minneapolis, 1973
26. Ggerber, S. Russkoja Celo. The ethnography of a Russian-American community. New York, 1985.
27. Govorchin, G. From Russia to America with Love: A Study of the Russian Immigrants in the United States. Kingston, 1990.
28. Library of Congress. Manuscript Division (Lo C. MD). Papers of Lydia Nadejena. Box 2. Folder «Correspondence in Russian 1927–1931». В. Г. Богораз (Тан) — Л. Надежиной. 16.02.1929.
29. Lo C. MD. Papers of Lydia Nadejena. Box 2. Folder «Correspondence sent in 1942–1956». L. Nadejena — G. Moore. 17.04.1942.
30. Lo C. MD. Papers of Lydia Nadejena. Box 3. Folder «Correspondence sent in 1942–1956».
31. Magocsi, P. The Russian Americans. New York, 1989.

© Антошин Алексей Валерьевич (alex_antoshin@mail.ru), Антошин Валерий Алексеевич
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский Федеральный Университет

О ВОССТАНОВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ СУДОВ В ПЕРИОД 1912–1917 ГГ.

ABOUT RESTORATION OF WORK OF WORLD VESSELS IN THE PERIOD 1912–1917

E. Vankina

Summary. The article deals with the process of restoring the activity of the world courts as a result of the adoption of the Law «On the Transformation of the Local Court» of June 15, 1912. The innovations adopted by the Law synthesizing the Judicial Charters of 1864 are noted. As examples, archival information is used. Positive aspects of the introduction and functioning of the Institute of Justices of the Peace were singled out during the reform of 1864. The period of establishment of the institute of zemstvo chiefs is considered.

Keywords: world, court, institute, reform, judicial system.

Ванькина Елена Александровна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева»
malkovaea@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс восстановления деятельности мировых судов в результате принятия Закона «О преобразовании местного суда» от 15 июня 1912 года. Отмечаются нововведения принятые Законом, синтезировавшим Судебные уставы 1864 года. В качестве примеров используются архивные сведения. Выделены положительные стороны введения и функционирования института мировых судей в период реформы 1864 года. Рассмотрен период учреждения института земских начальников.

Ключевые слова: мировой, суд, институт, реформа, судебная система.

Мировой суд в настоящее время является важным элементом российской судебной системы. Такое положение он начал занимать после введения в действие Федерального закона от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации». Судебная система независимая и справедливая является неотделимой от правового государства, к которому стремится современная Россия. Изучение опыта введения и функционирования института мировых судей через призму историко-правового метода в настоящее время приобретает немаловажное практическое значение.

Судьба мировых судов в Российской империи оказалась нелегкой. В 80-х годах XIX века начинается усиление отрицательного отношения к деятельности императора Александра II, ко всем реформам, которые были им проведены. Все чаще отмечаются нападки на мировой суд. Однако необходимо учитывать тот факт, институт мирового суда начал свою деятельность в достаточно сложных социально-политических, экономических и правовых условиях. Страна только что перестала находиться в крепостном состоянии, назрела необходимость решительного отделения судебной власти от власти административной. Пережитки крепостного права сохранялись как в экономике страны, так и в сознании людей. В подобной ситуации можно «закрыть глаза» на некоторые «минусы» так рьяно отмечающиеся критиками в деятельности мирового суда. Безусловно определенная ограниченность, незавершенность и непоследовательность была уже в текстах Судебных уставов. Нормы и принципы, разра-

ботанные в теории и прописанные в законе, выглядели идеально, а столкнувшись с российской действительностью, действовали искаженно или не действовали вовсе. На практике случались неудачные решения мировых судей, которые потом подвергались обобщению, и уже говорилось о несостоятельности мировых судей вообще. Также случалось, что по причине неприбытия судей, в уездах не могли состояться судебные заседания. Некоторые судьи медленно решали дела. Подобные единичные случаи подхватывали и «раздували», в свою очередь замалчивали образцовую работу других мировых съездов, не принималось во внимание, что мировые суды были завалены работой, но при этом решения старались принимать по совести, и, в общем-то, это у них достаточно хорошо получалось.

Необходимо принять во внимание тот факт, что практическая реальность зачастую сильно отличается от теории, где все прописано идеально, и на практике трудно найти какой-либо институт, работа которого осуществлялась бы идеально без каких-либо помарок и в свою очередь, институт мирового суда, будучи молодым институтом, только что начавшим свою деятельность, здесь не является исключением. Однако мировой суд был очень популярен в народе. Его успех, превзойдя все ожидания, постепенно распространился во всех губерниях российской империи. Институт мирового суда заменил собой большое количество существовавших до него судебно-административных инстанций. Мировой суд был приближен к простому народу на местах, поэтому стал так популярен среди простого населения.

К мировым судьям приходили с мелкими тяжбами и обидами, о которых прежде не поднималось и речи. У мировых судей просили заступничества и правосудия все те, кто раньше считались бесправными, молчаливо терпели обиду и угнетение.

А.Ф. Кони о деятельности мировой юстиции конца XIX века писал:

«Общее направление мировых судей сделало их камеры не только местом отправления доступного народу правосудия, но и школою порядочности и уважения к человеческому достоинству» [3, 431].

Таким образом, в результате создания института мировых судей, решались важные задачи, определенные Судебными уставами, такие как приближение суда к простому народу, ускоренное рассмотрение дел без судебных тяжб, отделение административной власти от судебной, вежливое обращение со стороны судей независимо от сословной принадлежности.

Однако просуществовав более 20 лет они, в конечном итоге оказались несовместимы с бюрократическим строем Российского государства. Законом 1889 года на большей части территории Российской империи, мировой суд, предусмотренный Судебными уставами 1864 года, был ликвидирован. Вместо него были введены судебно-административные установления (земские начальники, городские судьи, губернские собрания), которые обладали как судебной, так и административной властью с сильным перевесом административных функций. В провинциальных губерниях очень низким был авторитет и судебной власти, и государственной власти в целом.

После 1889 года выборные мировые судьи уцелели лишь в Санкт-Петербурге, Петербургском уезде, в Москве, Казани, Кишиневе, Нижнем Новгороде, Одессе, Саратове и Харькове, а также в Области Войска Донского.

Земским начальникам и городским судьям подлежали рассмотрению дела по спорам и искам не свыше 500 рублей, дела о восстановлении нарушенного владения, если со времени нарушения прошло не более 6 месяцев, дела о потравках и других повреждениях полей и угодий, когда сумма ущерба не превышала 500 рублей и все прочие иски на сумму не свыше 500 рублей. Им были подсудны уголовные дела, предусмотренные Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, за исключением ст. 170, устанавливавшей ответственность за кражу посредством взлома из запертых хранилищ с использованием отмычек, а также дела о запрещенной продаже спиртных напитков и табачных изделий [7].

Уездный съезд в лице его судебного присутствия представлял собой вторую, апелляционную инстанцию для дел, относящихся к подсудности земских начальников и городских судей. Во главе его стоял уездный предводитель дворянства, либо особый председатель — в местностях, где не проводились дворянские выборы. Состав судебного присутствия состоял из уездного члена окружного суда, почетных мировых судей, городских судей и земских начальников уезда.

Кассационной инстанцией для дел, рассмотренных земскими начальниками и городскими судьями, становилось губернское присутствие, учреждавшееся в каждой губернии под председательством губернатора, в составе вице-губернатора, губернского предводителя дворянства, прокурора окружного суда или его товарища и двух непререкаемых членов. Кроме того, в работе губернского присутствия принимал участие председатель или один из членов местного окружного суда [7].

Еще одним судебным органом были члены окружного суда, назначаемые министром юстиции в каждом уезде по одному. Им были переданы все уголовные и гражданские дела, которые ранее относились к ведению мирового суда, а теперь не входящие в подсудность земским начальникам и городским судьям.

Таким образом, в рассматриваемый период времени наблюдается явный регресс в деятельности российской судебной системы. Вместо мировых судей, призванных охранять мир и прививать чувство законности, был учрежден институт земских начальников, призванный восстановить опеку над крестьянским населением. Только в городах функции мировых судей по делам, не относящимся к компетенции земских начальников, перешли к городским судьям и уездным членам окружных судов.

В конечном итоге правительство признало вредные последствия, приносимые институтом земских начальников на практике. Кроме того, назрела необходимость проведения аграрной реформы.

В свою очередь, исторические факты свидетельствуют о том, что уже не впервые, крестьянский вопрос служил причиной для решения вопроса судебного. Аграрная реформа делала в перспективе бессмысленным дальнейшее существование институтов земских начальников и волостных судов. Их упразднение, а значит, и передача административных и судебных функций соответствующим органам были лишь вопросом времени. Таким образом, мировой суд подлежал восстановлению.

Уже в Высочайшем указе от 12 декабря 1904 года говорилось о необходимости в целях охранения равенства лиц всех состояний перед законом и судом внести

единство в устройство судебной части Российской империи. С этого времени началась многолетняя подготовка законопроекта о едином местном суде в Российской империи.

К весне 1906 г. в рамках столыпинской реформы был разработан проект реформы местного суда. Законом от 15 июня 1912 года институт мировых судей подлежал восстановлению. Однако если ранее они выбирались, то теперь могли назначаться Министерством юстиции. Тем самым возрастает зависимость института мировых судей от Министерства юстиции. Однако правительство не торопилось реализовывать этот закон на практике. К тому времени в России насчитывалось 97 губерний и областей. До Первой мировой войны мировые судьи были введены лишь в 13 губерниях, а к 1917 году — в 20 губерниях.

Закон «О преобразовании местного суда» от 15 июня 1912 года синтезировал опыт Судебных уставов 1864 года с рядом нововведений.

Как считает М.В. Немытина, «самым ценным положением этого закона следует считать восстановление в России мировой юстиции и уничтожение института земских участковых начальников» [8].

Теперь мировые судьи избирались сроком на три года уездными земскими собраниями и городскими думами. Судья, прослуживший три года, мог быть избран в дальнейшем на шесть лет. Избранные судьи подлежали утверждению I департаментом Сената.

Мировые судьи по-прежнему делились на участковых, почетных и добавочных. Мировым судьей могло быть избрано лицо с высшим юридическим образованием или со средним образованием при условии трехлетней службы, а шестилетняя служба в определенных должностях (предводителя дворянства, секретаря мирового съезда земского участкового начальника или секретаря судебного съезда) делала должность мирового судьи доступной и для лиц, не имеющих среднего образования [8].

Закон допускал, что за неимением подходящего кандидата на избрание мировой судья мог быть назначен. Оговаривалось, что назначаемый судья должен был обязательно иметь высшее образование.

По закону от 15 июня 1912 г. изменились и иные требования к кандидату на должность мирового судьи. Земельный ценз при выборах мировых судей был снижен вдвое. Неземельный ценз для лиц, имеющих высшее юридическое образование, сокращался наполовину. Произошли изменения и в апелляционной инстанции

мировых судов. Председатель съезда мировых судей теперь назначался по представлению министра юстиции из лиц, которые могли занимать должности по судебному ведомству не ниже члена окружного суда, либо из участковых мировых судей, прослуживших в этой должности не менее трех лет. Значительно расширялась подсудность мирового суда по сравнению с Судебными уставами 1864 г [8].

Необходимо отметить, что сведения о результатах реализации этого закона являются ограниченными. В своем большинстве это было связано с тем, что новые судебные учреждения начали функционировать только в губерниях первой очереди и действовали около 3 лет, в условиях военного времени, что недостаточно для полноценного анализа их деятельности. Введение в действие закона в губерниях второй очереди было отсрочено до 1 января 1917 года, а затем — и вовсе на неопределенный срок. Вместе с тем трехгодичный опыт функционирования местного суда свидетельствует о возникавших трудностях в деятельности вновь созданных судебных органов, прежде всего связанные с половинчатым характером самой реформы. Кроме того, у мировых судей отсутствовали должные полномочия для организации деятельности суда, отсутствовала координация действий между органами государственной власти России в вопросах организации суда.

В провинциальных губерниях значительно обострилась социально-экономическая и политическая обстановка после начала первой мировой войны. Во время наиболее интенсивных военных действий на фронтах значительно увеличивалась военная преступность. Необходимо было принимать серьезные меры. Однако после Февральской революции прокуратура и следственный аппарат окружных судов губерний практически утратили возможность контролировать политическую и правовую ситуацию. Подобная ситуация сложилась и с милицией, пришедшей на смену ликвидированным в ходе революции полиции и жандармерии. На бесчинствующие толпы солдат и мародеров практически не было никакой управы. Вот один из примеров, относящихся к Симбирской губернии.

Дело дворянина Гершера, март 1917 года. Суть дела: 27 марта 1917 года по требованию толпы крестьян, намеревающейся ограбить и разорить имение А. Ф. Гершера, отставного офицера российского флота, начальник милиции Троицкой волости Карсунского уезда произвел в доме Гершера обыск и изъял коллекцию незаряженных ружей. А. Ф. Гершерт был сразу же арестован за «незаконное хранение оружия».

В сопровождении сельского комиссара Шемуратова Гершерт был доставлен на станцию Инза для дальней-

шей отправки для проведения следствия в Симбирск. На вокзале в зале ожидания один из крестьян в присутствии толпы разнузданных солдат бездоказательно назвал Гершера «немецким шпионом». Пожилой, заслуженный человек был выведен пьяными солдатами на перрон и забит до смерти. Следователь 3 участка Карсунского уезда Смоленский провел расследование, нашел виновных в подстрекательстве к убийству Гершера, завел по факту его убийства уголовное дело. Однако прокурор окружного суда, не имея возможности в сложившихся условиях возбудить уголовное дело, был вынужден его закрыть. Не имея возможности совершить правосудие, прокуратура окружного суда была вынуждена закрывать и другие вопиющие дела. Так, в сентябре 1917 года прокуратурой было закрыто уголовное дело по обвинению в неподчинении губернским властям членов Грязнушинского сельского комитета Карсунского уезда [1, 92–93].

Несмотря на меры, принятые правительством по восстановлению мирового суда, этот процесс проходил очень медленно. В провинциальных губерниях в это время продолжал функционировать волостной суд, к которому в первую очередь и обращались крестьяне. Для обжалования решения необходимо было обращаться в Уездный Съезд. Однако многие дела так и не доводились до конца в силу тех или иных причин. Один из примеров рассмотрим ниже.

В 1913 году проходило гражданское дело о споре из-за земли крестьян села Бутакова Бутаковской волости Темниковского уезда Разгильдеевых с крестьянином того же села Сюдюковым Яковом Дмитриевичем.

Из материалов дела выясняется, что крестьяне села Бутакова Федор и Дмитрий Захаровы Разгильдеевы 5 июня 1912 года предъявили в Бутаковском волостном суде к крестьянину того же села Якову Дмитриевичу Сюдюкову иск о восстановлении нарушенного владения землею, объяснив, что Сюдюков 17 мая 1912 года сломал межу, бывшую на загоне, купленном им у Егора Зайцева, и этим самым захватил землю их, Разгильдеевых, в одном загоне: 1 $\frac{1}{4}$ арш. ширины и 6 саж. длины и в другом загоне 3 квадратных сажени [5].

Однако волостной суд прекратил это дело, признав, что иск должен относиться к Тимофею Сюдюкову.

Такое решение истцы обжаловали в Темниковский Уездный Съезд. Судебное заседание по данному делу походило 17 января 1913 года под председательством: уездного члена окружного суда Г.А. Климова, участкового земского начальника В.В. Никифорова, городского судьи И.Н. Иванова (в отсутствие почетных мировых судей). В результате съезд определяет отменить решение

Бутаковского волостного суда, руководствуясь ст. 142 Общего Положения о крестьянах 1902 года, а также словесным признанием ответчика Якова Сюдюкова о том, что землю пахал именно он и, следовательно, именно он является фактическим нарушителем владения. Дело для нового разбора по существу с производством местного осмотра спорной земли передается в тот же волостной суд [5].

Однако судебное производство по данному делу было приостановлено 23 июня 1916 года, так как истец Дмитрий Разгильдеев отправился в ряды действующей армии [5].

В 1916 году проходило гражданское дело о споре из-за земли крестьянина села Ширмасова Ширмасовской волости Темниковского уезда Фролова Сергея Нестеровича с крестьянином этого же села Башмаковым Осипом Самойловичем. Из обстоятельств дела выясняется, что крестьянин Сергей Нестеров Фролов в поданном заявлении объясняет, что крестьянин Осип Самойлович Башмаков осенью 1915 года припахал к себе принадлежащий ему загин земли в количестве одного четвертка и засеял озимыми хлебами на 1916 год.

Из материалов дела волостной суд определил спорный загин земли за крестьянином Сергеем Нестеровым Фроловым. Кроме того, суд взыскивает с Осипа Самойловича Башмакова в пользу Фролова семь ржи, снятых с этого загина. В свою очередь Башмаков обжалует принятое решение Ширмасовского волостного суда и обращается к земскому начальнику 2 участка Темниковского уезда, отмечая, что решение суда является явно неправосудным, так как допрошены свидетели села Ширмасова Алдотья Алексеева Александрова, Екатерина Петрова Башмакова, Семен Васильев Начаев, которые подтвердили, что он не захватывал никакого загина. На основании изложенного Башмаков приносит апелляционную жалобу для направления в уездный съезд с просьбой отказать истцу Фролову. Однако ввиду мобилизации на военную службу истца Фролова, производство по данному делу было приостановлено [6].

Таким образом, после Февральской революции в провинциальных губерниях очень сложной оказывается правовая обстановка. Несмотря на то, что Закон «О преобразовании местного суда» был принят летом 1912 года, к 1917 году мировой суд так и не был восстановлен в Пензенской, Тамбовской, Симбирской и Нижегородской губерниях. Темпы восстановления института мировых судов следует признать черепашими. За 5 лет действия закона мировой суд начал функционировать лишь в 20 губерниях Российской империи.

События 1917 года лишь ускорили кризисные процессы в системе местного суда, связанные с несовершенством процесса реформирования местной юстиции. Все преобразование судебной системы было сведено

на «нет». Процесс реализации реформы в значительной степени выявил ее недостатки, показал незавершенность процесса создания единой системы судебных органов России начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берч Л. А. История Симбирско-Ульяновского суда (XVII век — настоящее время) в 2-х частях. Часть первая. Суд в Симбирской губернии до 1917 года / Л. А. Берч, Р. Р. Мухамедов, Г. В. Романова, И. А. Чуканов. — Ульяновск: «Типография Обллучинского», 2013. — 389 с.
2. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ: исторические справки. Т. 2 / Г. А. Джаншиев. — М.: Территория будущего, 2008. — 480 с.
3. Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. I. — М.: Спб, 1999. — 676 с.
4. Немытина М. В. Пореформенный суд в России: деформация основных институтов уставов 1864 года / М. В. Немытина // Известия вузов. Правоведение. — 1991. — № 2.
5. Материалы ЦГА РМ, ф. 139, оп. 1, д. 27.
6. Материалы ЦГА РМ, ф. 139, оп. 1, д. 59.
7. Электронный ресурс. — Режим доступа: https://vuzlit.ru/1295773/sudebnaya_kontreforma_1889_goda
8. Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://isfic.info/court/cohis65.htm>

© Ванькина Елена Александровна (malkovaea@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ УСПЕШНОГО ОБУЧЕНИЯ РЕБЕНКА-ИНОСТРАНЦА

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF SUCCESSFUL LEARNING OF A FOREIGN CHILD

G. Altman

Summary. The article actualizes the problem of the success of training a foreign child. The author considers the solution of this problem from the perspective of taking into account national peculiarities in the implementation of pedagogical approaches to teaching. The study is based on the material of teaching music to foreign students in the framework of the Russian education strategies of the third millennium. As important components of the inclusive educational process of modern Russia, the author considers American, Asian, and European features of music education, traditions and pedagogical experience. In conclusion, it is proved that the teacher, along with many professional problems in education and training, especially foreign individuals, constantly clash with the cornerstone of ethnopsychological differences, which in this article is defined — because they are an important lever in the choice of the approach to teaching music Russian and foreign students.

Keywords: American, Asian and European features of music teaching, music education, modern Russia, education, music, musical performance, foreign students, individuals, psychology, differences, culturality, naturalness.

Альтман Галина Сергеевна

Директор, школа Галины Альтман; аспирант,
Московский городской педагогический университет
altman.altman.g@gmail.com

Аннотация. В статье актуализируется проблема успешности обучения ребенка-иностранца. Автор рассматривает решение данной проблемы с позиций учета национальных особенностей в реализации педагогических подходов к обучению. Исследование базируется на материале преподавания музыки иностранным учащимся в рамках стратегий российского образования третьего тысячелетия. Как важными составляющими инклюзивного образовательного процесса современной России, автором рассматриваются американские, азиатские, и европейские особенности обучения музыки, традиции и педагогический опыт. В заключении доказывается, что у преподавателя, наряду со многими профессиональными проблемами в воспитании и обучении, особенно иностранных индивидов, постоянно происходит столкновение с краеугольным камнем этнопсихологических различий, которым в данной статье даётся определение — поскольку они являются важным рычагом в вопросах выбора подхода к обучению музыке российских и иностранных учащихся.

Ключевые слова: Американские, азиатские и европейские особенности обучения музыке, современная Россия, образование, музыка, музыкальное исполнительство, иностранные студенты, индивиды, психология, различия, культуросообразность, природосообразность.

«В мире не было и нет человеческой особи, которая была бы внеэтнична»

Лев Гумилёв.

Происходящие в мире политические, экономические и социальные изменения на данный момент привели к массовой миграционной активности. Таким образом, население любой страны оказывается многонациональным. Например, по разным данным за 2015–2016 годы, количество обучающихся иностранцев в России составляет от 3% до 6% [1]. Государство ориентирует преподавателей на воспитание любой социально активной личности, но на деле обозначается противоречие, так как преподаватели учебных заведений оказываются неподготовленными к такой социокультурной действительности. В то же время очевидно, что каждый человек имеет право на сохранение своей культуры, самобытности, народности и этнокультурное развитие. Согласно Указу Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий

в интересах детей на 2012–2017 годы», одними из ключевых позиций являются: «Максимальная реализация потенциала каждого ребенка. В Российской Федерации должны создаваться условия для формирования достойной жизненной перспективы для каждого ребенка, его образования, воспитания и социализации, максимально возможной самореализации в социально позитивных видах деятельности»;

Рассмотрим все понятия, необходимые для решения поставленных нами вопросов.

Рассмотрим понятия этнос, этнокультурное образование, этнокультурное воспитание.

Определение «этноса» (если быть точнее, то Ethnizitat «этничности») предлагает нам Макс Вебер (известный социолог): «этничность является принадлежностью к этнической группе, которая объединена культурной однородностью и верой в общее происхождение» [2].

Понятие этноса – соотносится с утверждением его базовой данности, составляющей основу всей структуры социума. Языковые особенности, культура, а также знание об истоках, традициях и обычаях есть у любого человека. Данный комплекс понятий существенно варьируется от общества к обществу. Основополагающей матрицей такого комплекса (то есть сочетания всех элементов, иногда собирательно называемых «культурой») и является этнос.

Понятие «этнокультурное образование» рассматривает В.К. Шаповалов. В его исследовании этот процесс определяется как обеспечение ориентации образовательного процесса и развитие личности как субъекта этноса.

Стоит также рассмотреть понятие «этнокультурное воспитание». Этническое воспитание нацелено на формирование человека как личности и сохранение культуры предков наряду с культурным плюрализмом. В этом случае нам необходимо стоит обратиться к трудам А. Кардинера, который демонстрирует несколько иной подход к понятию этнокультурности [3].

Считается, что характер является устойчивой характеристикой. Однако, по мнению А. Кардинера характер — это то, что являет собой усвоенные каждым человеком культурные нормы, содержащиеся в структуре социума, где присутствует человек, то есть «базисная структура общества». Личностная структура служит матрицей для развития характера, то есть личность формируется именно на базе своего сходного опыта в раннем детстве. Кардинер выделяет четыре стороны базисного опыта, формирующего личностный тип:

1. опыт, полученный на ранних стадиях развития, оказывает пролонгированное влияние на развитие и становление личности;
2. опыт, являющийся сходным, оказывает воздействие на формирование аналогичных личностных структур;
3. практический опыт, полученный в процессе воспитания, моделирует сходные культурные модели, которые, однако, не всегда идентичны в различных социальных микрогруппах;
4. воспитание личности в разных обществах различно.

Особо значимое влияние на подрастающую личность оказывают социальные паттерны и установки, сформированные в контексте обычаев, традиций, нравов. Они дифференцируются на первичные институции (семейная организация) и вторичные институции (религия, фольклор, ритуалы, способы мышления). Базисная структура, однажды утвердившись, определяет реакцию человека на иные институции, с которыми ему приходится стал-

киваться. За изменениями в определенных институциях, таким образом, следуют изменения в базисной личностной структуре, что в свою очередь приводит к модификации и реинтерпретации существующих институций.

В современном мире принцип этнокультурности очень актуален для преподавателя любого направления [4]. В связи с этим возникает необходимость формирования этнокультурной компетенции у специалиста, работающего в сфере педагогики, которое предполагает введение ребёнка в родную для него культуру, а если быть точнее — ненасильственность в освоении новых культурных норм, его выведение из состояния дискомфорта и стресса. Задача этнокультурного воспитания — научить ребёнка анализировать свою культуру, при этом находя общее и различное в окружающей социальной среде. Специалисту, работающему данным направлением, важно иметь непредвзятую позицию, быть непредубеждённым, являясь человеком космополитического склада [5]. Таким образом, этнокультурное образование поможет:

- ◆ выделить и дифференцировать этнокультурные различия и применить их в обучении;
- ◆ определить вектор обучения конкретного индивида;
- ◆ обеспечить логику, структуру и процесс обучения;
- ◆ адаптировать индивида к новым культурным системам и обществу.

Для педагогов освоение этнокультурного образования в связи с внедрением новых поликультурных норм, означает возможность развить такие понятия как этнокультурная толерантность, поликультурный диапазон, и разработать новые формы и методы уроков.

Сообразно этому, этнокультурный подход к обучению — это основополагающее теоретическое и методологическое обоснование для новой задачи в рамках современного российского образования [6]. Оно должно способствовать уважению человека (индивида) как к своему этносу, так и к другим, находящимся в любой социальной среде; уважение к культуре толерантности, консолидации, гармонизации межэтнических взаимоотношений, а также к ретрансляции своей культуры. Всё это подводит нас к роли музыкального образования в этнокультурном образовании [7].

Культуросообразность представляет собой учет условий, в которых социализируется личность на основе культуры, сформированной в данном обществе, в ходе воспитательной и образовательной деятельности. Концепты необходимости эскалации роли культуросообразности были осмыслены и изложены немецким педагогом-классиком Ф. А. В. Дистервегом, который разработал теорию развивающего обучения. Придавая высокий смысл просветительской деятельности в обществе, Ди-

стервег относит к спектру задач школьного образования воспитание гуманизма и сознательности граждан. К основным принципам воспитания он относил принцип природосообразности, учитывающий индивидуальность проявления психических, физических и психофизиологических особенностей личности, а также принцип культуросообразности и самостоятельности, раскрывающие творческое развитие личности [8].

Состояние и уровень культуры каждого народа выступает в качестве фундаментальной основы, на которой, с точки зрения Дистервега, формируются новые поколения человечества. Данная ступень культуры, которая характеризует общество, предопределяет стратегию образовательной политики, соответствующую культуросообразности, т.е. действующую согласно требованиям культуры с целью воспитания высокообразованных людей. Однако, Дистервег, не исключал возможности возникновения противоречий между двумя принципами: природосообразности и культуросообразности, как бы предвосхищая «философские споры» между социологизаторской и биологизаторской позициями. В результате этого, мы можем сделать вывод, что культуросообразность есть принятие природы, противодействие влиянию ложного образования, ложной культуры.

В XX в. произошла фундаментальная расстановка понятий «культура» и «культурность», которые когда-то были синонимизированы. Возникла специфическая пропасть между феноменами культуры и феноменами просвещения, образования и цивилизации. Современное образование как продукт эпохи Просвещения олицетворяло своеобразные ростки великих открытий первого времени научной революции.

Обращаясь к уникальному, самообразованному, духовному миру человека, мы неизбежно замыкаем его на событиях, отношениях и возможностях, лежащих в той культуре, которой образован, из которой себя построил и внутри которой себя обрел человек. Речь идет о внутренней культуре личности. Вхождение в культуру, духовная жизнь человека в ней, осознание целостности и неразрывности мира, способность познания и восприятия другого «я», осмысление собственного исторического прошлого в познании и в сравнении с историей и культурой других народов — раздвигают границы собственного бытия человека, обогащая его внутренний мир. Реализация парадигмы человек — мир является для нас принципиальным вектором движения педагогического общества.

Деятельность любого педагога должна базироваться на статьях Конвенции Юнеско. В статье 2 Конвенции ЮНЕСКО дается следующее определение нематериальному культурному наследию:

«Нематериальное культурное наследие» означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, взаимодействия с природой и историей, формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействует, тем самым, уважению многомерности культур и творческого потенциала человека. Для реализации целей настоящей Конвенции берется во внимание только то нематериальное культурное наследие, которое согласуется с существующими международно-правовыми актами по правам человека и требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами, а также является базой устойчивого развития».

Творчество педагога, независимо от его национальности, «всегда связано со стремлением идти вперед, к лучшему, к прогрессу, к самосовершенствованию, к прекрасному» [9, с. 96].

И именно творческую активность в человеке воспитывает музыкальное искусство. Чем раньше начать занятия музыкой, тем вероятнее, что «творческие возможности субъектов не погаснут со временем, а, развиваясь, помогут вырастить личность, проявить творческую активность во всех сферах деятельности» [10, с. 101].

Музыкальная культура является органической частью культуры народа, к которому принадлежит каждый человек, или среди которого он живет. «Без музыки трудно убедить индивида, который изучает этот мир, в том, что человек прекрасен» [11, с. 41].

Данное убеждение характерно для любого этноса.

Одна из основных задач, которую ставит перед собой педагог — это сделать музыкальное искусство постоянной потребностью начинающего музыканта, объектом его интереса. Однако музыка и музыкальное искусство может выполнить свою эстетическую, познавательную и воспитательную роль у экспатов только тогда, когда иностранные субъекты научатся по-настоящему слышать ее и размышлять о ее роли, быть «на одной волне» со своими социокультурными нормами.

Для составления корректного педагогического маршрута, преподаватель должен в первую очередь дифференцировать возможности обучающегося. В связи с этим, рассмотрим основные психоэмоциональные

различия у экспатов, поскольку это важная составляющая формирования изначальных способностей этносов.

Американский этнос

Психоэмоциональные особенности:

- ◆ Открытость;
- ◆ Напористость;
- ◆ Уверенность;
- ◆ Сверхиндивидуализм;
- ◆ Безоценочность.

В Соединенных Штатах образование можно проследить по исторической документации до колониальной эпохи. Среди коренных американцев (индейцы) до европейского и африканского поселений музыкальное образование было полностью вокальным. Также, в связи со смешением культур (европейской, африканской и коренной индейской) сформировались следующие физиологические черты [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18].

- ◆ Громкие голоса вследствие широкой диафрагмы
- ◆ Выраженное чувство ритма, в связи с присутствием с взаимопроникновением культур. (вследствие большого развития джазового искусства)

Методы, рекомендуемые к работе с такими экспатами:

- ◆ быстрая подача информации, чёткие задачи, отсутствие оценочных суждений, поощрение;
- ◆ быстрая смена деятельности;
- ◆ развитие моторной деятельности.

Европейский этнос

Психоэмоциональные отличия:

- ◆ Самоуважение;
- ◆ Толерантность;
- ◆ Индивидуализм;
- ◆ Свобода самовыражения;
- ◆ мотивация не на успех, а на развитие.

В Европе в связи с густонаселённостью идёт близкое сожительство очень разных народов, а также беженцев, чем и определяются психологические и физиологические черты последнее время (в связи с миграцией с востока). Музыка таится глубоко в сердце каждого африканца; она рассматривается как чисто духовная сущность — часть социального и духовного бытия личности; она неотделима от жизни, она — целительное средство для ума, тела и души. Музыкальное искусство в Африке передаётся устно, методом запоминания, с детства матери поют детям ритмические песенки, поют вместе, делая каждый-свой ритмический узор (например, во время ритуалов). В Европейской, или даже сказать западной культуре присутствует понятие «музыка ради музы-

ки», то есть освоение именно исполнительской части. То есть, присутствует элемент разрозненности, тогда как в культуре Африки-это немислимо в категории раздельности [19]. В связи с внедрением новой культуры-вносятся новые физиологические черты:

- ◆ Развитый гармонический слух, вследствие постоянного пребывания в многоголосном хоре-воспевание Господа, работа в поле; по отношению к коренным европейским народам- раннее обучение музыки, следствие этого, как фактор:
- ◆ выраженное чувство ритма, в связи с присутствием с взаимопроникновением культур.

Методы, рекомендуемые для работы с европейским этносом:

- ◆ активное поощрение индивидуальности;
- ◆ безоценочность;
- ◆ активно изучать многоголосную (полифоническую) музыку;
- ◆ активное сочинение музыки, импровизация.

Азиатский этнос

- ◆ Вежливость;
- ◆ Фатализм;
- ◆ Коллективизм;
- ◆ Закрытость.

В Азиатской культуре начальная музыкальная школа практически не присутствует. Но вследствие особенностей основного языка, основанного на тонах, у детей развивается способность к лучшему воспроизведению тонов и мотивов. Итак, мы подошли к физическим отличиям

- ◆ абсолютный слух;
- ◆ склонность к гиперэластичности.

Методы, которые стоит учитывать в работе с азиатского этноса:

- ◆ последовательная подача информации;
- ◆ ненасильственность;
- ◆ упражнения на развитие импровизационных навыков;
- ◆ упражнения на развитие пальцевых мышц.

Стоит заметить, что также все представляемые здесь этнические группы — за исключением, пожалуй, европейского этноса — предпочитают создавать в социуме, где они пребывают, свои собственные «диаспоры». Из этого следует, что они не хотят внедряться в представленное общество, а нуждаются в сохранении своей собственной культуры. Многие из перечисленных аспектов развития личности имеют прямое отношение к восприятию и к процессу формирования творческих способностей. Анализ этнокультурных различий при-

водит нас к выявлению следующих педагогических условий:

- ◆ знакомство с ценностными, культурными, образовательными нормами ребёнка, с которым возникает необходимость работать (и применение их на практике);
- ◆ разработка индивидуального педагогического маршрута, способному к трансформации и развитию;
- ◆ применение новых для педагога методик и способов обучения;
- ◆ поддержка способностей к социокультурному общению ребёнка, развитие его эмпатийного и дружелюбного восприятия;
- ◆ способствовать сохранению своих культурных ценностей и при этом помощи в адаптации в иноязычной среде;
- ◆ разработка пошаговой технологии знакомства, общения и проведения уроков, направленными на творческий рост;

Часто у педагога возникают вопросы, такие как: «стоит ли переучивать ребёнка», «есть ли необходимость исправлять руку», «нужно ли прививать свой язык и нормы своего социума»? На эти вопросы нет однозначных ответов, однако, следует предположить, что, исходя из данного исследования, стоит воздержаться от вышеперечисленного, придерживаясь правил и норм, присущих представляемому индивиду и его этносу. Таким образом мы видим различия в культурных устоях, психоэмоциональных и физических особенностях, и как следствие возможностям к адаптации в иноязычной среде. Всё это даёт нам предпосылку к созданию способа определения особенностей и способностей, а также обязательной разработке индивидуального маршрута педагога к каждому ученику, относящемуся к другому этносу, которая будет служить к динамике развития каждого учащегося и формированию его эстетического роста.

В исследовании проведен компаративный анализ с целью выявить общие и дифференцированные черты и, в будущем, помочь педагогам справиться с рядом проблем в работе с разнообразного этноса, а также системой ценностей и структурой личности. Выделим несколько основных педагогических принципов работы:

- ◆ принцип интегрирования: процесс объединения частей педагогического процесса в одно целое — соединение культур и обучения, создание многонациональных образовательных парадигм;
- ◆ принцип диалога культур: постоянный обмен этнокультурными смыслами в педагогическом процессе, становлением ценностных и гуманитарных ориентаций [20];
- ◆ принцип культуротворчества: стимулирование творческой активности, смыслов, инкультурация творческого процесса.

Исследование этнокультурной дифференциации требует методологической основы и предполагает новые сущностно-системные ориентиры.

Это должно привести к обеспечению уровня развития личностного, поликультурного, межкультурного общения, чтобы сохранить взаимодействие этносов. В таком случае каждый ребёнок сможет реализоваться творчески, почувствовать свою защищённость и принадлежность к родному этносу; поможет ребёнку сохранить свою культуру (отличную от другой) и внести новые жизнедеятельные послы в его жизнь.

Смотря на поликультурное сообщество, этнокультурное образование обеспечивает соединение российского образования с мировым.

Таким образом важность и актуальность рассмотренной проблемы очевидны и проводимые опыты, ее решения, необходимо использовать в российском современном образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтман, Г. С. Индивидуализация обучения иностранных учащихся в учреждениях дополнительного образования / Г. С. Альтман, А. Б. Каширская // Инновационные процессы в культуре, искусстве и образовании: коллективная монография. — М.: Интерактив плюс, 2016. — С. 13–16.
2. Теоретические наследие М. Вебера и проблемы этничности в современной социологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kazedu.kz/referat/79416>
3. Кардинер, А. Психоаналитические теории личности [Электронный ресурс] / А. Кардинер. — Режим доступа: <https://psy.wikireading.ru/24850>
4. Альтман, Г. С. Музыкальное образование в России и за рубежом: к проблеме этнопедагогических основ музыкального образования [Электронный ресурс] / Г. С. Альтман. — Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_2500-0039_2017_4_01.pdf
5. Бодина, Е. А. Современный опыт и тенденции развития музыкального образования в России и за рубежом / Е. А. Бодина // Перспективы исследования современных проблем педагогики: сборник материалов конференции Института культуры и искусств ГАОУ ВО МГПУ/ Коллективная монография. — М.: Экон-информ, 2017. — С. 5–20.
6. Карпушина, Л. Этнокультурный подход к образованию: к сущности вопроса [Электронный ресурс] / Л. Карпушина. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnyy-podhod-k-obrazovaniyu-k-suschnosti-voprosa>

7. Бодина, Е. А. Современный опыт и тенденции развития музыкального образования в России и за рубежом / Е. А. Бодина // Перспективы исследования современных проблем педагогики: сборник материалов конференции Института культуры и искусств ГАОУ ВО МГПУ/ Коллективная монография. — М.: Экон-информ, 2017. — С. 5–20.
8. Энциклопедия культурологи. Культуросообразности принцип [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/455/КУЛЬТУРОСООБРАЗНОСТИ
9. Колесникова, И. А. Коммуникативная деятельность педагога / И. А. Колесникова // Учебное пособие для студ. высш. пед. уч. заведений / Под ред. И. А. Сластёнина. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. — 336 с.
10. Холопова, В. Музыка как вид искусства: [в 2-х ч.]: учеб. пособие для студентов вузов искусств и культуры [Текст] / В. Н. Холопова. Моск. гос. конс. им. П. И. Чайковского. — СПб.: Лань, 2000. — 319 с.
11. Щербакова, А. И. Философия музыкального искусства и образования в подготовке современного педагога-музыканта / А. И. Щербакова. — М., 2007. — 320 с.
12. Общее понятие американского образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://studyusa.com/ru/a/>
13. Система образования в Соединенных Штатах Америки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://elckiev.org/ssha/sistema-obrazovaniya-v-soedinennyx-shtatax-ameriki.html>
14. 6 лучших музыкальных школ США [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.forumdaily.com/6-luchshix-muzykalnyx-shkol-ssha/>
15. Gillespie, Nick. Government Waste, From Arts Funding to Education and Defense [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nytimes.com/roomfordebate/2013/10/08/what-federal-spending-are-we-better-off-without/government-waste-from-arts-funding-to-education-and-defense>
16. MENC: The National Association for Music Education and the nine National Music [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mustech.net/projects/music-ed-standards/>
17. 1111 Music: CountUsIn [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.saac.qld.edu.au/blog/music-count-us-0>
18. NCCAS Releases Update on State Arts Standards Adoption [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nccas.wikispaces.com/>
19. Hargreaves, D. J., North A. C. Musical Development and Learning: The International Perspective. — London — N. Y.: Continuum, 2001. — 206 p.
20. Тыщенко, В. П. Философия культуры диалога. Введение / В. П. Тыщенко. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1993. — 212 с.

© Альтман Галина Сергеевна (altman.altman@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский городской педагогический университет

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

ANALYSIS OF PROBLEMS OF PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS IN HIGHER SCHOOL

**O. Antselevich
M. Angelova
T. Kolchugina**

Summary. At present, the importance of education in society has increased promptly. Its quality becomes one of the main factors determining the level of development of the state, the well-being of its citizens. In the context of political and economic reforms in Russia new requirements for the education system were put forward and they must be implemented in the training of specialists.

Keywords: integration process, professional competence, higher school, educational system.

Анцелевич Ольга Васильевна

*К.п.н., доцент, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске
ancelevich@mail.ru*

Ангелова Марина Николаевна

*К.и.н., доцент, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске
ang-mar@mail.ru*

Кольчугина Татьяна Анатольевна

*К.ф.н., доцент, Пятигорский государственный университет
kta987@rambler.ru*

Аннотация. В настоящее время значение образования в жизни общества резко возросло. Его качество становится одним из основных факторов, определяющих уровень развития государства, благополучие его граждан. В условиях политических и экономических реформ в России выдвигаются новые требования к системе образования, которые необходимо реализовать в профессиональной подготовке специалистов.

Ключевые слова: процесс интеграции, профессиональная компетентность, высшая школа, образовательная система.

В связи с процессом интеграции России в мировое сообщество возникла необходимость в специалистах нового мышления, которые отвечают современным требованиям рынка труда. Нынешним экономистам помимо высокой успеваемости по специализациям необходим высокий уровень владения иностранными языками, опыт работы на компьютере и коммуникативные навыки и др.

В настоящее время экономика остро нуждается в специалистах — профессионалах. Но «чистый» профессионал, не чувствительный к другим, не умеющий работать в коллективе, не способный к совместному использованию знаний, в большей мере создает помехи, чем приносит пользу на современном предприятии.

Особенно это относится к экономистам-менеджерам, работа которых в основном связана с человеческим фактором и овладением человековедческими технологиями. Широко известный бизнесмен, президент корпорации «Крайслер» Ли Якокка, в своей деятельности основным считает работу с людьми. Учась в Лихайском университете, он изучал, помимо инженерных и экономических дисциплин, в течение четырех лет психологию и психопатологию. В книге «Карьера менеджера» он писал: «... я вовсе не иронизирую, когда утверждаю, что эти предметы, вероятно, были самыми ценными из всех

университетских дисциплин...». Традиционный взгляд на управленца как на человека с большим жизненным и профессиональным опытом, отсутствие опыта по осуществлению базовой профессиональной подготовки новых менеджеров порождает вопрос: правомерно ли ставить и решать проблему подготовки к управленческой деятельности вчерашних школьников — нынешних студентов? Психолого-педагогическая наука не располагает данными о прямом влиянии молодого или пожилого возраста на эффективность управления. Однако, как справедливо заметил В. И. Андреев в работе «Педагогика творческого саморазвития»: «Способность к управленческой, предпринимательской деятельности, как и другие личностные качества, проявляется сравнительно рано, хотя мы этому порой и не придаем особого значения. Однако в последние годы внимание педагогов и психологов к этой проблеме и за рубежом, и особенно у нас в стране, резко изменилось... Если мы хотим иметь в нашей стране кадры для управления..., то к этой проблеме подготовки менеджеров необходимо подойти с точки зрения развития тех природных, личностных качеств, которые отличают талантливого менеджера от посредственного руководителя» [2, с. 5]. Мы полностью разделяем мнение А. Шипиловой, которая считает, что категория «профессиональная компетентность» определяется, главным образом, уровнем профессионального образования, опытом и индивидуальными способностями человека,

его мотивированным стремлением к непрерывному самообразованию, творческим и ответственным отношением к делу. Составляющие всех этих качеств должны присутствовать не только в структуре содержания общего образования, но и в «структуре грамотности», которая востребуется и актуализируется на профессиональном уровне, а также тех ее компонентов, которые могут быть отнесены не столько к предметному содержанию, сколько к формируемым качествам личности: творчеству, настойчивости, стремлению к приобретению новых знаний, высокой нравственности и т.д., без чего немислим подлинный профессионализм [6].

Ценностной основой в управлении становится интеллект человека, профессиональная компетентность и реализация ее на практике. Главным компонентом квалификации в организации административного управления становится качество профессионального образования, которое характеризуется интеллигентностью, профессионализмом и специализацией.

В.М. Шепель считает, «что интеллигентными люди не рождаются, а становятся в силу своей всесторонней образованности, человеколюбия, разумности поведения. Своеобразной несущей конструкцией всего этого выступает гуманитарная культура личности» [5, с. 7]. Нельзя не согласиться с его мнением, что отношение к гуманитарному знанию является своеобразным тестом для тех, кто хочет быть бизнесменом и менеджером. Благодаря гуманитарным знаниям человек приобретает возможность вбирать в себя различную информацию, подвергать ее чувственной и рациональной обработке. Эти знания выступают важнейшим условием деятельности интеллекта, проявления мыслительных способностей.

Менеджмент во всех странах мира формируется на основе национальных традиций, культуры и менталитета наций. Это обстоятельство требует пересмотра содержания сложившейся традиции управления в России. Высказывание О. Вихановского актуально и сегодня: «У нас же школы бизнеса создаются почти также легко, как и ларьки по продаже шашлыка на бойких перекрестках. При этом следует отметить, что буквально единицы на всю страну более или менее разбираются в современном бизнесе и менеджменте, и уж совсем считанные единицы могут преподавать, используя необходимые методические приемы обучения и тренинга» [3, с. 17].

В нашем обществе уже созрело понимание необходимости профессионального отношения к управлению предпринимательской деятельностью. Тяжелое положение, в которое попали сегодня некоторые предприятия и вузы, во многом результат неумения управлять развитием своих структур, вести поиск новых решений.

Анализ основных проблем развития менеджмента в России провел Центр международных образовательных программ по инициативе Национального фонда подготовки финансовых и управленческих кадров (НФПК). Было установлено, что свыше половины руководителей учебных заведений отметили в качестве проблемы «номер один» ориентацию преподавателей на традиционные методы обучения (57%), а 39% констатировали характерное для профессоров незнание сущности современного российского бизнеса, практики управления в современных условиях, неумение увязать научные и прикладные аспекты обучения. Доверие к обучению часто зависит от практического опыта преподавателя, от того насколько он сам связан с предпринимательской деятельностью. Сегодня чаще всего преподают те, кто сами никогда не занимались предпринимательством. На Западе поработавшие бизнесмены охотно завершают свою трудовую деятельность в качестве преподавателей и консультантов. В России те, кто может достичь успеха в бизнесе, им и занимаются. Таким образом, при подготовке предпринимателей-управленцев для сферы бизнеса традиционные методы обучения являются неэффективными [4].

Для понимания специфики подготовки предпринимателей — управленцев следует учитывать, что такая подготовка существенным образом отличается от других видов образовательной деятельности. Цель такого образования — не только повышение общего уровня, но и получение таких знаний, которые можно буквально сразу же применить на практике.

Второй проблемой, выявленной на основе анализа, является слабая учебно-методическая база вузов. Реальным сдерживающим фактором развития учебно-методической базы менеджмента признается слабость профессорско-преподавательского корпуса. По мнению М.Б. Алексеевой, «... в России появилась тенденция изучать новые социально-экономические явления, такие как бизнес, менеджмент, маркетинг и другие на примере различных западных школ (американских, западно-европейских и японских), тем самым привнося чуждые для нашего народа (сформированного в советский период) идеи меркантильности и частной собственности. Рыночные идеи сейчас во всем мире подвергаются жесткой критике и переосмыслению на основе нравственно-этических критериев». [1, с. 34] Мы согласны, что перенос целиком теоретических схем эффективного ведения бизнеса, построенных на использовании зарубежного опыта, неадекватен российской действительности и зачастую ей противоречит. Но, касаясь этой проблемы, преподаватели должны уяснить весьма серьезные «расхождения» в российской и зарубежной моделях менеджера. Основные причины этого в следующем:

а) на Западе менеджмент — сфера профессиональной деятельности: менеджеры и наемные работники разделены и часто конфликтуют. В России всегда существовало понятие «трудовой коллектив», где серьезных границ между руководителем и подчиненными не было. В частном бизнесе и сейчас они образуют «одну команду»;

б) западный менеджмент основан на профессионализме (ставка на закон, планирование и анализ, деловая этика и т.д.).

Знание зарубежного опыта ведения бизнеса и менеджмента, умение оценить преимущества, осознать неадекватность некоторых положений российской действительности необходимо будущему экономисту-менеджеру.

Способность студентов со второго курса читать неадаптированную специальную литературу и периодику не только для «домашнего чтения» на занятиях английского языка, но и для получения новой информации по специальным предметам, улучшает профессиональные знания наших студентов и повышает мотивацию изучения иностранного языка в вузе.

На сегодняшнем рынке немало литературы по менеджменту. По опросу НПФК, ее содержательный уровень не отвечает потребностям обучаемых. Преимущество было отдано переводным источникам, в которых, однако, не учтена российская специфика. НПФК приступил к реализации проекта, связанного с разработкой комплекта учебных материалов по менеджменту, ориентированных на подготовку и повышение квалификации менеджеров-практиков. Выработке практических навыков в этом проекте уделяется не меньше внимания, чем приобретению новых знаний. Фонд предпринял меры по изучению опыта ведущих школ бизнеса Западной Европы (Международного института менеджмента, одного из ведущих европейских центров бизнес-образования, где ежегодно проходят обучение свыше 3600 менеджеров, Британского института менеджмента, чьи программы ориентированы на индивидуальное обучение менеджеров в соответствии с теми задачами, которые они решают для своих фирм).

Проект предусматривает привлечение к участию в программе практикующих менеджеров, которые будут преподавать и консультировать в области менеджмента. Проект создавался на базе методического материала российских высших школ менеджмента с учетом российской специфики и опыта зарубежных школ, имеющих академические навыки работы в сфере рыночной экономики.

Сегодня в профессиональной высшей школе понимают, что цель образования не только повышение общего

уровня знаний, но и получение таких знаний, которые можно сразу применять на практике. Именно это служит мерилем успеха образовательного учреждения и залогом его устойчивого состояния в будущем.

Цели этого проекта в следующем:

- ◆ содействовать развитию цивилизованных рыночных отношений в российской экономике, обеспечив комплексную поддержку становления предпринимательства;
- ◆ реализовать масштабную программу профессиональной подготовки менеджеров современного уровня, специалистов в области управления и финансов, способных успешно работать в условиях рынка.

По анализу Национального фонда подготовки кадров на опрошенных предприятиях нет внешнего дефицита специалистов по управлению персоналом. Вместе с тем, у компаний с иностранным капиталом мнение прямо противоположное: найти на российском рынке труда специалиста по управлению человеческими ресурсами не легче, чем финансового директора. Руководители предприятий имеют смутные представления о наличии квалифицированных менеджеров на рынке труда. Сегодня еще очень редко используется такая форма связи, как отделы по трудоустройству в самих учебных заведениях, которые целенаправленно ищут работодателей, распространяют информацию о выпускниках, организуют интервью с ними и т.п. За рубежом студенты примерно за год до окончания обучения начинают искать место будущей работы. Пишется «резюме» на самого себя и рассылается по фирмам или посылается в Интернет. Представители фирм приезжают на выпускные экзамены престижных вузов с заявками на будущих специалистов и по конкурсу выбирают кандидатуры для трудоустройства на своих фирмах.

С нашей точки зрения, интересен опыт Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в Пятигорске, в котором была создана служба по трудоустройству выпускников, входящая в структуру отдела кадров.

Кандидатуры выпускников включены в банк данных, проводится сплошное анкетирование выпускников по специально разработанной форме и одновременно анализируется соответствие уровня подготовки выпускников требованиям рынка.

Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ проблему трудоустройства выпускников решает совместно с администрацией г. Пятигорска. Создан Пятигорский городской студенческий Совет при отделе по делам молодежи в администрации города. В Совете существует банк данных на выпускников ву-

зов. Совместная работа с администрацией и разными предприятиями, и фирмами города позволяют выявлять спрос на специалистов в районе КМВ. Выпускники, прошедшие анкетирование, тесты и отвечающие требованиям работодателей, на конкурсной основе получают возможность трудоустроиться на вакантную должность.

Таким образом, приведенный выше анализ проблем профессиональной подготовки студентов позволяет сделать выводы о том, что

- ◆ отставание реформ образовательной системы от реформ в общественной жизни — один из факторов нестабильности экономики в России;
- ◆ состояние высшего экономического образования требует новой стратегии развития, так как углубляющийся разрыв между уровнем образования, в котором нуждается современная экономика, и тем, что дают высшие учебные заведения, приводит к тому, что их выпускникам не хватает профессиональных качеств;

- ◆ существует оторванность учебных программ от реальности современной экономики и практики;
- ◆ в стандартах мало учтен человеческий фактор и нравственно-этические ценности;
- ◆ гуманизация системы образования определяет основное содержание социального заказа в данный период. Нравственный потенциал личности, его интеллект, интеллигентность и профессионализм становятся основными компонентами профессиональной квалификации;
- ◆ требуются быстрые и эффективные меры по укреплению учебно-методической базы и формированию нового корпуса преподавателей, которые не только используют традиционные методы обучения, но имеют практический опыт работы в бизнесе;
- ◆ необходимо создание отделов по трудоустройству выпускников в самих учебных заведениях, что поможет не только решению проблемы безработицы, но и повышает престиж вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева М. В. Системное управление подготовкой профессионалов (методология и методы) / СПб ГИЭА. — СПб, 2007. — 131 с.
2. Андреев В. И. Педагогика творческого саморазвития. — Казань: Изд-во КГУ, 2010. — С. 5–6.
3. Вихановский О. Кто поведет к рынку // Вопросы экономики. — 1992. — № 1. — С. 17.
4. Каганов В., Мухин А., Толоконников А. Технология подготовки предпринимателей // Alma mater. — 2011. — № 2. — С. 42–45.
5. Шепель В. М. Настольная книга бизнесмена и менеджера (Управленческая гуманитарология). — М.: Финансы и статистика, 2002. — 240
6. Шипилина Л. Подготовка менеджеров образования // Высшее образование в России. — М., 2012. — № 6. — С. 26–33.

© Кольчугина Татьяна Анатольевна (kta987@rambler.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пятигорский государственный университет

МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ШКОЛЕ

METHODS OF TEACHING PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN SCHOOL

**S. Garbuzov
N. Satosova**

Summary. This article describes the main approaches to physical education in school, which are part of the General methodology of teaching physical education in school. Also, the main stages of methods of teaching the subject «Physical culture», given their substantive characteristics and features of the formation of methods of the relevant periods. The modern state of teaching of physical culture and sports in schools is considered, the problems accompanying training and tasks of development of methodology of teaching are defined.

Keywords: physical development, physical culture, schoolchildren, sports exercises, teaching methods, school program, integrated approach.

Физическая культура является одним из аспектов общей культуры общества, сферой социальной деятельности, направленной на укрепление здоровья личности, развитие физических способностей, применение физических навыков населения на благо общества. Основными показателями уровня физической культуры в обществе являются здоровье и физическое развитие населения, роль физической культуры в воспитании и образовании, производстве, повседневной жизни, структура свободного времени; другими важными показателями являются качество физического воспитания, организация любительского спорта, победы в крупных спортивных соревнованиях.

Основными формами физической культуры являются физические упражнения; серия физических упражнений и физических соревнований; закаливание тела; гигиена труда и быта; физические упражнения, такие как походы, езда на велосипеде и катание на лодках; и физический труд как отдых для людей, которые работают на сидячих работах [1].

В социалистическом обществе Физическая культура является правом народа и важным средством воспитания нового человека, гармонично сочетающего интеллектуальное богатство, нравственную чистоту и физическое совершенство.

Гарбузов Сергей Петрович

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет»
garbuzow.sergey2017@yandex.ru*

Сатосова Наталья Леонидовна

*К.б.н., доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет»
natalis-74@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные подходы к физкультурному образованию в школе, которые являются частью общей методики преподавания физической культуры в школе. Также определены основные этапы методики обучения предмету «Физическая культура», дана их содержательная характеристика и особенности формирования методик соответствующих периодов. Рассмотрено современное состояние преподавания физической культуры и спорта в школах, определены проблемы, сопровождающие обучение, и задачи развития методологии преподавания.

Ключевые слова: физическое развитие, физическая культура, школьники, спортивные упражнения, методика преподавания, школьная программа, комплексный подход.

В настоящее время особое внимание уделяется укреплению здоровья школьников. Они испытывают серьезные эмоциональные и умственные перегрузки во время учебы, особенно во время экзаменов, им необходимо «выплеснуть» все свои знания, полученные в течение 6–12 месяцев обучения в течение 3–4 недель. Такие испытания, в течение длительного цикла обучения, существенно влияют на функции тела и ума студента. В конечном итоге школьник приобретает проблемы со здоровьем. В то же время физическая активность и образ жизни школьников недостаточно используются в качестве важных факторов укрепления здоровья. Отсюда и задача ученического спорта и, соответственно, методик преподавания физической культуры — исключить возможность таких необратимых негативных последствий.

Поэтому школы должны обеспечивать учеников регулярными спортивными упражнениями, способствующими формированию культуры здоровья. Это должно быть основное направление школьных программ физической культуры. В течение длительного образовательного цикла ученики должны научиться самостоятельно совершенствовать свой адаптационный потенциал и в полной мере реализовать его в процессе будущей профессиональной деятельности с помощью физической культуры и спорта.

Очевидно, что из-за отсутствия таких условий количество учеников с особыми заболеваниями увеличивается. В целях устранения вышеуказанных проблем и достижения установленных целей повышения уровня здоровья школьников важно совершенствовать методики преподавания физической культуры и спорта в школах [5].

В учебной литературе выделяют несколько подходов к физкультурному образованию в школе, в том числе основанные на приоритете образовательной направленности учебной работы, на приоритете учета особенностей организации учебного процесса и на приоритете тренировочной направленности учебных занятий [2].

Если в основе преподавания физической культуры ставится ее образовательная направленность, то формирование школьной программы организуется с учетом либо комплексного, либо базово-вариативного, либо образовательного подходов.

Комплексный подход к организации преподавания физической культуры в школе предполагает внедрение физкультурных занятий и в сам учебный процесс, и в рамках уроков физкультуры, и посредством проведения общешкольных и внеклассных физкультурных мероприятий. Базово-вариативный подход схож с комплексным в части организации занятий физкультурой. Вместе с тем, он учитывает местные (социально-культурные) и региональные особенности обучения школьников. В основе образовательного подхода лежит идея формирования у школьников знаний и двигательных умений, и навыков. Второстепенными задачами в рамках указанного подхода являются укрепление здоровья школьников, развитие физической способностей и качеств, рост интереса к спорту.

Все указанные подходы имеют как положительные, так и отрицательные особенности.

Так, к плюсам комплексного подхода можно отнести разностороннее развитие школьников, а к минусам — небольшое количество учебных часов на дисциплину, слабо развитый методический инструментарий обучения, отсутствие учета влияния региональных особенностей (климат, национальность, экология и др.).

Положительной особенностью базово-вариативного подхода является его достаточно развитая теоретическая составляющая, тогда как минусом подхода можно назвать невозможность использования иных вариантов обучения в рамках установленного федерального стандарта.

Образовательный подход к обучению физической культуре в школе учитывает свойственные конкретному возрастному этапу развития школьника наилучшее сочетание условий для формирования его антропологических, физических и психических качеств. Но в итоге это негативно сказывается на достижении иных воспитательных задач: повышению уровня здоровья организма, росту и развитию физических качеств и др.

В случае, если в основе преподавания физической культуры ставятся особенности организации учебного процесса, то формирование школьной программы организуется с учетом либо регионального, либо дифференцированного, либо инструкторского подходов.

В основе преподавания физической культуры школьников в рамках регионального подхода лежит учет климато-географических особенностей месторасположения учебного заведения. В рамках дифференцированного подхода к преподаванию принято выделять спортивное, физкультурное, физкультурно-спортивное и лечебное обучение школьников. Указанные виды обучения своей спецификой имеют именно цель преподавания, которые условно можно установить как подготовка юных спортсменов, укрепление здоровья школьников, развитие интереса к физкультуре, укрепление показателей здоровья отдельных категорий школьников из специальных медицинских групп (соответственно).

Дифференцированный подход к обучению физкультурой также подразумевает разделение на внутришкольные группы и внутри классные коллективы исходя из особенностей физического развития, что в итоге также накладывает особые техники обучения в зависимости от указанных делений.

Задачей инструкторского подхода является развитие у школьников самостоятельных умений по физическому совершенствованию, а основной функцией преподавателя — консультации и инструктаж об особенностях занятий физической культурой и спортом.

Указанные подходы также имеют как положительные, так и отрицательные особенности.

Минусом регионального подхода является тот факт, что в результате занятий физической культурой уровень такого развития существенно отличается в разных районах страны. Тогда как положительным моментом является тот факт, что учитывается именно внешняя среда, которая является важным фактором, влияющим на общий процесс занятий спортом.

Положительным моментом в рамках дифференцированного подхода можно установить более качествен-

ный процесс совершенствования физического развития школьников, тогда как отрицательной стороной является усложнений техник и методик преподавания, а также необходимость дополнительного исследования здоровья школьников.

Инструкторский подход с одной стороны несет развитие педагогики сотрудничества, а с другой — необходимость разработки новых технологий обучения и контроля за результатами.

В случае, если в основе преподавания физической культуры ставятся особенности тренировочной направленности учебных занятий, то формирование школьной программы организуется с учетом либо тренировочного, либо спортивно-видового, либо ежедневного подходов.

Тренировочный подход основа на проведение занятий физической культуры исключительно в форме тренировок, нацеленных на развитие работоспособности школьников и их здоровья.

Плюсом данного подхода является повышение уровня здоровья школьников, а минусом — узконаправленность занятий.

Спортивно-видовой подход отличается от иных методик преподавания физической культуры в школе именно тем, что в нем используется один или максимум два вида спорта, которые нацелены на развитие физических качеств школьников и их здоровья. Кроме того, используется одна программа методического обучения.

Ежедневные тренировки и занятия лежат в основе ежедневного подхода к организации занятий физкультурой. В результате повышается двигательная активность школьников и появляется привычка обучающихся к занятиям спортом.

Методика обучения предмету в разные периоды характеризовалась определенными характеристиками. Без учета опыта предыдущих поколений невозможно создать качественную методику преподавания, которая позволит достичь максимальных эффектов для школьников и их здоровья.

Так, до 1920 года (первый исторический период) предмет «физическая культура» только включался в учебные планы и только становился частью учебного процесса. На данном этапе только зарождалось понимание важности занятий физической культурой для подрастающего поколения. На втором этапе (с 1920 по 1940 годы) стала формироваться теоретическая база преподавания, учебно-методические комплексы и программы. Далее, на третьем этапе (с 1950 по 1970 годы) методологические основы преподавания укрепили свое положение, стала развиваться именно методология преподавания, школы обучения.

В период с 1980 по 2000 годы (четвертый этап) наблюдалось перерождение теории обучения в педагогическую систему преподавания учебного предмета и технику ее реализации. На пятом этапе (с 2000 по настоящее время) происходит постоянное совершенствование стандартов преподавания, нормативной базы в области преподавания физической культуры [4].

Развитие физической культуры и студенческого спорта, формирование здорового образа жизни молодежи являются приоритетами молодежной политики в современной России [3]. Федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения играют важную роль в реализации инициатив по созданию спортивных клубов и развитие спорта. Однако раздел «Физическая культура» этих стандартов недостаточно развит в теоретическом и технологическом аспектах, что существенно ограничивает возможности повышения адаптационного потенциала и здоровья школьников.

Кстати, в настоящее время важно обеспечить теоретическую и технологическую преемственность между школьниками и университетскими учебными планами по физическому воспитанию в основных аспектах физической культуры и спорта, повысить адаптационный потенциал и укрепить здоровье школьников. Кстати, преемственность компонентов системы физической культуры и спорта, связанных с дошкольным, общим средним, средним техническим образованием, высшим профессиональным, дополнительным и послевузовским профессиональным образованием, особенно важна сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С. В. Физическая культура и спорт в Российской Федерации: новые вызовы современности: Монография / С. В. Алексеев, Р. Г. Гостев, Ю. Ф. Курамин. — М.: Теор. и практ. физ. культ., 2013. — 780 с.
2. Архипова Л. А. Методика преподавания физической культуры в начальной школе: учебное пособие. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013. — 264 с.
3. Денисов Н. Л. Медико-профилактическая деятельность студентов / Успехи современного естествознания, 2008. — № 5. — С. 94–95.

4. Железняк Ю. Д. Методика обучения физической культуре: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Ю. Д. Железняк, И. В. Кулишенко, Е. В. Крякина; под ред. Ю. Д. Железняка. — М.: Издательский центр «Академия», 2013. — 256 с.
5. Кикотя В. Я. Барчукова И. С. Физическая культура и физическая подготовка: Учебник. / Под ред. В. Я. Кикотя, И. С. Барчукова. — М.: ЮНИТИ, 2016. — 431 с.

© Гарбузов Сергей Петрович (garbuzow.sergey2017@yandex.ru), Сатосова Наталья Леонидовна (natalis-74@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Арзамаский государственный педагогический университет

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК БЛАГОДАТНАЯ ТЕМА ДЛЯ ВИРТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ, РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ НАВЫКОВ И НАВЫКОВ АКТИВНОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ, ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

WORLD CULTURAL HERITAGE STUDIES AS A FRUITFUL TOPIC FOR LANGUAGE AND ACTIVE SEMANTISATION SKILLS DEVELOPMENT, VIRTUAL INTERNATIONAL COMMUNICATION PRACTICE, INTERCULTURAL COMPETENCY DEVELOPMENT

L. Devel

Summary. The relevance of intercultural education under international relations conditions, virtual intercultural dialogue, implementing data of the UNESCO World Heritage Centre and initiated by G7 on culture international photo contest «Heritage for planet Earth» is emphasized in the given case considering multicultural education significance. It is shown here how important the role of the sphere of culture in international relations is in particular for the intercultural competence development. Multiple international and Russian research works are grouped in the following way: in the aspect of post-modern theory, for the purposes of teaching and learning in professional education, works on multicultural and tolerance issues and others. Multicultural competence development with future linguists, translators-interpreters and learners in non-linguistic higher schools via virtual mobilization of the academic processes under conditions of international context communication enhance professional development and competitiveness, English language, semantisation skills, national self-identification (in the given case «faces of Russia»). The analysis of the semantisation is a food for thought and further research work on the structure of the meaning of the word «heritage». Description of the examples of two international projects on the topic of preservation and study of the world cultural heritage — the «Moscow — St. Petersburg TV bridge» on the basis of the Financial University under the Government of the Russian Federation, reveals the effectiveness of the practice of virtual intercultural communication for teaching the profession and language and is interesting for the international relations specialists in the sphere of culture, linguists, pedagogues and wider circles of readership and from the point of view of joining the project in upcoming academic year.

Keywords: international projects, intercultural communication, world cultural heritage studies, national self-identification, virtual mobilization of learning, multicultural competence.

Девель Людмила Александровна

*К. филол. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный институт культуры Министерства культуры России
miladevel@gmail.com*

Аннотация. В статье впервые актуализируется тема «сохранения и изучения мирового культурного наследия» в международных отношениях с использованием данных всемирного центра наследия ЮНЕСКО, инициированного «большой семеркой по культуре» всемирного фотоконкурса в связи с развитием языковых навыков, навыков семантизации, практики виртуальной межкультурной коммуникации в контексте поликультурного образования. Показана значимость сферы культуры в международных отношениях для развития поликультурного образования. Концепт поликультурного образования как направления в высшей школе рассматривается во всем мире (в том числе и в РФ) и отражен в исследованиях различных направлений: положениях постмодернистской теории культуры, «эволюции» образования и воспитания, проблемах межкультурной коммуникации и др. Выделены направления, представленные многочисленными исследованиями поликультурного образования: в свете постмодернистской теории культуры, работы по обучению студентов профессиональных учебных заведений, исследования проблем межкультурной коммуникации и толерантности и др. Развитие поликультурной компетенции будущих лингвистов, переводчиков и обучающихся в неязыковом вузе через виртуальную мобилизацию обучения в условиях межъязыковой коммуникации в международном контексте по данным отечественных и зарубежных ученых эффективно способствует профессиональному росту и конкурентоспособности специалистов, развитию их языковых навыков, навыков семантизации, национальной самоидентификации («лики России»), и играет в межкультурном диалоге важную роль. Характерны предварительные результаты анализа семантизации слова «наследие», приведенные здесь. Описание примеров двух международных проектов по тематике сохранения и изучения мирового культурного наследия — телемоста «Москва–Санкт-Петербург» на базе Финансового университета при Правительстве РФ и международного фотоконкурса «Наследие для планеты Земля», выявляет эффективность практики виртуальной межкультурной коммуникации для обучения профессии и языку, представляет интерес для занятых в сфере международных отношений, лингвистов, педагогов и широкого круга читателей, а также способствует дальнейшему расширению круга участников.

Ключевые слова: мировое историко-культурное наследие, семантизация, языковые навыки, национальная самоидентификация, виртуальная мобилизация обучения, межкультурная коммуникация, поликультурная компетенция, международные проекты.

Введение

Предмет и цель исследования.

Концепт поликультурного образования, в частности, в условиях международных отношений, как направления в высшей школе рассматривается во всем мире (в том числе и в РФ) и отражены в исследованиях различных направлений: положениях постмодернистской теории культуры, «эволюции» образования и воспитания, проблемах межкультурной коммуникации и др. [2; 6; 7; 8; 13].

При проведении исследования мы опирались на основополагающие теоретические труды зарубежных ученых по вопросам поликультурного (мультикультурного) образования (Дж. Бэнкс, П. Горски, К. Грант, Я. Гундара, Й. Ласонен, С. Ньето, А. Портера и др.), работы по межкультурной коммуникации (М. Бэннет, Г. Хофстеде и др.) и другие труды и направления исследований [15; 16; 17].

Цель исследования. На практических примерах исследовать эффективность темы, охарактеризовать способы семантизации слова *наследие*, виртуальный формат ее применения. В данном исследовании приводится важный пример внедрения проектов развития мобилизации обучения в виртуальном пространстве на английском языке в международном контексте с использованием идеи «сохранения культурного наследия» [12].

Описание методики исследования и обоснование ее выбора. Следует отметить, что тема «Сохранение и изучение культурного наследия» вызывает интерес специалистов различных сфер деятельности. Оргкомитет студенческого научного конгресса, куда вошли представители Московского финансового университета при правительстве РФ, Российского университета дружбы народов и Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого (далее СПбГПУ), пригласил присоединиться к участию в международном научном студенческом конгрессе-телемосте «Москва — Санкт-Петербург», посвященному сохранению всемирного культурного наследия, представителей Санкт-Петербургского государственного института культуры Министерства культуры РФ (далее СПбГИК; рабочий язык — английский).

Подготовка участников велась с использованием ресурса Центра всемирного наследия по специально подготовленным материалам, с использованием словарей и других справочных ресурсов, а также пособию, написанному на основе опыта проведения и участия в предшествующем проекте — международном семинаре во Флоренции (2015) [3; 18].

Со стороны СПбГПУ, гуманитарного института, руководителем проекта явилась проф. Н.В. Попова. Команда СПбГИК была сформирована на основе конкурсного отбора из числа будущих мульти дизайнеров, реставраторов предметов декоративно прикладного искусства, будущих дирижеров, пианистов, кинематографистов-документалистов. Отбор предваряли два этапа: на уровне учебной группы, а затем на уровне нескольких групп. В группах отбирались лучшие кандидаты, а затем выбранным участникам предоставлялась возможность конкурсных испытаний.

Для конкурса студенты заранее готовили выступление на английском языке на заданную тему, а затем выступали со своей речью не более 3 мин. Победителями становились те, кто смог раскрыть тему и убедить публику в верности своей позиции.

В телемосте «Москва–Санкт-Петербург» участвовали 4 победителя отборочных этапов в СПбГИК: 1 (Казахстан), 1 (Эстония), 1 (РФ, Латвия), 1 (РФ). В рамках телемоста были представлены следующие доклады:

Темы докладов команды СПбГИК

- ◆ Использование зданий историко-культурного наследия в образовательных целях — история сохранения памятника Федерального значения РФ «Дом Бецкого /дворец графа Ольденбург» у Летнего сада в СПб и Домского собора в Риге — памятника ЮНЕСКО (Е. Збрицкая, 2 курс; РФ, Латвия).
- ◆ Современный взгляд на положительные и отрицательные стороны популярности памятника ЮНЕСКО на примере мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави (Н. Новиков, 1 курс; Казахстан).
- ◆ Памятник ЮНЕСКО — центр Таллинна X–XIII вв. — критерии включения в список в 1997 г. (Д. Кошелева, 2 курс; Эстония).
- ◆ Международный фотоконкурс — «Наследие для планеты Земля», « (Heritage for Planet Earth — H4PE) — школа профессионального мастерства и поликультурного образования (Д. Агеев, 1 курс; РФ).

Необходимо отметить, что команда из Санкт-Петербурга благодаря тщательному формированию и подготовке, успешно выступила, выдержав регламент конгресса в виртуальном формате телемоста.

В целом в программе Международного научного студенческого конгресса «Проблемы сохранения культурного наследия в поликультурном образовании» в телемосте (ввиду технической и временной ограниченности формата) смогли поучаствовать 22 проекта. Были представлены следующие страны: Россия, Казахстан,

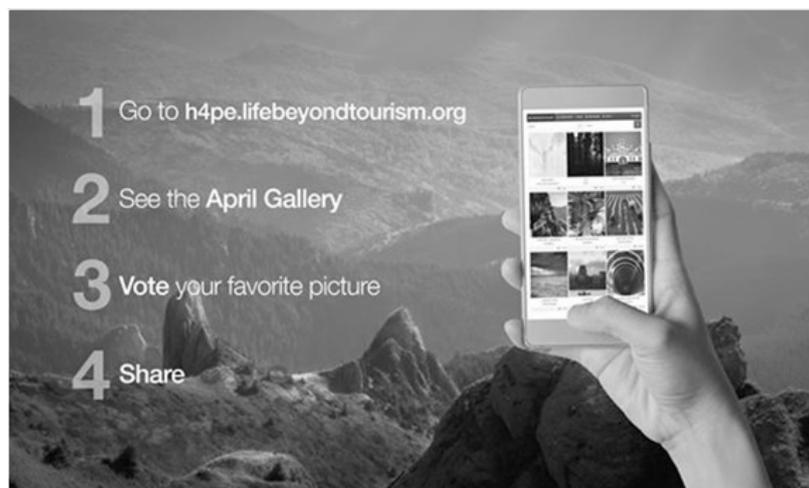

Рис. 1. Материалы и символика фотоконкурса «Наследие для планеты Земля» (Heritage for Planet Earth — H4PE)

Эстония, Латвия, Монголия, Франция, Венесуэла, Китай, Вьетнам, США, Италия, Греция, Афганистан, Черногория. Всего 14 стран под научным руководством 8-ми преподавателей.

Выбранные темы выступлений участников характерны в смысле понимания, семантизации темы «сохранения и изучения мирового культурного наследия» (согласно программе конгресса):

- ◆ Памятник Алеше как культурное наследие России и Болгарии.
- ◆ Влияние цифровых технологий на культуру Франции.
- ◆ Монгольский народный танец.
- ◆ Роль СМИ в сохранении культурной идентичности.
- ◆ Русская народная песня «А сегодня день, хороший».
- ◆ Действительно ли этнотуризм является мостом через культурные и национальные границы?
- ◆ Венесуэльский народный танец «Хорошо».
- ◆ Межкультурное взаимодействие в эпоху глобализации: Российская практика.
- ◆ Влияние цифровых технологий на культурное многообразие.
- ◆ Русская народная песня «Ой, где ж ты ищешь, человеченька».
- ◆ Великая китайская стена — уникальный памятник всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.
- ◆ Вьетнамские исторические памятники в списке ЮНЕСКО.
- ◆ Культурное наследие Америки: Индейские племена в США.
- ◆ Главная церковь Милана — Санта-Мария-делле-Грацие.

- ◆ Ярославль — как объект всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.
- ◆ Бывший дворец Романовых в Ропше — самый «несчастный» из объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.
- ◆ Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним комплексы памятников как первый в России объект Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.
- ◆ Песня «Трава у дома».

Результаты, полученные в ходе проведенных исследований. Обработка данных конгресса позволяет сделать следующие предварительные выводы. По сравнению с фиксированной в словарях еще середины XX в. семантизация слова *наследие* значительно изменилось в связи с распространением данных ЮНЕСКО и международных межгосударственных соглашений и данных законодательства с конца XX-начала XXI вв., регистрации единиц наследия в Центре ЮНЕСКО. Данные конгресса хорошо отражают, что на международном и отечественном уровне семантизация *наследия* согласуется с определениями ЮНЕСКО. Среди выбранных тем выступлений в 2018 году 51% посвящены памятникам материального наследия (здания, сооружения), 31% — нематериальным памятникам культуры (напр., танец, песня) наследие, а 18% — проблематике, ориентированной на вопросы сохранения мирового историко-культурного наследия. Важным выводом, представляется, возможность разбивки групп ответов на 3 и их процентная составляющая/

Агеев Д.— будущий кинодокументалист — рассказал о всемирном фотоконкурсе H4PE (материалы и символика которого представлены на рисунке 1) и пригласил к участию. Фотоконкурс инициирован на глобальном

уровне большой семеркой по культуре (G7 of culture), заседание которой прошло 30 марта 2017 года во Флоренции. Впервые Министр по историко-культурному наследию и туризма Италии Д. Франческини призвал представителей из США, Великобритании, Германии, Японии, Италии, Канады и Франции обсудить не только финансовые, экономические вопросы и проблемы безопасности.

Во Флоренции министры культуры стран большой семерки обдумали как «установить приоритетность проблеме защиты историко-культурного наследия и культуры в качестве инструмента диалога между людьми». [14].

Понимание, раскрытие темы «сохранения мирового историко-культурного наследия» и ее проблематика с точки зрения выработки стратегии для победы в конкурсе раскрываются на международном уровне в ходе всемирного фотоконкурса в плане авторских работ и через результаты голосования респондентов через сайт.

Анализ полученных результатов. Анализ работ победителей конкурса показывает, что во всех трех случаях прослеживается одна концептуальная черта: название, содержание и изображение выразительные, многозначительны и узнаваемы. Также обычно предлагается и содержательное объяснение названию.

Обсуждение хода конкурса и его результатов, а не только активное или пассивное участие в нем оказалось полезным заданием на занятиях по английскому языку. При обсуждении определялись, в чем преимущества фото победителей и в чем недостатки «слабых» работ. По результатам обсуждений были выделены три критерия оценки:

1. Язык (рабочий язык конкурса — английский, а не язык участника и не «русский английский»), формулировка названия работы.
2. Содержание и описание работы под фото (должно содействовать выразительности, важности представленного материала).
3. Изображение (выбор объекта, исполнение в смысле технологии, композиции и цвета).

Отдельным заданием послужило после предварительной аудиторной работы написание эссе на тему «Выбор названия фотоработы для конкурса H4PE». Надо отметить, что анализируемы работы высокого технологического качества, но с учетом особенности условий межкультурной коммуникации, особенностей рабочего английского языка могут быть представлены гораздо лучше на основе учета рекомендаций.

Рекомендации для отечественных участников фото конкурса могут быть сформулированы по результатам обсуждений следующим образом:

Язык:

1. подпisi к фото давать на рабочем языке (предпочтительно английском, а не на русском);
2. продумать название фото (название играет большую роль);
3. при выборе название необходимо обратить внимание на понимание употребления английского вокабуляра в том значении, которое вкладывает автор при названии своего произведения.

содержание и описание работ:

4. в качестве важного замечания следует отметить, что отечественные участники недооценивают содержание конкурса, не придают достаточной значимости теме конкурса наследия для планеты Земля. Не всегда понятно, для чего это снято или в какой части России находятся данные «просторы», или: «разговоры» между кем и кем, имеются в виду;

изображение:

5. рекомендуется обратить внимание на выбор объекта, цвета и организация композиции.

Рассмотренные результаты фотоконкурса позволяют сделать следующие выводы с точки зрения выхода в победители:

- ◆ не смотря на доступность участия в виртуальном фотоконкурсе, имеются определенные труднопреодолимые поликультурные и лингвистические трудности;
- ◆ опыт участия в фотоконкурсе H4PE как в пассивном формате (анализируя, выбирая работы), так и в активном (когда участники могут увидеть реакцию пользователей Интернета из разных стран на свои работы) чрезвычайно полезен для развития поликультурной компетенции, обучению языку и безусловно, способствует профессиональному росту;
- ◆ опыт участия в фотоконкурсе — важный опыт межкультурной коммуникации в межкультурном контексте.

Дискуссия. Настоящее время отличается значительным вторжением не только реальной мобильности, а виртуальной мобильности в академическую жизнь. Следует отметить, что не только академическая реальная, но и виртуальная мобильность играет важную роль и содействует сохранению всемирного и отечественного историко-культурного наследия, качественному образованию — развитию профессиональной и переводческой коммуникативной компетенции, в частности, в данном случае, участников конгресса и фотоконкурса 2018 года. Международный научный студенческий конгресс в формате виртуального телемоста получает у сту-

дентов положительные отзывы, участие в нем престижно, как и для преподавателей. Участие в конгрессе или в фотоконкурсе — стимул для мотивации добиваться более высоких результатов в учебе и творческой практике.

Участие в виртуальном бесплатном конгрессе — не вызывает особых затруднений, в виртуальном платном фотоконкурсе даже на уровне пассивного участия оказывается затруднительным. Представленные на конкурс материалы свидетельствуют о том, что отечественными участниками располагают сравнительно однообразным представлением о *наследии*, бедным выбором «ликков России» для страны с богатым историко-культурным прошлым и при наличии широкого природного разнообразия. Отметим, что, судя по анализируемому материалу, основной ценностью в наследии нашей страны участники фотоконкурса видят в красоте природы и пространств. Тем не менее, активные участники конкурса показали, что с точки зрения работы в международном и межъязыковом контексте участие в конгрессе и фотоконкурсе H4PE было полезно именно для развития языковых навыков и поликультурной компетенции, понимания своего и «иного» менталитета [4; 5; 9; 10].

Таким образом, подобные проекты стимулируют интерес обучающихся к средствам выражения в меж-

культурном диалоге, к овладению английским языком и лингвистически продуманному подходу при национальной самоидентификации, что способствует профессиональному росту, совершенствованию участия в работе на уровне международных отношений, в частности, в сфере /вузах культуры [4; 11].

Мобилизация обучения, его международный контекст помогают взглянуть на качество английского языка по-иному. При этом значительно активизируются навыки использования английского языка в условиях виртуальной коммуникации. Самое главное, отечественные специалисты с ранних этапов своей культурной деятельности учатся участвовать в крупнейших мероприятиях, нарабатывают полезный опыт и успешно «вписываются» в международный профессиональный культурный контекст.

Взаимодействие разных культур через виртуальную мобилизацию обучения по тематике сохранения и изучения культурного наследия (world heritage studies) порождает необходимость переоценки межкультурных ценностей и собственной культурной идентичности на основе идей межкультурной толерантности, адекватного восприятия культурных различий, развитию поликультурной компетенции и компетентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаров, А. А. Русско-английский энциклопедический словарь искусств и художественных ремесел: в 2 т. / А. А. Азаров. — М.: Флинта: Наука, 2005. — Т. 1. — 2005. — 815 с.; Т. 2. — 2005. — 799 с.
2. Бёрк, Питер. Что такое культуральная история? — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 240 с.
3. Девель, Л. А. Флорентийский семинар для молодежи 2015. / Л. А. Девель // Вопросы методики преподавания в вузе. Санкт-Петербург: СПбГПУ. — 2015. — № 4(18). — С. 379–385.
4. Максаева, А. Э. Совершенствование обучения иностранному языку в вузах на основе социокультурного опыта: Дисс. ... канд. пед. наук / А. Э. Максаева. — Москва, 2012.
5. Маловичко, С. И. Культурная история / С. И. Маловичко // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А. О. Чубарьян. — М.: Аквилон, 2014.
6. Мафтей, А. Г. Личностно-ориентированный подход в управлении поликультурной школой. Дисс. ... канд. пед. наук / А. Г. Мафтей. — Тирасполь, 2007.
7. Поликашева, Н. В. Поликультурное воспитание: принципы, функции, содержание, способы. / Н. В. Поликашева. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://naukarus.com/polikulturnoe-vospitanie-printsipy-funksii-soderzhanie-sposoby> (01.03.18)
8. Пробин, П. С. Поликультурное образование как социально-педагогическое явление в контексте проблематики межкультурной коммуникации / П. С. Пробин // Человек и культура. — 2015. — № 1. — С. 1–21.
9. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 542 с.
10. Флеров, О. В. Виртуальные средства обучения английскому языку / О. В. Флеров // Образовательные ресурсы и технологии. — 2015. — № 1 (9). — С. 28–33.
11. Хакимов, Э. Р. Конструирование практики поликультурного образования на основе парадигмального подхода: Автореф. д-ра. пед. наук. / Э. Р. Хакимов. — Ижевск, 2012.
12. Центр всемирного наследия [электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://whc.unesco.org/ru/>
13. Шеметова, А. Б. Поликультурное образование как направление в профессиональной школе / А. Б. Шеметова // Педагогическое образование в России. — 2013. — № 1. — С. 159–162.
14. Heritage for Planet Earth H4PE — International Photo Contest (Международный фотоконкурс «Сохранение и изучение наследия планеты Земля») [электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://bsa.by/files/photo_contest.PDF (03.05.18).

15. Arcangeli, Alessandro. *Cultural History: A Concise Introduction*. — N.Y.: Routledge, 2012.
16. Göpfel, M. *The Great Mindshift. How a New Economic Paradigm and Sustainability Transformations Go Hand in Hand*. Berlin: Springer Open, 2016. — 183 p.
17. Sedano, A. M. *Teacher Training and Intercultural Education // Intercultural education: A Present-Day Challenge for Europe* / Eds. A. C. Del Canto et al. — Madrid: Consejería de Educación, Dirección Nacional de Promoción Educativa, 2004. — P.263–272.
18. Devel L. A., Lisitsyn P. G. November, 2018 Florentine Mosaic Conference, Efficient Youth Intercultural Dialogue Workshop, Saint-Petersburg International Cultural Forum for the Benefit of the Planet We All Share. In *Life Beyond Tourism. Centro congressi al duomo Firenze Fondazione Romualdo Del Bianco*. — 2017. — URL: [Life Beyond Tourism. Heritage for Planet Earth Proceedings](#). (01.03.18).
19. Devel L. A., Popova N. V., Khalyapina L. P., Alonso G. H. *Cultural Heritage Issues in Polycultural Humanitarian Education*. St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University, 2017. — 130 p.

© Девель Людмила Александровна (miladevel@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный институт культуры Министерства культуры России

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

REALIZATION OF THE PROJECT METHOD IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGE IN THE UNIVERSITY

*S. Ivanova
I. Belousova*

Summary. In the article the problem of using the project method in the process of teaching a foreign language to university students is actualized. The author justifies the importance of this problem from the standpoint of the need to match the level of professional preparedness of students to the updated requirements of educational and professional standards. The essence of the design method is revealed in the article. The stage of project activity in the process of implementing the design method is singled out, the content of each stage is briefly characterized taking into account the aspects of solving language and communicative tasks within the project. The author singles out the criteria of the project activity used in the teaching of a foreign language to students of various specialties who study at a higher school.

Keywords: project method, foreign languages, university students, stages of project activity, educational and professional standards, foreign communicative competence.

Иванова Светлана Павловна

*К.п.н., доцент,
Курганский государственный университет
svetiva48@mail.ru*

Белюсова Инна Константиновна

*К.филол.н., доцент, Курганский государственный
университет
belinak@mail.ru*

Аннотация. В статье актуализируется проблема использования метода проектов в процессе преподавания иностранного языка студентам вузов. Автор обосновывает важность данной проблемы с позиций необходимости соответствия уровня профессиональной подготовленности студентов к обновляющимся требованиям образовательных и профессиональных стандартов. В статье раскрывается сущность проектного метода. Выделены этапы проектной деятельности в процессе реализации проектного метода, кратко охарактеризовано содержание каждого из этапов с учетом аспектов решения языковых и коммуникативных задач в рамках проекта. Автором выделены критерии проектной деятельности, применяемой в процессе преподавания иностранного языка студентам различных специальностей, обучающимся в высшей школе.

Ключевые слова: проектный метод, иностранные языки, студенты вуза, этапы проектной деятельности, образовательные и профессиональные стандарты, иноязычная коммуникативная компетенция.

Актуализация проблематики разработки методологических основ преподавания иностранных языков на современном этапе развития системы высшего профессионального образования имеет неуклонную тенденцию повышения значимости. Изменение требований к будущему специалисту в рамках глобализационных процессов, международного сотрудничества и востребованности на отечественном и международном рынках труда конкурентоспособного профессионала, успешно владеющего профессиональной иноязычной коммуникацией, предопределяет соответствующие требования и к методологии преподавания иностранных языков. Становятся все более востребованными качества и компетенции будущего специалиста, способного решать всевозможные профессиональные задачи и ситуации, характеризующиеся плюралистичностью подходов и обеспечивающих не только достижение поставленных профессиональных целей, но и демонстрирующих личностный профессиональный стиль специалиста, который позволяет ему профессионально самореализовываться наиболее успешно[9].

Поскольку современному специалисту необходимо быть на сегодняшний день конкурентоспособным

на рынке труда и услуг (в том числе и международном), необходима реализация тщательно проработанной и неоднократно опробованной методологии формирования у обучающихся в высшей школе иноязычной профессиональной компетенции.

Необходимо отметить, что условия осуществления профессиональной деятельности на современном этапе социально-экономического развития требуют от профессионала не только мобильности и готовности к непрерывному самообразованию, но и сформированности такого типа мышления, который позволял бы ему [профессионалу] быстро и результативно решать нестандартные профессиональные ситуации, ограниченные еще и заданным лимитом времени. Такие ситуации, как правило, имеют наибольшую востребованность в сфере иноязычного профессионального взаимодействия и достаточно высоко ценятся работодателем[4].

В этой связи методика преподавания иностранного языка в вузе нуждается в инновационных подходах, обеспечивающих соответствие образовательному и профессиональному стандартам, с привлечением современных педагогических средств и методов, предусматривающих

постоянное обновление требований к профессиональной подготовке студентов вузов [3, с. 59].

Одной из таких методик, удовлетворяющих запросам современных образовательных трансформаций, является проектная методика (метод проектов), позволяющая заинтересовать студентов проблемой эскалации роли профессиональной иноязычной коммуникации, сформировать должный уровень познавательной активности, которая обеспечит развитие устойчивой мотивации будущего профессионала в постоянном саморазвитии и самосовершенствовании в рамках владения разговорным и профессиональным иностранным языком.

Использование метода проектов становится все более популярным в педагогике высшей школы и привлекает внимание различных ученых. Так, возможностям метода проектов и его дидактическому потенциалу именно в процессе преподавания иностранных языков посвящены научные работы Н. В. Ванцовой, Д. Исламова и др. [2].

Проектная деятельность в контексте формирования коммуникативной компетентности студентов подробно представлена в трудах А. Н. Булашовой, М. А. Молчановой и др. [1; 6].

Опыт использования метода проектов в работе со студентами различных специальностей в рамках освоения языка специализации представлен в исследованиях Л. Г. Чапаевой, Т. А. Меркуловой, Е. С. Полат, В. В. Решетка и др. [5; 7; 8; 10].

Говоря об использовании метода проектов при обучении студентов вуза иностранному языку, необходимо учитывать, что проектный метод подразумевает поэтапное взаимодействие преподавателя и студентов.

Так, выделяют:

- ◆ *начальный этап*, который предусматривает создание творческого настроения в группе студентов, актуализирует выбор применения метода в ситуации, соответствующей решению языковых образовательных и профессиональных задач, чем способствует формированию необходимого познавательного интереса и познавательной активности; также на данном этапе необходимо предусматривать планирование коллективной деятельности в группе, распределение ролей и обязанностей, включенных в контекст будущего проекта и определение диапазона тем и подтем проекта с выбором методов, средств и приемов;
- ◆ *подготовительный этап*, который предвосхищает разработку и формулирование заданий, ситуаций, вопросов, на которые предстоит дать

ответ в ходе проектной деятельности; на данном этапе целесообразно определить литературный фонд проекта, а также выявить спектр форм подведения итогов сотрудничества в рамках выбранной тематики проекта (визуализация, презентация, портфолио, деловая игра и пр.);

- ◆ *активный этап*; данный этап подразумевает активное ведение работы над проектом в коллективе на основе дифференциации (разделение на группы и распределение обязанностей), что необходимо сопровождать текущим, оперативным и этапным контролем, предусматривающим специфические отчеты о проделанной работе на иностранном языке (в условиях как тщательной подготовки, так и своеобразного *freestyle*); на протяжении совместной проектной деятельности между преподавателем и студентами должно присутствовать взаимодействие, сопровождающее ход работы; данное взаимодействие со стороны преподавателя, как правило, носит консультирующий, направляющий, корректирующий характер; также возможна реализация помощи в ходе защиты проекта или демонстрации итоговых результатов. Необходимо отметить, что активный этап при использовании проектного метода должен заканчиваться оцениванием проделанной работы студентов, которая осуществляется на основе разработанных преподавателем критериев, рейтинга и пр., что в нашем случае будет связано с демонстрацией уровня лексической, грамматической, лингвокультурологической, дискурсивной и др. компетенций с использованием релевантной терминологии, языка и подязыка специальности и пр.;
- ◆ *заключительный этап* в реализации проектной деятельности включает, как правило, итоговую презентацию проекта или иной способ представления полного решения проектной задачи перед аудиторией; на данном этапе оцениваются уже не только языковые навыки и компетенции, но и исследовательские умения, которые демонстрируют результативность решения или достижения цели проекта [3].

Использование проектного метода в процессе изучения иностранного языка студентами различных специальностей позволяет не только повысить учебную мотивацию и содействовать формированию потребностно-мотивационной сферы будущих профессионалов, но и развить тот необходимый тип мышления — критический и творческий, — востребованность которого возрастает в профессиональной сфере.

Помимо этого, формирование коммуникативной иноязычной компетенции, развиваемой в проектной

деятельности в процессе обучения иностранному языку, благотворно сказывается на успешной социализации личности, способной самопрезентовать свои профессиональные навыки и интересы в условиях межкультурной коммуникации, а также способствует успешному самопроявлению в работе в команде.

Подводя итоги, необходимо еще раз отметить, что в условиях реализации проектного метода в процессе обучения студентов вуза иностранному языку также необходи-

мо учитывать и определенные критерии использования проектной технологии: специфические черты проектной методики в рамках решения иноязычных коммуникативных задач; отличительные особенности, связанные со спецификой изучаемого языка (*–ов*), языка специализации, а также навыков и поднавыков (*skills and subskills*) языковой профессиональной коммуникации; характер поэтапной деятельности, связанной с решением языковых задач проекта и пр. на основе соответствия императивам и требованиям проектной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булашова, А. Н. Развитие коммуникативной компетентности в процессе проектной деятельности студентов на занятиях по иностранному языку в техническом вузе / А. Н. Булашова // Общество: социология, психология, педагогика. — 2016. — № 11. — С. 96–98.
2. Ванцова, Н. В. Возможности использования проектной методики при преподавании иностранных языков / Н. В. Ванцова, Д. Исламов, Т. М. Хусяинов // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. — 2016. — № 10. — С. 31–34.
3. Горбачева, И. М. Использование проектной методики при обучении иностранному языку в вузах / И. М. Горбачева, Е. А. Горбачева // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2017. — № 2 (14). — С. 58–62.
4. Казанцева, Е. М. Специфика формирования дискурсивной компетенции профессионала в области деловой межкультурной коммуникации / Е. М. Казанцева, Г. А. Проскурина // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. — 2016. — № 6. — С. 93–99.
5. Меркулова, Т. А. Проектные технологии в формировании межкультурной компетентности в профессиональной подготовке иностранных студентов вузов культуры и искусств / Т. А. Меркулова // Вестник МГУКИ. — 2011. — № 3. — С. 240–242.
6. Молчанова, М. А. Современные технологии в руководстве и реализации проектной деятельности слепых и слабовидящих, изучающих английский язык / М. А. Молчанова, С. Г. Старицына // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 2–2 (68). — С. 201–203.
7. Полат, Е. С. Метод проектов / Е. С. Полат // Метод проектов: на-уч.-метод. сб. / БГУ. Центр проблем развития образования (Современные технологии университетского образования. Вып. 2). — Минск: РИВШ БГУ, 2003. — С. 39–47.
8. Решетка, В. В. Проектный метод обучения как средство реализации практико-ориентированной технологии / В. В. Решетка // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2013. — № 2 (10). — С. 83–86.
9. Серова, Т. С. Моделирование процесса речевой деятельности гибкого иноязычного чтения во взаимосвязи с письмом и говорением в интерактивных технологиях обучения / Т. С. Серова, Е. Л. Пипченко // Педагогическое образование в России. — 2016. — № 2. — С. 89–97.
10. Чапаева, Л. Г. Из опыта использования проектной методики во внеаудиторной деятельности студентов, изучающих французский язык как второй иностранный / Л. Г. Чапаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 11–2 (65). — С. 206–209.

© Иванова Светлана Павловна (svetiva48@mail.ru), Белоусова Инна Константиновна (belinak@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ

FORMATION OF DESIGN COMPETENCE OF A TEACHER

**P. Krasnov
O. Myasnikova**

Summary. In the article project method and its relevance is considered, and its general characteristic is given. The article presents the diagnostic testing results of formation level assessment teachers' and students' project competence in higher teaching institutions in Murmansk region. Project method always means a problem solution. The article analyzes and answers the following questions: What does the training project producing begin with? What questions could underlie teaching and cause students to get to the bottom of each studied topic?.

Keywords: project competence, project method, triad of questions, fundamental questions, problem and training questions.

Краснов Павел Сергеевич

*К.п.н., ГАУ ДПО Мурманской области «Институт развития образования»
KrasnovPS@mail.ru*

Мясникова Ольга Константиновна

*Старший преподаватель, ГАУ ДПО Мурманской области «Институт развития образования»
okmyasnikova@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается метод проектов, его актуальность и дается общая характеристика. Представлены результаты диагностического исследования оценки уровня сформированности проектной компетентности учителей и студентов педагогического направления высших учебных заведений Мурманской области. Метод проектов всегда предполагает решение какой-то проблемы. Статья рассматривает и отвечает на вопросы: С чего может начинаться разработка учебного проекта? Какие вопросы могли бы лежать в основе преподавания и побуждать учащихся докапываться до сути, лежащей в основе каждой изученной темы?.

Ключевые слова: проектная компетентность, метод проектов, триада вопросов, основополагающие вопросы, проблемные и учебные вопросы.

Обновляющейся российской системе образования требуются образовательные технологии, реализующие связь обучения с жизнью и формирующие активную, самостоятельную позицию учащихся. Одной из таких технологий является проектная деятельность, незаслуженно объявленная отечественным образованием в 30-годы прошлого столетия «легкомысленным проектерством». Отказ от метода проектов в отечественном образовании произошел по многим причинам, одной из которых была неподготовленность педагогических кадров работать с проектами. В какой-то степени эта причина существует и сегодня. Метод учебного проекта не включен в учебники педагогических вузов, а изданные в последние годы пособия носят характер обобщения практического опыта проектирования отдельных авторов. Обучение педагогов проектному методу осуществляется в основном в дополнительном профессиональном образовании, что ставит задачу разработки и апробации специальной методики обучения проектированию работников образовательных организаций.

Уровень сформированности проектной компетентности определяется по качеству разработанного и подготовленного к презентации «эскиза» проекта, который затем будет дорабатываться и окончательно оформляться в профессиональной деятельности учащихся

В основе метода проектов лежит развитие познавательных навыков учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в ин-

формационном пространстве, развитие критического и творческого мышления, умение увидеть, сформулировать и решить проблему. Проектная и исследовательская (включая их синтез) деятельность является чуть ли не единственным методом, способным дать большую часть, необходимых по ФГОС, компетенций ученику, а также практический навыков исследования, вместе с мотивационным компонентом и множеством других необходимых современному образованному человеку качеств, умений и возможностей.

Проектная деятельность позволяет учащимся овладеть навыками поиска и применения знания, самостоятельно мыслить и принимать решения, а также выстраивать алгоритм деятельности. Кроме того, учащиеся имеют возможность эффективно сотрудничать, с членами группы на всех этапах проекта, а также быть участником межвозрастной и межпредметной коммуникации, таким образом, выстраиваются культурные связи, развивается коммуникативная компетенция, критичность мышления, творческие способности, учащийся развивается как личность в целом. Имея большой опыт работы в проекте, пройдя этапы проектного исследования (выбор темы, определение ее актуальности, а так же актуальности и самого проекта, постановка целей и задач, выявление проблемного поля и методов-способов решения, планирование этапов работы, обработка информации, техническое составление работы, выступление с презентацией готового продукта и защита проекта), накапливая багаж знаний умений и навыков, учащийся

Рис. 1. Структура показателей и индикаторов матрицы диагностики сформированности проектной компетентности».

сможет не только справляться с задачами требующими организованности, нестандартного, творческого подхода, но и организовать свою жизнь.

Для выявления затруднений в использовании проектной методики была проведена диагностики сформированности проектной компетентности среди студентов 2 курса Мурманского государственного арктического университета и учителей-предметников Мурманской области. Структура показателей и индикаторов представлена на рисунке 1.

Анализ результатов диагностического исследования, позволяет констатировать, что недостаточно сформированы следующие проектные компетентности как у студентов, так и учителей:

1. Способность к выявлению, постановке и решению проблем для получения обоснованного проектного продукта: отличие продукта и результата проекта; причины проблемы, ее формулировка для получения обоснованного проектного продукта; определение ожидаемого результата проекта; критерии оценки проекта
2. Способность коммуникативных действий в проектной деятельности: защита проектного результата.

С целью формирования компетенций проектной деятельности был разработан курс «Организация проек-

тной деятельности учащихся на основе ИКТ». Апробация проводилась в обеих группах, во время проведения курсовой подготовки проводились практикумы, мастер-классы по устранению выявленным проблемам.

Наибольшее затруднение и у педагогов, и у студентов вызывал аспект — постановка и решение проблем для получения обоснованного проектного продукта.

Говоря о методе проектов, мы имеем в виду именно способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы (технологию), которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным образом.

Проектные методы всегда предполагает исследование и анализ какой-то проблемы. Решение её предусматривает, с одной стороны, использование совокупности разнообразных технологий, методов и средств обучения, а с другой, — необходимость интегрирования знаний и компетенций, умение применять знания в новых практических ситуациях; способность применять знания из различных областей науки, техники, технологии, творческих областей.

В образовательной организации учебный проект это, прежде всего, совместная деятельность учащихся-партнеров, которая реализуется в форме учебно-познавательной, творческой или деловой игры. При этом ос-

новой отличительной особенностью будет общая цель, согласованные методы и способы деятельности, направленная на достижение общего результата по решению какой-либо проблемы, значимой для всех участников проекта.

Что может быть стартовой точкой или с чего может начинаться разработка учебного проекта? Где педагог может взять или что может помочь придумать учебные задания из разных сфер научных знаний так, чтобы учащиеся с интересом участвовали в процессе «извлечения уроков» из изучаемого материала.

Одним из решений может стать формулирование основополагающих вопросов, ответы на которые выявляют действительное понимание учениками содержания предмета, в отличие от заучивания ими готовых «ответов», взятых из школьных учебников.

Сложившаяся практика показывает, что ученик, если ему не заданы интересные основополагающие вопросы и у него нет, соответственно, цели ответить на них, вынужден выполнять ряд не связанных между собой учебных заданий, результатом чего является слабое понимание значения ключевых определений, основополагающих идей, понятий, процессов и явлений. Обучение без необходимости поиска ответов на проблемные вопросы сводится к репродуктивным методам, обычному пересказу изученного материала или составлению рефератов.

С помощью методически правильно сформулированных вопросов учитель может создать ситуацию, побуждающую учащегося искать и докапываться до самой сути изучаемой темы. Неоспоримая польза в жизни, чувство интереса это являются движущим инструментом познания для ученика.

Вопросы, которые человек задает, когда ему не хватает информации, показывают уровень понимания проблемы и способность задающего строить предположения. Умение задавать вопросы помогает при решении интеллектуальных задач, способствует улучшению взаимопонимания между людьми.

Современный человек задает вопросы не только другому человеку, но и поисковым системам в Интернете. В учебном проекте вопросы разных типов выполняют разные задачи, искусство задавания вопросов является очень важным, т.к. оно поощряет самостоятельный поиск ответов, побуждает учащихся задавать свои собственные вопросы, видеть взаимосвязи между изучаемым школьным предметом и реальным миром — это может изменить их взгляд на сам процесс обучения.

Вопросы, сформулированные учителем, определяют стратегию обучения, направляют образовательную деятельность и условно могут быть разделены на категории: основополагающие, проблемные и учебные.

Основополагающие вопросы: всеобъемлющие, фундаментальные, вопросы «большой идеи», наиболее общие, абстрактные, «философские», не имеющие определенного ответа.

Признаки основополагающих вопросов. Основоплагающие не имеют однозначного ответа, полны смысла и значения, приглашают исследовать новые идеи, побуждают школьников находить свои собственные ответы и самостоятельно формулировать выводы на основе собранной информации: оценивать, складывать в единую картину, анализировать. Например: Что нужно, чтобы изменить мир?

С точки зрения методологии основополагающие вопросы необходимы для того, чтобы нацелить учащихся на более высокий уровень мышления, а именно: требовать от них сравнения фактов, самостоятельных оценок событий, объяснения явлений, интерпретирования сведений и т.п.; связать изучение одной темы с другими дисциплинами и темами; обсуждать вопросы, которые будут вынуждены задавать учителю

С позиции учителя основополагающие вопросы помогают привнести смысл в изучение событий и тем, присутствующих в том или ином проекте или учебном исследовании, которые в противном случае казались бы произвольными и не связанными между собой; соответствуют учебной теме; являются интересными, написаны на понятном учащимся языке в соответствии с возрастной группой.

Основополагающие вопросы стимулируют воображение учащихся и связывают предмет изучения с их собственными идеями и опытом, заставляют учащихся исследовать множество различных вариантов, так как не существует единственного, очевидного и правильного ответа.

Как показала практика, основополагающие вопросы не всегда являются хорошим началом для изучения новой темы. Вопрос может оказаться слишком широким, абстрактным или непонятным для учащихся. Таким образом, для начала работы над новой темой или проблемой обычно необходимы более конкретные вопросы — проблемные вопросы или вопросы конкретной темы учебной программы.

Проблемные вопросы строятся на основе фактического знания, требуют поиска, исследования, размыш-

ления перед полным ответом, имеют много разных ответов, стимулируют обсуждение, дискуссию, поиск, требуют более глубокого обдумывания темы, побуждают учащихся конструировать свое знание в процессе ответа на вопрос. Проблемные вопросы, задаваемые на одном или нескольких занятиях, могут исследовать разные стороны одного основополагающего вопроса. Учителя, преподающие разные дисциплины, могут использовать вопросы своих учебных тем для поддержки единого, объединяющего основополагающего вопроса.

Проблемные вопросы не имеют однозначного ответа, побуждают исследовать различные идеи, находятся в рамках учебной темы и помогают школьникам строить свои собственные ответы и свое собственное понимание на основе самостоятельно собранных сведений: сравнивать, синтезировать, анализировать.

Аналогично, проходило обучение на курсах и по другим выявленным проблемам — защита проекта и оценка проекта.

Проведение грамотной защиты проектов и рефлексии позволит ученикам более осознанно подойти к работе, в полной мере понять практическую значимость своей деятельности, повысить самооценку.

Оценка проектной работы — нелегкое дело. Она зависит от того, насколько полно и качественно раскрыта

тема, насколько учащийся может свободно рассказать о предмете своего исследования. Оценку следует выставлять за проект в целом, многоплановость его характера, уровень проявления творчества, четкость презентации.

Мониторинг, проведенный по итогам апробации курса «Организация проектной деятельности учащихся на основе ИКТ», показал качественные изменения уровне сформированности проектной компетенции. Они свободно формулируют проблемы, характеристики проектного продукта, определяют ожидаемый результат проекта с критериями его оценки.

Проектная деятельность на сегодняшний день является одной из обязательных выпускных работ в большинстве образовательных организаций Мурманской области. Практически все учебные учреждения демонстрируют результаты работы детей, занимающихся различными проектами. К показу этих достижений стимулирует система различных конкурсов и конференций, организованных учреждениями системы образования. На данный момент, проектная и исследовательская деятельность является чуть ли не единственным методом, способным дать большую часть, необходимых по ФГОС, компетенций ученику, а также практический навык исследования, вместе с мотивационным компонентом и множеством других необходимых современному образованному человеку качеств, умений и возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голуб Г. Б. Метод проектов как технология ключевых компетентностей учащихся / Г. Б. Голуб, О. В. Чупракова. — Самара, 2003.
2. Конфликт восприятия реальности. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://csaa.ru/konflikt-vosprijatija-realnosti/> (дата обращения: 09.04.2018).
3. Разработка проблемных и основополагающих вопросов [Электронный ресурс] — Режим доступа: goo.gl/NQ15p9 (дата обращения: 04.04.2018).
4. Современные педагогические технологии основной школы в условиях ФГОС / О. Б. Даутова, Е. В. Иваньшина, О. А. Ивашедкина, Т. Б. Казачкова, О. Н. Крылова, И. В. Муштавинская. — СПб: АППО, 2015.
5. Халиулина И. П. Метод проектов как средство формирования исследовательской компетенции учащихся [Электронный ресурс]. — Режим доступа: goo.gl/R8gSvD (дата обращения: 29.03.2018).
6. Яковлева Н. Ф. Проектная деятельность в образовательном учреждении: учеб. пособие. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2014. — 144с.

© Краснов Павел Сергеевич (KrasnovPS@mail.ru), Мясникова Ольга Константиновна (okmyasnikova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ (ЧТЕНИЮ И ПИСЬМУ) ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В XX ВЕКЕ*

THE PROBLEM OF TEACHING WRITTEN RUSSIAN (READING AND WRITING) TO ADULTS IN THE KOLA NORTH IN THE TWENTIETH CENTURY

T. Rychkova
O. Ivanishcheva
A. Burtseva
A. Koreneva

Summary. The article presents analysis of the Murmansk press and archive materials of the first half of the 20th century. The article describes the problems of teaching written Russian (reading and writing) of the adult population in the Kola north in the twentieth century. The study identifies the difficulties and specifics of the implementation of the program to eliminate illiteracy, due to both the political and economic situation in the country and the specific conditions of our region.

Keywords: language teaching, Russian language, Kola North.

Рычкова Татьяна Александровна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Мурманский
арктический государственный университет»
rychkovata@yandex.ru

Иванищева Ольга Николаевна

Д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Мурманский
арктический государственный университет»
oivanishcheva@gmail.com

Бурцева Александра Вячеславовна

К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
alexandraburtseva@yandex.ru

Коренева Анастасия Вячеславовна

Д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Мурманский
арктический государственный университет»
korenevaanast@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ Мурманской прессы и архивных документов первой половины XX века, освещающих проблемы обучения письменному русскому языку (чтению и письму) взрослого населения на Кольском Севере в XX веке. В исследовании определены трудности и особенности реализации программы по ликвидации безграмотности, обусловленные как политико-экономической ситуацией в стране, так и специфическими условиями нашего края.

Ключевые слова: Преподавание языка, русский язык, Кольский Север.

Цель данной статьи — на основе архивных данных и материалов газет показать, как проходил процесс обучения письменному русскому языку (чтению и письму) взрослых безграмотных (вообще не умеющих ни читать, ни писать) и малограмотных (знающих буквы, умеющих написать свое имя) на Кольском севере в первой половине XX века; определить трудности и особенности реализации программы по ликвидации безграмотности, обусловленные как политико-экономической ситуацией в стране, так и специфическими условиями нашего края.

В качестве материала для исследования привлеклись не только архивные документы, но и пресса первой половины XX века. Как показал анализ, информация в официальных документах и газетных статьях иногда

не совпадает. Автор данного исследования полагает, что данные публицистики более правдивы, так как их нельзя подправить и заменить через какое-то время в связи с изменением ситуации в стране, как это, возможно, происходило с официальными документами. Кроме того, в газетах представлена более детализированная и разносторонняя информация о происходящих процессах в области обучения языку в отличие от официальных отчетов, где обычно отражаются только итоги.

К началу XX века в Мурманской области 80% населения владели только устным русским языком и не умели читать и писать [1, с. 52]. Еще 1920-х годах, судя по информации из газет, ситуация со школами была критическая. Например, «Полярная правда» в 1920-м году так описывает ситуацию с образованием в Понойской об-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Мурманской области в рамках научного проекта № 18-412-510001

ласти Мурманского уезда: «... школы для неграмотных взрослых нет, лекции для них никем не читаются, школа для детей пришла в такую ветхость, что если ее теперь не починишь, то вероятно она к следующему учебному году не будет пригодна для помещения училища» [2, с. 2].

26 декабря 1919 года вышел декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Народный комиссариат по обучению разработал специальные методики обучения грамоте, учебники состояли из простых текстов и политически актуальных агитационных призывов. В 1920–1924 году вышел первый советский массовый букварь Д. Элькиной, Н. Бугославской и А. Курской под названием «Долой неграмотность!». Туда входили различные лозунги, в том числе известный «Мы — не рабы, рабы не мы», стихи В. Я. Брюсова, Н. А. Некрасова. Кроме того, были выпущены «Рабоче-крестьянский букварь для взрослых» В. В. Смушкова, «Букварь для рабочих» Е. Я. Голанта. Газеты и журналы публиковали тематические уроки и методические советы по обучению грамоте. Так, журнал «Вестник Мурманска» 1923 г. указывает, что обучение детей и взрослых должно отличаться: взрослому вместе с русским языком должен дополнительно даваться целый комплекс «практических и политических знаний», то есть помимо собственно обучения чтению и письму должна ликвидироваться политическая, техническая неграмотность (хотя бы на примитивном уровне), должны разъясняться «вопросы быта», проводиться «профессиональная пропаганда» [3, с. 12].

На Кольском полуострове работа по ликвидации неграмотности началась с апреля 1920 года. Стали открываться школы для взрослых, кружки и курсы. В марте 1920 года был создан уездный отдел народного образования, который возглавил работу по ликбезу [1, с. 53]. В 1924 году было организовано общество «Долой неграмотность».

Необходимо было определить точное количество неграмотных. В прессе есть информация о том, что в случае нежелания вставать на учет граждане подвергались определенному наказанию. В «Полярной правде» от 11 сентября 1920 г. опубликовано объявление об обязательной регистрации степени грамотности граждан от 8 до 50 лет с указанием, что те, кто не явится в Отдел Образования, не получат продовольственных карточек на следующий месяц. Применение наказания для нежелающих учиться было характерно для того времени: позже в той же газете в воспитательно-профилактических целях упоминается о том, что в Бобруйске слушалось дело 333 неграмотных, которые уклонялись от обучения. Суд признал их причины (недостаток свободного времени) недостаточными и проговорил к 3 месяцам условного срока, если они пройдут за это время курс грамоты [4, с. 2].

Судя по данным газет, борьба с неграмотностью велась очень активно: моряки, железнодорожники, женщины-комсомолки активно агитировали взрослых учиться читать и писать.

Например, в статье «К товарищам железнодорожникам» железнодорожник Тяговик так призывает к ликвидации безграмотности: «На первой очереди стоит не только в масштабе нашей дороги, но и во всероссийском масштабе, ликвидация безграмотности. Надо строго учесть на каждом пикете, на каждом околотке, станции точное количество неграмотных железнодорожников и сейчас же создать школу для их обучения. На каждой станции найдется человек грамотный и достаточно развитой, чтобы взять это дела на себя. Нужно только сознание учащихся и учащего, чтобы дело быстро двинулось вперед. Во вторую очередь нужно развивать уже грамотных, но умеющих почти что только писать свою фамилию и читать по слогам... На большинстве станций 4-го района, как Кола, Шонгуй, Лопарская, Тайбола, Оленья, Имандра, Зашеек, Кандалакша, Жемчужная, Княжья Губа, Ковда имеются помещения коллективов, театров и вообще какой-либо зал для собраний — в них и надо начать работу» [5, с. 2–3].

Чтобы сильнее воздействовать на целевую аудиторию, авторы статей обращаются к понятным морякам сравнениям: «Надо помнить, грамота — не тихий свет. Грамота-боевой прожектор! — В том океане лжи, в котором те, кому выгодно, топили миллионы безответных неграмотных, в этом океане один просто грамотный подобен подводной лодке. Врет, врет какой-нибудь «доброжелатель»; подводит «мины», заряжает «пушку». Вдруг — «вынырнул» грамотный». — Погоди, братишка! Что-то не так. А ну, почитаем сами. И хитрая «мина» рвется под кормой хитрого «транспорта», пытающегося его поставить. Рвется, не успевши окунуться в воду» [6, с. 3].

В случае непосещения курсов ликбеза следовало наказание. Так, в статье «Долой Темноту!» напечатано требование для всех водников зарегистрироваться «на предмет обучения грамоте» и отмечается, что обучение обязательно для всех безграмотных членов Союза рабочих водного транспорта, не посещающих школу, до 45-летнего возраста включительно, а «не зарегистрировавшиеся будут привлечены к ответственности в порядке союзной дисциплины» [7, с. 2].

Согласно данным газет, существовало несколько причин, мешающих быстрой ликвидации безграмотности.

Во-первых, не хватало помещений.

Так, в одной из газет журналист жалуется на хозяйственников, которые совсем не помогают организации

обучения взрослых: в рыбном порту учеба происходит в непригодном помещении — кипятилке, школа погрузочного цеха находится в курилке, в конторе береговой обработки две школы занимаются в одной комнате. [8, с. 2].

Во-вторых, ощущалась острая нехватка педагогического персонала.

В статьях газет неоднократно упоминается о «нужде в педагогической силе» [9, 10]. Например, в феврале 1938 г в одной из мурманских школ занятия для взрослых по русскому языку проводились только 7 раз в связи с отсутствием преподавателя: «Только в 2 Мурманских школах есть вечерние классы. Но в них не организована нормальная учеба... с начала года было только 7 уроков русского языка. Преподаватель познакомился с учениками, ученики написали несколько контрольных работ, и на этом занятия прекратились [8, с. 3]. Даже в самом Отделе народного Образования вместо 46 человек сотрудников работало только 4, а функции его распространялись на весь Мурманский уезд с всеми становищами по Восточному, Западному и Терскому берегам [9, с. 2].

Все учителя детских школ в обязательном порядке вели курсы для взрослых [11, с. 3].

Кроме того, к обучению привлекали коммунистов из общества «Долой неграмотность» и просто грамотных людей, в том числе тех, кто только закончил школу.

Так, в номере 21 апреля 1921 г. Отдел Народного Образования призывает вести в двух направлениях ликвидацию безграмотности. Во-первых, использовать старшие классы вторых ступеней путем привлечения таковых в качестве временных (на лето) ликвидаторов безграмотности. «Таких наберется, скажем, до 10 человек, значит, можно будет открыть пять школ ликвидации безграмотности по 2 человека в каждой». Во-вторых, организовать курсы ликвидаторов безграмотности примерно на 20–25 человек в Александровске, «где сконцентрирован главным образом педагогический состав и где есть прекрасные помещения, свободные летом». [12, с. 1].

И призыв был услышан. Например, в школах для взрослых Союза рабочих рыбной промышленности северных районов за первое полугодие 1939 г. было обучено 1443 малограмотных и 879 неграмотных силами не только 25 учителей, но и 82 культурмейцев. [13, с. 3]. На бондарном заводе в том же году планировалось обучение 290 человек, при том что в школе работал только один штатный педагог, а «остальные преподаватели — активисты культурмейцы: счетовод-комсомолец т.Поляков, табельщицы тт.Сухова, Миронова, сотрудница пла-

нового отдела т.Коновалова, счетчица заготовительного цеха тов. Баранова и др.» [13, с. 3].

Не хватало материального обеспечения школ: учебников, бумаги, карандашей. Так, на собрании при открытии школы по ликбезу на Ст. Жемчужная Мурманской железной дороги многие рабочие и служащие пожертвовали карандаши, бумагу, книги, а «один товарищ согласился сделать классную доску», так как никаких материалов для школы не было [14, с.2].

Общее тяжелое положение рабочих Крайнего Севера, трудная работа, зависимость от работы на удаленных участках, промысла, а также болезни и недостаток продовольствия также не способствовали эффективной учебе. В газетах 1920-х годов неоднократно упоминается о повальном заболевании цингой из-за недостаточного питания, в Мурманске даже была открыта отдельная цинготная больница, чтобы справиться с потоком больных [16, с. 2]. Учителя станции Кузомень жаловались на скудное питание, на то, что получают из довольствия только одну несмолотую пшеницу, хотя выполняют огромный объем работ: на их плечах лежит и школа, и обучение безграмотных, и работа в культурно-просветительских кружках [11, с. 2].

Информация о количестве школ для неграмотных и малограмотных противоречиво представлена в различных источниках. Так, Овчинникова Н.П. со ссылкой на статью 1976 г. Белошистой А.И. (ассистента мурманского педагогического института) утверждает, что в Мурманске уже в апреле и мае 1920 года были открыты 3 школы для взрослого населения, в которые записались 200 человек [16, с. 11–16.]. Однако согласно докладу о работе ГУБОНО о состоянии школ Кольского полуострова в 1922 г., на всем Терском побережье была открыта только одна школа по ликбезу — в самом г. Мурманске. К этой информации добавляется сухой комментарий: «Развернуть работу в этой области не представляется возможным» [17, лист 14.].

Данные газет больше подтверждают информацию А.И. Белошистой, судя по статьям, школы и ликпункты открывались повсеместно. В Полярной правде 23 ноября 1920 г. есть упоминание о том, что на станции Ковда открыта школа грамотности для взрослых [18, с. 3]. В газете от 4 декабря 1920 г. говорится о том, что военморы Службы связи и Лоцдстанции гор. Мурманска «взялись за искоренение малограмотности», и у них уже функционирует школа группы малограмотных и даже приступила к работе вторая более сильная группа с научными предметами преподавания.

В том же номере указывается, что на общем собрании Ловозерской области принято единогласно «обязать

всех свободных граждан обоого пола взрослых и особенно т. женщин к всеобщему обучению, назначив каждый день занятия по вечерам от 5 до 7 часов» [19, с. 2–3]. В газете от 18 января 1921 г. отмечается, что в Дровяном 1920-го января откроют школу для неграмотных взрослых, а в становище Гаврилово коммунисты уже открыли школу [20] и т.п.

Таким образом, данные доклада ГУБОНО следует считать либо неверными, либо учитывать возможность того, что докладчик разделял понятия ликпункта, устроенного на время в любом подходящем для этого здании, и постоянно функционирующей школы, имеющей собственное здание и оборудование. Последних действительно было очень мало, возможно, в 1922/23 году всего одна.

Данные о количестве малограмотных и безграмотных также расходятся. Так, согласно данным культотдела Губпросвета, в 1923 году в Мурманском крае насчитывалось около 600 человек, не умеющих читать и писать [21, с. 144]. А. И. Белошистая в статье 1971 г. указывает, что к 1941 году Мурманская область стала областью 100% грамотности.

Однако информация, полученная из газет, это не подтверждает.

В номере даже 1938 г. отмечается, что на Рыбокобинате есть больше тысячи неграмотных и малограмотных, которые нигде не учатся [Полярная правда № 119, 27 мая 1938 г. С. 2], в другой статье того же года «О состоянии и задачах культпросветработы и культурном строительстве в области» написано, что из учтенных 3268 человек неграмотных обучается только 1652 человека, из учтенных малограмотных 10496 обучается 4168 [22, с. 3].

В 1940 году работа по ликбезу также продолжалась, и количество нуждающихся в обучении письменному русскому языку по-прежнему было немалым. Например, есть информация о том, что в только школе, организованной на местном бондарном заводе, в 1940 году в объеме 4 классов планируют получать знания 200 малограмотных и 90 неграмотных [23, с. 3].

Кроме того, осуществление 100% грамотности, заявленной в официальных документах, было невозможно из-за значительных миграционных потоков: на заводы и предприятия постоянно приходили новые люди, и их надо было обучать [21, с. 142–149].

Очевидно, что к 1941 году проблема безграмотности явно не была решена, а данные отчетов были приукрашены.

Вопросы вызывает также качество самого обучения. Показателем грамотности в то время служило умение

написать свое имя и прочесть разборчивый печатный текст, что, конечно, трудно назвать владением письменной речью.

Косвенным показателем уровня владения русским языком может служить язык самих газетных статей, которые писали наиболее активные и грамотные люди того времени. Вот так, например, выглядит отрывок статьи от 18 сентября 1920 г. «С дезертирами не целуются»: «...теперь каждый честный труженик хорошо знает и понял: что ни кто не даст нам избавления, как только мозолистая рука и нет той силы которая могла бы задуть пролетарскую революцию но трусам и дезертирам это кажется непонятным. И таковые все стадо портят, что и было на данном собрание, как некий Кондратьев — «Труженик Водного Транспорта»,— выставили его кандидатуру в Комитет Райкомвода. Присутствовавший на собрании Кондратьев, как видно услышав, что рабочие ему доверяют. И хотят доверить общее дело профессиональной своей родной организации. Тут же сыграл на руку контр-революции при многочисленном собрании незаметно от всех сбежал и думал, этим отделается стараясь на более полезной ему должности, но Пролетарский глаз всех видит. Кто друг и кто против его...» [24, с. 2–3]. Многочисленные орфографические и грамматические ошибки, бедный язык, штампы, в том числе церковно-славянские типа «дать нам избавления» свидетельствуют о крайне низком уровне владения письменным русским языком и, возможно, о том, что обучение автора велось не в школе по учебникам, а самостоятельно по церковным книгам, как это было распространено в дореволюционной России.

Однако с каждым годом уровень язык авторов статей неуклонно улучшался, пока в 30-е годы не превратился в выхолощенный штампованный язык типичной советской газеты. Согласно отчетам цензоров 1935, 1937 гг. Государственного архива Мурманской области, каждый номер подвергался 2–3 корректорским правкам, редакторской вычитке и проверке цензора. Естественно, что при таком уровне контроля вероятность ошибок сводилась к нулю [25, лист 13].

В статье рассматривались особенности обучения письменному русскому языку взрослого населения на Кольском Севере в рамках программы ликвидации безграмотности на основе данных официальных отчетов и газет. Как показало исследование, данные официальных документов и прессы не всегда совпадают, указывается разное количество безграмотных и школ для обучения. Также в газетах, в отличие от отчетов, есть упоминание о том, что за нежелание учиться безграмотные подвергались определенному наказанию типа лишения продовольственных карточек и т.п. Судя по данным газет, проблемными моментами на пути ликвидации без-

грамотности были факторы, обусловленные как общей политико-экономической ситуацией в стране: разрухой, нехваткой материально-технической базы, — так и специфическими условиями нашего края: тяжелым трудом рабочих Крайнего Севера, зависимостью от работы на удаленных участках, промысла; эпидемией цинги 1920-х; разбросанностью поселений на большой территории; миграционными потоками (постоянным прибыти-

ем новых, в том числе безграмотных людей на местные предприятия) и т.п., — значительно затрудняющими реализацию программы ликбеза. Язык газет также служит косвенным показателем владения письменным языком: малограмотные статьи с большим количеством ошибок 1920-х гг. сменяются тщательно выверенными безупречными с точки зрения грамотности текстами к середине 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошистая А. И. К вопросу о ликвидации безграмотности на Мурмане (1920–1930-е гг.) // Программа и сокращенные тексты докладов XII научной конференции Мурманского педагогического института. — Мурманск, 1971. — 113 с. — с. 52–56.
2. Полярная правда № 85, 16 сентября 1920 г.
3. Вестник Мурмана, № 46, 17 ноября, 1923 г.
4. Полярная правда № 83, 11 сентября, 1920 г.
5. Полярная правда № 26, 27 ноября, 1920 г.
6. Полярная правда № 11, 29 января, 1920 г.
7. Полярная правда № 1, 1 января, 1921 г.
8. Полярная правда № 33, 10 февраля, 1938 г.
9. Полярная правда № 39 от 20 декабря 1920 г.
10. Полярная правда № 7 18 января 1921 г
11. Полярная правда № 15 8 февраля 1921 г
12. Полярная правда № 28 21 апреля 1921 г.
13. Полярная правда № 224 29 сентября 1939 г.
14. Полярная правда № 15 8 февраля 1921 г.
15. Полярная правда. № 85, 16 сентября. 1920 г.
16. Овчинникова Н. П. Ликвидация неграмотности в Северных губерниях в 1920-е годы: успехи и трудности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. — № 5ю — 2009. — 175 с.
17. Доклад ГУБОНО // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 9.
18. Полярная правда № 24, 23 ноября 1920 г.
19. Полярная правда № 29, 4 декабря 1920 г.
20. Полярная правда № 4 11 января 1921 г.
21. Ермаков Р. В. Из истории ликвидации безграмотности среди населения Мурманска в 1920-е гг. // Ушаковские чтения/ Материалы I научно-практической межрегиональной краеведческой конференции памяти профессора И. Ф. Ушакова. — Мурманск: МГПУ, 2004. — 373. — с. 142–149.
22. Полярная правда № 280 9 декабря 1938 г.
23. Полярная правда № 22, 28 января 1940 г.
24. Полярная правда № 86, 18 сентября 1920 г.
25. Отчет цензора // ГОКУ ГАМО. Ф. р-278, опись 1, дело 14, лист 13.

© Рычкова Татьяна Александровна (rychkovata@yandex.ru), Иванищева Ольга Николаевна (oivanishcheva@gmail.com),
 Бурцева Александра Вячеславовна (alexandraburtseva@yandex.ru), Коренева Анастасия Вячеславовна (korenevaanast@mail.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА ОЦЕНКИ И ОТБОРА УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ

INFORMATION SYSTEM OF ESTIMATION AND SELECTION OF EDUCATIONAL-METHODICAL MATERIALS

N. Severin
Y. Gusev
I. Mikheev
V. Radautsky
S. Severin

Summary. The article considers the procedure for evaluating and selecting the most effective educational, methodological, visual, information and other educational materials developed on the basis of the paired comparisons method. An algorithm for calculating the scale estimates of the compared materials is given, which allows them to be ranked according to the degree of efficiency. An information system has been developed to automate the process of comparing and evaluating materials.

Keywords: educational materials, the method of paired comparisons, scaling, assessment of educational material.

Северин Николай Николаевич

Д.п.н., профессор, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород
severin-belui@yandex.ru

Гусев Юрий Михайлович

Преподаватель, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород

Михеев Игорь Анатольевич

Преподаватель, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород

Радоуцкий Владимир Юрьевич

К.т.н., профессор, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород

Северин Сергей Николаевич

Аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород

Аннотация. В статье рассмотрена разработанная на основе метода парных сравнений процедура оценки и отбора наиболее эффективных учебно-методических, наглядных, информационных и других образовательных материалов. Приведен алгоритм вычисления шкальных оценок сравниваемых материалов, позволяющих ранжировать их по степени эффективности. Разработана информационная система для автоматизации процесса сравнения и оценки учебных материалов.

Ключевые слова: учебно-методические материалы, метод парных сравнений, шкалирование, оценка учебного материала.

Введение

В образовательной деятельности часто возникает необходимость оценки и выбора лучшего в определенном смысле объекта из некоторой примерно однородной их совокупности. Такими объектами могут быть учебные материалы, методические разработки, проекты, представленные на конкурс работы. Все эти объекты не поддаются формализации и не допускают прямых простых расчетов. Поэтому для оценки и сравнения подобных объектов чаще всего применяются экспертные методы с использованием количественных шкал [6,7]. Одним из них является метод парных сравнений.

Рассмотрим в качестве примера применение этого метода для оценки и выбора учебных материалов. Метод парных сравнений позволяет измерить достоинства каждого материала, т.е. дать материалам определенные количественные оценки на основе которых ранжировать их по степени эффективности использования в образовательном процессе [8].

Основная часть

Достоверность применения метода парных сравнений обусловлена тем, что результаты парных сравнений заслуживают большего доверия, чем простая ранжировка, т.к. попарно сравнить материалы гораздо легче. Так, экспертам предлагаются все возможные пары из n материалов (всего таких пар будет $n(n-1)/2$), относительно которых они должны определяться, какой из них более значим.

Результаты парных сравнений материалов k -ым экспертом можно представить в виде матрицы $D^k = (\delta_{ij})$, элементы которой определяются следующим образом:

$$\delta_{ij} = \begin{cases} 1, & \text{если } a_i > a_j \\ 0, & \text{если } a_i < a_j \end{cases} \quad (1)$$

Здесь выражение $a_i > a_j$ означает, что материал a_i представляется более значимым, чем материал a_j .

Матрица должна удовлетворять условию транзитивности, согласно которому из условий $a_i > a_j$ и $a_j > a_k$ следует $a_i > a_k$. Кроме этого исходная матрица парных сравнений асимметрична, т.е. если $\delta_{ij} = 1$, то $\delta_{ji} = 1$.

Задачей метода парных сравнений является приписывание материалам чисел $v_1, v_2, \dots, v_n$, которые выражают усредненное мнение экспертов о них. Исходные данные метода представляют собой совокупность полученных от экспертов матриц парных сравнений $D^1, D^2, \dots, D^r$, где r — число экспертов.

Считая выборку экспертов однородной, можно найти относительную частоту $P(a_i > a_j)$ предпочтений i -го материала j -му, т.е. относительную частоту выполнения условия $a_i > a_j$:

$$P(a_i > a_j) = (p_{ij}) = \frac{\left(\sum_{k=1}^r \delta_{ij}^k\right)}{r} \quad (2)$$

Элементы матрицы относительных частот (p_{ij}) обладают следующими свойствами: $0 < p_{ij} < 1$, $p_{ij} + p_{ji} = 1$, диагональные элементы, соответствующие сравнению материалов самих с собой, не заполняются.

Процессы восприятия и оценки экспертами различных учебных материалов подвержены воздействиям случайных факторов, поэтому каждому материалу a_i $i = 1..n$ можно сопоставить распределенную по нормальному закону случайную величину ξ_i , характеризующую степень его значимости [9]. Математические ожидания этих гипотетически существующих случайных величин можно рассматривать в качестве оценок чисел v_i .

Закон сравнительного суждения Терстоуна утверждает: чем чаще материал a_i предпочитается материалу a_j , тем дальше отстоят друг от друга числовые характеристики v_i и v_j этих материалов [10]. Отсюда следует:

$$P(\xi_i > \xi_j) = P(\xi_{ij}) = p_{ij} \quad (3)$$

где $\xi_{ij} = \xi_i - \xi_j$.

Если величины ξ_i, ξ_j распределены по нормальному закону с параметрами m_i, σ_i и m_j, σ_j , то распределение величины ξ_{ij} также будет нормальным с параметрами m_{ij} и σ_{ij} . [11]:

$$f(\xi_{ij}) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}\sigma_{ij}} \exp\left(-\frac{\xi_{ij} - m_{ij}}{2\sigma_{ij}^2}\right) \quad (4)$$

Поэтому для вероятности выполнения условия $\xi_{ij} > 0$ получим:

$$P(\xi_{ij} > 0) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}\sigma_{ij}} \int_0^{\infty} \exp\left(-\frac{(\xi_{ij} - m_{ij})^2}{2\sigma_{ij}^2}\right) d\xi_{ij} = \int_{\left|\frac{\xi_{ij} - m_{ij}}{\sigma_{ij}} = t\right|} d\xi_{ij} = \sigma_{ij} \int_{-\frac{m_{ij}}{\sigma_{ij}} \leq t < \infty} = 1 - \Phi\left(-\frac{m_{ij}}{\sigma_{ij}}\right) = \Phi\left(\frac{m_{ij}}{\sigma_{ij}}\right), \quad (5)$$

где $\Phi(z)$ — функция нормированного нормального распределения:

$$\Phi(z) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \int_{-\infty}^z e^{-\frac{t^2}{2}} dt \quad (6)$$

С учетом соотношения (5) уравнение (3) принимает вид:

$$\Phi\left(\frac{z_{ij}}{\sigma_{ij}}\right) = p_{ij} \quad (7)$$

где

$$z_{ij} = \frac{m_{ij}}{\sigma_{ij}} \quad (8)$$

Функцию $\Phi(z)$ будем аппроксимировать полиномом:

$$\Phi(z) \approx 0.5 + 0.3974z + 0.0156z^2 - 0.1041z^3 + 0.0364z^4 + 0.0041z^5 + 0.00005z^6 \quad (9)$$

С помощью уравнения (7) можно осуществить переход от матрицы относительных частот (p_{ij}) к матрице различий материалов (z_{ij}) .

Параметры распределения величины ξ_{ij} выражаются через математические ожидания и дисперсии величин ξ_i и ξ_j следующим образом [10,11]:

$$\begin{aligned} m_{ij} &= m_i - m_j \\ \sigma_{ij} &= \sqrt{\sigma_i^2 + \sigma_j^2 - 2r_{ij}\sigma_i\sigma_j} \end{aligned} \quad (10)$$

где r_{ij} — коэффициенты корреляции между ξ_i и ξ_j .

Предположим, что мнения каждого эксперта о различных материалах не зависят друг от друга, а мера уверенности в своем выборе, характеризуемая значениями σ_i у различных экспертов примерно одинакова. Тогда $r_{ij} = 0$, $\sigma_i = \sigma_j = \sigma$, а $\sigma_{ij} = \sqrt{2}\sigma$. В этом случае из соотношения (8) вытекают уравнения для определения математических ожиданий:

$$m_i - m_j = z_{ij}\sqrt{2}\sigma \quad (11)$$

Принимая за единицу искомой шкалы число $\sqrt{2}\sigma$, перепишем соотношение (10) в виде:

$$m_i - m_j = z_{ij} \quad (12)$$

Соотношение (12) определяет систему $n(n-1)/2$ линейных уравнений для n неизвестных $m_1, m_2, \dots, m_n$.

Поскольку число неизвестных меньше числа уравнений, то эта система переопределена. Уравнивать числа неизвестных и уравнений путем отбрасывания лишних уравнений нецелесообразно, т.к. при этом часть информации теряется. Более обоснованным подходом к решению системы уравнений является применение метода наименьших квадратов [8]. Согласно этому методу приближенное решение системы должно минимизировать сумму квадратов невязок, которые получатся при подстановке этого решения во все уравнения:

$$S = \sum_{ij} (m_i - m_j - z_{ij})^2 \rightarrow \min \quad (13)$$

Преобразуем систему (12) к стандартному виду:

$$A \cdot M = B, \quad (14)$$

где $A = (a_{ij})$, $M = (m_1, m_2, \dots, m_n)^T$, $B = (z_{12}, \dots, z_{1n}, z_{23}, \dots, z_{2n}, \dots, z_{n-1,n})^T$

Например, при $n = 4$ система уравнений (14) записывается так:

$$\begin{pmatrix} 1 & -1 & 0 & 0 \\ 1 & 0 & -1 & 0 \\ 1 & 0 & 0 & -1 \\ 0 & 1 & -1 & 0 \\ 0 & 1 & 0 & -1 \\ 0 & 0 & 1 & -1 \end{pmatrix} \cdot \begin{pmatrix} m_1 \\ m_2 \\ m_3 \\ m_4 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} z_{12} \\ z_{13} \\ z_{14} \\ z_{23} \\ z_{24} \\ z_{34} \end{pmatrix}$$

Выражение (13) принимает вид:

$$S = \sum_{i=1}^n \left(\sum_{j=1}^m a_{ij} m_j - b_i \right)^2 \rightarrow \min \quad (15)$$

Приравняв нулю частные производные функции $S(m_1, m_2, \dots, m_n)$, получим следующую систему уравнений:

$$\frac{\partial S}{\partial m_k} = \sum_{j=1}^m \left(\sum_{i=1}^n a_{ik} \cdot a_{ij} \cdot m_j \right) - \sum_{i=1}^n a_{ik} \cdot b_i = 0 \quad (16)$$

Из m уравнений (16) независимыми являются только $m-1$ из них. То есть система уравнений недоопределена. Для ее решения одно из чисел m_i можно выбрать произвольно. Поэтому итерационная процедура находит решение, которое зависит от начального приближения, но порядок между числами $m_1, m_2, \dots, m_n$ сохраняется.

Найденные таким образом шкальные оценки учебных материалов не являются их числовыми характеристиками, поскольку единичный отрезок шкалы, равный $\sqrt{2}\sigma$ остается неизвестным, а начало отсчета может быть выбрано произвольно. Содержательный смысл имеет лишь структура интервалов между шкальными оценками, позволяющая сравнивать эффективность учебных материалов и ранжировать их по степени значимости [11,12].

Рассмотрим практический пример использования изложенного варианта метода парных сравнений для оценки учебных материалов, используемых в работе кафедры огневой подготовки БЮИ. Группа экспертов (преподавателей и курсантов) попарно сравнивает значимость и эффективность шести учебных фильмов по огневой подготовке. В результате обработки матриц парных сравнений получена следующая матрица относительных частот:

$$P = \begin{pmatrix} * & 0.58 & 0.70 & 0.84 & 0.92 & 0.98 \\ 0.42 & * & 0.52 & 0.66 & 0.84 & 0.90 \\ 0.30 & 0.48 & * & 0.52 & 0.64 & 0.86 \\ 0.16 & 0.34 & 0.48 & * & 0.56 & 0.68 \\ 0.08 & 0.16 & 0.36 & 0.44 & * & 0.56 \\ 0.02 & 0.1 & 0.14 & 0.32 & 0.44 & * \end{pmatrix} \quad (17)$$

В результате численного решения уравнения (7) получаем вектор B :

$$B = (0.2; 0.52; 0.99; 1.4; 2.02; 0.05; 0.41; 0.99; 1.28; 0.05; 0.36; 1.08; 0.15; 0.47; 0.15)^T$$

Система (15) принимает вид:

$$\begin{pmatrix} 5 & -1 & -1 & -1 & -1 & -1 \\ -1 & 5 & -1 & -1 & -1 & -1 \\ -1 & -1 & 5 & -1 & -1 & -1 \\ -1 & -1 & -1 & 5 & -1 & -1 \\ -1 & -1 & -1 & -1 & 5 & -1 \\ -1 & -1 & -1 & -1 & -1 & 5 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} m_1 \\ m_2 \\ m_3 \\ m_4 \\ m_5 \\ m_6 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 5.15 \\ 2.54 \\ 0.91 \\ -0.84 \\ -2.76 \\ -5 \end{pmatrix} \quad (18)$$

При сложении уравнений (18) получаем тождество, поэтому система (18) недоопределена. Если систему решать итерационно, то вычисления сходятся без предварительной подготовки к следующему результату:

$$m = (0.86; 0.42; 0.15; -0.14; -0.46; -0.83)^T$$

Поскольку в полученном решении имеют значение только интервалы между оценками, то для наглядности можем перенести полученное решение в область положительных значений (рис. 1):

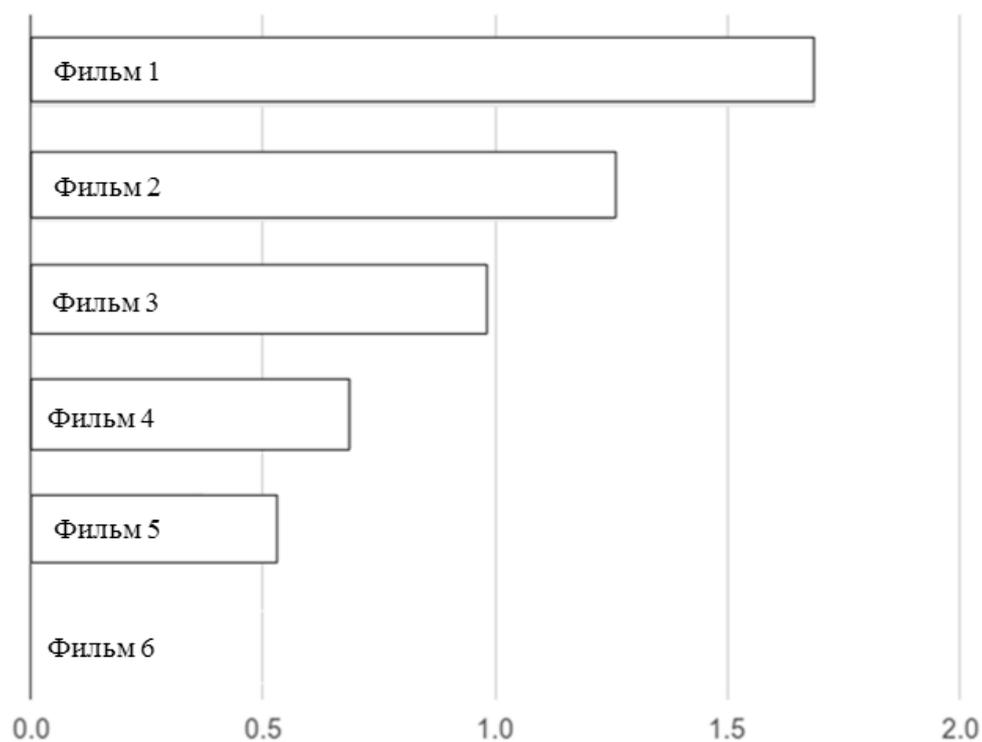

Рис. 1. Результаты ранжирования учебных материалов

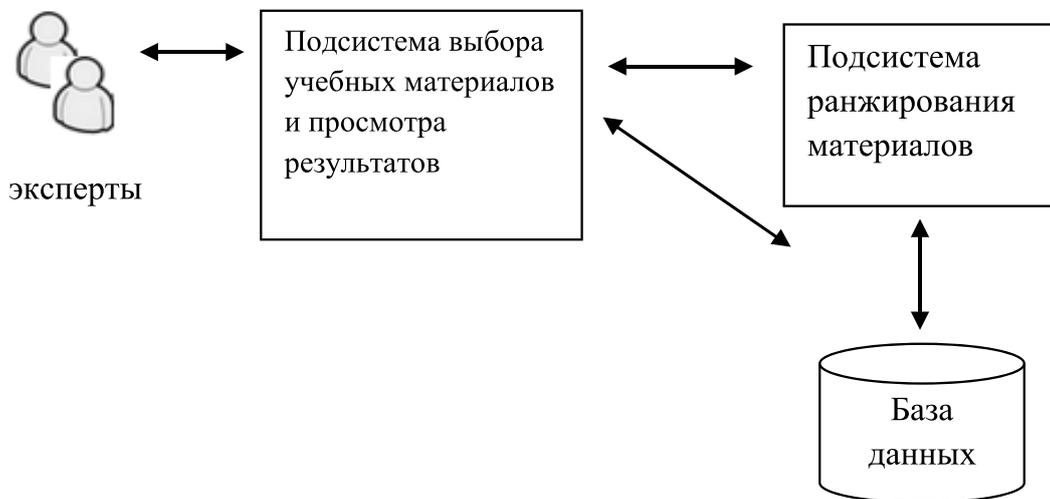

Рис. 2. Структурно-функциональная схема информационной системы

$$m = (1.69; 1.26; 0.99; 0.69; 0.37; 0.0)^T$$

Повысить достоверность оценки учебных материалов можно путем привлечения к их анализу широкого круга активных заинтересованных граждан, обладающих разнообразными знаниями и опытом. Организовать участие таких экспертов в оценке учебных материалов можно с использованием web-технологий.

На основе рассмотренного варианта метода парных сравнений разработана структура информационной системы (рис. 2).

Информационная система должна обеспечивать выполнение следующих функций:

- ◆ Регистрация пользователей
- ◆ Добавление материалов в систему

- ◆ Просмотр существующих материалов
- ◆ Оценка материалов
- ◆ Вывод результатов оценки учебных материалов.

Выводы

1. Метод парных сравнений является эффективным инструментом ранжирования объектов различной природы

(материалов, критериев, факторов, инноваций и др.), необходимым для определения приоритетов и обоснования организационно-управленческих решений.

2. Перспективным направлением повышения достоверности сравнительных оценок эффективности учебных материалов является использование результатов их практического применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбатов В. И., Курбатова О. В. Социальное проектирование: учебное пособие. Ростов на Дону. Феникс, 2001. — 416 с.
2. Луков В. А. Социальное проектирование: учебное пособие. -М.: Изд-во Московского гуманитарного университета: Флинта, 2007. — 240с.
3. Минаев А. В. Критерии и методы оценки проектов социального предпринимательства. Труды МФТИ. 2011. Том 3. № 3. С. 153–158.
4. www.nornik.com
5. Ситников А. П. Методы оценки эффективности инвестиций в социально-экономические проекты. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2010. № 3 (65). С. 89–94.
6. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. -М.: Радио и связь. 1993. — 278 с.
7. Орлов А. И., Луценко Е. В. Системная нечеткая интервальная математика. — Краснодар, Изд-во КубГАУ, 2014. — 600 с.
8. Дэвид Г. Метод парных сравнений. — М.: Статистика. 1978. — 144 с.
9. Гусев А. Н., Уточкин И. С. Психологические измерения. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 317 с.
10. Thurstone L. L. A law of comparative judgement. Psychol. Rev. 34. 1927. P 273–286.
11. Толстова Ю. Н. Измерение в социологии. — М.: КДУ. 2007. — 288 с.
12. Толстова Ю. Н. Новые информационные технологии как фактор повышения эффективности социологического исследования // Математическое моделирование социальных процессов. Сб. трудов. Вып. 17. — М.: Экономинформ. 2015. С. 210–228.

© Северин Николай Николаевич (severin-belui@yandex.ru), Гусев Юрий Михайлович,
Михеев Игорь Анатольевич, Радоцкий Владимир Юрьевич, Северин Сергей Николаевич.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина

СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ

STATUS, PROBLEMS AND PERSPECTIVE OF ENGINEERING EDUCATION IN THE REGIONS

**M. Hachev
S. Temmoeva**

Summary. The article deals with the issues of engineering education against the background of changes in the economy and politics. Special emphasis is placed on the problems encountered by regional universities, the reasons for the constant shortage of applicants for engineering specialties, analyzes the relationship between the training of good engineers and their further demand for outdated, and in the regions, more often and missing production. The authors suggest measures that would help to revive these areas of training, would make training in the specialties of the technical unit in demand.

Keywords: engineering education, engineering science, mathematical education, educational technology, practical activity.

Хачев Мухадин Мухарбиевич

*Д.ф.-м.н., профессор, Кабардино-Балкарский ГАУ,
г. Нальчик*

khachev.mukhadin@yandex.ru

Теммоева Светлана Анатольевна

*К.э.н., доцент, Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик
s.temm@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы инженерного образования на фоне происходящих в экономике и политике изменений. Особый акцент делается на проблемы, с которыми встречаются региональные вузы, исследуются причины постоянного недобора абитуриентов на инженерные специальности, анализируется взаимосвязь между подготовкой хороших инженеров и их дальнейшей не востребованностью на устаревшем, а в регионах, чаще и отсутствующем производстве. Предлагаются меры, которые на взгляд авторов, способствовали бы оживлению этих направлений подготовки, сделали бы обучение на специальностях технического блока востребованными.

Ключевые слова: инженерное образование, технические науки, математическая подготовка, образовательные технологии, практическая деятельность.

Введение

Анализируя всё, что говорилось о развитии образования в России в последние десятилетия, невозможно не заметить, что практически ничего и никогда не упоминалось о техническом образовании. Мы активное внимание уделяли гуманитарным, экономическим, юридическим специальностям. В то же время, весь мир бил тревогу по поводу снижения популярности технических специальностей среди молодёжи, нехватки выпускников с инженерным образованием. Мало что делалось в этом направлении. Но осознавали, что это является реальной угрозой прогрессивного развития общества, без которого наша страна не в состоянии разрешить те экономические и социальные проблемы, которые накопились внутри неё, а также войти на равных в мировое сообщество развитых государств. Спрос на квалифицированных «технарей» во всем мире неуклонно растёт. «И здесь отчетливо ощущается нехватка кадров необходимой квалификации, специалистов, которые могли бы как сами создавать, так и оказывать содействие по внедрению международных достижений науки и техники в отечественную экономику» [1].

Методология проведения работ

По всем прогнозам, на рынке труда ощущается острая нехватка, дефицит инженеров и техников. К сожалению,

в нашей стране данная проблема даже не воспринималась всерьёз[2;3;4]. Все наши вузы, как профильные, так и непрофильные, были напичканы всеми направлениями подготовки, кроме медленно умирающих, несовременных, традиционных технических направлений, на которых наблюдалось неуклонное снижение студентов. Соответственно, это сказывалось и на качестве подготовки специалистов.

Конечно, как и во всем мире, этому есть разумное, на первый взгляд, объяснение. Снижение популярности связывали с экономической и политической обстановкой в стране, имевшей место с конца 90-х годов. Неконтролируемый ввоз иностранной продукции всех видов производства в неограниченном количестве, низкие цены на неё привели к свертыванию практически всей промышленности страны, отсутствию собственного производства, закрытию предприятий, даже имеющих громкую славу на мировых рынках. Естественным следствием этого процесса, на фоне ухудшающейся демографической ситуации, явился отток квалифицированных специалистов, закрытие научных школ, падение престижа инженерных специальностей. Молодежь выбирала то образование, которое могло бы дать им перспективное, престижное, материально обеспеченное будущее, а не низкооплачиваемую работу, к тому же достаточно рутинную, скучную, а часто и достаточно тяжелую [2]. Поэтому с каждым годом всё сложнее было набрать

абитуриентов на эти специальности, несмотря на наличие большого числа бюджетных мест, подкрепленных стипендией[5]. При этом следует заметить, что ведущие инженерные вузы страны, имеющие вековую устойчивую репутацию, такие, как МГТУ им. Н.Э. Баумана, нефтегазовые учебные заведения, к счастью, устояли против воздействия всеразрушающего кризиса, сохранив репутацию учебных заведений, выпускающих сильных специалистов.

Ход исследования

В последнее время экономическая ситуация в стране улучшилась. Может быть влияние санкций, реализация программы по импорт замещению, необходимость возрождения собственной промышленности и производства, переход к инновационному развитию привели к осознанию важности наличия у государства грамотных, успешных инженеров. Но, несомненно, одно: нужно реформировать систему инженерного обучения в силу наметившейся тенденции к востребованности инженерных кадров и, в особенности, рабочих и технических специальностей. Изменилось отношение к процессу образования на этих специальностях. Так, были проведены парламентские слушания на тему «Развитие инженерного образования и его роль в технологической модернизации России» [3], в ходе которых были приняты решения о помощи техническим вузам, как материальной, так и финансовой, развитии их кадрового потенциала, повышении стипендий студентам и аспирантам. Кроме того, рассмотрены вопросы проведения курсов «по повышению квалификации не менее чем 5 тыс. специалистов инженерно-технического профиля. Планов, в общем-то, много. Все они направлены на поднятие качества инженерного образования» [3].

Результаты исследования. Анализируя ситуацию, сложившуюся в этом направлении в Кабардино-Балкарии, заметим, что в вузах республики сумели сохранить традиционные инженерные специальности, имевшиеся со дня открытия этих вузов. Это: «Промышленное и гражданское строительство», «Технология машиностроения», «Механизация сельского хозяйства», «Мелиорация, рекультивация и охрана земель», «Инженерные системы сельскохозяйственного водоснабжения, обводнения и водоотведения», «Природоохранное обустройство территорий», «Технология обслуживания и ремонта машин в агропромышленном комплексе». Позитивным моментов в развитии вузов является открытие и новых специальностей: «Энергообеспечение предприятий», «Экспертиза и управление недвижимостью», «Землеустройство», «Автомобили и автомобильное хозяйство», «Дизайн», «Технология продуктов общественного питания, хлеба, кондитерских и макаронных изделий», «Конструкторско-технологическое обеспечение маши-

ностроительных производств», «Мехатроника и робототехника», «Управление в технических системах», «Радиотехника», «Электроника и наноэлектроника».

Кроме того, высшие учебные заведения республики сумели сберечь и свой кадровый потенциал по этим направлениям, но в связи с тем, что количество поступающих резко упало, профессорско-преподавательский состав практически не обновлялся, старел, что не способствовало их научному и педагогическому росту и сказывалось на качестве образовательного процесса. Преемственность поколений преподавателей отсутствует, так как остались, в основном, люди уже достаточно преклонного возраста. В регионе средний возраст преподавателей инженерных направлений составляет 55–60 лет. Хотя, с другой стороны, именно благодаря опыту старшего поколения не так значительно была заметна деградация уровня подготовки инженеров. Студенты наших вузов успешно выступают на различных творческих конкурсах (Всероссийские молодежные образовательные форумы «Территория смыслов на Клязьме», «Таврида-2017», «Машук –2017»), занимая призовые места.

Как известно, одним из главных показателей профессионального роста педагога является получение звания кандидата или доктора наук. Что касается экономических, сельскохозяйственных, педагогических, филологических, медицинских направлений, то в обоих вузах республики имеются Советы по защите диссертаций по этим специальностям. Относительно же технических и инженерных специальностей, то в Кабардино-Балкарском Государственном университете есть Советы Д.212.076.11. и Д.212.076.09., предполагающие возможность получения степени кандидата или доктора технических наук, но, зная расшифровку этих Советов, они далеки от именно инженерных направлений. Выезжать за пределы для работы над диссертацией и её последующей защиты большинство молодых преподавателей не имеют возможности. Это привело к тому, что в республике за последние годы практически нет молодых ученых, защитившихся по техническим специальностям.

Обратим внимание на ещё одну задачу, связанную именно с техническим образованием. Для нашего региона озабоченность вызывает проблема набора абитуриентов на первые курсы[1,5]. «К сожалению, качество школьного образования продолжает снижаться. С каждым годом ухудшается математическая подготовка, а это самым тесным образом связано с качеством подготовки инженеров. Приходят дети с пороговыми баллами по ЕГЭ. Преподаватели вузов вынуждены в дополнительное время проводить занятия с первокурсниками по темам школьного курса, необходимым им для дальнейшей работы. Сейчас за решение проблем школьного образования взялись вплотную, и мы надеемся, что положение

будет выправляться, прежде всего, за счет улучшения обучения по базовым школьным дисциплинам, в число которых, несомненно, входит математика» [3]. Поэтому, было бы правильным, ещё на уровне довузовского образования выявлять и поддерживать молодежь, одаренную в областях, соответствующих профилям образовательного учреждения, умеющую самосовершенствоваться и работать самостоятельно[5,7].

Большинство поступающих на обучение на эти специальности делают это только для того, чтобы просто иметь документ хоть о каком-то высшем образовании, учитывая невысокий конкурс и низкие проходные баллы [5,7]. В дальнейшем они не работают по специальности. Во-первых, к сожалению, в республике практически нет производств и, соответственно, вакантных мест инженеров на них. Во-вторых, низкая заработная плата, практическое отсутствие возможности карьерного роста, непривлекательные условия труда. Всё это является причиной не востребованности этих специальностей. Кроме того, сама подготовка и обучение инженеров имеют некоторую особенность. Сложность в подготовке инженеров состоит в том, что эти специалисты могут обучаться, как бы, под нужды определенных предприятий, под заказчика, а могут быть инженерами-разработчиками новых инновационных технологий. В первом случае, больший акцент надо делать на практическую направленность процесса обучения, усиление контактов с производственными предприятиями. В новых образовательных программах предусмотрено, что в учебном процессе при проведении практических занятий обязательным является участие представителей предприятий и учреждений, на которых будут трудоустроены будущие выпускники. Это в дальнейшем помогает им легко адаптироваться на месте работы и раскрыть все знания, полученные при обучении в вузе. Но в республике практически нет реальных производств, на которых можно было бы пройти производственную практику для получения реального опыта работы. Поэтому, наверно, надо вложиться в создание современных лабораторий, на базе которых стало бы возможным проведение занятий, по получению навыков.

Область применения

К счастью, опыт функционирования филиалов кафедр на предприятиях в вузах республики не полностью растерян. В настоящее время в рамках реализации инвестиционных проектов в республике ведётся работа, направленная на подготовку инженерных кадров для будущих производств[6]. Принято решение о создании на базе КБГУ кафедр совместно с научно-производственным объединением в области умных полимеров и новых материалов, а также совместно с промышленным комплексом «Этана». Рассматривался вопрос о подготовке кадров для строительства нового гидрометаллургиче-

ского завода и Тырныаузского комбината. В КБГАУ эффективно взаимодействуют кафедры «Энергообеспечение предприятий», «Гидромелиоративных сооружений» с профильными организациями республики.

Во втором — на творческую составляющую, научно производственную часть обучения. В связи с этим, получают развитие вузы, имеющие четкую программу результативной работы, обучения, направленного на формирование выпускника, обладающего профессиональными навыками, соответствующими требованиям компетентностного подхода в образовании. Ведь подготовка инженеров требует не только выработки компетенций инженерного содержания, но и знаний и умений в конкретной области практической деятельности[7]. Наши учебные программы достаточно мобильны и позволяют осуществлять подготовку в обоих направлениях. Нужна только дальнейшая востребованность этих специалистов, а это, к сожалению, уже задача, решаемая не в рамках процесса обучения. «Этот сложный клубок проблем и обстоятельств может быть разрешен только совместными усилиями всех задействованных не только в процессе образования и подготовки кадров, но и тех, для кого эти кадры готовятся, кем они будут востребованы» [1]. При таком подходе оживет и целевой прием в профильные вузы. Он практически исчез, так как в республике мало предприятий, которые могли бы позволить себе направить человека на обучение.

Выводы

В заключении хотелось бы отметить, что вопрос о важности стабильного развития технического и инженерного образования уже даже не обсуждается, настолько он очевиден. Необходимо не сокращать прием в технические вузы, как бы с целью уменьшения числа слабых инженеров, а, наоборот, обеспечить приток хорошо подготовленных абитуриентов, разумно использовать тот творческий и научный потенциал, который у нас имеется. К причинам не соответствия уровня развития нашей инженерной школы зарубежным аналогам, по мнению автора, «относятся разрушение связей между фундаментальной и прикладной наукой, между наукой и производством, невосполнимый разрыв между поколениями специалистов и в науке, и в образовании, и в промышленности, нарушение преемственности в передаче как формального, так и неформального знания. Очевидно, что взамен разрушенной системы воспроизводства знаний, не была построена новая, адекватная требованиям времени, которая была бы способна создавать и поддерживать инновационные процессы в экономике» [1]. Однозначно одно, что пришла пора уделить пристальное внимание инженерному образованию, так как реализация задачи инновационного развития экономики без этого невозможна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теммоева С. А., Трамова А. М., Хачев М. М. Проблемы кадрового обеспечения вузовского образования экономики инновационного типа // Интернет-журнал «Науковедение». — 2014. — № 6(25) Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/30EVN614.pdf> (доступ свободный)
2. Проблемы инженерного образования и их решение с участием промышленности // Наука и образование: Научное издание МГТУ им. Н. Э. Баумана. — Издатель ФГБОУ ВПО «МГТУ им. Н. Э. Баумана». — 2014. — Эл № ФС 77–48211.
3. Рекомендации участников парламентских слушаний по теме « Развитие инженерного образования и его роль в технологической модернизации России(12.05.2011)» [Электронный ресурс]- Режим доступа: aeer.ru/files/recomendaition-12.Doc
4. Складорова Е. А., Ерофеева Г. В., Лидер А. М. Проблемы технического образования // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 10(часть12). — С. 2798–2801; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32875>
5. Теммоева С. А. Анализ и обоснование подготовленности абитуриента к обучению в вузе// «Известия КБГАУ». — № 4(14) .-2016. — С. 124–130
6. Теммоева С. А., Трамова А. М., Хачев М. М. Роль вузовской науки в инновационном развитии народного хозяйства// Интернет-журнал «Науковедение». — 2015. — Том 7. — № 5(30) [Электронный ресурс]-М.: Науковедение, 2015. — Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/sbornik6/4.pdf>
7. Шомполов И. Г., Трушин В. Б., Сапунов М. А., Токмакова А. А. Система довузовского дополнительного образования — один из инструментов выявления и отбора талантливой молодежи [Текст] // Труды 53-й научной конференции МФТИ «Современные проблемы фундаментальных и прикладных наук». Часть XII. — М. — МФТИ. — 2010. — С. 63–64

© Хачев Мухадин Мухарбиевич (khachev.mukhadin@yandex.ru), Теммоева Светлана Анатольевна (s.temm@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Нальчик

ФЕНОМЕН ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЛАКУНЫ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ

THE PHENOMENON OF THE LINGUOCULTURAL GAP IN THE MODERN FRENCH-SPEAKING NOVEL

T. Agoshkova

Summary. In this article, the phenomenon of linguocultural gap is examined through the French-language literary discourse, namely the novel. The linguocultural gap is a marker that demonstrates a different picture of thinking and disrupts the process of intercultural and interpersonal communication. This issue is about the exceptional importance in the development of the modern multicultural space.

Keywords: gap, linguocultural gap, translingual gap, realia, concept.

Агошкова Татьяна Валерьевна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет» (МПГУ) (Москва)
agochkovatiana@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен лингвокультурной лакуны сквозь призму франкоязычного художественного дискурса, а именно романа. Лингвокультурная лакуна является маркером, демонстрирующим иную картину мышления и нарушающим процесс межкультурного и межличностного общения. Данный вопрос представляет собой исключительную важность в развитии современного поликультурного пространства.

Ключевые слова: лакунарность, лингвокультурная лакуна, межязыковая лакуна, реалия, концепт.

Лингвокультурная лакуна представляет собой феномен, служащий средством разграничения нескольких когнитивно-языковых систем. Именно поэтому одной из важнейших задач современных лингвистики, культурологии и смежных с ними наук является её непрерывное изучение. В лингвистике лакунарность представляет собой систему лингвокультурных барьеров, препятствующую успешному процессу кросскультурной коммуникации [Rohn, 2010]. Это понятие непосредственно связано с термином реалии — концепта, отражающего систему ценностей определенной культуры и присущего исключительно ей. Г.Д. Томахин в исследовании «Реалии-американизмы» выделяет три типа реалий:

1. Ономастические реалии, включающие топонимы, антропонимы и названия произведений искусства.
2. Реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой, к которым относятся термины государственного устройства, быта и традиций.
3. Реалии афористического уровня подразумевающие афоризмы, пословицы, поговорки и др. [Томахин, 1988].

В данной статье, опираясь на классификацию Г.Д. Томахина, мы проанализируем межязыковой тип лингвокультурной лакуны на примере современного франкоязычного романа при сопоставлении текста с его русским переводом, а именно в качестве опоры на художественный текст, мы будем использовать фрагменты из романа французского писателя Франка Тилье (Franck Thilliez) «Pandemia» (2015) и его перевод — «Пандемия» (2017).

Мы сравним два варианта текста и найдём различия в вариантах передачи одной и той же идеи на разных языках (французском и русском соответственно).

В романе Франка Тилье «Пандемия» («Pandemia»), избранном нами для анализа, мы наблюдаем следующие лингвокультурные лакуны:

В начале романа персонаж Амандина Герен, по профессии микробиолог оперативной группы при Национальной жандармерии, занимается исследованием бактерий в лаборатории:

1) «Une espèce de GIGN du microbe, qui comportait quatre scientifiques chevronnés et mobiles parmi les douze employés du GIM» [Thilliez, 2016: 7].

«Нечто вроде *опергруппы при Национальной жандармерии*, только по биоопасности, включавшей четырех ученых, титулованных и мобильных, из двенадцати сотрудников ГМР [Тилье, 2017: 7].

В данной фразе мы видим денотативный лингвокультурный концепт GIGN. При передаче на русский язык переводчик прибегнул к приёму описательного перевода путем расшифровки аббревиатуры GIGN- Groupe d'Intervention de la Gendarmerie Nationale (досл.: оперативный отряд Национальной Жандармерии), а также поясняющей сноски, вынесенной внизу страницы: «Национальная жандармерия Французской Республики — части внутренних войск (ВВ), судебного конвоя, региональной и военной полиции Французской республики»

двойного подчинения (Министерству внутренних дел и Министерству обороны Французской Республики). Наряду с Национальной полицией является важнейшей составной частью административного аппарата системы исполнительной власти Республики» [Тилье, 2017: 7]. Таким образом, для передачи данной идеи переводчик посчитал необходимым расширить понятие для русскоязычного читателя.

Ученым сообщили, что в заповеднике Маркантер были обнаружены трупы диких лебедей, куда они и выехали в срочном порядке:

2) «Ils arrivèrent dans *la Somme* deux heures plus tard» [Thilliez, 2016: 11].

«Два часа спустя они приехали в *департамент Сомм*» [Тилье, 2017: 11].

Ономастическая реалия, представляющая топоним *la Somme* представляет собой реалию современного мира. Сомма — денотативный концепт, представляющий департамент на севере Франции. Переводчик при передаче данной реалии на русский язык прибегает к методу транскрипции — [sɔm] — Сомм в отличии от общепринятой деноминации «Сомма», а также прием добавления гиперонима — лексемы «департамент», характеризующей данный концепт и определяющей его в определенный класс понятий.

Повествователь описывает период жизни главных персонажей романа — Амандины и Фонга, проведенного до брака:

3) «Juste avant le mariage, *Amandine* lui avait demandé s'il était prêt à épouser une femme avec un *prénom aussi dangereux*: l'amande n'était-elle pas l'odeur du cyanure, ce poison radical qui pouvait vous souffler la vie sans que vous vous en rendiez compte?» [Thilliez, 2016: 21].

«Перед самой свадьбой *Амандина* спросила его, готов ли он жениться на женщине с таким опасным именем: ведь цианид, смертельный яд, который может убить так, что и не заметишь, пахнет миндалем [Тилье, 2017: 20].

Антропонимическая ономастическая реалия Амандина, имя одного из главных персонажей романа, представляет собой лингвокультурную лакуну, проявляющуюся в этимологии слова, относящейся к франкоязычной традиции и непонятного для русскоязычного читателя. При передаче данного концепта на русский язык переводчик прибегнул к методу экспликации, введя в текст следующую сноску: «Имя Амандина по-французски означает «миндалина» [Тилье, 2017: 20];

тем самым переводчик стремится избежать неоднозначности в интерпретации контекстуальной информации.

Эпиграфом к восемнадцатой главе романа служит следующий авторский текст:

4) «Le Déluge arrivera d'abord par le ciel, puis l'Apocalypse sortira des entrailles de la terre. Les couleurs vireront au noir, puis au rouge. Toi qui as lu ce message, sache que je remonterai des abysses les plus insondables et que je viendrai te chercher. Que tu sois bien caché, ou visible au milieu de la rue.

Ce monde doit être purgé, nettoyé. Une armée noire, vengeresse, germe lentement dans les sillons, grandissant pour les récoltes du siècle futur, et dont la germination va faire bientôt éclater la terre» [Thilliez, 2016: 99].

«Потоп сначала обрушится с неба, потом Апокалипсис выйдет из недр земли. Цвета станут черными, потом красными. Ты, читающий это послание, знай, что я выйду из глубочайших бездн и приду за тобой. Хоть ты и прячься, хоть будь на виду посреди улицы.

Этот мир должен быть очищен, отмыт. На ниве растут всходы, грозная черная рать созревает для будущей жатвы, и посев этот скоро пробьёт толщу земли» [Тилье, 2017: 95].

В данном эпиграфе рассказчик говорит о возможном приближении всемирной катастрофы из-за мгновенного распространения вируса, переносимого птицами. Переводчик вводит в текст сноску: «Последняя фраза является почти дословной цитатой из романа Эмиля Золя «Жерминаль» [Тилье, 2017: 95]. Как известно, в романе «Жерминаль» речь идёт о забастовке рабочих шахт, которая ещё больше усугубляет положение и приводит к катастрофе и гибели самих бастующих. Таким образом, реалия афористического характера, представляющая неточную цитату из романа Э. Золя, вплетается в канву произведения, придавая роману иной смысл — создает дополнительную эмоционально-стилистическую окраску неизбежности худшего, необходимости принять меры для предотвращения нависающей угрозы и возможности катастрофических последствий для будущего мира.

В следующем отрывке рассказчик описывает визит Амандины Герен в административное здание парижской жандармерии с целью побеседовать с начальником.

5) «Elle voyait de grands écussons accrochés ou peints sur les murs, un tigre noir sur fond blanc en souvenir de *Georges Clemenceau* [Thilliez, 2016: 126].

«Она видела большие эмблемы, висевшие или нарисованные на стенах, черного тигра на белом фоне в память о *Жорже Клемансо*» [Тилье, 2017: 121].

Ономастическая реалия, обозначающая антропоним Жорж Клемансо, неведома русскоязычной культуре, поэтому экплицируется переводчиком в виде сноски: «Известный французский политический деятель Жорж Клемансо (1841–1929) получил прозвище Тигр за жесткий характер и непримиримость к политическим противникам» [Тилье, 2017: 121]. Следовательно, денотативный концепт, помимо своей номинативной функции, несёт на себе и коннотативный аспект, дополняя подобным описанием строгость здания.

Таким образом, проанализировав пять примеров, взятых из французского романа современного писа-

теля Франка Тилье, мы можем сделать следующие выводы: практически во всех случаях, в которых встречается русскоязычному читателю лингвокультурная лакуна, переводчик прибегает к сноске, как основному принципу экспликации как ономастических реалий, реалий, выраженных апеллятивной лексикой, так и реалий афористического характера. Лишь в одном случае из пяти переводчик избежал употребления сноски прибегнув к методу добавления связующего элемента. Благодаря подобному типу пояснений, переводчик раскрыл перед читателем не только денотативные, но и коннотативные составляющие интертекста. По нашему мнению, лингвокультурная лакуна должна быть изучена на более глубоком уровне с целью элиминирования большинства коммуникативных неудач при межкультурной и межличностной интеракции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rohn U. Cultural Barriers to the Success of Foreign Media Content. Western Media in China, India and Japan. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2010. — 431 p.
2. Thilliez F. Pandemia. Paris: Pocket, 2016. — 696 p.
3. Тилье Ф. Пандемия. М.: Азбука СПб, 2017. — 448 с. — (Звезды мирового детектива).
4. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению: Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. — М.: Высшая школа, 1988. — 239 с.

© Агошкова Татьяна Валерьевна (agochkovatiana@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ АРМЕЙСКОЙ СУБКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ США В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

THE U.S. MILITARY SUBCULTURE SYSTEM OF VALUES IN THE MIRROR OF PHRASEOLOGY (AS EXEMPLIFIED IN ENGLISH)

M. Angaleva

Summary. This paper describes the system of axiological orientations of the U.S. military subculture comprehended through the prism of phraseology. Our research focuses on the collective consciousness of the Anglo-Saxon linguoculture and its phraseological units reflecting positive representations of the U.S. military referential image. The latter is invariably associated with patriotism, fortitude, courage, selfless service to the God's Country and loyalty to the high principles of the military brotherhood.

Keywords: U. S. Armed Forces; military subculture; U.S. military system of values; U.S. military referential image; phraseology; phraseological unit.

Ангалева Мария Анатольевна

К. филол. н., доцент, ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
angalevama@yandex.ru

Аннотация. Предлагаемая вниманию читателя статья посвящена описанию системы аксиологических ориентаций армейского языкового коллектива США, осмысленных сквозь призму единиц лексико-фразеологического массива. Акцент исследования сделан на выявлении ФЕ, отражающих в коллективном сознании носителей англосаксонской лингвокультуры положительные репрезентации референтного облика американского военнослужащего. Делается вывод о том, что репрезентируемый фразеологическими единицами национального языка эталонный образ служивого человека неизменно ассоциируется с патриотизмом, силой духа, мужеством, беззаветным служением отчизне и верностью высоким идеалам воинского братства.

Ключевые слова и фразы: вооруженные силы США; армейская субкультура; система ценностей американского военнослужащего; референтный облик американского военнослужащего; фразеология; фразеологическая единица.

Проблематика исследования единиц лексико-фразеологического массива, восходящих к культурно-историческому фонду того или иного лингвокультурного ареала, по-прежнему представляет живой интерес для современного исследователя. Объектом научных изысканий избран лексико-фразеологический пласт английского языка как неотъемлемая часть армейского идиома. Предметную область настоящего исследования составляет система ценностных ориентаций референтного облика американского военнослужащего, запечатленная во фразеологическом строе английского языка. Целью работы ставится анализ морально-этических составляющих системы ценностей социально-профессиональной группы военнослужащих сквозь призму фразеологии. Формулируется и подкрепляется языковым материалом тезис о том, что анализ семантики ФЕ, коррелирующих с военной сферой, позволяет зафиксировать систему ценностей референтного облика американского военного, его «идеалы, речевой репертуар, культурный уклад, пределы дозволенного, одобряемого и порицаемого членами воинского коллектива поведения» [5, с. 108].

В современном языкознании исследование фразеологических единиц с позиции лингвокультурологии по-прежнему сохраняет свой эвристический потенци-

ал. Как справедливо отмечает В.Н. Телия, названная отрасль научного знания о человеке ориентирована на контекст культурного фактора в языке и на языковой фактор в человеке [9, с. 222]. Фразеологизм представляет собой формируемый в семиотической системе данного этноса особый вербально-культурный знак. Именно поэтому осмысление природы ФЕ предполагает обращение к культурно-историческому наследию данной этнической общности. «Фразеологизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности — это всегда субъект национальной культуры» [10, с. 13].

Диалектическая взаимообусловленность языка и культуры, по мысли В. фон Гумбольдта, проявляется прежде всего в том, что язык как сложная семиотическая система отражает материальное и духовное начала того или иного лингвокультурного ареала [2, с. 348–349]. Для всякого мыслящего, трудящегося, воспринимающего и постигающего действительность языкового сообщества, заключает Й.Л. Вайсгербер, язык есть память народа, ведь именно языковая традиция раскрывает тыся-

четлений опыт предшествующих поколений. В родном языке каждой этнической общности заложено некое миропонимание, приобретаемое языковым сообществом сообразно совокупности факторов: географических, исторических, духовных [1, с. 107–108].

В рамках настоящей статьи фразеологические единицы английского языка, генетически связанные с концептом войны, интерпретируются нами как языковые средства экспликации ценностных ориентаций армейского языкового коллектива. ФЕ составляют репертуар языковых средств, восходящих к национальным фактам материальной, социальной или духовной культуры. Таким образом, фразеологизм есть воплощенный в теле языкового знака ключ к пониманию культуры воинства.

По мнению А.Б. Адлер и У. Дж. Соуден, как и всякая социальная общность, военнослужащие обладают собственным уникальным культурным наследием. Воинская культура характеризуется особым языком, совокупностью обычаев, традиций, ритуалов, поведенческих норм и, что наиболее важно, ценностных ориентаций. Отличительной чертой социально-профессиональной среды военнослужащих выступает приверженность высшей цели, — служению отчизне и защите национальных интересов США¹ [11, с. 44].

Согласно боевому уставу FM 3–21.75, воинская культура осмысливается как разделяемая носителями армейской субкультурной среды совокупность профессионально значимых суждений и ценностей. Ключевыми концептами этоса американского военнослужащего выступают такие неотъемлемые атрибуты, как личное мужество, верность воинской присяге, идеалам военного социума и преданность своему воинскому подразделению [19, с. 21].

В основе положительного образа носителя армейского языкового коллектива лежат субкультурно значимые эталоны, соотносимые с понятием референтной группы (от лат. *refere* — сопоставлять, сравнивать, сообщать). В своем исконном значении понятие референтной группы обозначало избранный круг лиц, выступающих центром социального притяжения. Совокупность морально-нравственных императивов эталонного образа носителя армейской субкультуры отражена в концепции *LDRSHIP* (приводимый акроним образован совокупностью ключевых ценностей: *loyalty, discipline, respect, selfless service, honour, integrity, personal courage*). «С точки зрения философии, под ценностями армейской субкультуры следует понимать основные понятийные концепты, составляющие наиболее глубокий слой всей

интенциональной структуры собирательного образа военнослужащего» [6, с. 116].

Под субкультурой, согласно Р.А. Сайфутдинову, принято понимать «не только антагонистичные, маргинальные группы и образцы их поведения, изгнанные из «официальной» культуры, но и включенные, интегрированные в социум формы, к которым, несомненно, относится и армейская субкультура» [7, с. 224]. Для армейской субкультурной среды характерны определяющая нормативно-ценностные установки и поведение военнослужащих профессиональная картина мира, символический язык, система ценностных ориентаций, нормы и традиции [3, с. 365].

Согласно Э.Х. Шейну, армейская культура имеет трехуровневую структуру. Первый уровень включает артефакты, легко опознаваемые как самими военнослужащими, так и представителями других социальных групп (к числу упомянутых отличительных признаков следует отнести, например, воинские звания и знаки различия, военную форму одежды, армейский субязык). Второй уровень корпоративной культуры военнослужащих представлен системой ценностных ориентаций, выступающих в роли официальных норм, правил и предписаний. Третий уровень воинской культуры вбирает в себя глубоко укоренившиеся ключевые убеждения, которые выступают фундаментальной основой профессиональной деятельности военнослужащих [16, с. 25–39].

Обратимся к примерам лексико-фразеологических единиц, отражающих положительные свойства и моральные императивы референтного облика американского военнослужащего. Иллюстративный материал извлекается из англоязычного толкового словаря клише *The Facts on File Dictionary of Clichés* (Ammer, 2006), англоязычного словаря американских идиом *McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs* (Spears, 2005), двуязычного англо-русского словаря «Сленг — что это такое? Английская просторечная военная лексика» (Судзиловский, 1973), а также электронных ресурсов сети Интернет.

К **первой группе** были отнесены фразеологизмы, представляющие в коллективном сознании носителей английского языка такие качества референтного облика представителя военного социума, как *патриотизм, стойкость, отвага, мужество, готовность к самопожертвованию*. Поясним сказанное на примерах. *Fortune favours the brave* — смелость города берет, фортуна улыбается смелым [15]. *If you can't stand the heat, get out of the kitchen* — взялся на гуж — не говори, что не дюж. Ядерным компонентом анализируемой ФЕ значится лексема *heat*, транслирующая «стереотипное представление об армии, как социальном институте, свя-

¹ Перевод здесь и далее по тексту наш — М.А. Ангалева

занном с риском для жизни» [4, с. 164]. Сема опасности «военной кухни» отражена во фразеологизмах *go West / hit the glory road* — погибнуть; *fight to the bitter end* — сражаться героически, сражаться мужественно до последней капли крови; *to do die with one's boots on* — пасть на поле брани; *death is the great leveler* — перед лицом смерти все равны [8, с. 37], [18, с. 145, 150]. *Bite the bullet* — мужественно, стоически переносить испытания, лишения, физическую боль. Приводимая ФЕ ассоциируется с прецедентной ситуацией на поле боя, связанной с острым дефицитом медикаментов. В отсутствие анестезии раненому предлагалось закусить в зубах гильзу для того, чтобы хоть как-то облегчить страдания пациента, оказавшегося на хирургическом столе. Со временем ФЕ приобрела фигуральное значение. Так, например, в произведении Р. Кипплинга «Свет погас» (1891 г.) приводятся следующие строки: «*Bite on the bullet, old man, and don't let them think you're afraid.*» — «Мужайся, старина, и не позволяй им думать, будто бы тебе страшно» [12, с. 35], [18, с. 47]. *Baptism of fire* — боевое крещение, первый опыт преодоления тяжелого в моральном или физическом отношении испытания. По одной из версий, идиома содержит аллюзию к предаваемым огню мученикам во имя веры. Однако в 19 в. во Франции происходит семантическое переосмысление приводимой ФЕ. Устойчивое изречение обрело новый смысл, соотносимый с принятием военнослужащим боевого крещения [12, с. 19]. Наличие боевого опыта — тот критерий, который отличает закаленного в бою профессионала от неопытного, «зеленого» новобранца (на языке армейского сленга новобранцам присваиваются такие диминутивные номинации, как *greeny / green hands / cherry / fresh fish* [8]). Ср., например, устойчивые выражения *been there, done that / go through changes* — пройти огонь, воду и медные трубы [12, с. 25], [15]. «Согласно христианской традиции, выражение «крещение огнем» есть не что иное, как крещение страданиями, гонениями и испытаниями во имя веры, во имя Христа. Идиома акцентирует внимание адресата на идее о том, что военная служба неизменно связана с риском для жизни, тяготами и преодолением трудностей» [4, с. 159].

Вторая группа ФЕ представлена устойчивыми речевыми формулами, транслирующими семы сплоченности, товарищества и взаимовыручки членов воинского братства. Такие идиомы, как *as one man* — как единое целое; *all to the last man* — один за всех и все за одного; *two is*

one and one is none — один в поле не воин; *shoulder to shoulder* — плечом к плечу и др. наглядно эксплицируют мысль о том, что ключевыми этическими доминантами военнослужащих выступают *чувство товарищества* и *взаимопомощи* [4, с. 164–165], [17]. Идиома *to close ranks* (behind someone or something) — (досл. сомкнуть ряды) протянуть руку помощи, оказывать поддержку кому-либо [18, с. 105]. В качестве другого примера послужит изречение *a chain is no stronger than its weakest link* — цепь прочна настолько, насколько прочно ее самое слабое звено [18, с. 93]. Лейтмотивом приводимых ФЕ «выступает идея исключительности военнослужащих как социально-профессиональной общности, пронизанной коллективным духом» [4, с. 165].

К **третьей группе** принадлежат фразеологизмы, отражающие такие качества военнослужащих, как *профессионализм, боеготовность, осведомленность, выносливость*. Подкрепим изложенную мысль следующими примерами. *Forewarned is forearmed* — предупрежден, значит вооружен, *to be armed to the teeth / to be at the ready / to be in a marching order / to keep one's head on a swivel* — находиться в состоянии полной боевой готовности, быть начеку [12, с. 10], [14], [15], [18, с. 336]. Такие идиомы, как *save your breath to cool your porridge / loose lips sink ships* — болтать — врагу помогать / болтун — находка для врага транслируют распространенное суждение о том, что умение держать язык за зубами — необходимый, естественный императив военной службы [13]. Семы стойкости и силы духа служивого человека прослеживаются на примере таких ФЕ, как *to make the last-ditch effort* — стараться из последних сил, делать все возможное; *take a stand / hold the line / stick to one's guns* — твердо отстаивать свою точку зрения [14], [18, с. 308].

Проведенный лингвокультурологический анализ позволяет заключить, что фразеологизмы выступают важным компонентом языковой структуры армейского идиома. Воплощенные в теле языкового знака ФЕ отражают ключевые ценности армейского языкового коллектива. В массовом сознании носителей англосаксонской лингвокультуры референтный облик военнослужащего наделяется такими положительными качествами, как мужество, патриотизм, несокрушимость волевого начала, профессионализм, готовность к самопожертвованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 450 с.
3. Романов А. С. Система ценностей армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры / А. С. Романов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 364–366 с.

4. Романов А. С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры: монография / А. С. Романов. М.: Военный университет, 2017. 230 с.
5. Романов А. С., Романова В. В. Аксиологическая шкала GI в зеркале лексических единиц фразеологического массива (на материале английского языка) // «Наука и общество в XXI веке»: Материалы III Международного научно-практического форума курсантов, студентов, аспирантов, молодых ученых и специалистов (16–17 ноября 2017 года) / Под общей редакцией М. В. Полубояровой. М., ВУМО РФ, 2017. 160 с.
6. Романов А. С., Ангалева М. А. Референтный облик американского военнослужащего в системе аксиологических координат армейской субкультуры США // Инновационные технологии в образовании и науке: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 мая 2017 г.). В 2 т. Т. 2. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. 111–115 с.
7. Сайфутдинов Р. А. Проблема типологии армейской субкультуры [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/Acer/Downloads/problema-tipologii-armeyskoy-subkultury.pdf> (дата обращения: 08.08.18).
8. Судзиловский Г. А. Сленг — что это такое? Английская просторечная военная лексика / Г. А. Судзиловский. М.: Воениздат, 1973. 182 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
10. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. М.: Наука, 1981. 269 с.
11. Adler A.B., Sowden W. J. Resilience in the Military: The Double-Edged Sword of Military Culture // Military and Veteran Mental Health. A Comprehensive Guide / ed. by L. W. Roberts and C. H. Warner. N.Y.: Springer Science+Business Media, 2018. 471 p.
12. Ammer C. The Facts On File dictionary of clichés. 2nd ed. N. Y.: Infobase Publishing, 2006. 534 p.
13. Barrett G. Save Your Breath to Cool Your Soup, Broth, Porridge, etc. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.waywordradio.org/save-your-breath-to-cool-your-soup/> (дата обращения: 29.07.18).
14. Dictionary.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionary.com/browse/last-ditch-effort> (дата обращения: 05.08.18)
15. Idioms.thefreedictionary.com [Электронный ресурс]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/been+to+the+wars> (дата обращения: 12.07.18)
16. Schein E. H. Organizational culture and leadership. John Wiley & Sons, 2010. 437 p.
17. Sgtbrandi.com. Updated Glossary of Military Speak and Catchy Sayings [Электронный ресурс]. URL: http://sgtbrandi.com/?page_id=2260 (дата обращения: 13.06.2018).
18. Spears A. R. Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. McGraw-Hill's Companies, 2005. 1080 p.
19. The Warrior Ethos and Soldier Combat Skills. FM 3–21.75 (FM 21–75) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/army/fm/3-21-75/fm3-21-75.pdf>

© Ангалева Мария Анатольевна (angalevama@yandex.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «EYORISHNESS» (ПЕССИМИЗМ)

EXTRALINGUISTIC ASPECTS OF THE OUTLOOK CONCEPT «EYORISHNESS»

E. Butenko

Summary. The article examines the English linguocultural concept EYORISHNESS (PESSIMISM), which is one of the basic components of the English mentality. The analysis of extralinguistic factors which form the concept allows us to identify its significant ontological characteristics, national characteristics of the worldview and the significance for the English ethnos as a protective mechanism that makes life more predictable and orderly.

Keywords: concept EYORISHNESS, extralinguistic factors, ontological characteristics, pessimistic attitude.

Бутенко Елена Юрьевна

*К.филол.н., доцент, Российская академия музыки имени Гнесиных, г. Москва
alionab@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается английский лингвокультурный концепт Eeyorishness (Пессимизм), который является одной из базисных составляющих менталитета англичан. Анализ экстралингвистических факторов формирования концепта позволяет выявить его существенные онтологические характеристики, национальные особенности мировосприятия и значение для английского этноса, как защитного механизма, делающего жизнь более предсказуемой и упорядоченной.

Ключевые слова: концепт Eeyorishness, экстралингвистические факторы, онтологические характеристики, пессимистическое мироощущение.

Данная работа выполнена в рамках лингвокультурологического направления в современном языкознании и посвящена изучению культурно значимой для англичан ментальной репрезентации, выраженной в слове *Eeyorishness / пессимизм*. В своей книге «Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения» («Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour») британский антрополог Кейт Фокс называет 'Eeyorishness' одной из основополагающих характеристик англичан [8, p.405].

Единицей исследования языкового сознания и коммуникативного поведения народа является лингвокультурный концепт — «многомерное ментальное образование, обладающее национально-культурной спецификой» [1, с. 70]. Существование концепта детерминировано интралингвистическими и экстралингвистическими факторами (особенностями строения культуры, исторического развития, традициями, менталитетом народа).

Эта статья посвящена анализу экстралингвистических данных об английском концепте Eeyorishness / пессимизм.

Имя концепта отсылает нас к Eeyore/Иа-Иа — персонажу в дилогии А. А. Милна о Винни-Пухе. Как указывается в Википедии он обычно характеризуется как pessimistic/пессимистичный, gloomy/мрачный, depressed/подавленный, anhedonic/ангедонический, старый серый осел, который является другом главного героя Винни-Пуха. Имя Eeyore/Иа-Иа — фонетическое представление ослиного

рева (звукоподражание), возможно, происходит от названия животного в детском лепете [19] (перевод здесь и далее наш — Б.Е.).

Историк британской литературы К. Макдональд в своем обзоре соглашается с К. Фокс: «We are also eeyorish, which refers to Eeyore the donkey of Winnie the Pooh. We are pessimistic, by default. Feeling gloomy is the acceptable way for a British person to feel in public. Feeling chirpy, pleased, tragic, mirthful: all of these will cause discussion to arise, as if there's something wrong with them, whereas feeling mildly gloomy is so normal we don't think about it. 'How are you?', 'Not too bad' is a British conversational cliché» [13]. / Мы также пессимистичны (eeyorish), термин, который относится к Иа-Иа, ослу из «Винни-Пуха». Мы пессимистичны, по умолчанию. Угрюмое настроение — это приемлемый способ для британца ощущать себя на публике. Если мы чувствуем себя веселыми, довольными, несчастными или радостными: это вызовет дискуссию, как будто с нами что-то не так, тогда как настроение немного мрачное настолько нормальное, что мы об этом не думаем. «Как дела?», «Не так уж плохо» — это британское разговорное клише.

Особенности менталитета определяются совокупностью географических, климатических, исторических факторов.

Общеизвестно убеждение англичан о том, что у них очень скверная непрогнозируемая погода. Естественно, изменчивый дождливый климат британских остро-

вов оказал влияние на характер и во многом объясняет природную сдержанность и мрачность британцев. Уникальность климата отражена в популярном выражении: *Britain does not have a climate, it only has weather* / Британия не имеет климата, она имеет только погоду. Типичное описание британской погоды: *cold grey* / холодная серая, *warmer grey* / теплая серая, *grey again* / серая снова или *gloom — gloom — hope — gloom* / мрак — мрак — надежда — мрак, о трех вариантах погоды: *when it rains in the morning, when it rains in the afternoon or when it rains all day long* / когда идет дождь утром, когда идет дождь днем или когда идет дождь весь день [3]. Хорошо подметил влияние погоды на мироощущение американский писатель Ежи Косинский: «In London, the weather would affect me negatively. I react strongly to light. If it is cloudy and raining, there are clouds and rain in my soul» [10] / В Лондоне погода повлияла бы на меня отрицательно. Я очень сильно реагирую на свет. Если облачно и дождь, в моей душе тучи и дождь.

Географическая изолированность от остальной Европы и островная психология, вероятно, привели к известной английской замкнутости. Томас Карлейль отличительными чертами типичного англичанина (нарицательное имя — Джон Буль) считал угрюмость, сдержанность, немногословность, мрачный (пессимистический) настрой: «O Mr. Bull, I look in that surly face of thine with a mixture of pity and laughter... and yet I believe the heart of thee is full of sorrow, of unspoken sadness, seriousness,— profound melancholy ... the basis of thy being» [6, p.160] / О мистер Буль, я смотрю на твое угрюмое лицо со смесью жалости и смеха... и все же я полагаю, что сердце твое полно скорби, невысказанной печали, серьезности — глубокая меланхолия — основа твоего бытия.

Джон Б. Пристли в своей книге «Английский юмор» признает, что «большинство зарубежных путешественников пишут об обитателях туманного Альбиона как о людях угрюмых и мрачных, склонных к пессимизму и меланхолии» [Цит. по: 4, с. 439].

И, наконец, богатая история — предмет особой гордости британцев.

Британская империя, величайшая в мире, предоставила англичанам возможность почувствовать себя благословенным народом. Английский колониальный деятель Сесил Родс однажды заявил: «... you are an Englishman, and have subsequently drawn the greatest prize in the lottery of life» [17] / Вы англичанин и, следовательно, вытащили величайший приз в жизненной лотерее.

Конец империи англичане пережили достойно и покинули колонии. Но с психологическими последствиями

внутри себя справиться оказалось сложнее. Возможно, англичанам, было бы не так тяжело смириться с понижением статуса своей страны в мире, если бы они не считали себя избранниками Божьими, стоящими выше других народов. Вероятно, эта моральная установка превосходства сыграла определенную роль в развитии 'Eeyorishness'.

Культурно специфичные концепты сложно перевести на другой язык одним словом. Объект исследования этой статьи не является исключением. Для удобства обозначения на русский язык мы переводим 'Eeyorishness' как пессимизм.

В Философском энциклопедическом словаре пессимизм определяется следующим образом: «Пессимизм (от лат. *pessimus* наихудший, самое плохое) в обычном словоупотреблении мироощущение, проникнутое унынием, безнадежностью, неверием в лучшее будущее; изображение всего в мрачном свете» [5, с. 368].

Английская Википедия (English Wikipedia) указывает, что «Pessimism is a mental attitude. Pessimists anticipate undesirable outcomes from a given situation which is generally referred to as situational pessimism or believes that undesirable things are going to happen to them in life more than desirable ones» [20] / Пессимизм — это умственное мироощущение. Пессимисты предвосхищают нежелательные последствия данной ситуации, которая обычно упоминается как ситуационный пессимизм или полагают, что нежелательные вещи будут происходить с ними в жизни чаще, чем хорошие. В английском варианте определения понятия «пессимизм» акцентируется *предвидение* неприятных, огорчительных последствий ситуации или жизни в целом.

Но 'Eeyorishness' — странный радостный пессимизм; особый бренд фатализма [8, p. 406]. Попытаемся разобраться в странностях английского пессимизма.

'Eeyorishness' у англичан, по мнению антрополога К. Фокс, нечто большее, чем просто непрерывное нытье. Английский пессимизм 'Eeyorishness' — отличает то, что это непрерывное, но неэффективное нытье. Англичане не обращаются к источнику, вызвавшему их недовольство, и практически не стремятся решить проблему, а только плачутся друг другу [8, p. 405].

В фоторепортаже «The English Way» / «Английский путь» Мартин Парр и Кейт Фокс, исследуя проявления патриотизма у англичан по поводу празднования национального Дня Святого Георгия, приходят к выводу, что англичане не склонны к публичным проявлениям национальной гордости. Авторы отмечают, что «Our Eeyorishness means that we tend to indulge in a lot of

therapeutic moaning about a problem rather than actually addressing it or doing anything about it. We whine and complain that «more should be done» to celebrate our national day, but we don't actually organise a celebration, or even so much as fly a flag» [15] /Наш пессимизм означает, что мы склонны предаваться во многом терапевтическому стону о проблеме, вместо того, чтобы фактически обращаться к ней или что-то делать с ней. Мы скулим и жалуемся, что «нужно больше сделать», чтобы отпраздновать наш национальный день, но мы фактически не организуем празднования и даже не поднимаем флаг.

Однако как пишет К.Фокс в своей книге о 'Eeyorishness': «But it is socially therapeutic — highly effective as a facilitator of social interaction and bonding» [8, p. 405] /Но это социальное лекарство — очень эффективное как посредник в социальном взаимодействии и дружеских связях.

Рассматривая терпеливое поведение публики в очереди в фоторепортаже «The English Way», авторы отмечают, что если кто-либо преступил табу и нарушил принцип очередности, англичане будут «moaning about a problem rather than actually addressing the source of the problem» [15] /стонать о проблеме, а не фактически обращаться к источнику проблемы. Свое неудовольствие они передают невербально: тяжелые вздохи, раздраженные закатывания глаз, поджатые губы, ерзание, кашель. Они могут бормотать себе под нос, и даже нарушить собственные правила избегания контактов, чтобы обменяться поднятыми бровями, гримасами и даже заговорить с другими страдальцами. То есть, 'Eeyorishness' помогает преодолеть англичанам природную замкнутость, некомфортность в социальных ситуациях, облегчает общение и взаимодействие с другими людьми.

«The word you are most likely to hear... is «Typical!» With this one quintessentially English word we will somehow manage to sound simultaneously peeved, stoically resigned and smugly omniscient. And that pretty much sums up the English attitude to queuing, rain, mediocre food, slow service and most other national frustrations and disappointments» [15] /Слово, которое вы, скорее всего, услышите,— это «Типично!». С этим одним квинтэссенциально английским словом мы как-то умеем казаться одновременно раздраженными, стоически смирившимися и самодовольно всеведущими. И это в значительной степени подводит итог английскому отношению к очередям, дождю, посредственной еде, медленному обслуживанию и большинству других национальных расстройств и разочарований.

We start learning these mantras in our cradles, so by the time we are adults, this «Eeyorish» view of the world is part of our nature» [15] /Мы начинаем изучать эти мантры с ко-

лыбели, поэтому к тому времени, когда мы становимся взрослыми, этот пессимистичный взгляд на мир является частью нашей природы.

Когда англичане бурчат: «Типично!», они выражают недовольство, негодование, но также терпение, и даже элемент извращенного удовлетворения.

'Eeyorishness' — особенное английское удовольствие — видеть, как мрачные предсказания исполняются. Еще в 1758 году ирландский драматург Артур Мерфи в своей комедии-фарсе «The Upholsterer» /»Драпировщик» остроумно заметил: «The people of England are never so happy as when you tell them they are ruined» [14, p.26] /Народ Англии больше всего счастлив, когда ему говорят, что они потерпели фиаско.

В следующем примере также представлена специфическая особенность мировоззрения англичан — 'Eeyorishness' — необычный, доставляющий удовольствие пессимизм.

Популярный английский писатель Тим Лотт в статье «We've never had it so good in Britain, despite our moaning» [11] /»У нас никогда не было так хорошо в Британии, несмотря на наши стоны» попытался остановить поток ностальгических стенаний по прежним временам, по «старой» Британии, который развернулся в стране в связи с 70-летием начала Второй мировой войны. Лотт аргументировано опровергает пессимистическое брюзжание «несчастливых» британцев. «In reality, we are one of the most successful and dynamic modern countries in the world» /На самом деле мы являемся одной из самых успешных и динамично развивающихся стран мира. «We remain miserable, however» /Однако мы остаемся несчастными. «... We enjoy a damn good moan» [11] /Нам нравится пронзительный стон.

Особенно выпукло высветили проявление 'Eeyorishness' Олимпийские игры 2012 года, которые проходили в Лондоне. В обзоре под заголовком «London 2012: international media find grumbling Britons conform to type» /»Лондон 2012: международные СМИ считают, что ворчащие британцы верны себе» Кэролайн Дэйвис информирует, что журналисты всего мира сообщают домой: «Moaning is an Olympic sport in its own right, and the British are champions...» /Стон — олимпийский вид спорта, и англичане — чемпионы... «Call it grumbling, griping, grizzling, grouching — take your pick. Any number of complaining verbs have been attached to the adjective «British» as overseas commentators descending on the Olympics try to convey the spirit of the host nation before the Games» [7] /Назовите это ворчанием, жалобами, хныканьем, брюзжанием — сделайте свой выбор. Любое количество жалобных глаголов сочетается с прилага-

тельным «британский», так заграничные комментаторы, слетающие на Олимпиаду, пытаются передать дух принимающей страны перед Играми.

Американская писательница Сара Лиалл информировала читателей «Нью-Йорк таймс»: «While the world's athletes limber up at the Olympic Park, Londoners are practising some of their own favourite sports: *complaining, expecting the worst* and cursing the authorities. Even in the best of times, *whingeing*, as Britons call the *persistent low-grade grouching* that is their default response to life's challenges, is part of the national condition — as integral to the country's character as its *Eeyorish* attitude towards the weather» [12] /Пока спортсмены мира разминаются в Олимпийском парке, лондонцы занимаются некоторыми из своих любимых видов спорта: *жалуются, ожидают худшего* и проклинают власти. Даже в лучшие времена, *завывания*, как англичане называют *непрерывно возобновляющееся ворчание*, являются их ответом по умолчанию на жизненные вызовы, частью национального состояния — как неотъемлемая черта характера страны, как их *пессимистичное* отношение к погоде.

Борис Джонсон, бывший мэр Лондона, в книге «Лондон по Джонсону» тоже написал о царящих в британском обществе пессимистических ощущениях накануне Олимпиады: «Один влиятельный и известный редактор популярной газеты перед церемонией открытия собрал своих рядовых сотрудников и, обращаясь к ним, как всегда по-дружески бесцеремонно, сказал: «Вот что, вы, дуралеи, вся эта Олимпиада будет катастрофа на катастрофе. И я жду, что именно так вы об этом и напишите. А я поехал в отпуск» [2, с. 14].

Так создавалось впечатление, что в коллективное сознание британцев закралось разочарование от предстоящего провала.

Редактор журнала «National Identities» Питер Каттеролл (Peter Catterall) объяснил всем обескураженным негативностью по поводу олимпиады: «The national experience in Britain is not one that's tended to create a sense in which you can just 'seize that hill'. There's a tendency «to think in terms of what could go wrong, rather than what could go right». ... People quite like grumbling. It's cathartic» [Цит. по: 7] /Национальный опыт в Великобритании, как правило, не имеет тенденцию создавать ощущение легкой победы. Существует тенденция «думать о том, что может пойти не так, а не о том, что может пойти правильно». Люди очень любят ворчать. Это катарсис.

Каттеролл, таким образом, отмечает характерную национальную особенность англичан: им нравится, когда в их сознании первоначально происходит процесс сильного негативного переживания, которое, дойдя до своей

верхней точки, трансформируется в позитивное, не менее острое ощущение.

Действительно, автор одного из британских блогов после перечисления возможных бедствий, связанных с олимпиадой, завершает публикацию выражением чувства триумфа: «Yet with the opening ceremony came a collective sigh of relief. Finally we were able to feel pleased and proud of what we could achieve and actually started to enjoy and bask in the praise and envy of other less fortunate nations!» [9] /Но с церемонией открытия наступил облегченный вздох. Наконец, нам удалось почувствовать себя довольными и гордиться тем, чего мы смогли достичь, и фактически мы начали наслаждаться и греться в лучах похвалы и зависти других менее удачливых стран!

Стонать и жаловаться для англичан — это *guilty pleasure* / приятное удовольствие, возможность проявления остроумия и иронии.

В британском документальном сериале «Travel Man: 48 Hours in» /«Путешественник: 48 часов» ведущий Ричард Айоади совершает турне по разным городам мира. В каждой серии звучат его притворные ироничные стелания, например: «How can anyone go somewhere new and be expected to enjoy themselves without a decade to decompress?» [18] /Как можно наслаждаться чем-то новым, не обеспечив себе стресс на последующие десять лет? «With no idea where to go, how to eat or what to do, it's impossible to stop the whole thing turning into a monumental fudge-up» /Не зная куда идти, что есть, и чем заняться, вы рискуете получить не отпуск, а феерический бред. «I view holidays as a wanton haemorrhage of both time and coin» /Я считаю отпуск пустой тратой времени и денег.

В каждой стране повторяется вопрос: «We're here, but should we have come?» /Мы здесь, а стоило ли приезжать? На протяжении всех серий зрители наблюдают симуляцию пессимистического настроения ведущим.

Проявлять настоящее отчаяние публично — табу для англичан. Пессимистическое мировоззрение 'Eeyorishness' выражается с помощью негативных эмоций в шуточной форме, преломляется через призму иронического восприятия мира, но, тем не менее, позволяет не терять чувство реальной действительности, практичной приземленности и не допускает самообмана.

Англичане с их 'Eeyorishness' могут довольно продолжительно стонать о социальных проблемах, и хотя считается, что они ничего не предпринимают для их решения, поскольку у них есть сатира вместо революций, но иногда могут удивить не только собственных политиков, но и весь мир противоречивостью и парадоксальностью

своего характера. С 1973 года, когда Британия вступила в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), в стране велись споры о целесообразности поддержки идеи европейской интеграции.

Дж. Паксман, анализируя материалы журнала «Наша Англия», отмечает, что страна не только все время обращается к прошлому, ей нравится ощущать себя гонимой. Редактор журнала и большинство его читателей хотят, чтобы Великобритания вышла из ЕЭС, которое считают аферой немцев, стремящихся хитростью добиться того, что им не удалось сделать с помощью «Мессершмиттов-109» в 1940 году. «The whole thing is a racket where we'll end up being a colony of Germany. We won the war, but they'll win the peace» [16, p. 92] /Все дело в том, что мы в конце концов будем колонией Германии. Мы выиграли войну, а они выиграют мир.

И вот, 23 июня 2016 года в Великобритании прошел общенациональный референдум по вопросу о членстве в составе Евросоюза. Несмотря на рекомендации премьер-министра Д. Кэмерона голосовать за сохранение членства в ЕС, британцы выбрали Brexit / брексит — термин, прочно устоявшийся в обиходе и обозначающий выход Великобритании из сообщества (Brexit — акроним слов Britain / Великобритания и exit / выход).

После неожиданно смелого решения, британцы начинают утрачивать оптимизм по поводу будущего страны за пределами ЕС и уверенность, достигнут ли Лондон и Брюссель справедливого соглашения о выходе Великобритании из ЕС. Как видим, и в этом случае, доминирует пессимистический настрой британцев, нытье евроскептиков заменили стенания противников «брексита».

Итак, лингвокультурный концепт Eeyorishness /пессимизм является важной мировоззренческой характеристикой английского этноса. Многие зарубежные и британские авторы (К. Макдональд, К. Фокс, К. Дэвис, Т. Карлейль, Д. Паксман, Т. Лотт, С. Лиалл) отмечают в своих работах пессимистическое отношение к жизни как отличительную черту типичного англичанина. Проанализированные аутентичные источники позволяют охарактеризовать хронический английский пессимизм Eeyorishness не только как своеобразное мрачное поведение англичан, выраженное в постоянном ворчании, жалобах и сетованиях на ежедневные жизненные неурядицы, но и как положительное явление: защитный механизм национального сознания. Пессимистическое мироощущение подготавливает англичанина к жизни в ее негативных проявлениях, а передающееся из поколения в поколение знание о том, что «все может пойти не так» делает жизнь более предсказуемой и упорядоченной. У английского коммуниканта в арсенале всегда найдется парочка разговорных клише, коротко описывающих ситуацию, например: *Typical!* Типично (как всегда); *What did you expect?* /А чего вы ожидали?; *I could have told you* /Я же говорил (предвидел) и тому подобные.

К основным онтологическим характеристикам концепта Eeyorishness мы можем отнести следующие: терапевтический прием; посредник в социальном взаимодействии; особый радостный пессимизм; удовольствие видеть, как мрачные предсказания исполняются; возможность проявления остроумия и иронии при симуляции отчаяния; непозволительность открытого, явного выражения состояния подлинной безнадежности; ответ на жизненные вызовы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64–72.
2. Джонсон Б. Лондон по Джонсону: О людях, которые сделали город, который сделал мир. — СПб: Азбука_Аттикус, 2016. — 448 с.
3. Климат и погода Великобритании. — [Электронный ресурс]. — URL: http://britainrus.co.uk/stats/Klimat_i_pogoda_Velikobritanii/ (дата обращения 29.04.2018).
4. Овчинников В. В. Сакура и дуб: Сборник. — М.: АСТ, 2014. — 570 с.
5. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. — М.: Инфра-М, 2009. — 576 с.
6. Carlyle, Thomas. Past and Present // The Works of Thomas Carlyle. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — 319 p.
7. Davies, Caroline. London 2012: international media find grumbling Britons conform to type. July 20, 2012. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.theguardian.com/sport/2012/jul/20/london-2012-media-grumbling-britons> (дата обращения 20.04.2018).
8. Fox, Kate. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. — London: Hodder and Stoughton Ltd, 2005. — 424 p.
9. Is God still an Englishman? — [Электронный ресурс]. — URL: <http://sacredspacekingston.com/2012/09/> (дата обращения 02.05.2018)
10. Kosinski, J. // Brainy Quote. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.brainyquote.com/topics/rain> (дата обращения 29.04.2018).
11. Lott, Tim. We've never had it so good in Britain, despite our moaning. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.independent.co.uk/voices/commentators/tim-lott-weve-never-had-it-so-good-in-britain-despite-our-moaning-1782393.html> (дата обращения 31.01.2018).
12. Lyall, Sarah. The Olympic Spirit, British Style: When Will This Nightmare End? — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.nytimes.com/2012/07/20/sports/olympics/olympics-leave-british-complaining-even-more-than-usual.html> (дата обращения 25.04.2018).

13. Macdonald, Kate. Watching the English with Kate Fox, an umbrella and a giant banana. — 2015. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://katemacdonald.net/2015/06/15/watching-the-english-with-kate-fox-an-umbrella-and-a-giant-banana/> (дата обращения 23.01.2018)
14. Murphy, A. The Upholsterer: or what news? — London, 1758. — 51 p.
15. Parr M., Fox K. The English Way. July 25, 2013. — [Электронный ресурс]. — URL: http://www.vice.com/en_uk/read/the-english-way-001200-v20n7 (дата обращения 30.01.2018).
16. Рахман, Jeremy. The English. A Portrait of a People. — London: Penguin UK, 2007. — 309 p.
17. Rhodes, Cecil. // Quotes. — [Электронный ресурс]. — URL: https://en.wikiquote.org/wiki/Cecil_Rhodes (дата обращения 30.04.2018).
18. TravelMan. — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.springfieldspringfield.co.uk/view_episode_scripts.php?tv-show=travel-man-2015&episode=s01e01 (дата обращения 05.07.2018)
19. Wikipedia, the free encyclopedia. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Eeyore> (дата обращения 20.02.2018).
20. Wikipedia, the free encyclopedia. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Pessimism> (дата обращения 19.12.2017)

© Бутенко Елена Юрьевна (alionab@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия музыки имени Гнесиных

«НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ» ОСМЫСЛЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ «ЛИТЕРАТУРА» И «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

**«NON-PROFESSIONAL» REFLECTION
ACTUAL LITERATURE CONCEPTS
«LITERATURE» AND «ARTISTIC
LITERATURE»**

O. Vinogradova

Summary. Attempt of «unprofessional» view in a hermeneutical way on the essence of literature. The establishment of the sign of equality between the concepts of «literature» and «fiction» gives a wide field for research, the starting point of which is the assertion that «literature» is any fixed sign that influences a person. This comprehension of the basic concepts of literature is seen as necessary for the long-term comprehension of the contemporary literary situation, for movement towards understanding the category of the genre.

Keywords: literature, art, aesthetic, art.

Виноградова Оксана Николаевна

Учитель, ООО «НПФ Интеграл», г. Рыбинск
oksana_kist@mail.ru

Аннотация. Попытка «непрофессионального» взгляда герменевтическим образом на сущность литературы. Постановка знака равенства между понятиями «литература» и «художественная литература» дает широкое поле для исследования, отправной точкой которого служит утверждение о том, что «литература» — всякий фиксированный знак, оказывающий влияние на человека. Данное осмысление основополагающих понятий литературы видится необходимым для перспективного осознания современной литературной ситуации, для движения в сторону понимания категории жанра.

Ключевые слова: литература, художественный, эстетический, искусство.

Известный российский исследователь А. В. Михайлов [1] полагал, что узкие рамки, в которых существовало и существует современное литературоведение, не только препятствуют его развитию, но и вообще ставят под сомнение его научность. Причина кризиса еще и в том, что «...улетучилось все то, что можно было бы назвать *само собой разумеющимся, очевидным*» и нуждается в «*самоосмыслении*», которое должно складываться «*герменевтическим*» образом. Познание сущности литературы невозможно без «непрофессиональных» вмешательств. Каждый литературовед должен культивировать в себе «человека, «просто» судящего о литературе», иначе он не имеет никаких шансов отойти от традиции: «Так, говоря о литературе, мы и должны спрашивать себя, обнаруживая все свое (действительное) незнание: что же это такое?», и «... не имеет ли наука о литературе дело со словом как *словом создающим* особого рода «что», о каких преждевременно было бы говорить, что это за «что», и *запечатляющемся в них*»?

Таким образом, исследуя сущность литературы, целесообразно взять за основу широкий подход: под «письменностью» понимать не только текст, но и любой фиксированный знак, наделенный смыслом (информацией). Такое предположение неистинно, потому как неполно, но предоставляет огромное поле исследования. При таком понимании литературы провести четкую границу между художественной и нехудожественной литературой невозможно.

Проблему «литературного деления» пытался в свое время решить Ю. М. Лотман [2]. По его мысли, «художественную» литературу от «нехудожественной» отличает то, что она постоянно находится в конфликте, «путешествуя» от высшего к низшему полюсу, не теряя при этом своей организации; границы нет или она очень подвижна. Кроме того, художественной литературой является «всякий словесный текст, который в пределах данной культуры способен реализовать эстетическую функцию».

Ц. Тодоров [3], используя функциональный и структурный подход к разделению произведений литературы, приходит к выводу, что структурные определения литературы показали свою нежизнеспособность: литература — не всегда вымысел, не всегда подражание, и язык литературы — не единственный язык, которому свойственны системность и упорядоченность. Ц. Тодоров пытался дать определение понятию, противоположному понятию «литература» (подразумевая «художественная литература»). Все попытки определить, что такое «нелитература», привели к многочисленным типам дискурса (дискурс — структурная пара к функциональному концепту «употребления»), и невозможности разграничения. Исследователь поставил под сомнение само существование литературы.

С позиции «непрофессионала» и, возможно, ближе к истине, было бы следующее определение: художественной

литературой является всякий фиксированный знак, способный реализовать эстетическую функцию.

Слово «эстетический» в переводе с греческого — «чувственно воспринимаемый». Если обратиться к наследию философов, то увидим подобное толкование у А.Ф. Лосева [4], И. Канта [5]; М.М. Бахтин [6], при всей противоречивости его работ, утверждает: «Эстетически значимая форма есть выражение существенного отношения к миру познания и поступка, однако это отношение не познавательное и не этическое...».

Но в XVIII веке аббат Ш. Баттё указал на известный принцип — подражание прекрасной природе, а К.Ф. Мориц объединил изящные искусства по этому признаку. Определение искусства как красоты легло в основу науки о литературе. И до сих пор некоторые исследователи [7] определение «эстетическая литература» понимают так, что речь идет о художественной литературе, которая должна быть «прекрасной», доставлять читателю удовольствие.

Разумно утвердить следующую позицию: «художественной» = «эстетической» литературой является та, которая оказывает (или способна оказывать) влияние на эмоциональную и духовную сферу человека, а стержнем искусства, или искусства (равнозначными понятиями), является его способность не оставлять людей равнодушными. Нет влияния — нет «художественности».

Влияние разнопланово: оно может просто нравиться, может образовывать, может быть применимо в практическом плане... Все это изучает философия искусства, которая не только объясняет виды и методы искусства, но и выявляет отношения искусства к этике, религии, метафизике и мировоззрению. А если есть проблема отношения искусства к вышеперечисленному, то следует признать, что отношения эти могут быть как знаком «плюс», так и со знаком «минус». Вслед за этим следует признать тот факт, художественная литература может быть далека от нравственных идеалов, а то и вовсе быть направленной против них. Но искусство от этого не становится «неискусством». То, какое влияние искусство оказывает на человека, является, в первую очередь, мерой его духовности. Иными словами, какое общество, такое и искусство. Показательно, что как только в литературе появляются пошлые, безнравственные произведения, сразу возникают разговоры о вырождении литературы как таковой, а также об упадке некоторых ее жанров [8].

Всё это так. Но нравственное, как и безнравственное, в литературе, как и в жизни, было всегда! Однако в России отождествление «художественности» с нравственностью очень стойко.

Современная литературная ситуация указывает на то, что фактически каждый современный писатель имеет «свободу слова» от морали и религии, и пользуется эти по своему усмотрению, согласуясь только со своими субъективными представлениями о том, что долженствует в «художестве».

Поэтому надо признать в целях развития литературоведческой мысли, что, когда издается книга, половина которой состоит из мата, а содержание ее — половые извращения (Простите — *О.В.*) — это литература, а так как она оказывает (и не может не оказывать) влияние на читателя — это художественная литература. То, что по традиции называется научной, публицистической, деловой письменностью, — это все тоже «художественная» литература, так как и она оказывает (или может оказывать) на читателя влияние. Более того: сюда же относится то, что зафиксировано нотными знаками, цифрами, рисунками. К «нехудожественной» субъективно можно отнести что-то, созданное на непонятном для прочтения языке. Все остальное — художественное. А объективно «художественное» — всё; так как то, что один читатель не может «расшифровать» зафиксированный знак, не значит, что другой не сможет этого сделать.

Таким образом, правы и те, кто считает литературой любой словесный текст, и те, кто полагает, что литературой может именоваться только художественная литература. Литература — это то, что не бывает нехудожественным, и нет ничего, о чем человек мог бы помыслить без литературы. Литература — это всё, из чего человек получает информацию; всё, что наполняет его жизнь. «Она (Литература — *О.В.*) пытается пробудить субъективную составляющую разума, вызвать эмоциональную реакцию и придать опыту эстетическую форму. Таким образом, литература оказывается гораздо ближе к той жизни, какой мы ее воспринимаем, изучаем и переживаем» [9].

Абстрагирование (кажущееся) таких важных понятий как «литература», «художественная литература», а также знак равенства между ними, является необходимым движением в сторону понимания исходящей из них категории жанра, являющейся для литературоведов самой дискуссионной областью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов А. В. Несколько тезисов о теории литературы // Литературоведение как проблема. Труды Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре» — М., 2002, С. 224–279.
2. Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. — Таллин, 1992. С. 203–216.

3. Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. — М., 1983. С. 335–369.
4. Лосев А. Ф. Эстетика // ФЭ. Т. 5. С. 570.
5. Кант И. Критика способности суждения (1790). — М., 1994. С. 47–49.
6. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. С. 33.
7. Мукаряжовский Я. Эстетическая функция, норма и ценность. // Мукаряжовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. С. 56.
8. Например, это рассматривается в следующих работах:
9. Леонов Л. М. Форма и цель // Публицистика. — М., 1976, С. 289–297.
10. Тугушева М. П. Под знаком четырех. О судьбе произведений Э. По, А. К. Дойла, А. Кристи, Ж. Симеона. — М., 1991, С. 275.
11. Шапошников В. Эра добровольного невежества // Сибирские огни (литературно-художественный журнал), 2001, № 5, сентябрь.
12. Джозеф Кэрролл. «Теория», антитеория и эмпирическое литературоведение. Пер. А. Осина // Журнальный зал. «Вопросы литературы». — 2006, № 1.

© Виноградова Оксана Николаевна (oksana_kist@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Рыбинск

ЦЕЛЕУСТАНОВЛЕНИЕ КАК НЕДОСТАЮЩИЙ АСПЕКТ ЖАНРОВОЙ ТЕОРИИ В ПОНИМАНИИ ФЕНОМЕНА ЛИТЕРАТУРЫ

GOAL-SETTING AS THE UNACCEPTABLE ASPECT OF GENRE THEORY IN UNDERSTANDING THE PHENOMENON OF LITERATURE

O. Vinogradova

Summary. When abstracting literary concepts «literature» and «fiction», as well as the sign of equality between them, a new, holistic genre theory is proposed that has three aspects: formal, content and goal-setting. The division of literature is conceived in a hermeneutical way and relies on a philosophical interpretation of the image of the Holy Trinity. The identification of the missing aspect of the genre theory — goal-setting — excludes the possibility of opposing the types of literature; the use of such expressions as «non-literary», «semi-artistic», «extra-genre».

Keywords: literature, genre, content, form, purpose.

Виноградова Оксана Николаевна

Учитель, ООО «НПФ Интеграл», г. Рыбинск
oksana_kist@mail.ru

Аннотация. При абстрагировании литературоведческих понятий «литература» и «художественная литература», а также знака равенства между ними предлагается новая, целостная жанровая теория, имеющая три аспекта: формалистический, содержательный и целеустанавливающий. Разделение литературы мыслится герменевтическим образом и опирается на философское осмысление образа Святой Троицы. Выявление недостающего аспекта жанровой теории — целеустановления — исключает возможность противопоставления видов литературы; употребления таких выражений, как «нелитературный», «полухудожественный», «внежанровый».

Ключевые слова: литература, жанр, содержание, форма, цель.

Сколько времени существовала литература, столько же времени существовала потребность выделить виды, или жанры литературы. Общая теория жанров до сих пор спорна и актуальна. В настоящее время требуется широкий, герменевтический взгляд, применимый ко всей литературе на всех исторических этапах ее существования.

Для попытки решения данной проблемы целесообразно абстрагировать такие важные понятия в литературоведении, как «литература» и «художественная литература»; поставить знак равенства между ними. Такой подход в современной литературной ситуации является необходимым движением в сторону понимания категории жанра: в этом случае проблема будет состоять в определении и сложении жанровых составляющих, и при этом будет не важно, идет ли речь о жанре как о виде литературы, либо как о виде конкретного литературного произведения.

«Жанр» — французское слово, синоним слов «тип» и «вид». Все литературные произведения делятся на жанры по различным принципам деления, в зависимости от того, что видится в формировании жанра основополагающим. Традиционно различают жанры эпические, драматические и лирические. В рамках родов жанры разделяются по их ведущему эстетическому качеству, эстетической «тональности» [1]. Под жанром понимают также «повторяющееся во многих произведениях

на протяжении истории развития литературы единство композиционной структуры» [2]. Жанры выявляют, исходя из пространственно-временной организации произведения, из его содержания, из наличия каких-либо главных героев. Сущность проблемы жанра сформулировал Н.Д. Тмарченко [3]: это соотношение между идеальной моделью произведения и реально существующей.

Современные исследователи выделяют как минимум два компонента, из которых складывается жанр художественного произведения:

1. форма произведения (композиция, структура, элементы), — т.е. то, как построено произведение,
2. Содержание (о чем произведение), т.е. — что написано.

Это базисные компоненты, в настоящее время их никто не оспаривает, но, при этом, почти у каждого ученого — свое понимание их взаимосвязи.

Г.Н. Поспелов [4] создал систему жанровых обозначений с опорой на эти два компонента; разработал и применил литературоведческую терминологию жанров. Так, под романом понималось «большое произведение романического жанрового содержания, прозаическое или стихотворное», под повестью — «эпическое произведение среднего объема»; при этом «перекрестно» произведения подразделялись на национально-истори-

ческие, этологические (нравоописательные), романтические группы жанров. Для Г.Н. Пospelова жанр — «явление не исторически конкретное, а типологическое» [5]. М.М. Бахтин [6] придерживался принципа перекрестной классификации, но выделил в художественном произведении три компонента: содержание, форму и материю. Под «содержанием» понимался «эстетический объект», где виден автор, под «материалом» — форма в ее традиционном понимании, а под «формой» — непосредственное содержание.

На фоне попыток вывести жанр только из содержания и формы (А.П. Флоренский [7], В.В. Кожин [8], Г.Д. Грачев [8]), или найти нечто «среднее» между содержанием и формой (Г.Л. Абрамович [9], Л.И. Тимофеев [10]), велись поиски «третьего» жанрообразующего компонента.

Основываясь на том, что всякое произведение выражает некую «модель мира», много внимания уделялось художественной структуре произведения, исследованиям в области генезиса жанров (О.М. Фрейденберг [11], В.Я. Пропп [12]). Н.Л. Лейдерман [13] подчеркивал взаимосвязь содержания и формы; выделял «ядро жанра» — «образ мира», угадываемый из произведения. Это «ядро» состоит из «носителей», и «мотивирует читательское восприятие». Ю.В. Шатин [14] обозначал три аспекта жанровой теории: «нормативный аспект» — «более или менее постоянный набор признаков», «генетический» — «достаточно полно разработанный в концепции М.М. Бахтина, связан с понятием «памяти жанра», и «конвенциональный». Автор поясняет: «Обычно под жанровой конвенцией понимают систему установок, высказанных или подразумеваемых договоренностей, осуществляющих в сознании писателей и читателей и позволяющих воспринимать произведение под тем или иным жанровым углом зрения». У М.С. Кагана [15] жанры дифференцировались по «тематической плоскости», «аксиологической», «познавательной емкости», и «по типу создаваемых искусством образных моделей». Есть и оригинальные концепции жанра, зародившиеся на Западе (Например, «вулканическая теория» теория Б. Кроче или биологическая теория Ф. Брюнетьера).

Концепций немало, и почти все ученые, пытающиеся дать определение жанра, начинают свое исследование с вопроса: а есть ли канон жанра? Так как отрицательный ответ на этот вопрос фактически обесмысливает изучение проблематики жанров, то утвердительный ответ обязателен.

Канон есть. Но что подразумевать под каноном?

На наш взгляд, *форма* является каноном, мертвой конструкцией, и она — нежизнеспособна без других со-

ставляющих жанра. Когда речь заходит о *форме*, должна подразумеваться трактовка, близкая к Г.Н. Пospelову. То есть, роман — это «большое произведение, прозаическое или стихотворное», повесть — «эпическое произведение среднего объема», рассказ — «малое эпическое произведение», стихотворение — малое рифмованное произведение, и т.д.

В эту форму «вливается» *содержание*. Это может быть любовь, нравы, история, религия, философия, физика, математика и многое другое. В. Шапошников [16] полагал, что «все литературные сочинения делятся, в принципе, на две категории: 1) книги, содержание которых равно их сюжету, и 2) книги, содержание которых выходит далеко за рамки сюжета, т.е. все те, где сюжет является лишь поводом для постановки и разрешения каких-то серьезных, сложных жизненных проблем». Когда исследователи сталкиваются с книгами «второй категории», тогда и начинаются сложности с определением жанра произведения.

То, что в произведении, помимо формы и содержания, есть что-то еще, что позволяет окончательно определить жанр, ясно было давно. Результатом этого понимания стали рассуждения о «некой целостности», позволяющей постичь сущность жанра (М.Б. Храпченко [17], Н.Л. Лейдерман [13], В.И. Тюпа [18]). Сопоставляя целостность и системность (которые находятся в диалектическом противоречии), В.И. Тюпа указывал на доминантные отношения в основе целостности, а также на невозможность познать ее научным путем.

Интересны размышления о «целостности» Г. В. Ф. Гегеля [19]. Он сравнивал целостность с образом Святой Троицы, подразумевая под содержанием — Бога-Отца, под формой — Бога-Сына, а под Святым Духом — их объединение.

Этот образ — ключевой в понимании сущности жанра. И Дух, под которым подразумевается целостность, не только объединяет; от него же все и исходит. Он — определяющий, определяющий замысел, *цель*.

Образ Троицы косвенно усматривается и в работах М.М. Бахтина, где автор подчеркивал важность при определении жанра произведения следующей триады: автор — читатель — герой, говоря, что без их социального взаимодействия невозможно понять произведение.

Герой раскрывается через содержание, читателя произведение привлекает посредством формы, а как быть с автором?

Автор замышляет и форму, и содержание ради определенной цели. Замысел автора, как творца, объединяет

и объясняет всё. Трудно рассуждать о жанре произведения, владея знанием о частях «механизма» (т.е., понимая содержание и форму), и смутно представляя себе «пружину», приводящую всё в действие (т.е. цель, побудившую автора к творчеству).

Авторский замысел, реализующий цель — именно то, что создает целостность произведения, о которой много и пространно толкуют.

«Исследователь открывает взаимосвязь композиционных частей произведения, определяет восходящие доминанты и среди них последнюю завершающую и покрывающую точку, которая, следовательно, и была основным формирующим замыслом автора» — формулирует задачи исследователя А.П. Скафтымов [20]. Но замысел автора, его цель, трудно вычислить; часто ее можно понять только иррациональным путем. Но ведь часто и текст, как говорил М.М. Бахтин [21], «является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории. По отношению к этому моменту все повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством. Это в какой-то мере выходит за пределы лингвистики и филологии».

Итак, *цель* автора (автора — творца) — недостающий жанрообразующий компонент.

Цель близка к идее, но это не совсем то: идея ясна из содержания, а цель автора видна только тому, кто в состоянии уловить главную движущую силу произведения, его дух. Когда стремление автора достичь цели и стремление читателя постичь эту цель в произведении совпадают, проясняется жанр произведения с его исходной позиции: до формы и до содержания. Цель может быть и «содержание ради содержания», а может быть и гораздо выше: заставить сострадать, сочувствовать, возлюбить, возненавидеть... Когда автор ставит такие цели, определение канонов произведения и того, что в них содержится, не раскроет жанр: важно ощутить влияние творца и разгадать его замысел. Ученые возражают: «Исследование того, что хотел автор и что его одухотворяло, не может выявить его намерений, напротив, они проявляются в декомпозиции тех систем, с которыми текст связан, чтобы обособиться от них» [22]. По поводу «декомпозиции» можно поспорить, а вот то, что не всегда выявление намерений автора проясняет жанр — бесспорно.

Не каждый писатель ставит себе четкую цель, и не каждая цель «берет верх» над содержанием и формой. Это не значит, что произведение плохо. Это может быть прекрасным произведением, жанр которого легко опреде-

ляется либо по содержанию, либо по форме. Может быть и так, что жанр совпадает и по содержанию, и по форме, и по цели.

Проблема создается там, где автор при написании произведения не только отражал действительность, но и хотел изменить её в себе самой. Л.Н. Толстого, например, характеризует именно такая позиция; и до сих пор не утихают споры по поводу его творчества. «... XX век не явил миру нового Льва Толстого, но он мог бы представить в свое оправдание литературоведение» [23].

Между тем, если признать «троичность» жанра, то жанровая сущность произведений Л.Н. Толстого становится определяема всесторонне. Его произведения часто троичны. Идеальный пример — «Исповедь». Цель автора — не исповедаться, а проповедать. То есть по жанру, выходящему из цели, это произведение — проповедь. Далее — по форме — повесть, по содержанию — исповедь. Произведения Л.Н. Толстого — не исключение в море литературы, а, скорее, правило, по которому строятся все выдающиеся произведения. За доказательствами обратимся к исследованию гениальнейшего ученого Д.С. Лихачева [24], к его взгляду на историю становления жанров русской литературы с момента их зарождения.

Общеизвестно, что Русь заимствовала в X–XIII вв. свои литературные жанры из Византии и Болгарии, а, кроме того, создала на их основе свои жанры. Жанровые признаки литературы были жестко регламентированы. При этом почти сразу, «обслуживая регламентированный средневековый быт, жанровая система литературы, перенесенная на Русь из Византии и Болгарии, не удовлетворяла, /.../, всех человеческих потребностей в художественном слове». Отсюда — «появление решительного несоответствия между светскими потребностями феодализирующегося общества в XI — XIII вв. и той системой литературных и фольклорных жанров, которая должна была эти новые потребности удовлетворять».

Потребности эти состояли в «интенсивном развитии личных патриотических качеств». «Чтобы удержать единство, требовались высокая общественная мораль, чувство чести, верности, самоотверженность, патриотическое самосознание и высокое развитие искусства убеждения, словесного искусства — жанров политической публицистики, жанров, развивающих любовь к родной стране, жанров лиро-эпических». То есть, другими словами, литературе не хватало *воздействия*. Воздействия и влияния на читателя. Как только литература стала преобразовываться в нужную сторону (в XI — XIII вв.), сразу же стали возникать произведения, «которые стоят особняком от традиционных систем жанров, разрушают

их либо творчески объединяют». Появляются произведения, «которые трудно отнести к какому-нибудь одному прочно сложившемуся, традиционному жанру. Эти произведения стоят вне жанровых традиций». Когда, чуть позже, появилось «индивидуальное чтение», оно подтолкнуло к развитию «жанры, в которых главную роль начинали играть занимательность, сюжетность, воображаемые события». Лихачев анализирует «ключевые» (а, по сути, все выдающиеся) произведения разных этапов развития русской литературы вплоть до XVII века, приходя к выводу, прозвучавшему еще в начале исследования: «Ломка традиционных форм вообще была довольно обычной на Руси»; «Все более или менее выдающиеся произведения литературы, основанные на глубоких внутренних потребностях, вырываются за пределы традиционных форм». Кроме того, Лихачев видит одни и те же истоки публицистичной, научной, художественной литературы, деловой письменности, а также подчеркивает их теснейшее взаимодействие, сложность их расчленения.

Гениальная работа ученого — повод еще раз заняться осмыслением жанровых категорий. Есть ли произведения «вне жанра»? Или в этих произведениях трудно уловить главное: то, что не лежит на поверхности и не распознается по частям?

Если, опять же опираясь на исследования Лихачева, вернуться в ту точку состояния русской литературы, когда существовали некие образцы (каноны), то поймем, что в хождении тогда были только *формы* произведений с тем омертвевшим содержанием, которое им досталось по наследству. Когда в эту *форму* стали вливать новое *содержание* (хоть сколько-нибудь несущее авторское видение), жанры стали дифференцироваться. А когда *форму* и *содержание* поставили «на службу» *цели*; когда стали создавать произведения, пытаясь через них намеренно воздействовать на людей, — вот тогда и возникла проблема, которую до сих пор пытаются решить, выводя эти произведения за рамки жанра. Происходит это потому, что очень трудно человеку, занимающемуся наукой, признать как существующее и главное то, что невозможно увидеть и разобрать на составляющие, — дух произведения, его цель. Между тем Д. С. Лихачев констатировал тот факт, что литература «поднялась высоко и стала царить в жизни общества, не только выражая уже сформировавшиеся за ее пределами взгляды и идеи, но и формируя их». Иными словами — литература *целенаправленно воздействует*, а произведение складывается из цели, содержания и формы, и эти три компонента — жанрообразующие.

Отсюда следует, что жанровая теория действительно имеет три аспекта, название которых было бы наиболее точным следующее:

1. Формалистический,

2. Содержательный,
3. Целеустанавливающий.

С точностью жанр произведения можно определить только в том случае, если учитывается все эти три аспекта.

Некоторые возразят: жанр должен быть определен *однозначно*. Но однозначное определение жанра произведения уже давно изъято из употребления. Если многие исследователи согласны с бинарным определением жанра, то почему невозможно «тернарное», тройственное определение? Ещё Л. И. Шестов [25], когда писал о русской культуре, указывал на то, что «...все наши понятия, как бы мы их не строили, — о двух измерениях, в то время как действительность имеет три и более измерений». Но, если длинная формулировка жанра «напрягает», вполне возможно определить жанр, который складывается из цели автора, содержания произведения и формы, «не очень длинно».

Когда в произведении исследователь выявляет все три жанрообразующих компонента, он сталкивается с тем, что один из них может доминировать. Этот преобладающий компонент и должен являться «коротким» жанром произведения. Остальные два — только дополнять его. Может быть и так, что доминирующий компонент совпадает с другим; могут совпадать все три (это был бы идеально). Во всех этих случаях возможно однокомпонентное определение жанра.

Однако, когда различны все компоненты, да, к тому же, и равноправны (почему бы нет?), то точно можно представить жанр произведения только триадой: жанр по цели, жанр по содержанию, жанр по форме.

Например, жанр «Евгения Онегина» (А. С. Пушкин): по цели — нравописание, по содержанию — любовный, по форме — роман.

Все три определения жанра функционируют. Традиционно это произведение считается любовным романом; о том, что это роман нравописательный, речь заходит реже. Не «поэма» это произведение по простой причине — слишком большое по объему и содержанию. Хотя, если отрицать возможность романа быть стихотворным, то это — поэма.

Следующий пример: жанр «Мертвых душ» Н. В. Гоголя: по цели — нравописание, по содержанию — приключенческий (авантюрный), по форме — роман.

При чем тут поэма? При том, что нравописание — сатирическое. И если, по традиции, почитать сатиру за поэзию (а многие с этим не согласны), то «Мертвые

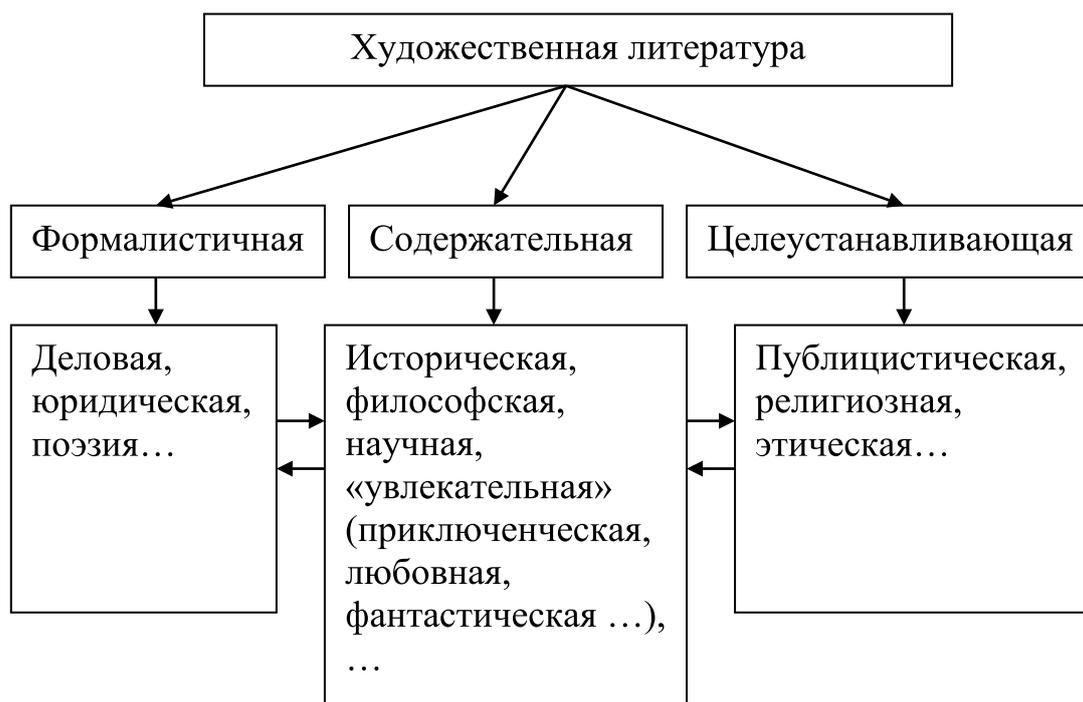

Рис. 1

души» — поэма. Г.Н. Пospelов вызвал ожесточенную критику в свой адрес, определив жанр «Мертвых душ» как «нравоописание», однако он был прав! Интересно, что жанр по цели исследователь вывел из содержания, и это дает возможность допустить, что цель все-таки познаваема рационально. По крайней мере, есть какие-то координаты в произведении, по которым косвенно цель становится постигаемой. В этом плане, если вернуться к упомянутой выше работе Н.Л. Лейдермана, такими координатами можно считать те самые «носители», составляющие «ядро» — «образ мира». Соответственно, «образ мира» и способы и средства его создания создают предпосылки, способствующие постижению цели.

Но, все равно, последний шаг к постижению цели (как главного жанрообразующего компонента) — эмоция, чувство, которое испытывает читатель. И в этом отношении очень верной видится психологическая концепция (в русле которой работали такие исследователи, как П. Ван Тигем, Э. Бентли, Дж. Клайнер, К. Берк и др.), где за основу жанровых категорий приняты психологические, эмоциональные отношения человека (читателя, писателя) к миру. Жанровые различия связываются не с формальными признаками произведений, а с типами общечеловеческих эмоций. Здравый смысл данной концепции очевиден, если попытаться определить жанр, например, записки, которую оставила жена мужу: «Ты не вынес мусорное ведро!» (И это тоже художествен-

ная литература!) Жанр по цели — упрек, по содержанию — факт, по форме — записка.

Возможно, возникнет много работы, связанной с теми или иными понятиями, характеризующими жанр. Кроме того, необходима работа опытно-экспериментальная, столь не свойственная литературоведению. Так, например, Д. Кэрролл [26] полагал, что «...нужно начать накапливать точные данные о создании и восприятии литературного смысла, полученные в результате эксперимента. /.../ ... мы можем проводить эксперименты, касающиеся производства литературного смысла. /.../ ...установить гипотетическую связь между литературными формами и разновидностями интеллектуальной и эмоциональной реакции и испробовать эти гипотезы на людях, участниках эксперимента...».

Увы, сейчас широко предоставляется возможность только теоретизировать, что и сделаем, перейдя от жанра произведения к жанру художественной литературы.

Итак, вся литература (которая, повторим, иначе как художественной не бывает) делится на три категории, или вида, или жанра (название которых соответствует указанным ранее аспектам жанровой теории):

1. Литература, где доминирует форма,
2. Литература, где главное — содержание,
3. Литература, где форма и содержание — фон, «слушающий» цели. Цель при этом подразумевается

крайне побуждающая, вызывающая действие «физического» и «духовного» в читателе.

Эти три жанра делятся, в свою очередь, также на жанры (виды, поджанры,— кому что нравится). Мы их назовем, чтоб не путаться, «видами». Они, в свою очередь, делятся на жанры, всем уже знакомые. Те, в свою очередь, также можно делить. Например: Художественная литература — Целеустанавливающая — Публицистическая — Манифест (Воззвание, Обращение...). Или: Художественная литература — Содержательная — Научная — Статья (Теорема, Задача, Доказательство...). Или: Художественная литература — Формалистичная — Юридическая — Договор (Акт, Свидетельство, Доверенность...).

Схематично можно изобразить это как на рис. 1.

Разделение литературы, как оно здесь мыслится, происходит «герменевтическим» образом: ни одна из ныне здравствующих классификаций не страдает, а, наоборот, может черпать что-то новое из объединенного целого.

Как видно из схемы, та литература, которую все по традиции именуют «художественной» названа «увлечательной». Название оставляет желать лучшего, но «заостряться» на нем не будем.

Понятие трех жанров художественной литературы устойчиво, и любой вид (поджанр, жанр) имеет признаки всех этих трёх жанров, однако часто доминирует из них одно направление. Функционирование внутри видов постоянно в движении. Произведения религиозной литературы вполне могут потерять целевую направленность и перейти в категорию и вид содержательной, а то и формалистичной литературы. Причин этому — множество, но происходит это за счет того, что конкретные произведения внутри себя самих меняют жанровый вектор, который должен бы главенствовать. Это как раз те произведения, которые традиционно счи-

тают «внежанровыми», или те, о жанре которых постоянно спорят.

При опоре на вышеприведенную схему распределения жанров литературы, исключается сама возможность суждений о противопоставлении художественного и публицистического, отпадает надобность в таких выражениях, как «нелитературный», «полухудожественный» и «внежанровый».

В предлагаемую схему деления литературы легко вписывается любая существующая схема, в том числе и деление по родам. Однако, традиционно деля литературу на эпос, лирику и драму, целесообразно было бы опираться на теорию швейцарского литературоведа Эмиля Штайгера [27], который предлагает понятия родов заменить представлениями о «тоне», который преобладает в произведении и может быть лирическим, эпическим или драматическим. Постичь этот тон (настроение) возможно только априорным путем. Родовую классификацию Э. Штайгер подводит под понятия «человеческого существования»: «тело» (эпос), «душа» (лирика), «дух» (драма).

Образ Святой Троицы является ключевым в понимании феномена литературы. Так, исследуя жанр произведения и компоненты, из которых он складывается, находим форму (тело), содержание (душа) и цель (дух); классифицируя литературу, делим ее на формалистическую (телесную), содержательную (душевную) и целеустанавливающую (духовную).

Изучать систему жанров творчества какого-либо отдельно взятого писателя, рассматривать ее следует по трем параллельно идущим линиям, неразрывно связанным с историей жанровой теории. Во-первых, это история формы (структуры). Во-вторых — история содержания (генезис сюжетов, образов). В-третьих — исследование духовного поиска автора; реализации его замысла, цели, в ряду других *целеустанавливающих* произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожин В. В. Жанр литературный // Т. 2. Стлб 914–917 // Краткая литературная энциклопедия. Т. 1–9. — М., 1962–1978.
2. Калачева С., Рошин П. Жанр // Словарь литературоведческих терминов. Ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. — М., 1974, С. 82.
3. Тмарченко Н. Д. Жанр литературный // Литературоведческие термины (материалы к словарю). Вып. 2, Коломна, 1999. С. 29–30.
4. Пospelов Г. Н. Типология литературных родов и жанров // Вестник Моск. Ун-та. — Серия 9. Филология. — 1978, — № 4, С. 13, 15, 17–18.
5. Пospelов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. — М., 1972, С. 155.
6. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, С. 6–71.
7. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. — М., 1993.
8. Кожин В. В., Грачев Г. Д. и др. «Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры». — М., 1964.
9. Абрамович Г. Л. Введение в литературоведение. — М., 1975.
10. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. — М., 1976.

11. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. — М., 1997.
12. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
13. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра: Монография. — Свердловск, 1982, С. 11–27.
14. Шатин Ю. В. Три аспекта жанровой теории. // Материалы VI научной межвузовской конференции 7–9 декабря 1988 г. Проблемы литературных жанров. — Томск, 1990, С. 5–6.
15. Каган М. С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. — Л., 1972, С. 412–418, 423–424.
16. Шапошников В. Эра добровольного невежества // Сибирские огни (литературно-художественный журнал), 2001, № 5, сентябрь.
17. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1972, С. 259.
18. Тюпа В. И. Художественность литературного произведения. Красноярск, 1987. С. 20–22, 26.
19. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4 т. Т. 1. С. 75–76, М., 1968–1971
20. Скафтымов А. П. Тематическая композиция романа «Идиот». // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках. — М., 1972. С. 24.
21. Бахтин М. М. Проблема текста // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996. С. 308–309.
22. Изер В. Акты вымысла, или Что фиктивно в фикциональном тексте // Немецкое философское литературоведение наших дней. — СПб., 2001, С. 193.
23. Кузьмичев И. К. Введение в общее литературоведение XXI века. Лекции. — Н. Новгород, 2001. С. 319
24. Лихачев Д. С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы. // Исследования по древнерусской литературе. — Л., 1986, С. 79–95.
25. Шестов Л. И. Дерзновения и покорности // Афоризмы нежитейской мудрости. — Л., 1990, С. 95.
26. Джозеф Кэрролл. «Теория», антитеория и эмпирическое литературоведение. Пер. А. Осина // Журнальный зал. «Вопросы литературы». — 2006, № 1.
27. Staiger Emil. Grundbegriffe der Poetik. — Zurich, 1961

© Виноградова Оксана Николаевна (oksana_kist@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Рыбинск

СПЕЦИФИКА ЗВУКОВОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА КИНЬЯРУАНДА В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

SPECIFICITY OF THE KINYARWANDA LANGUAGE SOUND SYSTEM IN THE CONTEXT OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE

L. Gaynanova

Summary. The article is devoted to the study of the Kinyarwanda language phonetic structure features as a reason for interferential errors appearing in the speech of learners. Author reveals the mechanisms of phonetic variation of consonants in Kinyarwanda, leading to a mixture of consonants in Russian language. He also notes the differences between the types of rhythmic structures most frequently used in both languages. Author concludes that considering of the Kinyarwanda phonetics laws in the future should help representatives of this language group to prevent interpreting errors in Russian speech.

Keywords: phonetic base of language, articulatory base of language, Kinyarwanda, Russian as a foreign language, phonetic interference, initial stage of studying.

Гайнанова Лилия Муллануровна

*К.филол.н., Военно-космическая академия имени
А. Ф. Можайского (г. Санкт-Петербург)
guljimesh@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей фонетического строя языка киньяруанда как объективной причины проявления в русской речи обучающихся интерферентных ошибок. Автором выявляются механизмы фонетического варьирования согласных в киньяруанда, приводящие к смешению согласных в русском языке, а также рассматриваются различия наиболее часто употребляющихся в обоих языках типов ритмических структур. Делается вывод о том, что учёт законов фонетики киньяруанда в будущем поможет предупредить интерферентные ошибки в русской речи представителей данной языковой группы.

Ключевые слова: фонетическая база языка, артикуляционная база языка, киньяруанда, русский язык как иностранный, фонетическая интерференция, начальный этап обучения.

В методике преподавания РКИ большое значение имеет учёт особенностей родного языка инофона, по этой причине вопросы межязыковой интерференции по-прежнему находятся под пристальным вниманием лингвистов и преподавателей. Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин справедливо определяют языковую интерференцию как «взаимодействие языковых систем, воздействие системы родного языка на изучаемый язык в процессе овладения им», выражающееся «в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» и возникающее «в силу существования различий в системах родного и изучаемого языков и имеет место на уровне значения и употребления» [1, с. 87].

На начальном этапе обучения русскому языку особое значение имеет знакомство иностранцев с нормами русской фонетики и формирование фонетических навыков, которые представляют собой осознанные слуховые и речемоторные операции, позволяющие правильно воспринимать и воспроизводить речь. Фонетическая база любого языка состоит из артикуляционной и перцептивной составляющей. Под артикуляционной базой вслед за Н.А. Любимовой в статье понимается совокупность артикуляционных типов, укладов, характерных для данного языка и используемых говорящими на нём людьми при звуковом оформлении речевых единиц: слога, фонетического слова, синтагмы, фразы, что свиде-

тельствует о нерасчленённости сегментных и супraseгментных характеристиках звука в процессе артикуляции [4, с. 40].

Очевидно, что артикуляционная база родного языка, в частности — киньяруанда, принципиально отличается от АБ русского языка. Язык киньяруанда, является в некоторой степени «новым» для преподавателей РКИ ввиду немногочисленности обучающихся в постсоветский период, по этой причине практически отсутствуют работы по сопоставительному анализу киньяруанда и русского языков в контексте методики преподавания РКИ.

Таким образом, сказанное выше обуславливает необходимость исследования влияния фонетики родного языка киньяруанда на процесс изучения русского языка как иностранного.

В языке киньяруанда традиционно выделяют 5 гласных фонем /i, e, a, o, u/, которые в фонетической системе РЯ занимают аналогичное место. Гласные различаются по ряду и подъёму, однако, в отличие от русского языка, в киньяруанда небольшое количество аллофонов. Руандийский лингвист А. Кимени отмечает наличие долгих соответствий указанным гласным. Также нужно отметить, что русская фонема /ы/ как правило произносится и пишется ошибочно, смешиваясь с /i/.

Фонемы /a/, /u/, /i/ практически во всех позициях выступают в своих основных вариантах, претерпевая лишь незначительную количественную редукцию. Фонема /e/ в конечном безударном слоге после /k/ имеет вариант /e^h/, например urutoke — /uruto^hce/ «банановое поле», фонема /o/ в конечном безударном положении выступает в виде аллофона /o^h/, имеющего характер дифтонгоида, например buhoro — /buhoro^h/ «мало».

Система согласных в киньяруанда значительно отличается от согласных в русском языке. А. Кимени [б] выделяет 21 согласную фонему:

- ◆ билабиальные /p, b, m, pf, w/;
- ◆ лабиодентальные /f, v/;
- ◆ дентальные /t, d, s, z, n, ts, r/;
- ◆ средненёбные /y, j, c sh/;
- ◆ задненёбные /k, g/;
- ◆ фарингальный /h/.

По степени участия голоса в образовании согласные делятся на шумные и сонорные, существенными характеристиками которых являются: место образования (лабиальный — дентальный — нёбный — фарингальный), способ образования (взрывной — фрикативный — аффриката), звонкость (звонкий — глухой). Для сонорных важными характеристиками являются место образования, носовости (носовой — неносовой).

При рассмотрении специфики фонетической системы киньяруанда особый интерес вызывает устойчивое смешение фонем /r/ и /l/, что, на наш взгляд, в большей степени обусловлено несовпадением в языках состава фонем. Если в русском языке есть сонанты /r/ и /l/ и парные им по мягкости /r'/ и /l'/, то в рассматриваемом языке изначально был сонант /r/, имеющий в позиции перед /i/ палатализованный вариант /l'/, то есть русские фонемы являются вариантами одной фонемы в родном языке.

А. Кимени отмечает, что в киньяруанда имеет место только один плавный сонант /r/, несмотря на то, что в современной киньяруандийской орфографии используются буквы r и l. [6, с. 218]. Письменность на основе латинской графики введена в Руанде в начале XX века в период бельгийской колонизации [5, с. 129], поэтому безусловное влияние на киньяруанда оказал французский язык. Однако если буква r употребляется в исконной лексике, то графема l изначально отсутствовала и встречается только в заимствованных из других языков словах, таких как Ливия — Libiya, брюки — pantalon, патруль — patrol.

В частности, Е. З. Дубнова в книге «Язык Руанда» определяет соотношение данных графем r и l как свободный вариант фонемы /r/. Автор отмечает трудность выявления закономерности взаимозамены вариантов звука, поскольку это явление наблюдается в разных позициях, од-

нако, установлено, что в позиции перед /i/ встречается палатализованный вариант /r/ → [l], например, umurigo → /umuliro/ «огонь», ukuri → /ukuliri/ «правда», amarira → /amalira/ «слёзы» [2, с. 16].

Практика обучения руандийских обучающихся показывает, что это правило фонетики родного языка автоматически переносится на изучаемый русский язык и имеет устойчивую природу. Иными словами, можно наблюдать явление фонетической интерференции: в позиции перед /i/ происходит палатализация /r/ → [l]. Так в словах *говорить, рисунок, Ирина, товарищ* можно наблюдать устойчивую замену /r/ → [l].

Поскольку в киньяруанда нет мягкого звука /r'/, возникают трудности при его постановке по причине слабого различия в способе артикуляции мягких сонантов /r'/ и /l'/.

В то же время, в позиции перед гласными а, о, у, ы часто происходит устойчивая замена фонемы /l/ на /r/, например, в таких словах как *лампа, план, площадь, глухой, белый* вместо /l/ инофонами произносится звук /r/, в письменной речи эта замена сохраняется [рампа, пран, прощаадь, берый]. Этот факт также находит своё отражение в языке киньяруанда в заимствованных словах. Так заимствованное из арабского языка слово *مِلق* — qalam в киньяруандийской орфографии преобразуется в /ikaramu/, английское слово diploma — в речи звучит как /diporoma/.

Русский звук /r/ характеризуется как переднеязычный (какуминальный) дрожащий твердый сонант обычно одно- и двухударный, имеет соответствующую пару по мягкости — переднеязычный дрожащий сонант /r'/, оба встречаются во всех фонетических позициях. Сравнение сонантов русского языка и киньяруанда обнаруживает, что вариант фонемы /r/ киньяруандийского языка относится к дентальным или дорсальным согласным звукам, таким как /t, d, c, z, ц и n/, и, в отличие от русского звука, при его произношении отсутствует вибрация. Сходство на артикуляторном уровне, непротивопоставленность фонем /r/ и /l/ в родном языке проявляется при изучении русского языка, что вызывает их смешение, неразличение. В данном случае следует противопоставить данные звуки по способу артикуляции, то есть вызвать вибрацию кончика языка при произношении /r/.

В научной литературе описание фонемы /l/ в системе киньяруандийских согласных не встречается, поскольку л используется зачастую в письменной речи, однако можно предположить, что этот звук представляет собой альвеолярный боковой сонант средневропейского типа, заимствованный из французского языка, которым в процессе обучения РКИ подменяется русский

звук /l/ — переднеязычный щелевой боковой сонант. Поэтому в процессе обучения русскому языку также необходима постановка и автоматизация русского варианта звука.

Коррекционная работа может включать в себя следующие этапы:

- ◆ постановка звуков русского языка /r/, /r'/, /l/;
- ◆ автоматизация фонем /r/, /r'/, /l/ изолированно, в слогах, словах и предложениях;
- ◆ развитие фонематического слуха (умение дифференцировать звуки /r/, /r'/, /l/, /l'/ между собой и идентифицировать их с соответствующими графемами, отличать нормированное произношение звука от ненормированного, осуществлять слуховой контроль за собственным произношением);

Другой интересной фонетической особенностью языка киньяруанда являются сложные консонантные артикуляции, в корне отличающиеся от русских сочетаний согласных. Е. З. Дубнова определяет данное явление как звуковой комплекс [2, с. 18]. По мнению исследователя, позиционные варианты фонем возникают в результате функционирования таких законов языка, как:

- ◆ палатализация;
- ◆ веляризация + лабиализация;
- ◆ сдвиг по месту образования + палатализация;
- ◆ фарингализация и веляризация.

В свою очередь, А. Кимени называет данное явление сложными согласными звуками (complex consonants), возникающими в результате фонетического варьирования.

1. Преназальные согласные: билабиальные /mp/, /mb/, интердентальные /mv/, /mf/, /mpf/, альвеолярные /nt/, /nd/, /ns/, /nz/, /nts/, нёбные /nsh/, /nj/, /nc/, велярные /nk/, /ng/, /nshy/.

2. Палатализованные согласные: билабиальные /by/, /py/, /my/, интердентальные /fy/, альвеолярные /ty/, /dy/, /sy/, /пny/, велярные /cy/, /jy/, /shy/.

3. Веляризованные согласные: билабиальные /pw/, /bw/, /mw/, интердентальные /mw/, /vw/, альвеолярные /tw/, /dw/, /sw/, /zw/, /nw/, /rw/, /tsw/, палатальные /shw/, /jw/, /cw/, /yw/, велярные /kw/, /gw/, /hw/.

4. Палатализованно-веляризованные согласные: билабиальные /byw/, /pyw/, /myw/, альвеолярные /tyw/, /dyw/, /syw/, велярный фрикативный /shyw/.

Также существуют такие сложные консонанты, как /mbuw/ — преназальный палатализованно-веляризован-

ный звонкий билабиальный согласный, /mvuw/ — преназальный палатализованно-веляризованный звонкий интердентальный согласный, /nshyw/ — преназальный палатализованно-веляризованные глухой фикативный велярный согласный, /njyw/ — преназальный палатализованно-веляризованные звонкий согласный [6, с. 218].

Несмотря на большое количество согласных звуков в сложных консонантах, слоги с сочетаниями согласных имеют тенденцию звучать как единое целое, они не длиннее обычного слога вида CV (C — согласный, V — гласный), то есть короче, чем должны звучать слоги, состоящие из трех или четырех фонем, которые при произношении не разделяются на звуки и слогораздел никогда не проходит между ними. [2, с. 19]. Иными словами, сложная консонантная артикуляция по длительности звучит как одна фонема.

Однако у данных обучающихся при изучении русского языка слова со стечением согласных вызывают затруднение как в устной, так и в письменной речи. Объясняется это тем, что большинство слогов в киньяруанда имеют вид CV. В этом отношении киньяруанда даёт картину, типичную для языков банту: язык руанда демонстрирует господство открытого слога, то есть все слоги оканчиваются гласной фонемой. Как правило, слова в киньяруанда имеют трёх-четырёхсложную структуру, в отличие от русского языка, где высокая частотность отмечается у двусложных и трёхсложных ритмических структур [3]. А. Кимени указывает, что по законам языка в закрытых слогах в конце слова после билабиальных согласных появляется гласный /u/, и гласный /i/ после всех других согласных, например *program* — /pogogaramu/ «программа», *dollar* — /dolari/ «доллар». В русском же языке сочетания согласных возможны во всех позициях в слове и на стыке слов.

В свою очередь в процессе овладения нормами русской фонетики, руандийские обучающиеся стремятся реализовать правила привычного для них закона открытого слога: все закрытые слоги в конце слова в русской речи «открываются» путем добавления редуцированного гласного /i/; а слоги со стечением согласных в середине слова дублированием последующего гласного. Например, в словах *сумка*, *шапка* между согласными будет произноситься вариант фонемы /a/.

Сложным для носителей киньяруанда будет оформление стыка слов, представленного сочетанием гласных, поскольку в родном языке инофонов недопустимо стечение двух гласных. По этой причине в русских словах со стечением гласных на стыке слогов или на стыке слов между гласными в речи руандицев возникает согласный /j/, например, в словах *аэропорт*, *поэт*, у *Анны*, *поэтому*, *Хуан*.

Названные проявления законов фонетики языка киньяруанда указывают на наличие у руандийских обучающихся особо сформированного речевого уклада и речемоторных особенностей, которые в процессе обучения довольно трудно скорректировать. Вышеупомянутые фонетические особенности языка киньяруанда полезно учитывать при лингвистическом прогнозе нарушений восприятия и реализации руандийцами русских консонантных сочетаний и сочетаний гласных. Поэтому на начальном этапе в период вводно-фонетического курса необходима осознанная работа по изучению ритмико-слоговой структуры слов русского языка. При обучении чтению целесообразно обратить внимание инофонов на различные типы ритмических единиц с возрастающей степенью сложности, не характерные для их родного языка:

- ◆ односложные слова с закрытым слогом (мел, нос, кот, дом, сад, лес, сок);
- ◆ двусложные слова с закрытым слогом (банан, салат, лимон, пакет, завод, диван);
- ◆ двусложные слова со стечением согласных в середине слова (письмо, такси, окно, кошка, вилка);
- ◆ двусложные слова с закрытым слогом и стечением согласных (журнал, фонтан, чайник, альбом, костюм);
- ◆ трёхсложные слова с закрытым слогом (самолёт, помидор, чемодан, телефон, капитан, магазин);
- ◆ трёхсложные слова со стечением согласных и закрытым слогом (яблоко, колбаса, конфеты, комната, тарелка);
- ◆ трёхсложные слова с двумя стечениями согласных (матрёшка, лампочка, скамейка, футболист);
- ◆ односложные слова со стечением согласных в начале или в конце слова (флаг, хлеб, шкаф, танк, зонт, лифт, мост);
- ◆ двусложные слова с двумя стечениями согласных (звезда, книжка, спутник, гвозди, спички);
- ◆ слова со стечением гласных (пунктуационный, радиоузел, пациент, океан, поэма, дуэль, заучивать).

Упражнения должны быть направлены на формирование правильного восприятия и реализацию ритмических систем, то есть ритмики, которая определяется количеством слогов в слове, их комбинацией, а также особенностями сегментной структуры слова.

Подводя итог вышесказанному, можно прийти к выводу, что анализ звуковой системы языка киньяруанда

выявил её специфические особенности, которые в процессе изучения русского языка проявляются в виде нарушений в речи на русском языке, то есть в фонетической интерференции, а именно:

1) в родном языке в результате палатализации в позиции перед /i/ происходит фонетическое варьирование /r/ → [ʃ], которое сохраняется при изучении русского языка;

2) в родном языке в позиции перед гласными а, о, у, происходит устойчивая замена фонемы /l/ на /r/. Данное фонетическое правило также переносится на изучаемый русский язык;

3) по причине функционирующего в родном языке закона открытого слога все закрытые слоги в конце слова в русской речи «открываются» путем добавления редуцированного гласного /i/; а слоги со стечением согласных в середине слова дублированием последующего гласного;

4) в русских словах со стечением гласных на стыке слогов или на стыке слов между гласными в речи руандийцев возникает согласный /j/, поскольку в киньяруанда недопустимо стечение двух гласных;

5) представление о фонетической системе языка киньяруанда позволяет сделать прогноз действий произносительных органов, учитывая артикуляционные привычки и уклады речевого аппарата обучающихся, что имеет методическую ценность для преподавателей.

Перечисленные выше особенности родного языка руандийцы переносят в речь на русском языке, особенно в начале обучения. Такого рода ошибки имеют устойчивый характер и присутствуют во всех видах речи — при аудировании, чтении, говорении и письме, поэтому им следует уделить особое внимание, как на начальном этапе обучения, так и на основных курсах. Исследование особенностей фонетической системы языка киньяруанда и её влияние на процесс обучения РКИ носит предварительный характер. Тем не менее, стоит отметить, что полученные выводы позволяют предупредить фонетические интерферентные ошибки представителей данной языковой группы на ранних этапах обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. — 182 с.
2. Дубнова Е. З. Язык руанда. М.: Наука (ГРВЛ), 1979. — 109 с.
3. Летемина Н. А. Сравнение ритмических систем русского языка и кубинского варианта испанского языка // Фонетический аспект общения на неродном языке: Коллективная монография / Науч. Ред. Н. А. Любимова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 103–112.

4. Любимова Н. А. Фонетическая база языка и фонетические навыки: психолингвистический и лингводидактический аспекты // Русский язык как иностранный и методика его преподавания / сб. науч. тр. вып. 27 / Редкол.: Е. И. Зиновьева, Н. А. Любимова (отв. ред.), Л. В. Московкин и др. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. С. 38–45.
5. Шлёнская С. М. Республика Руанда: справ. / Шлёнская С. М. — М., Ин-т Африки РАН, 2012. — 182 с.
6. Kimenyi A. Kinyarwanda [Электронный ресурс.] URL: <http://kimenyi.com/kinyarwanda.php>. Дата последнего обращения — 30.09.2017.

© Гайнанова Лилия Муллануровна (guljimesh@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ ИЛИ ЭВФЕМИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

POLITICAL CORRECTNESS OR EUPHEMIZATION OF THE POLITICAL DISCOURSE

**V. Katermina
M. Tsaturyan**

Summary. The article is devoted to the study of political euphemisms as one of the lexical means of influencing the audience. The similarity between political correctness and euphemisms is that neutral or positive connotation that they seek to convey in words. Euphemization is a universal linguistic phenomenon, which is usually determined by socio-historical and moral and ethical norms, national and linguistic traditions of a particular society.

Keywords and phrases: language and politics; political discourse; political correctness; euphemization; euphemistic substitution

Катермина Вероника Викторовна

*Д.филол.н., профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар)
veronika.katermina@yandex.ru*

Цатурян Мариам Ашотовна

*Преподаватель, Кубанский государственный университет (Краснодар)
ts.m-smile@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию политических эвфемизмов в качестве одного из лексических средств воздействия на аудиторию. Сходство между политкорректностью и эвфемизмами — это та нейтральная или положительная коннотация, которую они стремятся передать в словах. Эвфемизация представляет собой универсальное языковое явление, которое обычно обуславливается социально-историческими и морально-этическими нормами, национальными и языковыми традициями того или иного общества.

Ключевые слова: язык и политика; политический дискурс; политкорректность; эвфемизация; эвфемистическая замена.

Когнитивная лингвистика рассматривает язык с точки зрения его связи с восприятием человеком окружающей его действительности, его постижением и пониманием мира. Язык неразрывно связан с культурой, традициями и менталитетом его носителей, и отражает процессы и явления, происходящие в обществе. Последние десятилетия на первый план вышли проблемы изучения языка как инструмента человеческой коммуникации. Динамика распространения английского языка такова, что многие ученые уже давно во весь голос заговорили о глобализации английского языка. Сегодня мы все больше сталкиваемся с тем, что современные информационные технологии полностью базируются на материале английского языка, при проведении различных международных конференций, саммитов, встречах, симпозиумах преимущество отдается английскому языку. Большинство докладов, контрактов, различных программ издаются на английском языке. [Цатурян 2018: 162]. Как основное средство общения, язык тонко реагирует на все изменения в жизни человеческого коллектива, а также создается и формируется обществом. Связь между языком и политикой проявляется, прежде всего, в том, что ни один политический режим не может существовать без коммуникации.

Английский язык выполняет роль языка мирового общения, межкультурной коммуникации в современном мире. Ярким примером такой связи могут слу-

жить изменения понятийной картины мира носителей английского языка, произошедшие под влиянием масштабного культурного, социального и языкового феномена — политической корректности. Для того чтобы такое взаимопонимание действительно состоялось, и коммуникация прошла успешно, язык должен отвечать потребностям разнообразных расовых и этнических групп, использующих его для совместного общения. Неудивительно, что феномен политической корректности зародился и получил своё развитие именно в англоязычном обществе и оказал влияние на английский язык, с помощью которого осуществляется международная и межкультурная коммуникация представителей различных национальностей. Согласно С.Г. Тер-Минасовой, политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида. Изменения в социальной, политической, культурной жизни общества оказывают влияние на картину мира его носителей, что в свою очередь находит отражение в системе языка. Такая значимость неудивительна, ведь язык — это средство общения, средство выражения мыслей. Он служит коммуникации, это главный, самый эксплицитный, самый официальный и социально признанный

из всех видов коммуникативного поведения. [Тер-Ми-насова 2000: 216]. Политическая корректность является феноменом современности, затронувшим самые разнообразные аспекты жизни англоязычного общества. Влияние политкорректности отразилось на взаимодействии различных расовых и этнических групп, гендерных отношениях, положении в обществе людей разного возраста, социального статуса, материального достатка.

Специфика политической деятельности сводится к языковой деятельности, а в современной политологии наблюдается тенденция рассматривать язык не столько как средство отражения политической реальности, сколько как компонент поля политики. Политическая коммуникация является неотъемлемой частью общественной жизни. Последние десятилетия характеризуются тенденцией возрастания роли политкорректности в политической коммуникации. Политический дискурс относится к особому типу общения с высокой степенью манипулирования, которая достигается с помощью эвфемизмов. Поэтому заслуживающим отдельного рассмотрения представляется лингвистический аспект этого феномена, связь политкорректности с языком, дискурсом и межкультурной коммуникацией в современном англоязычном обществе. Выявление механизмов политической коммуникации представляется значимым для определения характеристик языка как средства воздействия. Языковеды дают различные определения данного феномена. По мнению З.С. Трофимовой, явление политической корректности связано с возникновением идеи культурного плюрализма и вытекающей отсюда необходимости пропорционально представлять произведения литературы и искусства, достижения в общественной и политической жизни, относящиеся к представителям всех этнических меньшинств [Трофимова 1993: 227]. Р. Белл пишет об определённых нормах поведения, которым индивид должен в глазах окружающих в большей или меньшей степени следовать, причём некоторые из этих норм будут нормами языкового поведения и кодами соответствующего языка [Белл 1980: 137]. Таким образом, политкорректность является следствием изменения этих норм и имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода. Речь декорируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным меньшинствам [Комлев 2006: 279–280].

Политическая корректность стремится избежать отношений, действий и, прежде всего, форм языкового выражения, которые заключают в себе предубеждение и могут вызвать чувство обиды у людей в зависимости от их пола, возраста, цвета кожи, расовой принад-

лежности или физического состояния [Oxford guide to British and American culture 2005: 367]. Таким образом, политически корректный язык тесно связан с понятием вежливости. Категория вежливости как один из важнейших аспектов коммуникации занимает особое место в дискурсивном анализе языка. Современные учёные уделяют ей большое внимание как неотъемлемой части человеческого общения. Эта категория может рассматриваться с точки зрения общих моделей поведения человека в процессе коммуникации; также анализируются конкретные проявления вежливости в данном речевом акте и это могут быть приветствия, выражения благодарности или сочувствия, поздравления, комплименты [Карасик 2002: 76]. В рамках лингвистической прагматики вежливость играет важную роль и определяется как коммуникативная стратегия, используемая в процессе речевого общения для достижения самых разнообразных коммуникативных целей, в том числе для установления реальных или мнимых гармоничных межличностных отношений и поддержания коммуникативного баланса между собеседниками [Цурикова 2002: 25]. Г.П. Грайс определяет вежливость как принцип социального взаимодействия, в основе которого лежит уважение к личности партнера. Этот общий принцип распространяется на все виды человеческой интеракции как вербальной, так и невербальной. Следование принципу вежливости накладывает определенные ограничения на поведение членов общества, которое заключается в том, чтобы учитывать интересы партнера, считаться с его мнениями, желаниями, чувствами, облегчать, по возможности, возлагаемые на него задачи. Соблюдение данного принципа, в конечном счете, имеет целью добиться максимальной эффективности социального взаимодействия за счет соблюдения социального равновесия и дружественных отношений [Грайс 1985: 245].

Согласно Дж. Личу, вежливость не просто отражает определенную точку зрения на социальные взаимодействия, которую принято идентифицировать с уважением, она предполагает своеобразные усилия со стороны партнеров, обеспечивающие успешность коммуникации. К этим специальным приемам, влияющим на выбор языковых средств и в том или ином словесном оформлении актуализируемым в конкретных речевых ситуациях, относится, например, ориентация на партнера, в частности, одобрение его известных или приписываемых ему положительных качеств. Также важную роль играет ослабление или эвфемизация социально-негативных моментов, чтобы не вызвать коммуникативной неудачи [Leech 1983: 248]. Свою теорию вежливости предлагают лингвисты П. Браун и С. Левинсон. Принцип вежливости предстаёт в их работе как основа человеческой коммуникации, причём его реализация зависит от конкретного общества

и культуры. Вежливость представляется неотъемлемой частью политкорректной идеологии. Браун и Левинсон вводят понятия позитивного и негативного лица участника общения. Под позитивным лицом понимается стремление человека быть понятым и одобренным окружающими, негативное лицо заключается в желании принимать решения и совершать действия независимо от других [Brown, Levinson 1987: 131]. Каждому коммуниканту присущи оба этих лица, и он пытается достигнуть разумного баланса между ними с целью обеспечить успешное общение и взаимодействие с другими членами социума. Л. В. Цурикова отмечает, что в соответствии с данным подходом под вежливостью понимается использование адекватных дискурсивных стратегий для успешного достижения коммуникативных целей в процессе общения. При выборе этих стратегий коммуниканты опираются на социальные и контекстные параметры ситуации общения, оценивая их с точки зрения принятых в их культурном сообществе представлений о приемлемых и неприемлемых формах взаимодействия [Цурикова 2002: 29–30]. Сторонники политической корректности стремятся избегать употребления языковых единиц, которые могут задеть чувства и достоинство индивидуумов и представителей расовых и этнических меньшинств, женщин, людей разного возраста и состояния здоровья, положения в обществе и материального достатка. Слова и выражения, которые являются стереотипными или содержат негативную коннотацию, и тем самым могут помешать успешному процессу коммуникации, заменяются на соответствующие нейтральные или положительные эвфемизмы. Очевидное сходство между политкорректностью и эвфемизмами — это та нейтральная или положительная коннотация, которую они стремятся передать в словах.

Политическая корректность зародилась в 80–90-е годы 20 века в Америке [Oxford guide to British and American culture 2005: 367]. Начало движению положили африканские носители языка, недовольные негативными коннотациями слова *black*. Под влиянием политкорректного движения — это слово вместе с *Negro* было вытеснено из оборота, и его заменило нейтральное *African-American* или *Afro-American*. Из других примеров политически корректного обозначения расовых и этнических меньшинств можно привести *Native American* вместо *Red Indian*, и *Latin American* взамен *Hispanic*. Движение активно поддержали феминистки [Тер-Минасова 2000: 216], боровшиеся за права женщин в общественной и политической жизни, но не оставляющие без внимания и возможную языковую дискриминацию. Среди изменений, инициированных сторонниками идей феминизма, можно привести введение в оборот обращения *Ms*. Оно является нейтральным, как и *Mr*, по-

скольку не определяет женщину как замужнюю (*Mrs*) или незамужнюю (*Miss*). Ещё одной сферой внимания политической корректности стали обозначения людей пожилого возраста. Привычное прилагательное *old* было признано непolitкорректным, так как держало неприятные ассоциации с одиночеством и болезнями. На смену ему пришло нейтральное *senior*, и словосочетание *old age pensioners* было заменено на *senior citizens*. Г. Бирд и К. Серф предлагают целый ряд синонимов: *mature, seasoned, longer-living, chronologically gifted, experientially enhanced* [Beard, Cerf 1993]. Политически корректную терминологию можно найти и среди языковых единиц, относящихся к людям с физически или умственно ограниченными возможностями. Некорректное *invalid* или *cripple* замещается нейтральным *differently abled* или *physically challenged*, вместо *retard* появляется *mentally challenged*, а взамен *retarded children* политическая корректность предлагает *children with learning difficulties*. Г. Бирд и К. Серф также говорят о том, что выражение *politically correct* более не является политкорректным по своей сути, и предлагают заменить его на *culturally sensitive, multiculturally unexceptionable* или *appropriately inclusive* [Beard, Cerf 1993]. Основой движения политкорректности является стремление уважать чувства и достоинство индивида, соблюдать его права во всех сферах жизни, включая языковую. Политкорректный язык избегает слов и выражений, которые могут обидеть или унижить человека, вызвать у него негативную реакцию. В сферу внимания политкорректности попали самые разнообразные слои современного общества — расовые и этнические меньшинства, женщины, пожилые граждане, люди с физическими и умственными недостатками. Новые бесплодные термины стали использоваться для обозначения людей с ограниченными возможностями или болезней. Слепых людей называли «visually challenged» (визуально оспариваемыми); глухие назывались «people with hearing impairments» (людьми с нарушениями слуха). Термины, «challenged, differently abled and special» (оспоренные, по-разному устраненные и специальные), указывают на группу людей, имеющих конкретные клинические диагнозы или умственными недостатками. Некоторые из этих слов предпочитают эти слова и словосочетания, но их часто высмеивают и их лучше избегать.

Лексические единицы, тем или иным образом их дискриминирующие, заменяются на нейтральные или положительные эвфемизмы. Язык и культура предложили избегать использования мужских местоимений в тех случаях, когда пол человека неизвестен. Выступления, такие как «Every student has to pass his exams» (каждый студент должен сдать экзамены), были заме-

нены фразами, такими как «All students have to pass their exams» (все студенты должны сдавать экзамены) или «Every student has to pass his or her exams» (каждый студент должен сдавать ее/его экзамены). Сегодня мы можем даже видеть фразу «Every student has to pass their exams» (каждый студент должен сдать экзамены), что нарушает традиционные правила соглашения предмет-глагол, но соответствует новым правилам гендерного нейтралитета. Общие термины, содержащие человека сегмента, такие как «man» (человек) были сделаны включительно, используя синонимы, такие как «mankind» (человечество).

В дополнение к этим определениям можно сказать, что, в отличие от обычной лексики, эвфемизмы чрезвычайно чувствительны к общественным оценкам тех или иных явлений. С этим связана историческая изменчивость статуса эвфемизма в языке и речи: то, что представляется удачным эвфемистическим наименованием одному поколению, в следующем поколении может расцениваться как несомненная и недопустимая грубость, требующая эвфемистической замены. В качестве примеров можно привести эвфемизмы из сферы политической деятельности. Если взять в качестве

примера слово «афроамериканец», используемое вместо слова «негр», очевидно, что эта замена произошла под влиянием английского языка, и само слово является калькой с английского. Данный эвфемизм определенно играет «смягчающую» роль. Он начал использоваться с целью не оскорбить, избежать такого высказывания, которое может привести к конфликту. Использование эвфемизмов обусловлено стремлением не создавать ощущения коммуникативного дискомфорта и избежать коммуникативных конфликтов, которые могут быть вызваны употреблением «прямых» наименований. Итак, под эвфемизмами понимаются полифункциональные языковые единицы, которые способны одновременно в рамках одного высказывания выступать средством смягчения номинации и завуалирования смысла языкового выражения. Феномен политической эвфемизации, как стратегии уклонения от истины, широко применим в современном политическом дискурсе для сглаживания острых моментов, завуалирования истинного положения дел в различных сферах социально-политической жизни общества, так как представляет собой видоизменённый способ репрезентации информации с целью достижения того или иного коммуникативного эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beard H., Cerf C. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. — New York, 1993
2. Beckwith F. J., Bauman M. E. Are you politically correct?: Debating America's cultural standards. — N.Y., 1993
3. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. — Cambridge, 1987
4. Frank F. W. Language, Gender and Professional Writing: Theoretical approaches and guidelines for nonsexist usage. — N. Y., 1989
5. Goffman E. Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior. — N. Y., 1967
6. Leech G. Principles of pragmatics. — London, 1983
7. Oxford guide to British and American culture. — Oxford, 2005
8. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16: Лингвистическая прагматика. — М., 1985
9. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М., 2002
10. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. — М., 2006
11. Сепир Э. Коммуникация // Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993
12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2000. С. 216.
13. Трофимова З. С. Словарь новых слов и значений в английском языке. — М., 1993
14. Цатуриян М. М. Английские заимствования в русском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки», — 2018, -№ 2, -с. 162–164
15. Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. — Воронеж: ВГУ, 2002

© Катермина Вероника Викторовна (veronika.katermina@yandex.ru), Цатуриян Мариам Ашотовна (ts.m-smile@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЭМОТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

LINGUISTIC APPROACH TO THE ANALYSIS OF EMOTIVE CONTENT FOR WORKS OF ART

L. Klimina

Summary. The paper proposes a linguistic approach to the analysis of the emotive space of the works of Russian literature. The author describes the results of the study of the emotive content of the Novel by L. N. Tolstoy's «family happiness» and the emotional space of V. M. Shukshin's stories. The objects of research—works of art of different genres and different periods of creation — allow the author to clarify the model of linguistic analysis of the emotive content of texts and draw a conclusion about its productivity in modern Philology.

Keywords: text, literary text, linguistic analysis, semantic space, emotive space, emotive meanings, emotional tonality of the text.

Климина Людмила Владимировна

*К.филол.н., доцент, Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного университета
klimina.64@mail.ru*

Аннотация. В работе предлагается лингвистический подход к анализу эмотивного пространства произведений русской художественной словесности. Автор описывает результаты исследования эмотивного содержания романа Л. Н. Толстого «Семейное счастье» и эмотивного пространства рассказов В. М. Шукшина. Объекты исследования — художественные произведения разных жанров и разных периодов создания — позволяют автору статьи уточнить модель лингвистического анализа эмотивного содержания текстов и сделать вывод о её продуктивности в современной филологии.

Ключевые слова: текст, художественный текст, лингвистический анализ, семантическое пространство, эмотивное пространство, эмотивные смыслы, эмоциональная тональность текста.

В современной филологической науке исследователи разрабатывают лингвистические подходы к анализу содержания произведений русской словесности. Для обозначения содержания произведения языковеды используют термин «семантическое пространство» [2, с. 50–51]. Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин выделяют денотативное, концептуальное и эмотивное пространство в качестве сфер семантического пространства текста [1, с. 53]. Эмотивное пространство художественного произведения является важнейшей сферой его семантического пространства, поскольку именно эмотивное содержание художественного текста позволяет автору реализовать эстетическую функцию как специфическую функцию художественной речи. В ходе анализа эмотивного пространства текста, по мнению исследователей, следует выявлять эмотивные смыслы, включенные в структуру образов персонажей, и эмотивные смыслы в структуре образа автора, а также определять эмоциональную тональность текста и средства ее создания [1: 48]. Данная модель разбора эмотивного содержания художественных текстов требует уточнения в отношении исследования произведений разных жанров и разных периодов создания в истории русского литературного языка. В данной статье предложен инновационный эмотивный подход к исследованию произведений русской художественной словесности. В качестве объекта исследования нами выбраны художественные произведения XIX–XX веков — роман Л. Н. Толстого «Семейное счастье» и рассказы В. М. Шукшина. Лингвистическое исследо-

вание эмотивного пространства романа и рассказов позволит определить продуктивность современного лингвистического подхода к анализу содержательной структуры произведений русской художественной словесности и позволит внести вклад в дальнейшую разработку антропоцентрической модели исследования художественного текста.

В романе «Семейное счастье» (1859) Л. Н. Толстой выбрал в качестве рассказчика семнадцатилетнюю девушку и показал читателям ее душевное обновление под воздействием чувства любви. Эмотивное пространство романа Л. Н. Толстого формирует ключевое выражение, вынесенное в заглавие произведения. «Семейное счастье» обозначает основную эмоцию произведения — радость от осуществления в жизни идеала счастья. Однако открывает роман эмоция грусти, которую испытывает героиня и близкие ей люди после смерти матери. Эмоцию грусти образует в тексте эмотивная лексика: «мрачный», «грустный», «печальный», «беспомощный», «не смеялись», «вздыхали», «плакали», «печаль и ужас смерти», «чувствовалась смерть», «становилось жутко», «слезы», «сильное горе», «чувство тоски, одиночества и просто скуки». Эмоциональная тональность лексики меняется с появлением главного героя произведения: «любил всех», «всегда веселый», «улыбался», «посмотрел твердым и веселым взглядом», «ласковая, как будто детская, улыбка», «был разговорчив, весел», «добрый, внимательный взгляд ... радостно смутил меня», «веселое лицо», «веселей будет», «весело сбегала вниз по лестнице»,

«взглядом обласкал, как ребенка». Постепенно душевное состояние Маши наполняется жизнью и эмотив «Любовь» становится ведущим в эмоциональных картинах мира персонажей: «хотелось самой заслужить его любовь», «целая жизнь впереди», «старый, мрачный покровский дом наполнился жизнью и светом», «обращался, как с молодым любимым товарищем», «любит меня», «в каждом движении и взгляде его я видела любовь», «Люблю тебя, милая девушка!», «всех на свете и себя так страстно, горячо любила в эту минуту», «с вечною любовью друг ко другу». Влюбленная героиня раскрывает секрет своего идеала семейного счастья: «И мне представлялись не поездки за границу, не свет, не блеск, а совсем другая, тихая семейная жизнь в деревне, с вечным самопожертвованием, с вечною любовью друг ко другу и с вечным сознанием во всем кроткого и помогающего провидения».

Душа и сердце — центр эмоциональных переживаний главных образов романа. При этом эмотивные смыслы как в структуре образа Маши, так и в структуре образа Сергея Михайловича характеризуются полнотой. Героям свойственны не только эмоции радости, удовольствия, но и чувство горечи, раздражения, грусти. Например:

(1) Я чувствовала, что слезы подступают мне к сердцу и что я раздражена на него. Я испугалась этого раздражения и пошла к нему.

(2) — Да? — спросил он улыбаясь, глядя на меня.

— Да, — сказала я шепотом; и какое-то веселое расположение духа охватило нас обоих, глаза наши смеялись, и мы шаги делали все больше и больше, и все больше и больше становились на цыпочки.

Эмотивные смыслы в структуре образа Маши представлены в динамике. В первых фрагментах в связи с описанием траура в доме эмоциональное состояние героини передают существительные «печаль», «тоска», «одиночество». Повествование о событиях в жизни главных героев сменяется описаниями природной жизни весеннего сада. Доминирующей фрагментной эмоцией здесь становится радость — радость во внутреннем мире героини от появления надежд и желаний: «... я часто уходила в сад и долго, долго бродила одна по аллеям или сидела на скамейке, бог знает о чем думая, чего желая и надеясь». Чувство уважения и благодарности — важные эмоции в душе Маши, значение которых подчеркивается в ее рассуждениях: «... я чувствовала, что за тем, что я понимала в нем, оставался еще целый чужой мир, в который он не считал нужным впускать меня, и это сильнее всего поддерживало во мне уважение и притягивало к нему». Мечты, уважение и благодарность сменяются чувством любви: «И каждая мысль была его мысль,

и каждое чувство — его чувство. Я тогда еще не знала, что это любовь...».

Эмоциогенными в романе Л.Н.Толстого являются не только фрагменты, изображающие эмоции персонажей. Ключевую эмоциональную роль в произведении выполняют контексты с описанием природы. Пейзажная зарисовка дается параллельно с описанием душевного состояния персонажей и окрашивает его общей светлой тональностью:

— Посмотрите, что за ночь! — сказал он из гостиной, останавливаясь перед открытой в сад балконной дверью...

Мы подошли к нему, и точно, это была такая ночь, какой уж я никогда не видела после.

Пейзаж вызывает радостные мысли и положительные эмоции у персонажей и светлые по тональности чувства у читателей. Оптимистическую картину мира автор продолжает создавать эпизодами, передающими чувства героини, умеющей восторженно воспринимать природу, понимать красоту ее жизни:

Но мы подвигались, и волшебная стена красоты раздвигалась, впускала нас, и там тоже, казалось, был наш знакомый сад, деревья, дорожки, сухие листья.

Во второй части произведения намечается эмоциональный разрыв. «Светский угар» Маши понимает, но не принимает Сергей Михайлович. Несовпадение мыслей и чувств главных героев разрушает общую светлую тональность эмотивного содержания произведения. Показанные автором сложные отношения между супругами настраивают читателя на сочувствие главным персонажам. Дальнейшее эмоциональное развитие темы — способность супругов восстановить добрые отношения и «заразить» светлыми эмоциями читателей после того, как герои пережили «весь вздор жизни, для того чтобы вернуться к самой жизни»:

Я молча стала подле него, и на душе у меня становилось спокойнее.

— Не будем стараться повторять жизнь, — продолжал он, — не будем лгать сами перед собою. А что нет старых тревог и волнений, и слава богу! Нам нечего искать и волноваться. Мы уж нашли, и на нашу долю выпало довольно счастья.

В заключительных эпизодах произведения утверждается гармония добрых чувств Сергея Михайловича и умиротворенного душевного состояния Маши. Эмоциональная реакция читателя, настроенного автором на светлое восприятие темы, не отличается от авторско-

го осмысления чувств и мыслей персонажей, от авторского замысла в целом.

Я посмотрела на него, и мне вдруг стало легко на душе; как будто отняли у меня тот больной нравственный нерв, который заставлял страдать меня.

Таким образом, лингвистический анализ эмотивного содержания русского романа XIX века позволил разобратся в душевных исканиях героев произведения, определить его авторскую точку зрения и нравственные ценности русской национальной личности толстовской эпохи. Эмотивный анализ подчеркнул смысловую роль пейзажа в семантическом пространстве произведения Л. Н. Толстого, значение ключевой фразы в идейно-тематическом содержании романа. Лингвистический подход к анализу содержания раннего романа Л. Н. Толстого выявил такие особенности языка писателя как слияние литературно-письменной речи и разговорной речи дворянской интеллигенции, умение отразить движение душевной жизни героев в их внутренних монологах и диалогах и умение ясно и четко раскрыть сложное психологическое состояние человека.

Убедившись в продуктивности использования эмотивного подхода к исследованию художественного произведения XIX века, перейдем к определению целесообразности его применения в работе с художественными текстами XX-ого столетия, насыщенными элементами народной речи и эмоциями персонажей из народа. В рассказах В. М. Шукшина, написанных писателем с 1960 г. по 1974 г. года, наблюдаем разнообразие эмотивных смыслов. Например, в рассказе «Обида» значительно преобладает описание негативных эмотивных смыслов, которые репрезентируются следующим рядом слов: «обидели бессловесно», «сносить обиды», «с треском выставят», «охватит отчаяние», «особенно оскорбился», «обида толкнулась в грудь», «сводит челюсть от обиды» и т. д. В рассказе «Медик Володя», наоборот, преобладает «радостный» доминантный ряд: «ехал славно», «сдал хорошо», «на душе празднично», «обрадовался», «испытал удовольствие», «совсем хорошо стало» и т. д. В рассказе «Верую!» ярко представлена политональность в изображении эмотивных смыслов: «тоска», «боль души», «горечь», «грусть», «злость», «ненависть» и «добро», «вера», «справедливость», «покой», «жалость», «любовь», «удивление». Разнообразие эмотивных смыслов обусловлено замыслом автора и характерами персонажей. В процессе исследования персонажных эмотивных смыслов интересно определить их контекстологические и функционально-текстовые разновидности. В формировании контекстологических (фразовых, фрагментарных и общетекстовых) эмотивных смыслов участвует эмотивная лексика, характер семантики которой определяет эмотивное содержание рассказов В. М. Шукшина. Например,

эмотивная лексика «славно», «хорошо», «празднично» подчёркивает в рассказе «Медик Володя» состояние героя в первом фрагменте. Затем изображается формирование и развитие в душе персонажа чувства фальши при встрече Володи с землячкой. Эмотивный смысл «страдание» характеризует психологическое состояние студента в заключительной части рассказа. Причиной вызревания страдания в душе Прохорова является совесть, свойственная главному герою, непросто входящему на первых страницах произведения в «нарядную роль... чуть ли не кутилы и циника». Эмотивные смыслы контактируют друг с другом, динамично развиваются, пересекаются и реализуются в тексте при помощи различных композиционных форм речи — в повествовательных и описательных фрагментах, в контекстах с элементами рассуждения и эмотивных диалогах. Благодаря функционально-текстовым эмотивным смыслам шукшинские персонажи сами подсказывают, в каком эмоциональном ключе их воспринимать. Так, в рассказе «Классный водитель» представление о мире эмоций главного персонажа дают доминантные в его эмоциональном портрете интерпретационно-характерологические смыслы «добрая улыбка» и «ласковый взгляд». В рассказе «Игнаха приехал» ключевые эмоционально-жестовые смыслы позволяют автору индивидуализировать каждый миг психической жизни персонажей и описать скрытые эмоции литературных героев через внешнее проявление их в поведении. Сравните: «Отец и сын друг на друга не могли наглядеться», «Отец обиженно приподнял косматые брови», «Старик Байкалов размяк, облапал узловатыми ладонями голову, запел было... Но замолчал. Некоторое время сидел, опустив на руки голову. Потом сказал с неподдельной грустью...» и т. д.

Особую роль в разрешении эмоциональных конфликтов шукшинских персонажей играют сами персонажи, пытающиеся разгадать переживания близких. Поэтому их эмоционально-оценочные высказывания оказываются важными в эмотивном содержании произведения. Например, в рассказе «Игнаха приехал»:

— Ты, отец, разговорился что-то, — урезонила жена старика. — совсем уж из ума стал выживать. Черт-те чего мелет. Не слушайте вы его, брехуна.

Изучение эмотивного содержания литературного произведения помогает более полному раскрытию образа автора, точкой зрения которого на объект изображения формируется художественный текст. В произведениях В. М. Шукшина имеет место прямое, непосредственное выражение эмотивно-оценочных смыслов в структуре образа автора и косвенное, опосредствованное выражение авторских интенций. При этом косвенный способ выражения эмотивно оценочных смыслов является в исследованных рассказах доминирующим

и позволяет авторской точке зрения как бы вторгаться в ход повествования, эмотивно оценивая персонажа. Например, в рассказе «Одни»:

Да она стоит-то копейки! — Антип остановился у порога. Рублей шесть по новым ценам.

На. — Марфа сердито протянула ему шесть рублей.

Отношение к персонажу в эмотивном пространстве рассказов В. М. Шукшина выражается неоднократно, благодаря использованию слов с оценочной семантикой, эпитетов, метафорических номинаций. Эмоционально окрашенная лексика позволяет автору в изображении внешности литературных героев, в описании проявлений их внутренних эмоциональных переживаний как бы вступить в повествования, подчеркнуть эмоциональную оценку поведения персонажей. Например, в рассказе «Одни»:

Марфе действительно нужно было, чтобы он целыми днями только шил и шил: страсть как любила деньги, тряслась над копейкой.

Эмотивно целенаправленными в произведениях В. М. Шукшина являются описания сердца и души литературных героев, во внешности которых писатель особо подчёркивает и выделяет выразительность глаз. Авторские пейзажные зарисовки, насыщенные лексикой эмоционального жеста, заражают своей тональностью весь текст. Например, в рассказе «Охота жить»:

(1) В избушке было жарко. А на улице — морозно. На душе у Никитича — легко; (2) Ни парня, ни фуфайки его, ни ружья Никитича не было. Неприятно сжало под сердцем.

Эмоциональная тональность в произведениях В. М. Шукшина создается, прежде всего, глагольной лексикой, лексикой эмоционального состояния, лексикой эмоциональной характеристики и лексикой эмоционального жеста, формируется повторяющимися

языковыми средствами. Стилистически сниженные номинативы выполняют экспрессивную функцию в разговорно-просторечных контекстах и свидетельствуют о межличностном эмоциональном конфликте персонажей. Эмоциональную тональность с установкой на разговорность создают эмоционально-оценочные высказывания в прямой и несобственно-прямой речи шукшинских персонажей и приёмы экспрессивного синтаксиса. По нашим наблюдениям, единая эмоциональная тональность связывает в рассказах В. М. Шукшина разные стили произношения. Например, в рассказе «Космос, нервная система и шмат сала»:

«Черти драные. Тут ли сейчас жить!» — думает он и вылезает на свет белый. Это он о сыновьях и дочери. Он ненавидит их за то, что они уехали в город.

Таким образом, В. М. Шукшин использует для создания эмотивных смыслов в структуре образов героев и в структуре образа автора самые разнообразие лексические, синтаксические, собственно-текстовые способы отображения эмоций, совокупность которых создаёт особую в каждом произведении эмоциональную тональность, преимущественно светлую. Полифонизм и внутритекстовая борьба эмоций, установка на разговорность и стилистическая гармония реплик положительных персонажей и комментариев автора — основа эмотивного содержания рассказов В. М. Шукшина.

Лингвистический подход к анализу содержания произведений русской художественной словесности оказался достаточно продуктивным, о чем свидетельствуют результаты изложенных выше исследований эмотивного пространства художественных произведений XIX–XX веков. Эффективной является методика описания авторских, персонажных эмотивных смыслов и эмоциональной тональности произведения для выявления его авторской точки зрения. Полагаем, что поиск новых лингвистических приемов в разборе содержательной структуры текстов открывает новую перспективу филологического исследования произведений словесности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. М.: Флинта: Наука, 2003. — 496 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. — 138 с.
3. Климина Л. В. Лингвистические подходы к анализу рассказов И. А. Бунина Русский язык: история и современное функционирование: Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. В. Климина. — Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. — С. 8–17.
4. Климина Л. В. Семантическое пространство текста: Учебно-методическое пособие. — Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. — 119 с.
5. Одинцов В. Г. Поэтика романов Л. Н. Толстого. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. — 160 с.

ИНТЕРСЕМИОТИЧНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНОГО И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО КОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Р. РИГГЗА «ДОМ СТРАННЫХ ДЕТЕЙ»)

**INTERSEMIOTICITY OF LITERARY TEXT:
THE INTERACTION OF VERBAL AND
PICTORIAL CODES (BASED ON THE
MATERIAL OF THE R. RIGGS' NOVEL
«MISS PEREGRINE'S HOME FOR
PECULIAR CHILDREN»)**

A. Krasilovskaya

Summary. This article regards one of the aspects of intersemiotic translation on the R. Riggs' novel «Miss Peregrine's Home for Peculiar Children». The attention focuses on the features of existing of different codes in one aesthetic sphere. It was uncovered that using of the different types of sign systems by author does function of intrigue of the novel. Besides photos which accompany the text make the receptional resources of this work more valuable. One of the basic level of the interaction between literature and photoart is the level of the artistic figurativeness, thanks to which polycodeness of the work realises.

Keywords: intersemiotics, synuthesis of arts, photo, sign systems, polycodeness, character, novel, image, visuality.

Красиловская Анастасия Анатольевна

Аспирант, Гуманитарно-педагогическая академия
(филиал), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, г. Ялта
a.krasilovskaja@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов интерсемиотического перевода на материале романа Р. Риггза «Дом странных детей». Основное внимание уделяется особенностям сосуществования разных кодов в одной эстетической среде. Выявлено, что использование автором разнотипных знаковых систем выполняет функцию сюжетной организации романа. Кроме этого, фотоснимки, сопровождающие текст, значительно обогащают рецептивные ресурсы произведения. Одним из основных уровней взаимодействия литературы и фотоискусства признан уровень художественной образности, благодаря которому реализуется поликодовость произведения.

Ключевые слова: интерсемиотичность, синтез искусств, фотография, знаковые системы, поликодовость, образ, роман, изображение, визуальность.

Современный литературный процесс характеризуется экспансией художественных способов выражения. В связи с этим особую актуальность приобретает явление перекодирования образов одной знаковой системы на образы другой. Следует обратить внимание на то, что результатом такой перекодировки может быть как синтез разных видов искусств, так и адаптация отдельных художественных элементов в новой эстетической среде.

На протяжении исторического развития литературной мысли было сделано много попыток осмысления сложного процесса взаимодействия разных художественных систем. Так, еще в трактате Г.Э. Лессинга «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии» (1766) находим теоретическое обоснование проникновения изобразительного искусства в искусство слова. Ученый утверждает функцию подражания реальности, которая является общей для этих видов искусства, но настаивает на разных способах её реализации [1].

Проблема взаимодействия разных художественных систем актуализировалась в эпоху Романтизма. «Фантазии об искусстве» В.Г. Вакенродера провозглашают

культ музыкального искусства, который пронизывает все проявления реальности [2]. Идею музыкальности продолжили развивать Л. Тик, Э.Т. Гофман, Ф. Шлегель и В. Шеллинг. Так, у Э.Т. Гофмана часто встречаем музыкальные элементы в содержании (диалог «Поэт и композитор» из «Серапионовых братьев», новелла «Кавалер Глюк») и на уровне структуры произведения (фрагменты сонатного построения в «Житейской философии кота Мурра»). Также английский поэт У. Блейк мастерски соединял в своих произведениях поэзию и живопись, сам создавая иллюстрации к своим стихотворениям.

Обращение литераторов к средствам других видов творчества свидетельствует о поисках «идеального» искусства. Характеризуя специфику романтических воззрений, Н.Я. Берковский обращает внимание на то, что «Мечта о слиянии искусств составляет важный мотив у всех иенских романтиков — она засвидетельствована высказываниями и Новалиса, и Тика, и Вакенродера. Постулаты «синтеза» проходят через всю эстетику романтизма. Характерно для романтической эстетики то, что она с большей последовательностью, чем остальные эстетические учения XVIII века, строится как всеобщая теория искусства, что живопись, музыка, поэзия, архи-

текстура рассматриваются у романтиков как явления «единого художественного мышления» [3, с. 76]. Такое замечание подтверждает романтические идеи о генетическом родстве и органическом взаимодействии разных видов искусств.

А. Шлегель, изучая природу искусства, писал о сближении его видов и тяготении к взаимопроникновению. Такую тенденцию наблюдали и ученые на протяжении всего XX века (К. Вайс «Симбиоз искусств» (1936), К. Кантор «Тысячеглазый Аргус: искусство и культура» (1990), К. Шахова «Изобразительное искусство и литература» (1987) и др.).

Ученые Тартуско-московской школы (Ю.М. Лотман, Б.М. Гаспаров, Б.А. Успенский) понимали искусство как семиотическую систему. Так, Ю.М. Лотман культуру считал целостностью, которая моделируется благодаря синтезу отдельных семиотических систем [4, с. 516]. Литературоведческая мысль последних десятилетий сфокусировала свое внимание на расширении границ художественного произведения. В связи с этим появляется понятие интерсемиотики.

Семиотическую природу взаимоотношений элементов разных художественных систем раскрывает и Н.Б. Мечковская в труде «Семиотика: Язык. Природа. Культура»: «Искусство как вторичная моделирующая система представляет собой знаковые системы, которые отражают (моделируют) определенные фрагменты реальности и в результате функционирования порождают произведения (последовательности знаков, то есть тексты, в семиотическом смысле слова), реализующие коммуникативно-познавательные возможности отдельных семиотик. В данном контексте культура — это организованная система вторичных моделирующих систем (кодов), которые используют различные формальные и материальные средства для кодирования определенного содержания, в общем, сводится к «картине мира», то есть мировоззрения социума. Эти различные коды соотносятся друг с другом по способу перевода с языка на язык через общий содержательный план, служит языком-посредником [5, с. 77, 92]. Взаимодействие разных кодов является своеобразной культурной тенденцией, отвечающей на запросы современности.

Точная характеристика интерсемиотичности дана в работе «Лексикон общего и сравнительного литературоведения»: «Интерсемиотика — перекодировка, перевод созданных в одной знаковой системе образов на образы другой системы» [6, с. 229].

Состояние литературного процесса на современном этапе развития открывает возможности для исследования специфических художественных факторов. Наличие

способов выразительности, соответствующих требованиям времени, свидетельствует об активном формировании межвидовых творческих образований, которые определяют перспективу дальнейших исследований явления интерсемиотичности.

Притяжение литературы к новым формам выразительности объясняется необходимостью определить тот пласт реальности, который до сих пор находится в движении. Провести четкую линию, которая разграничивала бы определенные виды искусства, невозможно, и попытка выявить элементы, которые способствуют синтезу, является весьма перспективной.

Рассмотрим взаимодействие литературного произведения с фотографией. Искусство фотографии на первом этапе своего становления стало удовлетворением потребности человечества фиксировать время. Отражая реальную действительность, фотография со временем проникает в глубины бытия, позволяет проникнуть в суть того или иного явления.

Взаимодействие между фотоискусством и искусством слова в своих трудах осветили А. Вартаков, С. Зонтаг, А. Лапин, А. Михалкович, В. Стигнеев, Р. Краусс и другие исследователи.

Фотохудожник выражает свое видение мира с помощью различных приемов — свет, ракурс, умение тонко выбрать момент съемки на интуитивном уровне. «Фотография» с греческого означает «светопись», что отражает технические особенности процесса. С точки зрения композиции основа фотографии — линии. Они, вместе с тональностью, передают эмоциональность и динамику фиксированного «сюжета» (изображения), заставляют зрителя думать и чувствовать. Линии силы — это контуры объектов, расположенных на снимке. С помощью линий, оттенков, ракурсов фотограф способен управлять взглядом зрителя, направляя его на важные детали снимка.

С. Зонтаг отмечает: «С течением времени много фотографий приобретают своеобразную ауру. В отличие от картин или стихов, которые не становятся лучше просто потому, что постарели, все фотографии, если они достаточно старые, интересны и трогательны. Не было бы ошибкой сказать, что нет плохих фотографий, — есть только менее интересные, менее уместные, не такие загадочные [7, с. 133]». Следовательно, можно говорить о том, что фотография представляет собой воспоминание, которое реализуется только благодаря возможности «перепрыгивать» с одной временной плоскости в другую. Таким образом возникают благоприятные условия для насыщения фотоснимка новыми качествами и элементами того или иного периода времени.

С точки зрения соединения образцов искусства фотографии с литературным произведением особого внимания заслуживает творчество Рэнсома Риггза — современного американского писателя и сценариста. Популярность автору принесла трилогия, которая презентует читателю невероятный мир не совсем обычных детей. Трилогию составляют три книги: «Miss Peregrine's Home for Peculiar Children», «Hollow City: The Second Novel of Miss Peregrine's Children», «Library of Souls» («Дом странных детей» (2013), «Город пустых. Побег из дома странных детей» (2014), «Библиотека душ. Нет выхода из дома странных детей» (2015). Художественной особенностью трилогии является сопровождение повествования старинными фотографиями, коллекционирование которых автор считал своим хобби. Изначально Р. Риггз планировал напечатать альбом своей коллекции снимков, но вскоре возникла идея создать сюжет на основе этих фотографий. Так на свет появляется «Дом странных детей», который быстро попадает в список бестселлеров «Нью Йорк Таймс» и приносит известность своему творцу.

Особенностью художественного стиля Р. Риггза следует считать сочетание двух различных знаковых систем — литературы и фотографии. Автор подкрепляет сюжетные коллизии реальным изображением. Представляется интересным определить характер реализации интерсемиотического подхода в художественном мире первой части трилогии автора.

Образцы фотоискусства взаимодействуют с сюжетом, образуя благоприятную рецептивную ситуацию. Поле ассоциаций, которое возникает в процессе восприятия произведения, выполняет сближающую функцию. Определенный ассоциативный ряд образует целостную систему знаков, способных нести в себе обобщающие свойства, восстановление в памяти образа по законам ассоциативной смежности, уподобления или контраста. Такой принцип побуждает к переносу идеи в плоскость реализации другими средствами. В результате постижения выразительных ресурсов одного вида искусства другим происходит взаимодополнение и «переработка» по спирали, на каждом витке которой раскрываются новые аспекты изображаемого.

Роман «Дом странных детей», который открывает авторскую трилогию, иллюстрируют 44 фотографии. Повествование начинается с воспоминаний главного героя Джейкоба о раннем детстве, которое наполнено фантастическими историями дедушки. Абрахам Портман, дедушка героя, рассказывает внуку невероятные истории о странных людях. Когда мальчик перестает верить в реальность историй, дедушка предоставляет ему своеобразное документальное подтверждение — фотографии, на которых изображены люди со сверхспособно-

стями. Так, рассказ о невидимом мальчике сопровождает фотография костюма, пространственное расположение которого предполагает, что он надет на человека, в данном случае невидимого.

Вводная сцена диалога внука и бабушки построена на приеме предоставления доказательств в виде фотографий. Далее автор продолжает использовать выбранный путь, часто воспроизводя внешность персонажей сначала благодаря вербальному описанию, а позже предоставляя конкретное фотографическое изображение. Следует обратить внимание на то, что из 44 предложенных автором фотографий 32 являются изображением людей. Таким образом, читатель визуально знакомится со всеми персонажами.

«Дом странных детей» Р. Риггза демонстрирует сюжетообразующую роль мотива воспоминания. Вводные диалоги между главным героем Джеком и его бабушкой построены на принципе обращения к прошлому. Вещественным доказательством служат фотографии, которые раскрывают подлинность мира, о котором мальчик слышал много историй. Воспоминания бабушки способствуют личностной идентификации героя и попыткам определить пути дальнейших действий.

По своей природе фотография имеет документальный характер. Попадая в поле эстетической деятельности, она усиливает процессы восприятия. Изображение, сопровождающее художественный текст, делает его более рецептивно открытым. Взаимодействие двух кодовых систем формирует новое эстетическое поле, в рамках которого реализуется процесс смены изображаемых в произведении событий. Здесь прослеживается схожесть с кинематографом, в котором имеет место смена кадров и вербальные характеристики изображения. В этом смысле можно говорить о кинематографичности прозы Р. Риггза. Видимо, на его мастерство писателя не мог не наложить отпечаток тот факт, что он является профессиональным режиссером и сценаристом.

Острота сюжета усиливается посредством визуализации при помощи фотографий внешности персонажей или обстановки, которая их окружает. Примечательно, что автор сначала помещает фотографии, а потом, несколькими страницами позже или в другой части повествования, дает их словесное описание. Так, еще до начала описания путешествия Джека, благодаря фотографиям мы имеем представление о том, как выглядели странные дети: невидимый Миллард, Виктор и Бронвин, демонстрирующие невиданную силу, загадочная мисс Сапсан и другие. Поэтому, когда автор ведет повествование о пребывании Джека в дом странных детей, читателю остается только узнавать знакомых ему по представленным ранее фотографиям героев. Переплетение времен-

ных и пространственных характеристик произведений Р. Риггза делает сюжет более приближенным к реальности, визуализируя путешествия. Такая особенность фокусирует внимание реципиента на сюжете, не отвлекая на попытки «нарисовать» образ.

Основная задача визуализированного текста Р. Риггза — создание целостной действительности. Фотоматериал представляет ряд ассоциаций с перспективой их развития в сознании реципиента. Перед читателем разворачиваются мировоззренческие позиции и духовные поиски автора, выраженные в органическом сочетании двух художественных форм.

Таким образом, художественное своеобразие «Дома странных детей» Р. Риггза раскрывается посредством

явления интерсемиотичности. Одним из основных уровней взаимодействия литературы и фотоискусства можем считать уровень художественной образности, благодаря которому реализуется поликодовость произведения. При перекодировке между системами с различными видами знаков принципы построения образных характеристик, индивидуальные для каждого вида, проявляют способность трансформироваться, объединяя свои усилия для создания сложных синтетических художественных структур. Так, наличие фотографии в первой части трилогии Р. Риггза создает визуальную иллюзию, переносит читателя в атмосферу, которая присуща всему повествованию, и ускоряет процесс читательской адаптации в ней. Стоит заметить, что изображение и словесное выражение идеи воспринимаются в единстве, дополняя друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лессинг Г. Лаокоон или о границах живописи и поэзии — М.: Художественная литература, 1957. — 520 с.
2. Вакенродер В. Г. Фантазии об искусстве. — М.: Искусство, 1977. — 263 с.
3. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры. — СПб.: Искусство-СПб, 2002. — 765 с.
4. Н.Я. Берковский. Эстетические позиции немецкого романтизма — Ленинград: «Издательство писателей в Ленинграде», 1934. — 329 с.
5. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. — М.: Академия, 2004. — 432 с.
6. Ігнатенко М., Волков А. Інтерсе́міотика // Лексикон загального та порівняльного літературознавства. — Чернівці: Золоті литаври, 2001. — С. 229–233.
7. Зонтаг С. Про фотографію; пер з англ. — К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2002. — 189с.
8. Р. Риггз. Дом странных детей: роман; пер. с англ. Е. Боровой. — 2-е изд. — Белгород: ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2016. — 432 с.

© Красиловская Анастасия Анатольевна0 (a.krasilovskaja@rambler.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

РУССКИЙ ИЛИ МОСКОВСКИЙ? ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ «МОСКОВСЬКИЙ» В УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Крючкова Екатерина Сергеевна

Аспирант, ФГАОУ ВО

«Российский университет дружбы народов»

kryuchkova_es@rudn.university

**RUSSIAN OR MOSCOWSCYI? FEATURES
OF THE USE OF THE LEXICAL
UNIT «MOSCOWSCYI»
IN THE UKRAINIAN-LANGUAGE
DICTIONARIES OF THE EARLY
TWENTIETH CENTURY**

E. Kriuchkova

Summary. Formation of the Ukrainian standard language occurs in a fairly dense connection with the Russian language. For this reason, political and ideological differences are also reflected in dictionaries. We found 15 dictionaries (1917–18), which contain the lexeme «Moscowskyi» in the title, which at that time acquired the meaning «Russian».

Keywords: standard Ukrainian language, Russian language, bilingual dictionaries, dictionaries of the Ukrainian language.

Аннотация. Формирование украинского стандартного языка происходит в достаточно плотной связи с русским языком. По этой причине политические и мировоззренческие разногласия нашли отражение также и в словарях. Нами было обнаружено 15 словарей (1917–18 гг.), которые содержат в заголовке лексему «московский», которая в этот период времени приобрела значение «русский».

Ключевые слова: стандартный украинский язык, русский язык, двуязычные словари, словари украинского языка.

В начале 20 века на территории современной Украины произошли заметные преобразования и изменения не только в политической системе, но и в научных трудах. Наибольшим толчком для развития науки «проукраинской» направленности становится революция 1917 года и создание независимых образований, в том числе и Украинской народной республики (УНР).

В процессе изучения двуязычных словарей начала 20 века мы заметили некоторую закономерность — с 1917 по 1919, как раз во время существования национальных независимых государственных образований, было выпущено более десятка словарей (преимущественно в Киеве, а также 2 в Полтаве и по одному в Кременчуге и Каменце-Подольском), где в заголовке русский язык был назван московским (в оригинале не «російською», а «московською мовою»). Наиболее интересным примером нам кажется словарь В. Дубровского, первое издание которого носило название «Словарь русско-украинский» (1909), а все последующие переиздания уже носили название «Словарь московско-украинский» (1914, 1917, 1918, 2013). Данное исследование было проведено с целью выявления причин такой замены, а также отголосков данного процесса в современности (полный перечень обнаруженных нами словарей можно найти Приложении 1).

История и значение «МОСКОВСКОГО» ЯЗЫКА

Слово «Московский» вместо «русский» в украиноязычной письменной речи используется достаточно давно. Изначально, видимо, мотивом стало одно из исторических названий России — Великое княжество Московское, которое существовало в XIII — XVI веках на территории современной России. Например, в произведениях Т.Г. Шевченко употребляется прилагательное «московский» в значении «российский» преимущественно (это отмечается не только в его творчестве) с негативной коннотацией, например: «Довелось запить з московської чаші московську отруту!» [1](рус. «Пришлось запить из московской чаши московский яд»). Также в его произведениях можно часто встретить слово «Московщина» (в значении «Россия», о чём упоминают авторы «Собрания произведений Т.Г. Шевченко в 6-ти томах» в комментариях к поэме «Катерина» [2]).

В начале XX века известный украинский лексикограф Борис Гринченко (автор первого фундаментального словаря украинского языка, вышедшего в 1907–1909 годах), как отмечает Е. Наконечный в своей работе «Украденное имя: почему русины стали украинцами», всё время упо-

треблял термин «москаль», «московский». Например, автор цитирует одно из произведений Б. Гринченко, где тот употребляет все возможные синонимы этого термина «Тогда же начался спор и с москалями (русскими, великоросами, кацапами)» (перевод автора). Относительно русского языка он также употребляет термин «московский язык» [3].

В 1917–1920 годах в связи с революцией в Российской империи начало происходить и формирование идеи украинской независимости, истоки которой относили к Киевской Руси, по этой причине все слова с корнем «рус» начали использовать как относящиеся к Украине. Таким образом, активисты уравнивали Русь и Украину, русский и украинский язык. И если в русском языке такое разделение в принципе возможно (вполне свободно употребляются лексемы «русский» (относящийся к Руси) и «российский» (Российская империя, Россия)), то в украинском начинались проблемы из-за того, что оба эти слова обозначались одной лексемой «російський».

Мы можем предположить, что благодаря активным заимствованиям из языков и культур соседей в украинском языке появились лексемы «Московия», «московский». Например, в словаре Брокгауза и Эфрона, вышедшем в 1896 году можно увидеть следующее определение: «Московия — название Великого княжества Московского у иностранцев, которые и ныне еще иногда под этим именем разумеют всю Россию [...]» [4]. Т.е. можно сказать, что, называя Россию Московией и русский язык московским, авторы словарей старались максимально дистанцировать украинский язык (по их мнению, имеющий прямую связь с языком Руси) и московский (значительно изменённый язык высшего руководства и знати России).

В словаре В. И. Даля, изданном в 1880 году, при описании диалектов русского языка некоторые современные исследователи (например, С. Караванский) [5] выделяют одну и ту же фразу, описывающую московский диалект, и нам она кажется очень важной в рассматриваемом вопросе. В. И. Даль пишет следующее: «[...] московское [наречие], самое малое по занимаемой имъ мѣстности, самое обширное по распространению своему на всю Русь. Московским наречіемъ говорить самая меньшая часть народа, почти только въ стѣнахъ Москвы; но это языкъ письменный и правительственный, и языкъ высшаго, а отчасти и средняго сословія, языкъ всѣхъ образованныхъ русскихъ, московскаго дворянства и купечества» [6]. Таким образом, авторы современных украинских книг по «московскому языку», опираясь на тексты в т.ч. и В. И. Даля, акцентируют внимание на том, что и более ста лет назад это наречие было малоупотребимо и использовалось в узких кругах государственного руководства и знати России.

«МОСКОВСЬКА МОВА»

Обратившись уже к украиноязычным источникам, а точнее — к толковым словарям начала 20 века, мы обнаружили следующее определение слова «Московский»:

Моско́вський, а, е. 1) Великорусскій. 2) Солдатскій. *Дівчино ягодо! Який у тебе кристаль під носом — як московський патрон.* Ном. 3) **Пеня моско́вська.** а) безпричинна придирка; б) чело́вѣкъ безъ причини и сильно придираю́щійся [7]

В двуязычном «Московско-украинском словаре» В. Дубровского в реестре русских слов отсутствует лексема «московский», но в статье к слову русский отражён достаточно богатый синонимический ряд, в котором лексическая единица «російський» в значении русский стоит лишь на пятом месте **«Русскій**, прил. — московський, москвинський, москвитський, москальський, російський, кацапський.[...]» [8].

Таким образом можно сказать, что использование прилагательного «московский» вместо «русский» в наименованиях словарей создаёт негативную коннотацию, отсылая к правящим элитам государства или же солдатам, которые выполняют приказы руководства, приходя на чужую землю. Т.е. авторы словарей создавали некую оппозицию «свой-чужой» в которой свой — это украинский и, возможно, «русский» и чужой — «московский».

«МОСКОВСЬКА МОВА» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В настоящее время, в некоторых исследованиях, «московский» язык описывается как производный от украинского языка (или же диалектов территории современной Украины). Например, С. Караванский в своей книге «Звідки пішла єсть московська мова або шила в мішку не сховаєш» («Откуда произошёл московский язык или шила в мешке не спрячешь») 2012 года (издана во Львове за счёт спонсоров из США и Канады) характеризует происхождение «московского» языка следующим образом: «Вироблення московської мови ішло шляхом русифікації усіх киево-галицьких та білоруських діалектів Великої Росії» [5] (рус. «Производство московского языка шло путём русификации всех киево-галицких и белорусских диалектов Великой России»). Т.е. здесь автор называет «московский язык» русифицированным диалектом, тем самым ещё больше принижая его значимость.

Выводы

Исходя из всего вышесказанного, мы пришли к выводу, что использование лексической единицы «московский» вместо «російський» в двуязычных словарях начала

XX века было преднамеренным и приводило к большему разграничению Украины (как прямой наследницы Киевской Руси и, соответственно, русского языка) и России (как порождения княжества Московского), а также языков, сформировавшихся на этих территориях.

Также стоит отметить, что влияние событий начала 20 века на современную Украину значительно, словари этого периода не только не забыты, но и активно используются и распространяются. В настоящее время выходят репринтные издания, например, «Словник московсько-український» В. Дубровського был переиздан в 2012 году. Также на сайтах библиотек и научных сообществ можно найти значительное количество оцифрованных словарей с приписками, как в словаре Б. Гринченко 1907–1909 гг.: «Поширюється безкоштовно. Виготовлення додаткових копій вітається» (рус. Распространяется бесплатно. Изготовление дополнительных копий приветствуется) [9].

В настоящее время многие поборники «чистого» украинского языка обращаются к словарям начала 20 века, как к неким мерилам истинности (например портал mova.ga отсылает своих читателей не только к Классическим произведениям Леси Украинки, но и к словарю украинского языка 1907–1909 гг. под редакцией Б.Д. Гринченко). Таким образом, в современной культуре плотно укореняются те истины, которыми руководствовались авторы лексикографических работ начала 20 века и оказывают значительное влияние на развитие языка и мышления тех, кто на эти работы опирается. Так что вполне возможно, что и в современных словарях украинского языка будет появляться и укреплять свои позиции термин «московський», который будет указываться в одном ряду с «російський», а возможно и замещать его.

Приложение 1. Перечень словарей с оригинальным названием, местом и годом издания, а также количеством страниц:

1. Дубровський В. Московсько-українська фразеологія. Київ, 1917, 147 с.

2. Багрій Г. Кишеньковий московсько-український словник. Київ: вид. т-ва «Книга», 1918, 89 с.
3. Дубровський В. Словник московсько-український. Київ: Рідна мова, 1918, 542 с.
4. Євтимович В. Московсько-український словник для військових. Зредаговано ред. Комісією при Головній Шкільній Управі В. М-ва. Київ, 1918, 125 с.
5. Ловецький Ф. Короткий московсько-український словник для юристів. Київ: Прогрес, 1918, 29+3 с.
6. Московсько-український термінологічний словник. Додаток № 1 до першого числа Термінологічного збірника Міністерства шляхів (без місця видання), 1918, 56 с.
7. Українсько-московський термінологічний словник. Додаток № 2 до першого числа Термінологічного збірника Міністерства шляхів (без місця видання), 1918, 24 с.
8. Московсько-український словничок залізничних посад. Додаток № 3 до першого числа Термінологічного збірника Міністерства шляхів (без місця видання), 1918, 56 с.
9. Каменецький М. Московсько-український словник. Полтава: Труд, 1918, 456 с.
10. Словник московсько-український. Київ: Час, 1918, IV+235 с.
11. Федоренко І. Московсько-український словник. Київ, 1918, 104 с.
12. Жигадло І. Короткий московсько-український правничий словник. Кременчук: Вид-во Полтавського Українського Правничого Товариства, 1918, 36 с.; 2-е доп. вид. під назвою Короткий московсько-український словник судівництва та діловодства. Полтава: Вид-во Полтавського Українського Правничого Товариства, 1918, 126 с.; 3-є вид., 1919, 126 с.
13. Гребінковський В. Практичний словничок московсько-український. Київ, 1919, 35 с.
14. Леонтович В. та Єфимов О. Московсько-український правничий словничок. Київ: Друкар, 1919, 141+3 с.
15. Хведорів Н. М. Московсько-українська термінологія елементарної математики. Кам'янець-Подільський, 1919, 37 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарас Шевченко. Зібрання творів: Кавказ [Електронний ресурс]. Доступ: <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev139.htm> [дата доступу 20.02.2018]
2. Тарас Шевченко. Зібрання творів: Катерина [Електронний ресурс]. Доступ: <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev110.htm>
3. Євген Наконечний. Украдене ім'я: чому русини стали українцями. 3-є доповнене і виправлене видання. Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаніка НАН України, Львов 2001. [Електронний ресурс]. Доступ: <http://exlibris.org.ua/nakonechny/r13.html>
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Словарная статья «Московия» [Электронный ресурс]. Доступ: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%8F>
5. Святослав Караванский. Звідки пішла єсть московська мова або шила в мішку не сховаєш. БаК, Львов, 2012. [Электронный ресурс]. Доступ: http://shron1.chtyvo.org.ua/Karavanskyy_Sviatoslav/Zvidky_pishla_just_moskovska_mova_abo_shyla_v_mishku_ne_skhovaiesh.pdf

6. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Типография М. О. Вольфа, СПб, 1880. [Электронный ресурс]. Доступ: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/b08/Tolkovyiy%20slovar%20Dalya%201.pdf>
7. Словарь української мови: в 4-х тт. / Под ред. Б. Гринченко. — Киев, 1928. — Т. 3. — С. 311
8. Словник Московсько-український / Под ред. Б. Гринченко. — Киев, 1917. — с. 418
9. Російсько-українські словники. [Электронный ресурс]. Доступ: <http://r2u.org.ua/>

© Крючкова Екатерина Сергеевна (kryuchkova_es@rudn.university).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НЕМЕЦКОМ МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

THE GLOBAL EDUCATIONAL ASPECTS OF ENGLISH-BUDGETARY BORROWINGS IN GERMAN MEDICAL DISCOURSE

V. Kulik

Summary. The paper deals with the exploration of the notion of «loan word» due to the increasing attention on the part of researchers specializing in linguistics and terminology aimed at more in-depth and comprehensive study of the word formation specificity of German medical terminology. The article emphasizes the necessity in the analysis of modern tendencies in word formation of loan words from the English language. It contributes to the research of the main word-formation types of Anglicisms in the German medical discourse.

Keywords: loan word, term, word formation, medical terminology, Anglicism, German.

Кулик Владимир Николаевич

Аспирант, ГАОУ ВО города Москвы «Московский
городской педагогический университет»
arzt2006@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению понятия «заимствование», анализ которого привлекает внимание все большего количества исследователей в области лингвистики и терминоведения с целью более глубокого и всестороннего исследования словообразовательной специфики немецкой медицинской терминологии. В статье уделяется особое внимание необходимости анализа современных тенденций словообразования заимствований из английского языка. Внесен вклад в выявление основных словообразовательных типов англицизмов в немецком медицинском дискурсе.

Ключевые слова: заимствование, термин, словообразование, медицинская терминология, англицизм, немецкий язык.

Интерес исследователей к развитию языковых систем не угасает до сих пор, в частности по отношению к различным аспектам влияния одного языка на другой в процессе заимствования. В центре внимания отечественных и зарубежных исследователей все еще остаются попытки проследить влияние английских заимствований на терминосистему принимающих языков. Немецкий язык не является исключением. С развитием медицины в Германии неизбежным является внедрение новых отраслевых понятий, используемых ведущими специалистами США и Великобритании. Именно поэтому число англоязычных заимствований в медицинскую терминосистему немецкого языка постоянно растет, что оказывает определенное влияние на немецкий язык и его структуру. Новые языковые элементы, переходя в принимающий язык, претерпевают адаптационные процессы. В связи с этим представляется необходимым проследить современные тенденции словообразования немецких терминов, заимствованных из английского языка медицинской сферы с целью выявления структурной специфики англоязычных заимствований, функционирующих в данной сфере.

Учитывая недостаточное количество научных работ, посвященных теме исследования с точки зрения словообразовательного аспекта, целью настоящей статьи является рассмотрение специфики словообразования англицизмов в современной немецкой медицинской терминологии.

Нельзя не отметить, что язык является одним из сложнейших и многоаспектных социальных явлений, способствующим взаимопониманию между людьми, что позволяет говорить о его постоянном и активном развитии. Язык представляет собой сложно-структурированную систему, меняющуюся под воздействием многих внешних и внутренних факторов. Процесс обновления лексического состава немецкого языка, как и любого другого, является непрерывным и необратимым. Заимствование слов характерно для всех языков мира на всех этапах их развития и указывает на жизнеспособность языковой системы в целом. В течение столетий немецкий язык пополнялся и продолжает пополняться огромным количеством новых слов, обогащая лексику новыми структурами и значениями, отводя на второй план ранее известные языковые единицы. Происходит актуализация языка и его дальнейшее становление.

В лингвистической науке первые попытки изучить англицизмы были предприняты Х. Циндлером. Согласно исследователю, их следует рассматривать не как простые заимствованные из британского или американского вариантов английского языка слова или необычные комбинации, но и как любые изменения оттенков значений немецких лексических единиц или их контекстуального употребления по британскому или американскому образцу [Glahn, 2002: 15]. Вопросом освоения и адаптации английских заимствований в немецком языке занимались такие отечественные и зарубежные исследователи, как Б. Карсиен, Г. Финка, И. Пфинцер, В. Фирек,

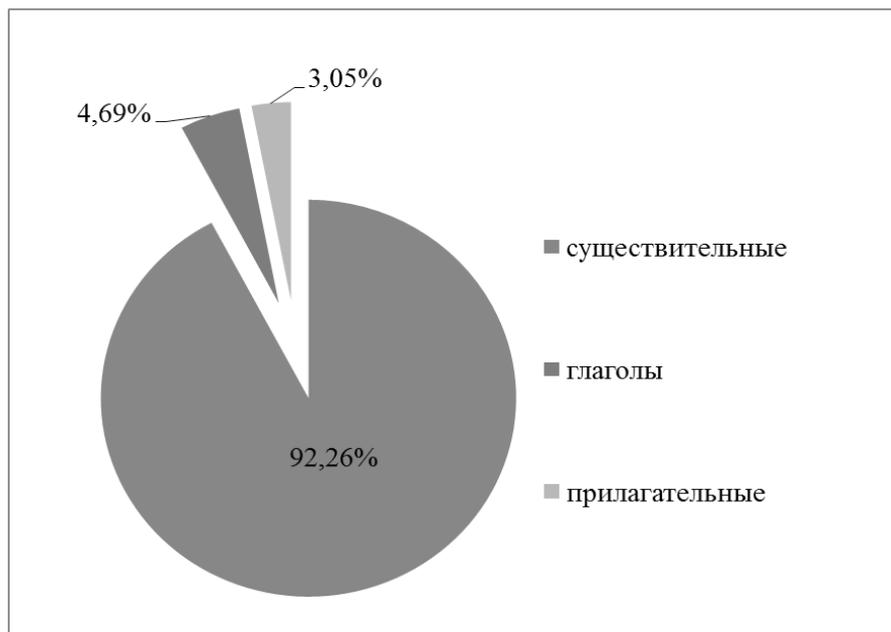

Рис. 1. Частотность англицизмов в немецком журнале Der Spiegel

И. Арнольд и др. Заимствование с английского языка (в рекламе автомобилей) в немецкий язык изучают немецкие исследователи А. Уэстерхаус, П. Шлобинский (функционирование заимствований с английского языка в сети Интернет), Р. Глан (влияние английского языка на современный немецкий язык, исследование функционирования англицизмов в языке телевидения), Ч. Гютцелер (англицизмы в языке прессы). Большинство авторов описывают лексику определенных узких подсистем языка, подавая различные классификации заимствований.

Англицизм можно рассматривать как единицу (слово, комбинацию слов), заимствованную из британского/американского вариантов английского языка и характеризующуюся разной степенью адаптации.

Рассмотрением вопроса освоения англоязычных заимствований на отдельных языковых уровнях также занимаются отечественные и зарубежные исследователи, в частности Л. В. Слепухина (1976), М. С. Колесникова (1986), Г. В. Павленко (1998), А. И. Дьяков (2001), С. В. Воробьева (2003), М. А. Кузина (2006), М. С. Селиванова (2007), Н. А. Кулешова (2009) и др.

В последнее время языковые изменения, происходящие в немецком языке под воздействием английского, привлекают внимание многих известных немецких лингвистов, среди которых следует отметить труды Р. Бергманна, В. Янга, Г. Глюка, В. Зауэра, Л. Лемнитцера, Р. Келлера, Х. Д. Шлоссера, А. Шенфельда, Х.-Г. Шмитца,

Ю. Шпитцмюллера, Я. Г. Шнайдера, Г. Фрица, Х. Фатера, Ф. Штарка. В конце 19 — начале 20 вв. вопросом целесообразности и нецелесообразности иноязычной лексики задавались такие исследователи, как Е. Соболевский, Р. Брандт, Е. Карский и М. Фасмер. Изучая лексический состав языка и этимологию слов, исследователи обращали внимание на различные заимствования, акцентируя необходимость иноязычных заимствований, постепенно переходя к тем последствиям, которые приносит новая лексика в другую языковую систему.

Немецкий язык является активным реципиентом заимствований с английского языка и его американского варианта. Рост влияния английского языка на современный немецкий язык стимулирует пристальный интерес исследователей к проблеме заимствований.

Изучая вопрос функционирования англоязычных заимствований в немецком журнале Der Spiegel, В. Янг пришел к выводу, что частотность их употребление за период с 1950 до 1980 года значительно возросла (Рис. 1).

Самую многочисленную группу от общего количества англицизмов, согласно В. Янгу, представляют существительные, число которых равно 92,16%. Следом за существительными на втором месте исследователь указывает глаголы — 4,59%, и третье место по частотности употребления в текстах исследовательского материала занимают англицизмы-прилагательные, количество которых равно 3,03% [Yang, 1990: 166].

Не менее значимым представляется вопрос терминологизации заимствований. Так, одни исследователи относят к элементам чужого языка разноуровневые языковые единицы (фонетические, морфологические, семантические, лексические, синтаксические), а, следовательно, предлагают разграничивать такие виды заимствований, как фонетическое, семантическое, лексическое, морфологическое и синтаксическое. Другие исследователи подходят к трактовке понятия «заимствование» не только как к непосредственному процессу заимствования, но и как к самим заимствованным лексемам. Нередко термин «заимствование» используется для описания процесса терминологизации слов языка или — в отдельных случаях — просторечий и жаргонизмов. Под заимствованием следует понимать, прежде всего, слова или словосочетания, которые перенесены из одного языка в другой через языковые контакты и до определенной степени ассимилировались в новой языковой среде.

Изучение терминологизированных англоязычных заимствований, в первую очередь, сосредоточено на определении основных факторов, способствующих заимствованию иноязычных лексических единиц, а именно языковых (интралингвистических) и внеязыковых (экстралингвистических). Так, по мнению С. В. Гринева, экстралингвистические факторы состоят из:

1. взаимное воздействие между различными культурами;
2. наличия коммуникативного взаимодействия между странами с разными языковыми системами на уровне устной или письменной речи;
3. повышения интереса к изучению определенного языка;
4. авторитетности языка-источника (что нередко способствует процессу заимствования другими языками и появлению новых языковых элементов — интернациональных слов);
5. увлеченностью определенными социальными слоями иноязычной культурой, которая сформировалась в течении исторического развития;
6. условий лингвокультурной специфики социальных слоев, заимствующих новые языковые элементы [Гринева, 1993].

Не менее важными представляются и следующие экстралингвистические причины. С конца Второй мировой войны США является страной, культура которой активно распространяется по всему миру, тогда как немцы переживали «кризис» своей идентичности. Г. Цифонун приводит аргументы так называемых «сторонников» и «противников» англоязычного влияния на немецкий язык. По мнению «сторонников» заимствований английского языка, он имеет:

1. структурное преимущество, т.е. компактный характер англоязычных заимствований в сравнении с возможными немецкоязычными заменами;
2. экономическое преимущество, направленное на упрощение процесса общения в глобальных сферах;
3. коммуникативное преимущество, позволяющее участвовать в мировой коммуникационной культуре (молодежная речь, сеть).

По мнению «противников» англоязычных заимствований, немецкий язык, в первую очередь, теряет свою былую силу, а следовательно, престиж. Также считается, что немцы имеют недостаточно высокий уровень самосознания и не воспринимают ценность собственной речи как признак собственной идентичности [Zifonun, 2002].

Интралингвистические причины заимствований включают:

1. отсутствие в принимающей языковой системе эквивалентной лексической единицы для нового предмета, явления или понятия;
2. стремление использовать одно заимствованное слово вместо описательного оборота (чтобы сэкономить языковые средства);
3. стремление повысить и сохранить коммуникативность лексической единицы, требующее устранения явлений полисемии или омонимии в заимствующем языке;
4. накопления в языке однотипных слов с тенденцией выделения одного из подобных элементов и заимствования в такой способ морфем и словообразовательных элементов.

Также необходимо отметить необходимость конкретизации имеющихся дефиниций, акцентировании определенных смысловых оттенков посредством присоединения их к разным лексическим единицам (расширение синонимических рядов), тенденцию к экспрессивности, которая способствует проникновению в язык-реципиент иноязычных стилистически маркированных синонимов, отсутствие в родном языке возможности образовать производные в отличие от синонимов, которые заимствованы из другого языка, и накопление в языке однотипных слов с тенденцией выделения одного из подобных элементов и заимствования в такой способ морфем и словообразовательных элементов.

Медицинский дискурс наряду со многими специфическими чертами, обладает особым терминологическим аппаратом, функционирующим в рамках данной коммуникации. При этом термины, содержащиеся в медицинских текстах, созданы не только средствами нацио-

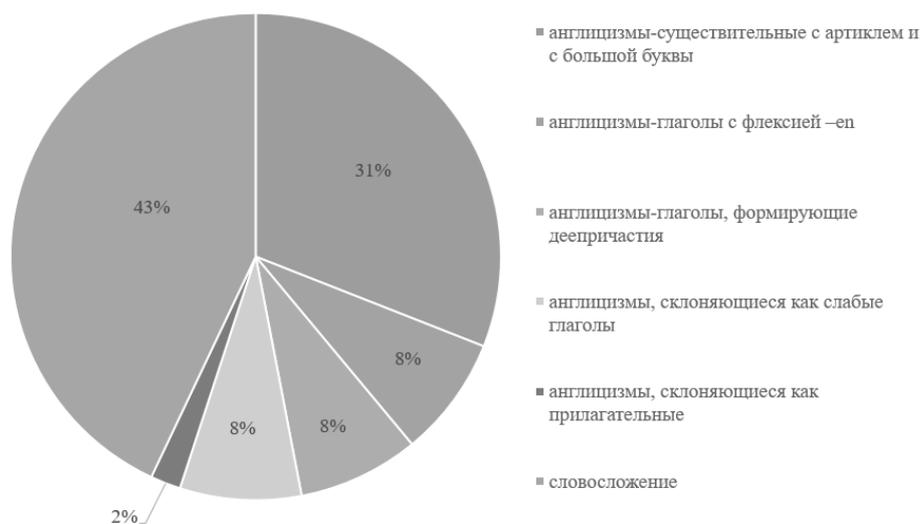

Рис. 2. Словообразовательные особенности англицизмов в немецком медицинском дискурсе на примере газеты Ärzte Zeitung Online

нального языка, но и заимствованы из других языковых систем. Большое распространение получили термины английского происхождения. Общеизвестным является тот факт, что популяризация английского языка способствует все большему проникновению англицизмов во все мировые лингвокультуры.

Рассматривая проникновение англицизмов в немецкий медицинский дискурс, необходимо выделить следующие способы, основными путями которых являются:

1. прямое общение с коллегами-медицинскими работниками из различных стран;
2. письменные источники, которые представлены в результатах исследования, проводимых в международном исследовательском центре, печатных СМИ, Интернете и т.д.

В настоящее время активное заимствование англицизмов немецким языком вызвано следующими факторами:

1. потребностью в номинации новых предметов, явлений, понятий, например, *der Transsexuel* и др.
2. необходимостью разграничения понятий: англицизмы могут стать синонимами имеющихся лексем или придать слову иной оттенок значения, например, *die Heater-Cooler-Units* (Hypothermiegeräte), *Renewable energy* (erneuerbare Energie), *Smart Grids* (intelligente Stromnetze), *Healthcare* (Medizintechnik);
3. англицизмы могут дифференцировать специализацию номинаций, например, *der Tester* (jemand, der jemanden oder etwas testet — лицо, производящее испытание).

Яркими примерами англицизмов, вызванных глобализацией, является функционирование таких из них, как *health* и *care* вместо немецких слов *Gesundheit* и *Pflege*. Англоязычные заимствования также часто используются для того, чтобы создать более лаконичную и прагматическую терминологическую систему.

Анализ выборки из 200 медицинских терминов, представленных на немецком ресурсе *aerztezeitung.de* (немецкая газета *Ärzte Zeitung Online*) за 2018 г., содержащих англоязычные заимствованные единицы, показывает, что англоязычный термин или слово входит в немецкий язык с сохранением правописания и звучания. Результаты исследования представлены на Рис. 2. Однако было бы неправильно рассматривать проникновения англицизмов в немецкую терминосистему только как процесс односторонней направленности

В процессе заимствования имеет место взаимодействие англоязычного термина и языка-реципиента, что оказывает значительное влияние на его адаптацию. С одной стороны, структура терминов заимствуется в терминологическую систему немецкого языка без преобразований или с незначительными преобразованиями их звуковой и графической оформленности. С другой стороны, наблюдаются определенные изменения на морфологическом уровне при адаптации в немецкой терминосистеме:

1. заимствованные существительные адаптируются к правилам немецкого языка и употребляются с артиклем, что также влияет на их написание с большой буквы: *der Afternoon-Tea*, *der Brexit-Poker*.

2. англоязычные глаголы приобретают характерную для инфинитива окончание –en, склоняются аналогично слабым глаголам и образуют деепричастия: to monitor — monitoren; to relax — relaxen;
3. заимствованные прилагательные адаптируются к правилам склонения прилагательных немецкого языка: Offenbar hat das Stillen einen puffernden Effekt auf die Stressantwort, was die Betreffenden in Konfliktsituationen zugleich cooler und mutiger werden lässt;
4. продуктивным является словосложение как один из продуктивных способов словообразования англоязычных терминов.

Не менее примечательным является тип сложных слов, которые выступают в качестве структурных преобразований заимствованных терминов. Согласно результатам исследования, английскому словосочетанию соответствует немецкое сложное существительное: cognition test — der Kognitionstest.

Наряду со слитным написанием в немецком медицинском дискурсе были обнаружены сложные слова, которые графически маркированы дефисами между отдельными компонентами: Marihuana market — der Marihuana-Basar, lifestyle product — das Lifestyle-Produkt.

Анализ современных немецких медицинских текстов также позволяет выделить ряд тенденций в словообразовании англоязычных заимствований. Так, в первую очередь, следует отметить варьирование в оформлении англицизмов: der Ebola-Ausbruch — der Ebola Ausbruch; die Real-Time-Messgeräten — die Real-Time Messgeräten. Указанные примеры также содержат дополнительный немецкий компонент-существительное с целью облегчить усвоение терминологических словосочетаний и их интеграцию в систему немецкого языка. Рассматривая данную словообразовательную тенденцию с национально-культурной точки зрения, новизна англицизма частично снимается, в том случае, когда носитель немецкого языка знаком с определенными структурными аналогами соответствующих понятий, обозначений, или у него наличествуют определенные ассоциации с ранее известными словами того же этимологического плана.

Не менее интересной современной тенденцией в образовании англоязычных заимствований в немецкий язык является использование структурно идентичных англицизмов, которые можно объединить в группы с аналогичной постпозитивно служебной морфемой, предлогом. Написание подобных англицизмов отдельно или через дефис нестабильно и варьируется в зависимости от коммуникативной ситуации: Beim Learning by Doing, das wir in jeder Klinik haben, und dem Bedside

Teaching ist eine Supervision allerdings wichtiger; Ein eher zufallgesteuertes Learning-by-Doing ist nicht erwünscht.

Также характерным является образование новых структурных типов, что указывает на популярность некоторых словообразовательных моделей. Наиболее распространенной структурой в словообразовании англицизмов в немецком медицинском дискурсе является препозитивное служебное слово + существительное + правое распространения:

1. die Stand-by-Prophylaxe, der Stand-by-Betrieb, der Stand-by-Verbrauch;
2. Breath-by-Breath Atemgasanalyse, Breath-by-Breath Meditation;
3. Flow-Mess-Modul, Flow-Mess Analyse;
4. die Step-by-step-Strategie, die Step-by-Step-Studie.

Таким образом, можно заключить, что заимствования являются неотъемлемой частью развития любого языка, в том числе немецкого. Именно поэтому их проникновение представляется вполне объяснимым и логичным. Заимствования из английского языка являются наиболее многочисленными, что связано с его глобальным характером. Следовательно, они все чаще встречаются в литературном немецком языке. Их недостаточно много, но постоянное употребление приводит к закреплению данного структурного типа как в медицинской терминосистеме, так и в общенациональном языке.

Все рассматриваемые англицизмы-термины в немецком медицинском дискурсе, имеют профессиональное значение, которое выражает и формирует профессиональное понятие. Но сфера употребления медицинской терминологии все больше расширяется. Это объясняется тем, что границы между общеупотребительной лексикой и лексикой специальной коммуникации стираются ввиду ряда факторов. Во-первых, влияние медицинской терминологической лексики на нормативность языка напрямую связано с доступностью средств массовой коммуникации значительному количеству людей.

Во-вторых, общий рост уровня образованности населения, его медицинской грамотности делают сложные медицинские понятия и категории доступными широким массам, в результате чего слова, которые появляются и являются терминами в области медицинской жизни, переходят из разряда слов с ограниченным узусом к разряду общеупотребительной лексики.

В-третьих, в результате тех или иных событий, происходящих в медицинской сфере, определенные понятия медицинской науки выходят за пределы узкоспециальных значений.

Анализ употребления англоязычных терминов в немецком медицинском дискурсе показывает, что они получили

широкое распространение в немецком языке благодаря своей новизне, однако со временем ряд из них настолько глубоко проникает в язык-реципиент, что заменяет исконные немецкие слова и становится общеупотребительным. Следовательно, он не воспринимается как «чужой», а становится «своим», что нельзя не рассматривать как некую угрозу ввиду возможных последствий, о чем утверждают многие современные исследователи. Их освоение происходит, как правило, с сохранением оригинального написания и звучания исходной лексической единицы.

Результаты исследования показывают, что наиболее частотными словообразовательными типами англицизмов в современном немецком медицинском дискурсе являются словосложение, адаптация английских существительных с добавлением немецкого артикля, склонение англоязычных прилагательных, а также флексия –en у заимствованных глаголов. Дальнейшие перспективы исследования видятся в изучении словообразовательных аспектов английских заимствований в других сферах немецкого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева С. В. Системно-структурные преобразования семантики слова в процессе лексического заимствования (на материале новейших англицизмов в русском языке): Автореф. дис. канд. филол. наук. — Минск, 2003. — 20 с.
2. Гринев С. В. Введение в терминоведение. — М.: Московский лицей, 1993.
3. Дьяков А. И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте: Дис. канд. филол. наук. — Новосибирск, 2001. — 291 с.
4. Колесникова М. С. Фонетическая ассимиляция иноязычных слов в современном немецком литературном языке (на материале лексикографического анализа): Автореф. дис. канд. филол. наук. — Пятигорск, 1986. — 16 с.
5. Кузина О. А. Семантические и ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания и картин мира русских, немцев и американцев: Автореф. дис. канд. филол. наук. — Барнаул, 2006. — 20 с.
6. Кулешова Н. А. Морфологическая и словообразовательная ассимиляция англоязычных заимствованных единиц в национальных вариантах немецкого языка: на материале прессы Германии, Австрии, Швейцарии: Автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 2009. — 25 с.
7. Павленко Г. В. Семантический аспект освоения англицизмов // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. Т. 1. — М., 1998. — С. 192–194.
8. Селиванова М. С. Семантическая адаптация англицизмов в русском языке: Дис. канд. филол. наук. — Великий Новгород, 2007. — 545 с.
9. Слепухина Л. В. Системная ассимиляция терминологических заимствований в современном немецком языке (на материале англо-американизмов в терминологической подсистеме автомобилестроения): Автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 1976. — 24 с.
10. Glahn R. Der Einfluss des Englischen auf gesprochene deutsche Gegenwartssprache. / Richard Glahn. — Band 4. 2. Auflage. Peter Lang Frankfurt, 2002. — 216 S.
11. Yang W. Anglizismen im Deutschen. Am Beispiel des Nachrichtenmagazins DER SPIEGEL. — Reihe Germanistische Linguistik. Herausgegeben von H. Henne, H. Sitta u. H. E. Wiegand. — Berlin: de Gruyter, 1990. — 238 S.
12. Zifonun G. Überfremdung des Deutschen: Panikmache oder echte Gefahr? Institut für Deutsche Sprache, 2002.

© Кулик Владимир Николаевич (arzt2006@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский городской педагогический университет

ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА «BRIEFS»

GENRE DIVERSITY OF THE ANGLOPHONE MEDIA DISCOURSE: COGNITIVE AND PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF THE BRIEFS GENRE

O. Kulikova

Summary. The article provides a consideration of the media genre Briefs, namely, of its basic parameters as well as its cognitive, communicative and pragmatic foundations. In the light of the functional and stylistic approach the Briefs genre is viewed as a hybrid one since it fulfills not only the function of informing, but that of interpreting as well.

Keywords: genre; hybrid genre; functional and stylistic approach; mass media discourse; pragmatics; cognitive foundations; communicative goal; multifunctionality; heterogeneity; target audience; concept.

Куликова Ольга Викторовна

Д.филол.н., Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД РФ,
г. Москва, Россия
ok517@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены основные параметры медиа жанра Briefs, рассматриваются его когнитивные, коммуникативные и прагматические основания. В свете функционально-стилистического подхода медиа жанр Briefs является гибридным, выполняющим не только функцию информирования, но и интерпретирования ключевых событий или явлений, послуживших информационным поводом создания очередного выпуска Briefs.

Ключевые слова: жанр; гибридный жанр; функционально-стилистический подход; масс-медийный дискурс; прагматика; когнитивные основания; коммуникативная цель; полифункциональность; гетерогенность; целевая аудитория; концепт.

Современная лингвистика отличается широким спектром исследований, посвященных разнообразным вопросам жанроведения, таким как определение жанра, его оснований, соотношение жанра и дискурса, дихотомия «жанр-прагматика», жанровая принадлежность текстов и др. [1]; [2]; [4]; [6]; [8]; [9]. Вместе с тем, в научной литературе, как показывает анализ, отсутствует общепринятая дефиниция жанра, что отмечается и самими исследователями [5].

Целям настоящей статьи отвечает прагматически ориентированный подход к изучению жанров, предполагающий рассмотрение жанра «в связи с речевыми особенностями высказываний или текстов в типичных ситуациях социального взаимодействия» [9, с. 34]. Соответственно, в рамках данного подхода жанр определяется как «типовая ситуация общения, оформленная по определенной регулярной модели» (цит. по [2, с. 4,5]).

Жанры, представляющие масс-медийный дискурс, отличаются большим разнообразием, что обусловлено такими предпосылками жанрового расслоения масс-медийного дискурса, как его полифункциональность и гетерогенность целевой аудитории (подробнее об этом см. [7, с. 117, 119]; [3]). Традиционно, основными функциями дискурса масс-медиа признаются информационная и воздействующая, что обуславливает существование

двух групп газетно-публицистических жанров: информационных и аналитических [4, с. 78].

Анализируя подходы британских ученых к жанровой классификации масс-медийного дискурса, В. А. Тырыгина указывает, что предлагаемая ими классификация, отражающая функционально-стилистический подход, включает три категории масс-медийных жанров в соответствии с их функцией. В качестве основных британские исследователи выделяют функции информирования и интерпретирования, коррелирующие с информационными и интерпретационными жанрами соответственно. Функции развлечения, социальной связи / аффилиации и образования соотносятся с такими жанрами масс-медиа, как feature, profile, review, gossip column, etc., задача которых состоит не в сообщении или анализе, а в изображении фактов, событий, явлений [7, с. 118–119].

В жанровой палитре англоязычного масс-медийного дискурса жанр Briefs занимает особое место. Мы проведем рассмотрение особенностей данного жанра на материале жанровой формы Briefs журнала «The Economist» — «The Brexit briefs. Our guide to Britain's EU referendum»² [The Economist, June 2016].

² Следует отметить, что жанр Briefs встречается также и в других типах дискурса: так, в дискурсе официальных документов он может быть реализован в жанровой форме обзора (например, EU Agricultural Economics Briefs No 8 |

В свете функционально-стилистического подхода, Briefs выступает гибридным медиа-жанром, так как сочетает в себе две функции — информирования и интерпретации или анализа материала, что позволяет отнести его к смешанному информационно-аналитическому типу.

Коммуникативная цель медийного жанра Briefs — проинформировать читателей и по возможности оказать воздействие, выразив отношение издания к представленной информации, суммировав ранее опубликованный в журнале материал по определенной теме и создав таким образом целостную картину какого-либо события или явления общественно-политического, или экономического толка.

Введение, являющееся обязательным композиционным элементом Briefs, содержит информацию о теме данной подборки статей, а также информирует читателя о позиции журнала, демонстрируя читателям озабоченность издания дальнейшей судьбой страны, что, безусловно, несет прагматическую нагрузку (*The Economist is not neutral ...; ...bad for Britain, Europe and the world; alas...; the country's most important vote*). Кроме того, во введении эксплицитно выражена цель Briefs — помочь заинтересованной публике ознакомиться со всей имеющейся информацией по теме или напомнить постоянным читателям основные аспекты проблемы, представленные в собранных под эгидой Briefs статьях. Введение завершается личной подписью главного редактора издания, что также прагматически обусловлено, поскольку создает впечатление личного обращения руководителя проекта к читателям и таким образом в определенной мере способствует формированию приверженности аудитории настоящему изданию.

ON JUNE 23rd Britain will hold a referendum on whether to remain in or leave the European Union. This will be the country's most important vote in at least half a century. Alas, the debate has often been neither informative nor enlightening. The Economist is not neutral: we are convinced that a decision to leave (a so-called Brexit) would be bad for Britain, Europe and the world. But we also believe in the importance of objective analysis and reasoned argument. Over the past few months we have published a series of factual briefs that examine the main issues around Brexit. To help interested readers, we have now assembled all our Brexit briefs together.

Zanny Minton Beddoes, Editor-in-chief

Композиция жанровой формы Briefs, как один из жанрообразующих компонентов, строится в соответствии с твердо установленным алгоритмом:

July 2013 и др.), в академическом дискурсе — в форме учебника (см. учебник Marketing Briefs. A Revision and Study Guide by Sally Dibb and Lyndon Simkin).

I. Введение. II. Содержание (название статей, входящих в Briefs, с краткой аннотацией, заключенной в одной фразе). III. Тексты статей, объединенных общей тематикой.

Второй раздел — Contents — также подчинен прагматическим установкам жанра, главная из которых — ориентированность на читательскую аудиторию. Каждое название статьи сопровождается краткой аннотацией, призванной напомнить о сути проблемы или привлечь к ней внимание реципиента. Например:

Voters want clear facts about the European Union. They are given myths instead (March 5th 2016: TRUTH AND LIES). Как заголовок, так и ключевая фраза, содержат интригу, вызывающую любопытство читателя и желание ознакомиться с содержанием статьи: о каких мифах идет речь и в чем заключается правда о выходе Великобритании из ЕС?

Большинство статей, также как и ключевые фразы аннотаций, содержат оценочный компонент, позволяющий «увидеть» отношение журнала к описываемым событиям, что вербализуется за счет преимущественного использования лексики с оценочной коннотацией:

- ◆ *Brexiters are deliberately vague about alternatives to EU membership. That is because most other models are unsatisfactory* (June 11th 2016: THE CONSEQUENCES).
- ◆ *In the event of Brexit, incomes might fall a little, but the risk of bigger losses is clear* (April 9th 2016: ECONOMICS).
- ◆ *Leaving the EU could cause much collateral damage to Britain's security* (May 14th 2016: SECURITY).

Одного взгляда на раздел Contents достаточно, чтобы понять: читателям предлагается к рассмотрению широкий круг вопросов, связанных с таким явлением недавней жизни Великобритании, как Brexit. Создание целостной картины за счет включения в Briefs разных аспектов проблемы (экономика, торговля, иммиграция, бизнес, финансы, безопасность, последствия выхода из ЕС и т.д.), свидетельствует о желании издательства наиболее полно проинформировать читателей, одновременно сообщив им оценку события издательством. Для обработки большей части представленной информации на когнитивном уровне реципиенту потребуется выполнить операцию синтеза, требующую определенных когнитивных усилий. Однако, с другой стороны, информация в жанровой форме Briefs подается дискретно (здесь — постатейно), что позволяет облегчить восприятие большого объема данных.

Облегчению понимания текстов также способствует мультимодальная презентация материала —

включение в ткань жанровой формы иллюстраций, графиков, поясняющих, конкретизирующих информацию, содержащуюся в тексте. Использование средств мультимодальности является одной из характеристик жанра Briefs и подчинено его прагматическим установкам.

Тематическое единство, объединяющее все включенные в Briefs статьи, также служит жанрообразующим признаком. В результате развертывания темы на протяжении семнадцати статей, входящих в Briefs, создается единая концептосфера дискурса (в нашем примере — дискурса «Brexit») с такими базовыми концептами, как: the EU, Britain, Brexit, Euroscepticism, sovereignty, uncertainty, economy, business, finance, trade, agriculture, risk, hostility, immigration, security, EU membership, economic consequences, post-Brexit.

Итак, медийный жанр Briefs является сложным информационно-аналитическим жанром, представленным в дискурсе комплексом текстов, объединенных одной тематикой и опубликованных ранее в данном издании, имеющим целью представить читателям полный объем информации по выбранной тематике, включая ее (информации) оценку в соответствии с редакционной политикой журнала. Когнитивное основание [8] данного жанра связано со способом организации объемной информации, созданием условий для ее наиболее полного усвоения, а также экономии когнитивных усилий. На когнитивном уровне жанр Briefs представляет собой концепт, распознаваемый адресатом при его (концепта) дискурсивном воплощении. Прагматическая установка жанра Briefs заключается в оказании воздействия на аудиторию с целью привлечь ее к чтению журнала и прервать таким образом в разряд постоянной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Теория речевых жанров и прагматика дискурса. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-rechevyh-zhanrov-i-pragmatika-diskursa>
2. Бабенко Л. Г. Коммуникативное пространство художественного текста в свете теории речевых жанров // Новые подходы к изучению семантики: материалы межвуз. науч. конф., 6 марта 2012 г., Екатеринбург / [сост. Т. М. Воронина, А. М. Плотникова]. — Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2012 — С. 3–18.
3. Добросклонская Т. Г., Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 288 с.
4. Кузнецов В. Г. Функциональные стили современного французского языка: Публицистический и научный. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 232 с.
5. Солобуто Д. С. О жанрах художественного стиля // Современные языки в межкультурной коммуникации. — М.: МГЛУ, 2016. — С. 28–36. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 5(744). Серия Языкознание)
6. Тарасова А. Н. Архитектуральность: дискурс — речевой жанр — текст (на материале французской прессы) // Романские языки: Античность, Средневековье, Современность. — М.: МГЛУ, 2016. — С. 190–198. — (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 12(751). Серия Языкознание)
7. Тырыгина В. А. Жанровая стратификация масс-медийного дискурса. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 320 с.
8. Тырыгина, В. А. К основам жанра // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2009. — № 3 (11). — С. 66–73.
9. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие — М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. — 208 с.

© Куликова Ольга Викторовна (ok517@yandex.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЕТРЕ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Ma Xiangfei

Преподаватель, Цзянсуский педагогический университет
suan.ma@mail.ru

STEREOTYPIC REPRESENTATIONS OF THE WIND IN THE RUSSIAN LINGVOCULTURE

Ma Xiangfei

Summary. The article describes the analysis of stable expressions of the Russian language (phraseological units, stable comparisons, proverbs, winged phrases), in which stereotyped perception by the language personality of the given natural phenomenon is presented. Most often, a negative perception of the wind as a destructive phenomenon is found. The wind is unstable, it does not preserve values, it dispels them. This is a strong phenomenon, the dynamics of which contrasts with the unhurried course of human life. The wind symbolizes a person's ability to squander what is given to him (life) or acquired (money, material and other values). Since the given qualities of a person in linguoculture are blamed, then the wind («pustit' na veter») is also negatively perceived. The wind also symbolizes emptiness, since it requires a large space. This interpretation of the wind is also negative («veter v golove»). Negatively, the wind is interpreted as a phenomenon dictating to a person a certain direction of movement, requiring movement in a certain direction («otkuda veter duet»). Positive perception of the wind is less common, in this case such qualities as freedom, speed, strength («svobodnyy kak veter») are actualized. Stereotype ideas about the wind in Russian linguoculture are related, in the author's opinion, to the constant interaction of the Russian people with the wind, dependence on it, the influence of the wind on the harvest, the formation of well-being and, in general, life.

Keywords: culture, language, linguoculture, linguocultural, Russian linguoculture, stereotypes, wind, stable expressions, stable comparison, phraseology, phraseological units, winged phrase, proverb.

Аннотация. В статье описан анализ устойчивых выражений русского языка (фразеологизмов, устойчивых сравнений, пословиц, крылатых фраз), в которых представлены стереотипное восприятие языковой личностью данного природного явления. Чаще всего обнаруживается негативное восприятие ветра как деструктивного явления. Ветер непостоянен, он не сохраняет ценности, развеивает их. Это сильное явление, динамика которого контрастирует с неспешным ходом человеческой жизни. Ветер символизирует способность человека растратить то, что дано ему (жизнь) или нажито (деньги, материальные и иные ценности). Поскольку данные качества личности в лингвокультуре порицаются, то негативно воспринимается и ветер («пустить на ветер»). Ветер символизирует также пустоту, так как для него необходимо большое пространство. Такая трактовка ветра также отрицательна («ветер в голове»). Негативно трактуется ветер как явление, диктующее человеку то или иное направление движения, требующее движения в определённую сторону («откуда ветер дует»). Положительное восприятие ветра встречается реже, в данном случае актуализируются такие его качества, как свобода, скорость, сила («свободен как ветер»). Стереотипные представления о ветре в русской лингвокультуре связаны, по мнению автора статьи, с постоянным взаимодействием русского человека с ветром, зависимостью от него, влиянием ветра на урожай, формирование благосостояния и в целом на жизнь.

Ключевые слова: культура, язык, лингвокультура, лингвокультурный, лингвокультурологический, русская лингвокультура, стереотипные представления, ветер, устойчивые выражения, устойчивое сравнение, фразеология, фразеологизмы, крылатая фраза, пословица.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Лингвокультурный анализ языковых явлений способствует выявлению культурных особенностей нации, её истории и традиций, отражённых в языке. Как отмечает М. Н. Крылова, «наследование традиций — это признак культуры, без традиций культуры нет» [1, с. 56], а отражаются традиции в первую очередь в системе языка, его семантике и структуре. В текстах, созданных человеком, по мнению А. А. Беляцкой, проявляются языковые способности человека, а лингвокультура представляет собой высший этап «языковой эволюции» личности [2, с. 69]. Устойчивые единицы, фразеологизмы в этом отношении представляют собой богатейший материал, концентрирующий и закрепляющий исторически сформиро-

ванное представление народа, этноса о том или ином явлении.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Стремясь взглянуть на фразеологию как способ трансляции культуры многие исследователи. Ж. В. Кургузенкова анализирует сквозь призму фразеологии культуру франкоязычного мира [3]. Ли Ли рассматривает концепт «Дом», представленный в русской фразеологии [4]. В. Р. Никогосова выявляет во фразеологии русского языка отражение традиционной культуры [5]. А. О. Рахимгалиева считает, что во фразеологии представлена национальная

культура народа [6]. Фразеологизмы рассматриваются как отражение архетипов языкового сознания этноса [7], как языковые единицы, имеющие лингвокультурологические и лингвострановедческие источники [8], как знаки, актуализирующие символический и мифологический аспекты культуры [9], как многокомпонентные единицы, каждая часть которых — элемент русской языковой картины мира [10] и т.п.

Формирование целей статьи. Цель статьи — рассмотреть сквозь призму фразеологии стереотипные представления о ветре, связанные с культурой русского народа, его традициями. Основным источником языкового материала (устойчивых выражений с лексемой «ветер») послужил «Фразеологический словарь русского языка» А. Н. Булыко [11], кроме того, привлекались сборники «Пословицы русского народа» В. И. Даля [12], «Большой словарь цитат и крылатых выражений» К. В. Душенко [13] и другие лексикографические источники. Для оценивания специфики использования фразеологизмов с компонентом «ветер» в современном русском языке применялись данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [14].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Репрезентация ветра в языке регулярно привлекает внимание лингвистов. Фразеологизмы с компонентом «ветер» в русском и английском языках анализирует К. Л. Фёдорова [15]. Подходят к ветру в когнитивной ключе и рассматривают реализацию концепта «Ветер» на материале фразеологии разных языков М. С. Ким [16], Ю. Е. Ломоносова [17], Я. Лю [18] и др. Однако остаются невыясненными те качества ветра, которые проявляются в семантике фразеологических единиц (ФЕ) и отражают культурные и исторические реалии существования русского народа, восприятие им ветра как явления.

Лексема «ветер» является структурным компонентом нескольких ФЕ русского языка. Фразеологизм «бросать (бросить) на ветер» во фразеологическом словаре трактуется как имеющий семантику 'тратить (потратить) зря, безрассудно (о деньгах, состоянии, имуществе)' [11, с. 25]. В качестве его синонимов указаны сочетания «кидать (кинуть) на ветер», «пускать (пустить) на ветер» и «швырять (швырнуть) на ветер». Как видим, они отличаются только глагольным компонентом, определяющим смысловой или стилистический оттенок фразеологизма — разговорный (*кидать*), устаревший (*пускать*) и значение интенсивности в сочетании с разговорным оттенком (*швырять*). Есть ещё один фразеологизм, схожий с приведённым выше и являющийся доминантой аналогичного синонимического ряда: «бросать (бросить) слова на ветер». Его

синонимы: «кидать (кинуть) слова на ветер», «пускать (пустить) слова на ветер» и «швырять (швырнуть) слова на ветер». Его семантика — 'говорить (сказать) впустую; опрометчиво обещать (пообещать) и не выполнять (не выполнить) обещанного' [Там же]. Данная ФЕ более конкретна по смыслу и характеризует не действие вообще, а вербальное действие, негативно воспринимаемое носителем языка как не имеющее положительных последствий.

В словаре зафиксировано также усечённое устойчивое сочетание, образованное от данных ФЕ. В нём сохраняется только компонент «ветер»: «на ветер» 'впустую' [11, с. 234]. Например: «90% твоего труда, нервов и усилий идут на ветер» (Л. Вертинская. Синяя птица любви). Мы видим здесь адвербиализацию — превращение сочетания в слово, так как наречное выражение «на ветер» по своей сути аналогично наречию, только пишется раздельно.

Ветер выступает в семантической структуре приведённых фразеологизмов как субстанция непостоянная, не сохраняющая ценности, уносящая любую вещь бесследно, развеивающая материальные объекты. Это, несомненно, сильный ветер. Данные НКРЯ подтверждают широкое использование данных ФЕ в современном русском языке. На ветер может быть выброшена жизнь: «О её жизни, выброшенной на ветер; о неудаче творца, о разбазаривании такого богатого материала...» (Д. Рубина. Медная шкатулка); деньги: «В дальнейшем это оказались выброшенные на ветер деньги, поскольку эти флоты не сыграли в Первой мировой почти никакой роли» (ж. «Эксперт»); бюджет: «...Если ты думаешь, что я могу выйти замуж за человека, пускающего на ветер семейный бюджет, то ты сильно заблуждаешься» (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают) и т.д. Общая семантика данных фразеологизмов и особенности их употребления в тексте демонстрируют такое качество русского человека, как порицание растрачивания того, что было дано либо достигнуто, — имущества, денег, жизни. Ветер выступает как сильное и объективное обстоятельство, способное повлиять на решения человека, под ветром подразумеваются человеческие пороки (расточительство, мотовство, недалёковидность, глупость, отсутствие коммерческой жилки и т.п.). Символика ветра показывает, что в представлении носителя языка бороться с данными качествами практически невозможно, как невозможно повлиять на стихию ветра, умерить его.

С семантикой мотовства связаны также пословицы с лексемой «ветер», зафиксированные в сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля. Это устойчивые выражения: «На ветер живота не напасёшься, на смерть детей не нарожаешься»; «На ветер мякины не напашешь (или: не напасёшься)»; «Всё пошло на ветер. Всё спустил

и сам сел» [12]. Они семантически и структурно связаны с фразеологизмом «*бросать (бросить) на ветер*», рассмотренным выше, и его синонимами. Ветер в данных пословицах — стихия настолько сильная и деструктивная, что бороться с нею бесполезно. В современном русском языке данные пословицы не используются, а фразеологизм, по-видимому, восходящий к ним, встречается достаточно часто.

ФЕ «ветер в голове бродит» обозначает, что 'кто-либо легкомыслен, несерьёзен' [11, с. 40]. Метафорически это сочетание связано с представлением о настолько пустой голове, что в ней может спокойно дуть ветер, то есть о глупости и недалёковидности человека. В современном языке в структуре фразеологизма произошло усечение глагольного компонента, и устойчивое сочетание употребляется в виде «ветер в голове», используя для характеристики человека. Например: «У него ветер в голове и сплошные понты» (ж. «Автопилот»). Можно обнаружить пример, в котором актуализируется внутренняя форма ФЕ, оживляется её значение, а компонент «ветер» начинает пониматься в буквальном смысле: «Что же вас не раздражает это дерево? У него тоже ветер в голове» (ж. «Звезда»).

Ветер связан в приведённом выше фразеологизме с понятием пустоты, с представлением языковой личности о том, что ветер характерен для больших и пустых пространств, не загромождённых, не заполненных какими-либо предметами. Аналогичное качество ветра акцентировано при формировании ещё одного фразеологизма — «ветер свистит в карманах», в значении 'совсем нет денег' [11, с. 40].

Элементы приведённых выше фразеологизмов — «ветер в голове бродит» и «ветер свистит в карманах» — могут контаминироваться, что указывает на сходство семантики данных сочетаний: «Они и доверились: поручики ехали, как на прогулке, вспоминая довоенную жизнь, Ермолаев, наверное, думал о Киеве, Сабуров — вообще мальчишка, ветер свистит в голове...» (С. Баба-ян. Ротмистр Неженцев). Мы видим здесь негативную коннотацию, которую приобретает лексема «ветер» в составе фразеологизмов.

Негативный смысл имеет и фразеологизм «куда ветер дует» с семантикой 'такой, который меняет свои убеждения, применяясь к обстоятельствам из корыстных побуждений' [11, с. 211]. Он используется для характеристики человека, готового скорректировать свои взгляды в зависимости от обстоятельств: «Ты, куда ветер подует, туда и полетишь» (М. Трауб. Не вся la vie). В НКРЯ видим использование данного оборота с ещё одним значением — 'какова конъюнктура, каковы тенденции' «Дурак! Видно же было, куда ветер дует» (ж. «Звезда»). Такое использование встречается даже чаще, чем зафиксиро-

ванное в словаре, с помощью ФЕ указывается на необходимость чувствовать тенденции (опять же негативные), существующие в современной жизни. Фразеологизм с данным значением, зафиксированный в словаре, имеет несколько иную структуру: «откуда ветер дует» и значение — 'на что или на кого следует ориентироваться в своих действиях, поступках' [11, с. 296]. Ему также характерна отрицательная коннотация, семантика догадки говорящего о неблагоприятных мотивах (корыстных, карьерных и т.п.), которыми кто-либо руководствуется, пытается их скрывать, но безуспешно. Например: «Из его записки видно, что он хорошо понимает, откуда ветер дует» (ж. «Знание — сила»).

С ветром сравниваются те или иные явления, в результате чего формируются устойчивые сравнения «как ветер», «как на ветер», причём лексема «ветер» в них, являясь образом сравнения, выражает различные смыслы. Образность может быть основана на представлении о скорости и неукротимости ветра, например, в сравнении «быстрый как ветер» — 'об очень быстром, стремительном и порывистом в движениях человеке' [19, с. 92]; о пустоте пространства, где гуляет ветер: «в голове у кого гудит как ветер в трубе» — 'о пустоголовом, неумном человеке' [Там же]; о свободе ветра и его неподвластности воздействию со стороны человека: «вольный (свободный, свободен) как ветер [в поле]» — 'о совершенно свободном, не связанном никакими обязательствами, делами, заботами человеке' [Там же]. Чаще всего выдвигается на передний план и становится основой образности такое качество ветра, как быстрота, скорость, например, в сравнении «кого, что как (словно, точно) ветром сдуло (сдунуло, смело [с лица земли])», применяющемся, если говорят 'о внезапном и бесследном исчезновении кого-либо, чего-либо' [Там же, с. 93]. Устойчивые сравнения, объектом которых является ветер, активно используются современными носителями языка: «Переодев в зелёный эльфийский наряд, его сонного усадят на коня, быстро, как ветер...» (ж. «Наука и религия»); «Деньги исчезают как ветер. Экономь — не экономь» (А. Геласимов. Год обмана). Устойчивый оборот может распространяться дополнительными лексическими элементами, что оживляет его, придаёт сравнению оригинальность: «Вольные, как ветер в степях, антилопы» (Г. Садулаев. Таблетка).

Лексема «ветер» входит в состав ряда крылатых выражений, используемых в русском языке. Это, например, выражение библейского происхождения: «Кто сеет ветер, пожнёт бурю» [13, с. 173]. Здесь ветер символизирует стихию хотя и сильную, но не являющуюся неукротимой и несущей разрушения. В современном языке данное выражение используется в неизменном виде: «Даже в мыслях преступившего неписанный закон города ждёт кара. Кто сеет ветер — пожнёт бурю. Так и заявил Хромой Батор» (ж. «Сибирские огни»). Видим лексему «ветер»

также в крылатых выражениях литературного происхождения — фразах «Ветер, ветер! / <...> На всем Божьем свете!» их поэмы А. А. Блока «Двенадцать» [Там же, с. 231]; «Разлука для любви то же, что ветер для огня: слабый гасит, большой раздувает» (приписывается различным авторам) [Там же, с. 285], «Над седой равниной моря ветер тучи собирает» М. Горького [Там же, с. 461] и др. Представления о ветре в данных крылатых фразах разнообразны, но более всего акцентируются такие свойства ветра, как вездесущность, сила, неподвластность воздействию со стороны человека. Крылатые слова представляют собой «социокультурный феномен» [20], отражающий реалии культуры и её восприятие социумом.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. В русской лингво-

культуре представлено неоднозначное восприятие ветра. Чаще всего в устойчивых выражениях (фразеологизмах, устойчивых сравнениях, пословицах, крылатых словах) он понимается как негативное явление. Ветер деструктивен, непостоянен, он не может сохранять ценности и способствует их разрушению («*швырять на ветер*»). Ветер связывается в стереотипном восприятии языковой личности со способностью человека утратить то, что дано ему или нажито им, его семьёй («*развезть по ветру*»). Негативно восприятие ветра также в связи с пустотой пространства, в котором он существует («*ветер в голове*»), с его силой, диктующей выбор того или иного направления движения («*откуда ветер дует*»). В то же время встречается позитивное восприятие ветра как явления сильного, быстрого и свободного («*свободен как ветер*»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылова М. Н. Динамика средств выражения категории сравнения в области грамматики: лингвокультурологический аспект // Язык и культура. 2013. № 3 (23). С. 56–63.
2. Беляцкая А. А. Текстовая лингвокультура: методология ноосферного перехода // Ноосферные исследования. 2016. № 1–2 (13–14). С. 69–79.
3. Кургузенкова Ж. В. Особенности культуры франкоязычного мира сквозь призму фразеологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 2004. 18 с.
4. Ли Ли. Фразеология в русской языковой картине мира на примере концепта «ДОМ» с позиции носителя китайского языка и культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 2006. 20 с.
5. Никогосова В. Р. О традиционной культуре во фразеологии русского языка // Вестник Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева. 2009. № 1. С. 144–148.
6. Рахымгалиева А. О. Отражение русской национальной культуры во фразеологии // Новая наука и формирование интегративно-целостного мышления; под ред. С. В. Кузьмина. Казань: ИП Кузьмин С. В., 2017. С. 175–178.
7. Дмитриук Н. В. Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 30–33.
8. Стетюха Н. В. Лингвокультурологические и лингвострановедческие источники фразеологии // Научно-технический прогресс как фактор развития современного общества: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Аэтерна, 2018. С. 194–198.
9. Лапушинская Н. О. Символический и мифологический аспекты соматической фразеологии // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина. 2008. № 4 (21). С. 66–70.
10. Крылова М. Н. Фразеологизмы со значением «радость» в русском языке как элемент русской языковой картины мира // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 23. С. 33–37.
11. Булыко, А. Н. Фразеологический словарь русского языка / А. Н. Булыко. — Минск: Харвест, 2007. — 448 с.
12. Даль В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://vdahl.ru> (дата обращения: 19.08.2018).
13. Душенко К. В. Большой словарь цитат и крылатых выражений. М.: Эксмо, 2011. 1216 с.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 19.08.2018).
15. Фёдорова К. Л. Фразеологизмы с компонентами-метеонимами «ветер» / «wind», «снег» / «snow» в русском и английском языках // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 22. С. 39–41.
16. Ким М. С. Концепт «воды» и «ветра» в английской фразеологии // Евразийский союз ученых. 2014. № 7–7 (7). С. 39–41.
17. Ломоносова Ю. Е. Концепт «ветер» во французском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2008. № 2. С. 61–68.
18. Лю Я. Концепт *ветер* в русском и китайском языках (в лексическом и фразеологическом аспектах) // Наука и современность. 2010. № 5–3. С. 48–52.
19. Мокиенко В. М. Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
20. Абламская Е. В. Крылатые слова как социокультурный феномен // Вопросы. Ответы. Гипотезы: наука XXI век: Сб. научн. докл. Sp. z o.o. «Diamond trading tour». Варшава: Диаманд Трейдинг тур, 2014. С. 7–10.

© Ма Сянфэй ([syam.ma@mail.ru](mailto:syan.ma@mail.ru)).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

THE ROLE OF THE CATEGORY OF ANIMATENESS IN THE ENGLISH AND TATAR LANGUAGES IN THE PROCESS OF INFORMATION TRANSMISSION

L. Malkarbaeva

Summary. The article reveals the category of indirect evidentiality as an important component of indicating the source of information in the process of speech activity. The basis of the work consists of category of animateness used in English and Tatar speech in the process of obtaining information indirectly. The peculiarities of the English and Tatar animated sources of information during the expression of indirect evidentiality are considered. The article contains examples reflecting the main theoretical positions given by the author.

Keywords: evidentiality, indirect evidentiality, information, source of information, category of animateness/inanimateness.

Малкарбаева Луиза Басировна

*К. филол. н., доцент, Казанское высшее танковое командное училище
luiza1206@mail.ru*

Аннотация. Статья раскрывает категорию косвенной эвиденциальности как важный компонент указания источника информации в процессе речевой деятельности. Основу работы составляет категория одушевленности, используемая в английской и татарской речи, в процессе получения информации непрямым путем. Рассматриваются особенности английских и татарских одушевленных источников информации в ходе выражения косвенной эвиденциальности. В статье содержатся примеры, отражающие основные теоретические положения, приведенные автором.

Ключевые слова: эвиденциальность, косвенная эвиденциальность, информация, источник информации, категория одушевленности/неодушевленности.

Источником информации может быть одушевленное, нарицательное, собственное лицо. Передача информации предполагает исполнителя, т.е. обязательное наличие актанта-Агенса, соответствующего на уровне синтаксической структуры высказывания подлежащему, так как рассматриваются преимущественно предложения действительного залога. Актант субъектного типа определяет источник информации. Актант-Агенс должен быть потенциально готов индивидуализировать и присвоить действие по передаче информации, обозначенное предикатом. Актант должен обладать определенными характеристиками субъектного типа для образования ситуации передачи сообщения. Одним из базовых условий для передачи информации как выражения косвенной эвиденциальности является указание на источник информации. Безусловно, к важным источникам информации относится одушевленное лицо.

Категория одушевленности/неодушевленности — понятийная категория, отражающая разделение человеком окружающего мира на живое и неживое. Она получает двойное выражение в языке — лексическое и грамматическое; в семантическом аспекте одушевленность является номинативной категорией [2, с. 342]. Одушевленные имена существительные обозначают живых существ, наделенных способностью двигаться, совершать действия, чувствовать. Одушевленности свой-

ственны такие признаки, как социальная активность/пассивность; взрослость/невзрослость; пол. Степень выраженности одушевленности в языках различна.

В современном английском языке одушевленными являются только наименования людей [4, с. 28]. В классической грамматике татарского языка утверждается, что «одушевленность-неодушевленность в именах существительных не определяется, такое деление не имеет грамматической зависимости» [5, с. 20]. В татарском языке нет категории рода, который мог бы косвенно указывать на одушевленность. Различие по полу чаще всего выражается лексическими средствами и остается на уровне семантики [5, с. 20].

Род имен существительных в английском языке определяется не формой, а его значением [3, с. 6]. В древнеанглийском языке было 3 рода — мужской, женский и средний. Впоследствии, в результате разрушения системы склонения имен, различия в родах исчезли. Категория рода в английском исчезла окончательно уже к концу среднеанглийского периода. Чаще всего естественный пол вообще не выражается; такие слова как *student, teacher, doctor, friend* обозначают имена как мужского, так и женского пола [1, с. 30].

В английском и татарском языках одушевленность выражена в вопросительных местоимениях при отсутствии

ее формального выражения в существительных, *who/what* и *кем/нәрсе*, хотя она не отражается на уровне личных местоимений (например, в английском языке имеется личное местоимение *it*, выражающее неодушевленность).

Значение одушевленности может включаться в более широкое понятие «активности». К активным именам существительным относится и ряд неодушевленных, обозначающих объекты, способные двигаться (*train*) или производить изменения в объектах, например, явления природы (*The wind blows the clouds*). Важность категории одушевленности возросла в современной синтаксической теории и типологии, где используется понятие иерархии (шкалы) одушевленности, т.е. предпочтения одушевленных имен для определенных синтаксических функций, например, подлежащего. Известна трактовка одушевленности как одного из конструктивных признаков активного строя. В настоящей работе интерес представляет речевая деятельность как один из аспектов одушевленности. Имена одушевленные в роли подлежащего функционируют с речевой деятельностью как условием доминирования в презентации ситуаций передачи сообщения.

В нашем случае имя существительное всегда будет исчисляемым, остальные категории (род, число, падеж) будут зависеть от структуры предложения.

(1) *The bank's chairman* told the shareholders that paying a zero bonus was not an option / Председатель банка рассказал акционерам, что платить нулевой дополнительный дивиденд — это не альтернатива (Crotts R. Business bulletin // Atlanta Journal Constitution, 2012. P. 11).

(2) *Классик* эйткәнчә, барлык бәхетле гаиләләр бертөсле бәхетле, һәрбер бәхетсез гаилә үзенчә бәхетсез / Как сказал классик, все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастная семья несчастна по-своему (Хаертдинова И. Эниләр арака эчмәсен иде <http://www.menzela.ru/ru/component/k2/item/2364-%D3%99nil%D3%99r-araki-echm%D3%99sen-ide.html>).

Также источником информации может быть неодушевленное, нарицательное и собственное лицо. Речь идет об идентификации представителя, выступающего от имени организации, с названием самой организации или о других носителях информации — с сайта, из буклета, из пресс-релиза.

Одушевленные источники информации могут быть не только конкретными, но и анонимными. К анонимным относятся неидентифицированно-частные, общегрупповые и собирательно-собственные источники.

Неидентифицированно-частный — это неконкретный типичный представитель. Это, безусловно, одушевлен-

ное имя существительное, которое часто является анонимным источником информации и используется в различных контекстах. Но при этом необходимо отметить, что данный источник не всегда можно отнести к надежным и достоверным, поскольку здесь конкретное лицо не указано.

(3) *One employee* on Oct. 30 told an outside firm that was reviewing MF Global's books that the brokerage firm was worried about a shortfall earlier in the week, according to one of the people involved in the conversation / 30 октября один служащий рассказал другой фирме, что брокерская фирма беспокоилась о дефиците книг компании MF Global в начале недели, ссылаясь на одного человека, который участвовал в разговоре (Ahmed A., Protes B. // New York Times.2012.P.1).

(4) Бер артист эйткәнчә, жылы якка барып ял итеп кайту гомерне озайта / Как сказал один артист, поездка на отдых в теплые края продлевает жизнь (<http://tamasha.ru/news/284>).

Общегрупповые составляют определенную по какому-либо признаку группу, неконкретную по составу.

(5) National police told Sky TG24 that Italy's « best investigators « had been dispatched to Brindisi / Национальная полиция рассказала каналу Sky TG24, что «лучшие исследователи» Италии были отправлена в Бриндизи (D'emillio F. Bomb kills 1 student, wounds 7 in Italy // Associated Press. 2012).

(6) *Straw votes*, which have recently been taken in the New York campaign, indicate that Mr. Hearst will be badly beaten / *Предварительное голосование*, которое было недавно проведено в Нью-Йоркской кампании, показывает, что мистер Херст будет побежден (Daily Chronicle, October 24, 1906).

(7) АКШ департаменты хисабында Краснодар мөселманнары турында да эйтелә / В отчете департамента США говорится также о мусульманах Краснодара (Жәмәгать судлары кирәкме, юкмы? // Безнең гәжит. 2009. № 9).

(8) *Дәүләт Советы секретариаты* хәбәр иткәнчә, Виктор Бударин аңа үзе биләгән вазыйфадан азат итүен сораган / По сообщениям *секретариата Государственного Совета*, Виктор Бударин попросил освободить от возложенных на него обязанностей (<http://tat.tatar-inform.ru/news/2013/10/09/90638/>).

Собирательно-собственные источники представляют неопределенную группу. Она подразумевает, прежде всего, местоимения, выраженные неисчисляемыми и исчисляемыми существительными во множественном числе. Они употребляются для указания

на неопределенные или неизвестные лица. Например, местоимение *all*, в нашем случае, употребляется вместо одушевленного существительного и сочетается с глаголом во множественном числе и выступает в качестве подлежащего. В татарском языке ему соответствует местоимение *бөтенесе*

(9) *All told, 13 of Farragut's ships would make it upriver beyond the two forts and continue on to New Orleans to force its surrender / Все говорили, что корабли Фаррагута поплывут вверх по реке вдали от фортов и направятся к Новому Орлеану, чтобы оказать давление на его капитуляцию (This Week in the Civil War// Associated Press.2012).*

(10) *All told, the companies employ a total of about 70 people, at wages of \$10 to \$12 an hour / Все говорили, что компании нанимают в целом около 70 людей с зарплатой 10–12 долларов в час (Kaysen R. Food Start-Ups Find a Home in Brooklyn// New York Times, 2012. P. 2).*

(11) Менә болар *бөтенесе* аңа бу йортка килеп йөрү һәм үз кеше булу хокукын турында сөйләделәр / Вот *все* они сказали ему о том, что он вхож в этот дом и он в нем свой человека (<http://gabdullatukay.ru/index>).

[php?option=com_content&task=view&id=2049&Itemid=143](http://www.tuntarem.narod.ru/kitap/7-569-634.doc)).

(12) *Бөтенесе* бик мөһим задание тапшырылуын әйттеләр / *Все* сказали об очень важном поручении задания (www.tuntarem.narod.ru/kitap/7-569-634.doc).

Таким образом, косвенная эвиденциальность предполагает лицо или группу лиц источниками информации. Имена существительные в английском и татарском языках, являющимися данными источниками, имеют ряд постоянных, неизменных категорий. Одной из них является категория одушевленности / неодушевленности. В обоих языках категория одушевленности является фактором репрезентации источников информации на основе признака способности к речевой деятельности. Рассмотренные нами примеры показывают, что используемые теоретические положения полностью подтверждаются практикой применения групп имен существительных как в английском, так и в татарском языках. Имена существительные, которые выступают как источники информации в английском и татарском языках являются конкретными, собственными, исчисляемыми и одушевленными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С., Штеллинг Д. А. Грамматика английского языка. — Москва: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1960. — С. 30.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. — С. 342.
3. Качалова К.Н., Израилевич Е. Е. Практическая грамматика английского языка. — Киев: Методика, 2003. — Т. 1. — С. 6.
4. Левицкий Ю. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебное пособие. — Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2004. — С. 28.
5. Татарская грамматика / Под ред. М. З. Закиева. — Казань: Татарское книжное издательство, 1993. — Т. 2. — С. 20.

© Малкарбаева Луиза Басировна (luiza1206@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанское высшее танковое командное училище

ГЛАГОЛЫ В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ КОСВЕННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Малкарбаева Луиза Басировна

К. филол. н., доцент, Казанское высшее танковое
командное училище
luiza1206@mail.ru

THE VERBS IN THE ENGLISH AND TATAR LANGUAGES USED FOR INDIRECT EVIDENTIALITY IDENTIFICATION

L. Malkarbaeva

Summary. The article reveals the category of indirect evidentiality as an important component of indicating the source of information in the process of speech activity. The aim of the study is the comparative investigation of kernel and peripheral verbs of English and Tatar languages in the process of obtaining information indirectly. The method of continuous sampling from English and Tatar Newspapers, magazines, fiction and educational literature extracted illustrative material in which we examined the peculiarities of these verbs in the process of expressing indirect evidential expression. The study revealed that kernel verb expressing indirect evidentiality in English is «to say», and in the Tatar language — «айту», the peripheral verbs are «to tell», «to talk», «to speak»; сөйләү», «дияү», «хәбәр итү», «танышу» which represent the indirect way of obtaining information.

Keywords: kernel and peripheral verbs; evidentiality; indirect way of obtaining information; the English and Tatar languages.

Аннотация. Статья раскрывает категорию косвенной эвиденциальности как важный компонент указания источника информации в процессе речевой деятельности. Цель работы — сравнительное исследование ядерных и периферийных глаголов английского и татарского языков в процессе получения информации непрямым путем. Методом сплошной выборки из английских и татарских газет, журналов, художественной и учебной литературы извлечен иллюстративный материал, в котором мы рассмотрели особенности данных глаголов в ходе выражения косвенной эвиденциальности. В результате исследования было выявлено, что к базовым глаголам, выражающим косвенную эвиденциальность, в английском языке относится to say, а в татарском языке — айту, к периферийным — глаголы to tell, to talk, to speak; сөйләү, дияү, хәбәр итү, танышу, представляющие не прямой способ получения информации.

Ключевые слова: ядерные и периферийные глаголы; эвиденциальность; не прямой способ получения информации; английский и татарский языки.

Каждый текст содержит определенную информацию. А это означает необходимость выявления средств доступа к ней. Как отмечает Н. Ю. Муравьева, восприятие является способом передачи информации [8, с. 16]. В свою очередь, это определяет категорию эвиденциальности как способ оформления передаваемой информации в узком смысле этого слова.

Анализ основных положений понятия косвенной эвиденциальности изучен посредством обратного истолкования точек зрения, которые представил А. В. Бондарко для категории перцептивности [1, с. 371]. Эти две категории (косвенной эвиденциальности и перцептивности) нам видятся как полярные по значению: с одной стороны, это, прежде всего, эксплицитно функционирующая, факультативная категория, которая выражает определенный тип высказываний и взаимодействует с их коммуникативной и общеинформативной функцией, с другой — это часть высказывания, которая характеризует отношение к действительности не с точки зрения автора высказывания, а иного субъекта. И наконец, они не всегда соответствуют моменту высказывания, не совпадают с коммуникативным центром временного дейксиса.

Очень часто мы видим расхождение во времени между объектом сообщения и сообщаемым моментом: *Она сообщает, что в настоящее время происходит погружение батискафа на глубину.* Единство во времени требует разобщенности в пространстве — сообщаемого факта и момента сообщения. Косвенная эвиденциальность отрицает конкретную процессность. Как правило, говорят о том, что произошло: *Он утверждает, что...* Несколько реже о будущем: *По мнению Андрея, завтра будет солнечно.* И последнее, косвенная эвиденциальность обозначает как минимум две пространственные и временные сферы — момент сообщения и момент сообщаемой ситуации. Непроцессное значение совершенного вида означает завершенность сообщаемой ситуации до момента сообщения: *Люди говорят, что он сбежал.* Иного рода косвенная эвиденциальность — информация о происходящем действии из чужих уст, которая встречается в высказываниях с несовершенным видом: *Говорят, он идет за подкреплением.*

Рассматривая концепцию М. Ю. Григоренко [5] о структуре функционально-семантического поля косвенной эвиденциальности как состоящей из трех микро-

полей, различных по составу (пересказывательности, инференциальности и перцептуальности), в качестве объекта исследования мы сосредотачиваемся на микрополе «Пересказывательность». Микрополе «Пересказывательность» означает репортативный способ приобщения к сообщаемой информации, то есть говорящий выстраивает свою информацию на основании сообщения иного субъекта [5, с. 125]. В этом случае важным является взаимосвязь между высказыванием и ситуацией, которая отражает существующее действие [2, с. 83]. Безусловно, часть речи, которая передаёт денотативное значение действия является глаголом.

В работах многих специалистов [3, с. 177; 4, с. 158–218; 7, с. 228; 9, с. 268–275] глаголы определяются как особый класс лексики. Отличительной чертой этого класса лексики является наличие огромного количества типов глаголов. Как правило, большинство исследователей анализируют глаголы с точки зрения их синтаксических свойств, лексической семантики, сочетаемости. Безусловно, важным и уникальным свойством глаголов является их перформативность, то есть возможность называть действие и в то же время осуществлять его.

Исходя из вышесказанного, актуальность изучения глаголов, обозначающих косвенную эвиденциальность (на примере английского и татарского языков), заключается в необходимости их теоретического осмысления. Исследование этого вопроса, в котором сочетаются единство и многообразие языков нуждается в концептуальном постижении, закономерным образом создает перспективную познавательную ситуацию, объективную необходимость в методологическом оснащении восприятия вопросов, относящихся к данной проблеме, требует от профессионального сообщества пристального внимания, их реалистической интерпретации и обоснованных выводов.

Глаголы информационной семантики относятся к обширному классу лексики. К значительной доле этой группы относятся глаголы — названия речевых актов, которые имеют в своем содержании сему целесообразной деятельности. Кроме того, глаголы речевого действия выражают репортативный способ доступа к информации высказывания. Необходимый актанта для них — Агенс (А). Кроме того, возможны другие типы актанта: Объект (О), Источник (S), Реципиент (R), Тема (Т), Инструмент (I) [8, с. 16]. Исходя из этого, мы и рассматриваем в качестве основной цели настоящей статьи сравнительное исследование глаголов английского и татарского языков, которые используются в выражении категории косвенной эвиденциальности.

Новизна данной работы заключается в определении ядерных и периферийных глаголов, выражающих кос-

венную эвиденциальность, в английском и татарском языках, а также в формировании рейтинга частотности употребления этих глаголов в сопоставляемых языках.

В любом языке имеют место доминантные глаголы, которые, по выражению С.М. Толстой, «своей частотностью и полисемичностью резко контрастируют с остальными единицами словаря *dicendi*» [10, с. 58]. Частота использования доминантных глаголов определяется их способностью замены многих глаголов группы «говорения». Базой прототипической ситуации косвенной эвиденциальности чаще всего является глагол *сообщать*, который несет в себе основную информацию. Обусловленность рассмотрения этого глагола в качестве ядерного связана с тем, что доминантой косвенной эвиденциальности является устная форма непрямого засвидетельствования одушевленным лицом — устное сообщение, представленное глаголами информирования: Момент речи → Сообщать → Конкретная ситуация. Эквивалентами этого глагола в английском и татарском языках являются глаголы *to inform, to report* и *хәбәр итү*:

(1) The delegates *informed* me about what they had discussed beforehand... [12, p. 23] — Делегаты *информировали* меня о том, что они обсудили заранее...;

(2) Researchers *reported* that the moth can sense sound frequencies of up to 300 kilohertz, about 140 kilohertz more than dolphins, known for their keen sense of hearing [15, p. 11] — Исследователи *сообщили*, что моль может ощущать звуковые частоты до 300 килогерц, что примерно на 140 килогерц больше, чем дельфины, известные своим острым чувством слуха);

(3) Яклар проектның төгәл детальләрен берничә атна дәвамında билгеләргә килеште, дип *хәбәр итә* Татарстан Президентның матбугат хезмәте [6, с. 5] — Служба печати Президента Татарстана *сообщила*, что достигнуто соглашение в течение нескольких недель уточнить основные детали защищаемого проекта.

Достаточно широко в английской и татарской речи используются глаголы группы «сообщения», которые выражают косвенную эвиденциальность. В таблице № 1 приведен анализ значений глаголов, которые показывают семантическое соответствие в русском, английском и татарском языках.

Для анализа значений глаголов, проанализированных в таблице № 1, мы использовали газеты («The New York Times» от 20.05.2013, 1.06.2013), «DARELFÖNYN» от 16.05.2013, «Шәһри Казан» от 16.05.2013), художественную и учебную литературу (Th. Dreiser «Sister Carrie», F. Scott Fitzgerald «The Great Gatsby»; S. Campbell «English

Таблица № 1. Семантическое соответствие глаголов, выражающих косвенную эвиденциальность (русский, английский и татарский языки)

Русский язык	Английский язык	Татарский язык
говорить, произносить	to say	әйтү
рассказать, сообщить	to tell	сөйләү, әйтү,
говорить, разговаривать, сообщать	to speak to talk, to communicate	сөйләшү, сөйләнү, әйтү
заявлять, утверждать, объявлять, констатировать, сообщать, анонсировать, оповещать, докладывать, рапортовать, доносить	to declare, to state, to announce, to claim, to maintain, to inform, to report, to express	белдерерү, игълан итү, дөгъва итү, хэбәр итү, белдерерү, маглумат итү, репортаж ясау
упоминать, добавлять	to mention, to add	телгә алу, өстәү
жаловаться	to complain	зарлану
извещать, уведомлять предоставлять информацию	to notify, to assure	белдерү, теркөрү, ышандыру, инандыру
подтверждать	to confirm	раслау
свидетельствовать	to attest, to testify	раслау, танькклау
подчеркивать	to underline	ассызыкклау
замечать, намекать	to notice, to mark, to observe, to allude	игътибар итү, билгеләү, ишарәләү, кинаяләү

for Energy Industry»; Ә. Фәйзи «Тукай») на английском и татарском языках. Мы использовали более 60 предложений, отобранных методом сплошной выборки. В ходе анализа сформирован рейтинг частотности использования глаголов, реализующих косвенную эвиденциальность. Так, глагол *to say* использовался в 35 случаях (55%), *to tell* — 12 (21%), *to speak* — 8 (13%), *to talk* — 7 (11%). В процессе изучения такого же количества предложений с глаголами группы «сообщения» на татарском языке было выявлено, что 29 раз использовался глагол *әйтү* (49%), *сөйләү* — 17 (28%), *хэбәр итү* — 12 (18%), и 5 — на другие глаголы (*таньышу, магълумат бирү*) (5%). Выяснилось, что наиболее частотными являются глаголы *to say* и *әйтү*:

(4) The father, Ilya Itskov, *said* through an interpreter in a phone interview that his son was a perfectionist who would not stop trying to learn a subject — be it a foreign language or windsurfing — until he'd mastered it [16].— Отец, Илья Ицков, *сказал* через переводчика в телефонном интервью, что его сын-перфекционист, который не переставал изучать предмет — будь то иностранный язык или виндсерфинг, — пока не освоит его;

(5) Hanson *said* perhaps she had better go back home for a while [13, p. 27] — Хэнсон *сказал*, что ей лучше вернуться домой ненадолго;

(6) Ул КФУның БДИ буенча Федераль мәгълүмәти системага кушелуы турында *әйтте* [6, с. 4] — Он *сообщил* о присоединении КФУ к Федеральной информационной системе ЕГЭ;

(7) Ул баланың сездә икәнән *әйтте* һәм жинзәнсенә жиберүне бик дәрәс тапты [11, с. 83] — Он *сказал*, что

ребенок был у вас и нашел правильным его отправку к дяде.

В соответствии с приведенным анализом, глагол *to say* имеет 5 базовых значений, на русский язык переводится как 'говорить, сказать, произнести, высказывать какую-то определенную мысль, сообщать'. Как правило, он передает небольшое количество сообщений и используется в предложениях любого типа для предоставления информации (просьбы, советы и т.п.), чаще всего от третьего лица:

(8) But eventually, *he said*, it would allow paralyzed people to communicate, or to control a robotic arm or a wheelchair [16].— Но в конце концов, *он сообщил*, что это позволит парализованным людям общаться или управлять роботизированной рукой или инвалидной коляской.

Как правило, глаголы *to say* не нужен объект, показывающий на собеседника, хотя его наличие допустимо и вводится он предлогом *to*:

(9) The police, on the strength of what he *said* to Michaelis, that he «had a way of finding out,» supposed that he spent that time going from garage to garage, inquiring for a yellow car [14, p. 124].— Полиция, исходя из того, что он *сказал* Михаэлису, что у него,, был способ узнать», предположила, что он провел это время, переходя из гаража в гараж, спрашивая желтую машину.

В татарском языке 6 базовых значений имеет глагол *әйтү*. На русский язык он переводится как 'говорить, сказать, сообщить, высказываться вслух, доносить, пе-

редать. В текстах различных функциональных стилей он может приобретать такие значения как «жаловаться, доносить; звать, призывать, созывать»:

(10) Димэк, безнең үз арабыздан кембер хатабыз турында Мортазага барып *әйткән*,— диде Вафа [11, р. 148].— Значит, кто-то из нашей среды *донес* Мортазе о нашей ошибке,— сказал Вафа.

В ходе выступлений перед большими аудиториями, в процессе общения наедине, а также в разговорной речи может использоваться глагол *әйтү*:

(11) Ахырдан А. Шахов вуз хезмәткәрләренең пропуск режимын бозу очраклары күбәюен *әйтте* [6, с. 5].— В заключение А. Шахов *сообщил* об увеличении нарушений пропускного режима сотрудниками вуза.

Несколько в меньшем объеме в косвенной эвиденциальности используются глаголы *to tell, to talk, to speak; сөйләү, дияү, хәбәр итү, танышу*:

(12) Supposing she, too, wrote him and *told* him that she knew all — that she would have nothing more to do with him [13, р. 111].— Предположим, она тоже написала ему и *сказала*, что все знает — что больше не будет иметь с ним ничего общего;

(13) EIEC statistics are representative of the industry as a whole and *speak* for themselves. 40% of our generating capacity is accounted for the lignite and coal, 25% by gas and 20% is attributable to nuclear energy... [12, р. 24].— Электоральная статистика является репрезентативной для отрасли в целом и *говорит* сама за себя. 40% наших генерирующих мощностей приходится на бурый уголь и уголь, 25% — на газ и 20% — на атомную энергетику);

(14) Финанс эшләре буенча проректор Р. Муллакаева профессор-укытучыларның хезмәт хакы үсеше турында *мәгълүмат бирде* [6, с. 5].— Проректор по финансовой

работе Р. Муллакаева *сообщила* о росте заработной платы профессорско-преподавательского состава;

(15) Административ эшләр буенча проректор — аппарат житәкчесе А. Хашов контроль йөкләмәләренең үтәлеше белән *таныштырды* [6, с. 5].— Проректор по административной работе — руководитель аппарата А. Хашов *ознакомил* с выполнением контрольных поручений.

Особенности в семантике и стилистическом использовании определяют отличия данных глаголов. При этом условием их синонимичности является сходство в употребляемых значениях. Это определенно четко видно в приведенной нами выше таблице. Эти глаголы заменяются глаголами *to say* и *әйтү* в английской и татарской речи соответственно. Объясняется это самым широким спектром их значений и семантической нейтральностью.

Итак, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что анализ фактологического материала в английском и татарском языках демонстрирует, что глаголы с ядерным значением сообщения информации третьим лицом *to inform, to report* и *хәбәр итү* не отличаются частотностью употребления. По частоте употребления превалируют их синонимы *to say* и *әйтү*, для которых данное значение является одним из основных. К базовым глаголам, репрезентирующим косвенную эвиденциальность в английском языке, относится *to say*, а в татарском языке — *әйтү*, которые в сочетании с обстоятельственными словами могут выражать любой акт получения информации репортативным способом. Эти глаголы являются ядерными в выражении косвенной эвиденциальности. Они являются базовой основой речевой деятельности, так как используются для разнообразных трансформаций в соответствии с требованиями контекста. К периферийным мы относим глаголы *to tell, to talk, to speak; сөйләү, дияү, хәбәр итү, танышу*, также указывающие на репортативный способ оформления информации в высказывании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 736 с.
2. Валгина Н. С. Теория текста. — М.: ЛОГОС, 2003. — 280 с.
3. Вежицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. — 500 с.
4. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М.: Наука, 1993. — С. 158–218.
5. Григоренко М. Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2011. — 211 с.
6. Исхакова Л. 365 көн эчендә 365тән артык хәрәкәт ясап карарга кирәк! // DARELFӨNҮN. — № 27. — 2013. — С. 4–5.
7. Куайн У.В.О. Слово и объект // Логический анализ естественного языка. Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — 392 с.
8. Муравьева Н. Ю. Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 2008. — 23 с.

9. Николаева Т.М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Избранное 1988–1995. — М.: Индрик, 2003. — С. 268–275.
10. Толстая С. М. Славянские параллели в русском *verba* и *nomina dicendi* // Язык о языке. — М.: Языки славянских культур, 2000. — С. 172–185.
11. Фэйзи Э. Тукай. — Казан: ТаРИХ, 2004. — 480 с.
12. Campbell S. English for the Energy Industry. — Oxford University Press, 2009. — 80 p.
13. Dreiser T. Sister Carrie. — New York: Doubleday, 1997. — 624 p.
14. Fitzgerald F. S. The Great Gatsby. — New York: Scribner, 1996. — 170 p.
15. Moir H. M. Extremely high frequency sensitivity in a 'simple' ear // Biology Letters. — 2013. — № 9 (4). — P. 11–14.
16. Segal D. This Man Is Not a Cyborg. Yet // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2013/06/02/business/dmitry-itskov-and-the-avatar-quest.html> (дата обращения: 16.08.2017).

© Малкарбаева Луиза Басировна (luiza1206@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанское высшее танковое командное училище

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ЯЗЫКА HEN LLINGE

SEMANTIC PECULIARITIES OF ARTIFICIAL LANGUAGE HEN LLINGE

**A. Moiseenko
A. Baskova**

Summary. The article is devoted to the study of semantic peculiarities of artificial language Hen Llinge by means of which ancient peoples of elves communicate in the book series «The Witcher» written by a Polish fantasy writer Andrzej Sapkowski. The purpose of the article is to find out the characteristics of paradigmatic lexical groups in this language. The scientific novelty of the research consists in the analysis of the thematic groups, synonymic sets and antonymic pairs according to the main parameters of the similar lexical groups in real languages. It has been found out that lexical system of the A. Sapkowski's language is characterized by thematic groups representing phenomena of the world around in the fabulous universe; two and three member synonymic sets, contradictory and coversive antonyms.

Keywords: artificial language; thematic group; synonymic set; the dominant synonym of the synonymic set; antonymic pair; contradictory antonym; conversive antonym.

Лингвоконструирование языков художественных произведений существует уже на протяжении двухсот лет. Популярность Джона Рональда Руэла Толкина положила начало изобретению множества искусственных языков и способствовала их широкому распространению. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления роли искусственного авторского языка в конструировании вымышленных миров в художественных произведениях. Лексика играет в этом процессе ключевую роль, поскольку она дает названия природным явлениям в создаваемом автором мире, способствует формированию социальных групп персонажей, которые могут быть объединены общим ремеслом, целями своей деятельности, происхождением [9].

Научная новизна исследования заключается в выявлении схожих с естественными языками особенностей организации лексики в тематические группы, синонимические последовательности и антонимические пары.

Выдвигается гипотеза о том, что лексикон языка Hen Llinge характеризуется наличием парадигматических отношений, что выражается в возможности формиро-

Моисеенко Анна Валерьевна
К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Череповецкий
государственный университет»
anna.moiseenko@mail.ru

Баскова Анастасия Андреевна
ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный
университет»
anastasiya_basko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению семантических характеристик вымышленного языка Hen Llinge, на котором разговаривают древние народы эльфов в произведениях цикла о Ведьмаке польского писателя-фантаста Анджея Сапковского. Цель настоящего исследования состоит в определении особенностей формирования парадигматических объединений лексики в указанном языке. Новизна работы заключается в проведении анализа тематических групп, синонимических рядов и антонимических пар по основным параметрам подобных групп лексики в реальных языках. Выявлено, что лексическая система языка А. Сапковского характеризуется наличием тематических групп, отражающих реалии окружающей действительности вымышленного мира; двучленных и трехчленных синонимических рядов, контрадикторных и конверсивных антонимов.

Ключевые слова: искусственный язык, тематическая группа, синонимический ряд, доминанта синонимического ряда, антонимическая пара, контрадикторный антоним, конверсивный антоним.

вания тематических групп различной продуктивности, внутри которых лексемы объединяются в синонимические ряды, отражающие значимые понятия и процессы для носителей этого языка; и в антонимические пары, представляющие различные типы противоположности.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении характеристик тематических групп, синонимических рядов и антонимических пар в эльфском языке Hen Llinge Анджея Сапковского — польского публициста и писателя, создателя фэнтезийной саги «Ведьмак». Следует уточнить, что уровни таких языков, как правило, являются незаконченными [4], поэтому гипотеза о формировании в таких языках тематических групп лексики, включающих синонимические и антонимические лексемы, нуждается в проверке. Для достижения заявленной цели решаются следующие задачи: 1) сформировать тематические группы лексики на материале выбранного языка и определить их продуктивность; 2) в рамках тематических групп сформировать синонимические ряды и антонимические пары; 3) определить особенности их структурной организации.

Практическая ценность работы заключается в возможности применения результатов и выводов в научных

исследованиях, связанных с дальнейшей разработкой теории изучения семантических аспектов вымышленных авторских языков и в возможности уточнения словарных статей в глоссариях эльфского языка А. Сапковского в игровом коммуникативном пространстве.

Материал исследования насчитывает 709 лексических единиц, собранных методом сплошной выборки из двух электронных словарей *Hen Llinge* или Старшей Речи [8], [10].

В работе применяются следующие методы: 1) метод социолексикографического анализа словарных статей, дефиниций и помет для раскрытия значения лексических единиц вымышленного языка и выявления доминант синонимических рядов; 2) метод описательного анализа для характеристики особенностей формирования синонимических рядов и антонимических пар; 3) прием количественного анализа для определения продуктивности тематических групп в сопоставляемых языках.

Перейдем к краткой характеристике ключевых понятий.

Сегодня существует большой перечень искусственных языков, функционал которых по мере усложнения окружающего мира расширяется [12], цели их конструирования становятся более разнообразными: совершенствование человеческого мышления, познание окружающего мира, помощь в коммуникации между людьми, воплощение творческих идей автора [6], формирование социолингвистического контекста в художественных произведениях [11].

В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило приводится две трактовки понятия «**искусственного языка**».

В первом случае искусственный язык трактуется как система, разработанная для использования в тех сферах, где не представляется возможным применить естественные языки. Второе определение, являясь более узким по отношению к первому, описывает искусственный язык как подсистему или модификацию естественных языков, которые характеризуются целенаправленным и сознательным воздействием человека на их формирование [1]. Далее в лингвистической литературе предлагается классификация искусственных языков: 1) вспомогательные языки (*Auxlangs*), предназначенные служить в качестве международных искусственных языков; 2) вымышленные языки, которые включают — фантастические языки (*Artlangs*), придуманные авторами литературных, кинематографических произведений и компьютерных игр; и личные языки (*Personal languages*), сконструированные отдельными авторами или группами авторов «для собственного удовольствия», которые предлагается называть «авторскими языками» [7, с. 11].

Под искусственным языком в настоящем исследовании понимается знаковая система, разработанная автором с целью создания уникального мира в художественном произведении (романе, фильме). Так, вымышленный язык **Hen Llinge** или **Старшая Речь** является искусственным языком, созданным Анджеем Сапковским как магический язык героев его произведений — эльфов и нимф.

В авторских искусственных языках выделяются схожие с естественными языками парадигматические группы лексики: 1) **тематическая группа** — совокупность лексем, обозначающих близкие понятия и объединяющихся в группу согласно таким критериям, как связи между предметами, обозначаемыми этими словами; наличие семантических отношений между словами и соотносимые контексты [2]; 2) **синонимический ряд** — совокупность лексических единиц одной части речи с полностью или частично совпадающими значениями, выстраивающихся вокруг нейтральной леммы с наиболее широкой сочетаемостью [5]; 3) **антонимическая пара** — леммы одной части речи с противоположными значениями, отражающие противопоставленные положения фактов, законов и отношений [3].

Тематическая, синонимическая и антонимическая лексика в искусственном языке Hen Llinge. Лексическая система языка *Hen Llinge* представлена 709 лексемами: из них 417 существительных, 59 прилагательных, 104 глагола, группа из числительных, предлогов и местоимений насчитывает 129 лексем.

В анализируемом языке выделены следующие тематические группы лексики: «Социальные положения» (*Aen Saevherne* — вэдун, *baintreach* — вдова, *baiste* — мастер, *athair* — отец, *cared* — воин); «Флора и фауна» (*aevell* — трава, *ahorn* — клен, *ainmhi* — животное, *blathanna* — цветочный); «Военное дело» (*benn* — рана, ранение, *beadowanth* — поле битвы, *breost'net* — кольчуга, *brynne* — латы, *aebrecad* — атаковать); «Магия» (*efir* — аура, *gebo* — дар, *ige* — телепорт, *benzen* — предвещать, предчувствовать, *mean* — заклинание); «Монстры» (*sell* — краснолюд, *mantihea'er* — мантихор, *ughern* — сколопендроморф, *weder'candel* — монстр). Приведем данные по продуктивности сформированных тематических групп: «Социальные положения» — 30,6%, «Флора и фауна» — 27,6%, «Военное дело» — 25,5%, «Магия» — 8,7%, «Монстры» — 7,6%.

Тематическая группа «Социальные положения» характеризует уклад жизни героев, формируя социальные группы согласно разнообразным социальным параметрам — роль в семье, род деятельности или ремесло. Наличие тематической группы «Военное дело» указывает на военное положение как одну из основных черт описываемого мира, в котором война идет между расами,

между государствами и землями. Лексика, называющая сказочных существ и описывающая магические обряды, используется автором для представления основных видов деятельности героев вымышленного мира, в котором особое значение имеет сила природных стихий и магии.

Для лексической системы данного искусственного авторского языка характерны явления синонимии и антонимии.

В лексической системе языка Hen Llinge в группе существительных сформировано 32 синонимические пары и 5 синонимических рядов, в группе прилагательных — 5 синонимических пар и 2 синонимических ряда, в группе глаголов — 10 синонимических пар и 3 синонимических ряда. Как и в естественных языках, достаточно частотным является родо-видовой тип синонимии: 1) *on 'hierd* — охотник, *vatt 'gern* — ведьмак; 2) *mess* — знак, *run* — руна; 3) *minteoir* — предатель, *an 'givare* — доносчик; 4) *snech* — книга, *morc* — сборник, *taedh 'morc* — поэтический сборник; 5) *meabdh* — поле, *beadowanth* — поле битвы.

Наиболее продуктивной в языке Hen Llinge является группа синонимических рядов с именами существительными, второй по продуктивности и объему — группа синонимических рядов с глаголами, а третьей — группа синонимических рядов с именами прилагательными. Существенной особенностью является тот факт, что в языке Hen Llinge число синонимических пар с именами существительными, прилагательными и глаголами превышает число рядов. С одной стороны это говорит, о наличии вариативности в вымышленном языке, что сближает вымышленный язык с естественным. С другой стороны, в естественных языках формируются объемные и открытые синонимические последовательности, тогда как синонимия в лексической системе вымышленного языка является стабильной, закрытой и менее вариативной.

В лексической системе анализируемого искусственного языка выявлены такие типы антонимов, как контрадикторные и конверсивные. Приведем примеры контрадикторных антонимов (32 существительных, 8 прилагательных, 14 глаголов): *wer* — мужчина, *beanna* — женщина; *eveigh* — бессмертный, *marbh* — мертвый; *gi 'beran* — рождать, *cwelle* — убивать; конверсивные антонимы (2 существительных, 26 глаголов): *aeldra* — болезнь, *berkana* — исцеление; *teacht* — при-

ходить, *aedwiim* — уходить; *aebrecad* — атаковать, *aetess* — отступить. Очевидно, что в изучаемом языке преобладает контрадикторная антонимия, что определяется сюжетной линией произведения и наличием ярко выраженного противопоставления злых и добрых сил, жизни и смерти, понятий дружбы и вражды. Отсутствие градуальных антонимов также является значимой характеристикой лексической системы вымышленного языка, поскольку достаточно ограниченный вокабуляр этого языка не способствует формированию антонимических последовательностей с включением лексем, обозначающих постепенное изменение признака.

Таким образом, в авторском искусственном языке Hen Llinge представлены синонимические единицы, контрадикторные и конверсивные антонимы, объединяющиеся в тематические группы, которые отражают реалии вымышленной вселенной и основные виды деятельности ее героев в произведениях А. Сапковского: непрерывающиеся военные действия, ценности и разнообразие рас. Синонимические отношения в указанных языках представлены синонимическими рядами и парами, при этом продуктивность синонимических объединений с доминантами существительными является наибольшей, что соответствует основной функции, выполняемой этими единицами — наименованием сказочных существ, растений, животных, типов орудия. Синонимия функционирует в основном в синонимических парах, что говорит о небольшой степени вариативности лексической системы этого языка. Антонимические отношения в описываемом языке характеризуются наличием антонимических пар разной частеречной принадлежности, которые соответствуют параметрам двух типов противоположности — контрадикторной и конверсивной. Указанные типы противоположности в полной мере отражают основные характеристики лексической системы вымышленного языка Hen Llinge — стабильность, закрытость и заверченный характер.

Итак, лексический пласт вымышленного языка А. Сапковского отражает основные характеристики лексической системы реальных языков — формирование парадигматических объединений, а именно тематических групп, синонимических и антонимических пар. Однако, незначительный объем вокабуляра вымышленного языка является ограничением для организации объемных синонимических рядов с включением лексем, принадлежащих различным лексическим стратам, и антонимических объединений с включением срединных членов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2011. 487 с.
2. Кременецкая И. В. Тематическая группа как парадигматическое объединение слов // *Lingua mobilis*. 2009. № 3 (17). С. 94–98.

3. Крылова М. Н. Использование в речи лексических антонимов: удачи и неудачи // Перспективы Науки и Образования. 2014. № 5 (11). С. 140–144.
4. Левшунов Н. Д. Принципы «реконструкции» вымышленных языков (на материале учебных пособий языка Квенья) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 128–131.
5. Новиков Л. А. Синонимы // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 446.
6. Пиперски А. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. М.: Альпина Диджитал, 2017. 158 с.
7. Сидорова М. Ю., Шувалова О. Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М.: 1989.py., 2006. 184 с.
8. Словарь Старшей Речи [Электронный ресурс]. URL: http://www.playground.ru/blogs/witcher_3_wild_hunt/slovar_starshej_rechi-129265 (дата обращения: 14.06.18).
9. Шувалова О. Н. Вымышленные языки в Интернете: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М.: 2006–273 с.
10. Язык эльфов. Старшая Речь [Электронный ресурс]. URL: <http://klann.narod.ru/hobby/elf.htm> (дата обращения: 14.06.18).
11. Barnes L., Heerden C. Virtual Languages in Science fiction and fantasy literature // Language Matters, 2008. Volume 37 (1). P. 102–117.
12. Destruel M. Reality in Fantasy: linguistic analysis of fictional languages. Boston: Morrissey College of Arts and Sciences, 2016. 99 p.

© Моисеенко Анна Валерьевна (anna.moiseenko@mail.ru), Баскова Анастасия Андреевна (anastasiya_basko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Череповецкий государственный университет

МЕСТОИМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ В НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Никитина Елена Александровна

Хакасский технический институт — филиал ФГАОУ
ВО «Сибирский федеральный университет», (г. Абакан)
injaz@inbox.ru

PRONOMINAL ADVERBS IN GERMAN COLLOQUIAL SPEECH

E. Nikitina

Summary. The article is devoted to the study of pronominal adverbs with the first component of *da-*, *hier-*, *wo-* and preposition in postposition. It is noted the representative nature of the analyzed adverbial units. The study is based on the material of German colloquial speech. Due to the indeterminacy of the value of the analyzed adverbial units they are subject to the process of reinterpretation and detect polysemy in colloquial speech.

Keywords: pronominal adverbs, German colloquial speech, representative words, context, polysemy, semantic reinterpretation.

Аннотация. Статья посвящена изучению местоименных наречий с первым компонентом *da-*, *hier-*, *wo-* и предлогом в постпозиции. Исследование проводится на материале немецкой разговорной речи. Отмечается репрезентативный характер анализируемых адвербиальных единиц. Вследствие неопределенности значения анализируемые адвербиальные единицы подвергаются переосмыслению и обнаруживают полисемию в разговорной речи.

Ключевые слова: местоименные наречия, немецкая разговорная речь, слова-репрезентанты, контекст, полисемию, семантическое переосмысление.

В немецком языке наречие, как класс слов, отличается большим разнообразием. Адвербиальные единицы можно рассматривать с семантической и функциональной стороны. Авторы грамматики *Duden* в зависимости от полноточности разделяют наречия на две группы: 1. Абсолютные (автономные) наречия, чье значение не зависит от предыдущих слов или ситуации, например: *gestern*, *bergauf*. 2. Наречия, не автономные по своему значению, чья семантика зависит от предыдущих слов или ситуации, например: *wohin*, *darauf*. Эта группа получила название релятивные (относительные наречия) или «пронаречия». [5: с. 578] Например: *Als sie sich umdrehte, sah sie Weiden und Felder. Sie entdeckte eine Bäuerin, dahinter einen Hirten, daneben einen Hund, in unmittelbaren Nähe dazu eine Schafherde.* [5: с. 589]

В числе «пронаречий» выделяется более узкая группа — местоименные наречия. К этой группе относятся предложные наречия с первым компонентом *da-*, *hier-*, *wo-*: *darauf*, *hierauf*, *wozu*. К предлогам, с которыми могут соединяться компоненты *da-*, *hier-*, *wo-*, относятся: *an*, *auf*, *aus*, *bei*, *durch*, *für*, *gegen*, *hinter*, *in\ein*, *mit*, *nach*, *neben*, *über*, *um*, *unter*, *von*, *vor*, *zu*, *zwischen*. [5: с. 584]

В разговорной речи в местоименных наречиях с компонентом *da* гласная *a* в некоторых единицах подвергается редукции, например: *daran* — *dran*, *darauf* — *drauf*, *daraus* — *draus*, *darin* — *drin*, *darum* — *drum*, *darunter* — *drunter*. В южной и средней частях Германии в разговорной речи употребляются сдвоенные формы: *dadran*, *dadrauf*, *wodrauf*, *wodran*, *hierdrauf*.

Сравним, *Ich habe keine Lust dadrauf*. Такие адвербиальные единицы являются разговорно-окрашенными. [5: с. 587]

В адвербиальных единицах *hiebei*, *hievon*, *hievor* происходит редукция согласного «г», что особенно характерно для южных районов Германии. Наряду с местоименной функцией анализируемые единицы выполняют и репрезентативную функцию. А.Т. Кукушкина подразумевает под репрезентантами слова, которые служат «для представления в новом контексте ранее или позднее названного слова, словосочетания или предложения; репрезентанты могут также соотноситься непосредственно с предметами или явлениями реальной действительности». [1: с. 3] А.Т. Кукушкина выделяет следующие признаки репрезентантов: 1. Обязательная соотнесенность со словами, словосочетаниями или непосредственно с предметами реальной действительности 2. Значение корня-основы характеризуется вещественной неопределенностью. В них отсутствуют номинативные отношения к постоянным предметам, качествам, обстоятельствам. Репрезентанты наполняются значением той лексемы, которую они представляют. 3. Обязательным признаком репрезентантов является наличие контекста или ситуации, так как без них они не получают какого-либо значения. 4. Репрезентанты являются «сократителями речи», поэтому они очень употребимы в разговорной речи. [1]

Разговорная речь всегда стремится к устранению избыточности языковых средств. Характерной особенностью разговорной речи является частое использование

слов-репрезентантов. Вследствие неопределенности значения корня-основы подобные наречия могут иметь локальную, темпоральную семантику или указывать на образ действия. Неопределенность значения анализируемых адвербиальных единиц является решающим фактором для их переосмысления и полисемии в разговорной речи. Большую роль при определении значения данных единиц играет контекст. Например, в зависимости от конкретных языковых ситуаций лексикографические источники фиксируют следующие значения наречия *darum*:

1. Вокруг чего-либо. 2. Указательное значение: *ich bitte dich darum*.

В разговорной речи добавляются и другие значения:

1. В роли уклончивого ответа «потому что; а тебе какое дело»: «Warum fährst du nicht mit?» — «Darum. Das ist meine Sache». 2. а) Ну и ладно, пусть так: *Du hast dich entschuldigt. Sei's drum! Ich will nichts mehr davon hören.* б) Была не была: *Heute wollte ich mir meinen Herzenswunsch erfüllen. Es war keinbesonders bescheidener Wunsch zugegeben. Aber heute wollte ich einmal alle fünf gradesein lassen. Sei's drum!* 3. *drum und dran* — а) все прочее: *Ich bin fest überzeugt, dass er unschuldig ist, aber was drum und dran hängt, erregt doch Aufsehen.* б) вокруг да около. 4. *alles, was drum und dran ist (hängt)* — все, что с этим связано. 5. *drum herum reden* — говорить обиняками. [4]

В разговорной речи наречия *dabei, dafür, dahinter, damit, danach, daneben, daran, darüber, darunter* наряду с местоименным наполняются самостоятельным значением. Например, в ходе метафорического переосмысления наречие *daneben* в сочетании с глаголом *sein* обнаруживает новый семантический оттенок «*verwirrt sein, sich unwohl fühlen*». Например: *Er ist ganz schön daneben*.

В разговорной речи сему качественного прилагательного приобретают и другие местоименные наречия. Например, лексикографические источники фиксируют значение наречия *drauf* в разговорной речи как «быть в состоянии наркотической эйфории». [4] Наречие *dabei* в разговорной речи обнаруживает значение «полный, упитанный», например: *gut dabei sein*.

Сложные адвербиальные единицы с компонентом *da* в препозиции обнаруживают в разговорной речи полисемию. Так, например, семантическое переосмысление наречия *dahinter* происходит на базе основного локального признака. Сравним: *Ich weiss nicht was eigentlich dahinter steckt (= was der eigentliche Grund dafür ist); endlich kam es dahinter (= fand ich heraus), was*

sie vorhatte; er redet viel, aber es steckt nicht viel dahinter (= es ist unbedeutend). [5]

Прономинальные наречия *dafür, danach, davon, dazu* обнаруживают в разговорной речи нестабильность словообразовательной структуры. Последние компоненты данных слов могут занимать в предложении дистантную позицию, например: *Da findet er nichts bei. Da hat sie keine Angst vor.* [5: с. 587]

Существуют фразы, близкие к идиоматичным, в которых местоименные наречия расширяют свое значение. Проиллюстрируем это на примерах:

«*Ich fass es nicht!*» *Entgeistert starrte Sprotte ihn an. «Ja, spinnst du denn total?» «Was kann ich denn dafür?» (я что могу сделать), rief Steve beleidigt.*» [8: с. 22]

«*Sprotte, ich weiß, dass du dahinter steckst!*» (за этим стоишь ты). [8: с. 20]

Das musst du wissen, dafür bist du Chemiker (на то ты и химик).

Die Ware ist billig, aber sie ist auch danach (entsprechend).

Er sieht schlecht aus, hat es aber auch danach (getrieben).

Das ist nicht mehr drin (das lässt sich schwer machen).

Das ist noch alles drin (es bestehen noch Aussichten, Möglichkeiten).

Ist denn das, so was drin? (ist das möglich, vorstellbar?) [4]

Наибольшее многообразие значений образует местоименное наречие *daran* (*dran*). Лексикографические источники фиксируют следующие значения данной адвербиальной единицы как разговорные: 1. *da ist etwas dran*: а) в этом что-то есть; б) *ein Defekt ist dran* — тут что-то не в порядке. 2. *gut [schlecht] mit jemandem dran sein* — быть с кем-либо в хороших[-плохих] отношениях. 3. *jemand ist dran [dransten]* — чья-то очередь; *wer ist dran?* — Чей черед? 4. *jemand ist bald dran* — кому-то пришел конец (кто-то должен умереть) 5. *das war schon dran* — это уже было (это мы уже прошли). [4]

Таким образом, прономинальные структуры с предложным наречием в постпозиции являются разговорно-окрашенными. Стилистическую маркированность данные единицы приобретают в результате семантического переосмысления всей словообразовательной конструкции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кукушкина А. Т. Слова типа *worauf, darauf* как одна из групп класса репрезентантов современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1962. — 23с.
2. Левковская К. А., Пророкова В. М. Местоимения и местоимённые слова. — М.: Высш. шк., 1979. — 172 с.
3. Duden, C. Deutsche Universalwörterbuch / C. Duden. — Mannheim, Zürich, 2011. — 2112 S.
4. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.academic.ru/> (дата обращения 09.08.2018).
5. Duden Grammatik //Hrsg. von Dudenredaktion. — Mannheim, Wien, Zürich, Bd. 4, 2006. — 1344 S.
6. Helbig G. Bemerkungen zu dem Pronominaladverbien und Pronominalität // Deutsch als Fremdsprache, 1974, № 4. S. 270–279.
7. Lewkowskaja K. A. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. — М.: Vyssaja skola, 1986. — 318 S.
8. Funke C. Die Wilden Hühner, Fuchsalarm. — Hamburg: Dressler Verlag, — 1998. — 256 S.

© Никитина Елена Александровна (injaz@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Хакасский технический институт

ЯЗЫКОВЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА

LINGUISTIC AND SOCIOCULTURAL FEATURES OF ENGLISH SONGS DISCOURSE

E. Pashkova

Summary. This article is devoted to the study of linguistic and socio-cultural features of the modern English-language song discourse on the material of the texts of rock compositions. The problem of discourse and discursive typology is currently attracting the attention of many domestic and foreign researchers, as the question of the interaction of different types of knowledge and cognitive structures in the communicative process is not yet sufficiently developed. The subject of the study was the linguistic features of these texts, as well as some cognitive and socio-cultural features of the English song discourse.

Keywords: song discourse, rock compositions, cognitive approach, language features, sociocultural features.

Пашкова Елена Александровна

*Аспирант, преподаватель, Самарский
государственный технический университет
virginia457@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию языковых и социокультурных особенностей современного англоязычного песенного дискурса на материале текстов рок-композиций. Проблема дискурса и дискурсивной типологии в настоящее время привлекает пристальное внимание множества отечественных и зарубежных исследователей, поскольку вопрос о взаимодействии различных типов знаний и когнитивных структур в коммуникативном процессе еще недостаточно разработан. Предметом исследования послужили языковые особенности данных текстов, а также некоторые когнитивные и социокультурные особенности англоязычного песенного дискурса.

Ключевые слова: песенный дискурс, рок-композиции, когнитивный подход, языковые особенности, социокультурные особенности.

Данная работа посвящена исследованию языковых и социокультурных особенностей современного англоязычного песенного дискурса на материале текстов рок-композиций. Актуальность данной темы определяется значительной ролью, которую песенный дискурс играет в современной культуре. Новизна заключается в том, что в рамках данной статьи впервые проводится сопоставительный анализ языковых и социокультурных особенностей англоязычного песенного дискурса. Целью является рассмотрение языковой и стилистической специфики текстов англоязычных рок-композиций, а также рассмотрение некоторых их социокультурных особенностей.

Текст песни и ее музыкальное сопровождение оказывают сильное воздействие на сознание реципиента, следовательно, исследование языковых особенностей песенного дискурса позволит получить более полное представление о значимости песен в современной культуре в целом.

Проблема дискурса и дискурсивной типологии в настоящее время привлекает пристальное внимание множества отечественных и зарубежных исследователей, среди которых можно назвать такие имена, как В.И. Карасик [4, 5], Е.С. Кубрякова [6], О.В. Александрова [1], М.К. Бисималиева [2], Т.А. ван Дейк [3].

Дискурс — это не модель для реализации, это еще и источник когнитивных моделей. При анализе таких ка-

тегорий, как референция, пресуппозиция, инференция следует придерживаться следующей когнитивно-деятельностной трактовки: описываются действия участников языкового общения как эффективные аспекты взаимодействия коммуникантов друг с другом, как коллективные действия, которые позволяют распознавать личностно обусловленные смыслы в социальном контексте и с миром отношений между отдельными предложениями и их частями [2, с. 113].

По мнению Т.А. ван Дейка, дискурс в его понимании является единством языковой формы текста, представляет собой вид многостороннего действия, которое определяется как коммуникативный акт [3, с. 135].

Анализ дискурса предполагает разработку новой методики, рассматривающей как грамматико-синтаксический, так и семантико-прагматический аспекты текста, а также контекстуально оправданную интерпретацию каждого высказывания [5, с. 37].

По мнению О.В. Александровой, в дискурс входит мимика, жесты, сама речь и изучается вместе с разными видами и формами понимания жизни [1, с. 167].

Рассмотрим языковые и социокультурные особенности англоязычного песенного дискурса, специфика которого обусловлена историей и культурой англоязычных стран.

Анализируя текст песни «Alexander the Great» группы Iron Maiden мы обнаружили большое количество имен собственных. Используя их в своей музыкальной композиции, автор помогает реципиенту лучше понять смысл песни и то, что он хочет сказать. В тексте песни использованы имена собственные, такие как: Macedonia, Greece, Asia, Persia, Egypt, Babylon, India. Благодаря этим средствам, мы видим, что Александр Великий смог завоевать большое количество стран, был великим царем и полководцем, который сумел завоевать полмира. Благодаря своим многочисленным походам и битвам с великими царями того времени, он подчинил себе большую часть континента.

Также здесь можно увидеть употребление архаичной и диалектической формы местоимения you, которая говорит нам об ушедшей эпохе царствования:

*My son ask for **thyself** another Kingdom, for that which I leave is too small for **thee**.* (Iron Maiden «Alexander the Great»)[7].

«Сын мой, найди для себя другое царство, То, что я оставляю, слишком мало для тебя» В. Украинцев [Там же].

Содержание текста песни свидетельствует о человеке, сделавшего себя самого, прославившего свое имя навечно:

The legend his name was Alexander. (Iron Maiden «Alexander the Great») [7].

«По легенде его звали Александр» В. Украинцев [Там же].

В тексте композиции использована метафора, которая выражает страх и ужас: даже великие люди той эпохи приходили в трепет и ужас, когда упоминалось имя А. Македонского. Метафора ярко выражает отношение автора песни к известной личности, каким был А. Македонский:

He became the Macedon king Alexander the Great, His name struck fear into hearts of men. (Iron Maiden «Alexander the Great») [7].

«Александр Великий Его имя вселяло страх в сердца людей» В. Украинцев [Там же].

Последующий анализ композиции показывает, какие события происходят в мире.

King Darius the third, Defeated fled Persia, The Scythians fell by the river Jaxartes. (Iron Maiden «Alexander the Great») [7].

«Царь Дарий третий Скифы снизился на реке Яксарта» В. Украинцев [Там же].

Дальше мы можем увидеть историю его похода в Азию, где он храбро сражался, как принес западную культуру и стиль жизни, став хозяином Азии. Благодаря своим завоеваниям он не уничтожил другие цивилизации, а дал им возможность самим развиваться:

He would become the master of Asia. (Iron Maiden «Alexander the Great») [Там же].

«Он станет хозяином Азии» В. Украинцев [Там же].

Автор песни показывает слушателю, что Александр пытался принести другим народам христианство, но не грубой силой, а только учитывая желание самого народа:

He paved the way for Christianity. (Iron Maiden «Alexander the Great») [Там же].

«Он проложил путь для христианства» В. Украинцев [Там же].

Его великий поход продолжался. И вместе со своими воинами в зените славы он добрался до Индии. Благодаря эпитетам, которые его восхваляют, мы понимаем, что он был необычным человеком:

Alexander's army line by line, They wouldn't follow him to India, Tired of the combat, pain and the glory [Там же].

«Армия Александра линия за линией, Они не последовали бы за ним в Индии, Уставшие от битв, боли и славы» В. Украинцев [Там же].

В итоге мы видим, как автор песни повествует о смерти великого человека, который умер от обычной болезни в зените своей славы и мощи своего государства:

He died of fever in Babylon [Там же].
«Он умер от лихорадки в Вавилоне» В. Украинцев [там же].

Целью данного фрагмента песенного дискурса необходимо показать и рассказать, каким был Александр Македонский, выразить отношение автора песни к герою.

Автор песни «Heaven Can Wait» показывает нам яркий момент перехода от жизни к смерти, точнее, к бессмертию. Повтор усиливает всю эмоциональность высказывания:

Take my hand, I'll lead you to the promised land Take my hand, I'll give you immortality, Eternal youth, I'll take you to the other side, To see the truth, the path for you is decided (Iron Maiden «Heaven Can Wait») [9].

Меня возьми за руку, приведу я к земле обетованной тебя,
Меня возьми за руку, дарю бессмертие я тебе,

Молодость вечную, возьму я на другую сторону тебя,

Чтобы правду увидеть, путь предreshен для тебя. В. Украинцев [Там же].

В песне «Heaven Can Wait» используется риторический вопрос, который задает лирический герой. Вместе с героем слушатель тоже пытается искать на него ответ. Место событий предполагаемых событий — небеса или ад. Благодаря этому приему автор композиции задается вечным вопросом, куда он попадет после смерти:

*And I'm wondering, if I'll ever be the same again,
Is this in limbo or in Heaven or Hell? [Там же].*

И задаюсь вопросом я, буду ли когда-нибудь я прежним?

Это Чистилище или Рай или Ад? В. Украинцев [Там же].

Автор хочет показать, что герой может внезапно оказаться совсем в другом месте — на земле и почувствовать свое возвращение из иного мира:

I feel myself floating back down to Earth [Там же].

Чувствую я, что плыву я к Земле назад, В. Украинцев [Там же].

Автор говорит о неприятии смерти, сравнивает ее со сном; повтор помогает усилить эмоциональную окраску этого неприятия и отторжения:

*This isn't real, this is only a dream,
I lie asleep in the midst of a dream [Там же].*

Не реально это, просто сон это,
Я спящий лежу, и сон мой это. В. Украинцев [Там же].

Множество отрицательных конструкций усиливают напряженность отказа от смерти, неспособность смириться с тем фактом, что этот момент неминуем:

Never, can't, don't, not gonna [Там же]

Автор песни «Dream of Mirrors» посредством риторического вопроса подчеркивает элементы содержания, связанные с мечтами, их яркостью и живостью:

Don't know why I feel this way, have I dreamt this time, this place?

Something vivid comes again into my mind (Iron Maiden «Dream of Mirrors»)[8]

Не знаю я, почему это чувствую — мне снилось уже время это? Место это?

Опять в памяти вспыхивает яркая картинка. Д. Бочков [Там же].

Автор демонстрирует надежды героя. Повтор фразы подчеркивает положительный исход для лирического героя:

All my hopes and expectations, looking for an explanation

Have I found my destination? I just can't take no more

The dream is true, the dream is true [Там же].

Все надежды мои и ожидания, объяснения поиски-

Нашёл ли свою цель я? Я этого не вынесу больше...

Реален этот сон, реален этот сон. Д. Бочков [Там же].

Лирический герой показывает слушателю, что потерял голову от переполняющих его чувств, он не знает, живет ли он в настоящем мире или в какой-то новой реальности и подчеркивает данный факт посредством клишированных фраз и вопросительных предложений:

*Something makes me feel I just might lose my mind
Am I still inside my dream? Is this a new reality?*

[Там же].

Что-то мне подсказывает, что могу я с ума сойти.

Может, всё ещё сплю я? Неужели новая реальность это? Д. Бочков [Там же].

Дальше мы сталкиваемся с упоминанием о черно-белых мечтах героя и желании попытаться спасти самого себя от себя, что выражается посредством синтаксического повтора:

I only dream in black and white, I only dream cause I'm alive

I only dream in black and white, please save me from myself [Там же].

Мне исключительно чёрно-белые снятся сны, я сны вижу потому лишь, что я жив.

Мне исключительно чёрно-белые снятся сны, чтобы спастись от самого себя. Д. Бочков [Там же].

Автор при помощи повтора показывает слушателю, что не наступит ужасная ночь, во время которой герой боится заснуть и пустить демонов в свою голову. Благодаря метафоре и клишированной фразе создается эффект того, что исполнитель рок-композиции пускает нас в свой внутренний мир, мы видим эмоциональную связь автора песни и героя:

Scared to fall asleep and dream the dream again

To letting loose the demons deep inside my head [Там же].

Боюсь заснуть опять и увидеть снова этот сон.

С высвобождением моего разума демонов. Д. Бочков [Там же].

Рассмотрим эмоционально-психологические особенности песенного дискурса на примере анализа текста песни «Leave A Scar» Мэрилина Мэнсона. В основе сюжета песни отвергнутая любовь, и лирический герой повествует о своих страданиях. Участники сюжета — герой

и возлюбленная, причем имя ее не указано, поэтому песня может быть воспринята каждым как выражение его собственной боли по отношению к объекту его чувств.

Цель автора песни, показать и дать почувствовать слушателю всю ту боль, которую он испытывает, это достигается употреблением таких эмоционально окрашенных единиц, как *getting hurt, abuse each other; метафор crack in my soul, murder your heart, leave a scar*.

Глубина эмоций подчеркивается множественными повторами, употреблением незаконченных предложений, отрицаниями, усиливающими воздействие на слушателя:

*Whatever doesn't kill you...
It's gonna leave a scar
Whatever doesn't kill you...
It's gonna leave a scar (M. Manson «Leave a Scar»)*

[10].

*Всё, что тебя не убивает,
Оставит шрам
Всё, что тебя не убивает,
Оставит шрам. Д. Бочков [Там же].*

Одним из эффективных средств обращения к слушателю является сравнение. Лирический герой сравнивает себя с револьвером, выпущенной из него пулей, пронзающей сердце отвергнувшей его возлюбленной:

*I'm more like a silver bullet
And I'm like a gun, not easy to hold
I'm moving fast
And if I stay inside your heart
I'm certain that this will be
The end of your life [Там же].
Я больше похож на серебряную пулю
И я — пистолет, который не так-то просто
удержать
Я быстро передвигаюсь,
И если я останусь в твоём сердце
Я определённо уверен,
Что это будет концом твоей жизни. Д. Бочков
[Там же].*

Такое подробное описание выстрела создает живую картину в сознании слушателя, перекликаясь с возможными его собственными душевными ранами и физическими страданиями. Благодаря этому слушатель получает возможность отождествлять себя с лирическим героем песни.

Множественность восприятия метафорических оборотов, таких как *murder your heart*, позволяет лирическому герою прийти к мысли о неистинности чувств, откуда метафора *I'm just painting* как идея «нарисованности» чувств, и в то же время мысль о невозможности

избавиться от чувств, стереть их, реализуемая синонимическими метафорами *I'll be smeared You'll be stained*.

От любого прикосновения остаются пятна на всю жизнь, от которых нельзя избавиться, их можно размазать, пытаться стереть, но ничего не получится.

Дальнейшее развертывание сюжета приводит лирического героя к мысли о том, что эмоционально разбитое раненое сердце способно причинить боль не только себе, но и окружающим его людям. На основе параллелизма формируется антитеза: своя — чужая боль:

*I'm well aware I'm a danger to myself я боюсь себя
Are you aware I'm a danger to others? [Там же]
Я в курсе, что я опасен самому себе
А ты в курсе, что я опасен для других? Д. Бочков
[Там же].*

Рассмотрим различные особенности текста песни популярной американской рок-группы Metallica «Am I Evil». Здесь можно выделить использование автором графических средств, а именно графонов, которые используются в тексте песни:

*Gotta see them, make them pay the price. (Metallica «Am I Evil?») [11]
Заработавшие видят, выбирают, платят цену.
Д. Бочков [Там же].*

Используется такой стилистический стиль, как повтор; автор помогает слушателю лучше понять и прочувствовать всю глубину эмоций, пытаясь понять зло ли это в реальности. Жизненные обстоятельства толкают его на такой извилистый путь и здесь нам помогают риторические вопросы, которые автор задает герою и его попытки найти ответ на них. Также повторы играют огромную роль при раскрытии эмоциональных потрясений, которые были связаны с матерью героя. Мы видим как он пытается отомстить своей матери за неудавшуюся жизнь:

*Am I evil? И я дьявол
Yes I am! да
Am I evil? [Там же].
I am man! Yes I am! Являюсь ли я злым?
Да
Являюсь ли я злым?
Я — человек
Да
Д. Бочков [Там же].*

*My soul is longing for, await my heir
Sent to avenge my mother, sleep myself
My face is long forgot, my face is not my own
Sweet and timely whore, take me home [Там же].
Моя душа очень хочет, дождаться наследника
Посланного, чтобы мстить за мою мать, спящую непосредственно*

Мое лицо трудно забыть, мое лицо не мой собственный

Приятная и своевременная шлюха, возьми меня домой. Д. Бочков [Там же].

При помощи метафор автор показывает слушателю, какие действия не желанны для лирического героя, как обнажается его гордость, как страх заставляет все внутри превращаться в сталь. Герой может потерять голову от эмоций, когда он видит, что его мама погибает, и потом наступает момент, когда чувство ненависти накрывает его с головой по отношению к ней:

*As I watched my mother die, I lost my head
I'll split you to the come, help set you free
On with the action now, I'll strip your pride
I'll spread your blood around, I'll see you ride
Your face is scared with steel, wounds deep and neat
Like a double dozen before ya, smell so sweet [Там же].*

Поскольку я наблюдал, что моя мать умирает, я потерял голову

*Теперь я ищу мести, порвать с моей юностью
Нет никакой возможности, Вы рядом со мной
Я буду раскалывать Вас на кости, помогу освободить Вас. Д. Бочков [Там же].*

Когда автор песни использует грубую лексику, слушатель может попытаться разобраться и услышать крик души отчаяния или ненависти, а может быть беспомощности. Все его эмоциональные потрясения связаны с его матерью. Может отсюда и проявляется его разочарованность в жизни, в людях и, наконец, в самом себе:

*My soul is longing for, await my heir
Sent to avenge my mother, sleep myself
My face is long forgot, my face is not my own
Sweet and timely whore, take me home [Там же].
Моя душа очень хочет, дождаться наследника
Посланного, чтобы мстить за мою мать, спящую непосредственно*

Мое лицо трудно забыть, мое лицо не мой собственный

Приятная и своевременная шлюха, возьми меня домой. Д. Бочков [Там же].

В следующей песне «Ride the Lightning» исполнитель показывает экспрессивность истинных чувств. Как преступник, он подвергается жестокому контролю своей жизни, а потом мы видим, что герой никому не нужен в этом мире. Запах смерти витает в воздухе и окружает его везде, герой пытается осознать, почему такое несчастье случилось с ним, а не с кем-то другим. Его жизнь стала никчемной, и эти отрицательные эмоции выражаются при помощи метафор, незаконченных предложений:

*Guilty as charged,
But damn it, it ain't right.
There's someone else controlling me.
Death in the air.
Strapped in the electric chair
This can't be happening to me.
Who made you God to say
«I'll take your life from you»? (Metallica «Ride the Lightning») [12].*

*Присяжных вердикт — виновен!
Но, чёрт побери, это же бред!
Здесь кто-то другой мою роль исполняет.
В воздухе смерть застыла —
Электрический стул, пристёгнут к нему,
Как могло приключиться такое со мной?!
Кто нарёк тебя богом сказать:
«Я отберу твою жизнь»! М. Макимати [Там же].*

Использование автором метафоры раскрывает глубину эмоций, с которыми связан его жизненный путь, герой ждет знака, который поможет ему избежать смерти:

*Wait for the sign
To flick the switch of death
It's the beginning of the end.
Sweat, chilling cold
As I watch deaths unfold.
Consciousness my only friend.
My fingers grip with fear.
What am I doing here? [Там же].
Сигнал отмашки жду,
Рубильником смерти щёлкнут когда.
Это точка отсчёта конца самого.
В поту, охлаждающем ознобе
Смерти расцвет я наблюдаю;
Лишь сознание моё осталось в друзьях.
Мои пальцы от страха сжались.
Что я делаю здесь? М. Макимати [Там же].*

Мы видим, как герой сравнивает время с рекой, что оно быстротечно и неумолимо, минуты могут показаться часами и наоборот:

*Time moving show,
The minutes seem like hours.
The final curtain call, I see.
How true is this?
Just get it over with.
If this is true, just let it be.
Woken by horrid scream,
Freed from this frightening dream... [Там же].
Нескончаемо тянется время,
Минуты идут словно часы.
Я вижу финальный выход на сцену.
Насколько всё это правда?
Давайте скорее с этим покончим —
Того не минувешь, чему явно быть.*

*С истошным криком очнулся,
Скинул пути кошмарного сна. М. Макимати [Там же].*

Автор показывает нам, как лирический герой просит помощи у Бога, что дает обещания исправится и встать на праведный путь. При помощи повторов показываются эмоции героя:

*Someone, help me.
Oh, please, God, help me.
They are trying to take it all away.
I don't want to die.
Someone, help me.
Oh, please, God, help me.
They are trying to take it all away.
I don't want to die [Там же].
Кто-нибудь, помогите мне!
О, пожалуйста, боже, мне помоги!
Страждут они отнять всё, что можно.
Я не хочу умирать! М. Макимати [Там же].*

В рок-композиции группы Metallica «*I Disappear*» выявляется большое количество повторов разговорных слов, личных местоимений, двойных отрицаний. Также присутствует повтор глаголов. Все этого указывает на глубокую экспрессивность, эмоциональный характер песни. Мы видим фонетические графоны, т.е. изменение формы слова:

*Hey, hey, hey
Here I go now, here I go into new days
Hey, hey, hey
Here I go now, here I go into new days
I'm pain, I'm hope, I'm suffer Yeah, hey, hey, hey,
yeah, yeah
Here I go into new days
Hey, hey, hey
Ain't no mercy, ain't no mercy there for me
Hey, hey, hey
Ain't no mercy, ain't no mercy there for me. (Metallica «I Disappear») [13].*

*Эй, Эй, Эй
Вот я ухожу, вот я ухожу навстречу судьбе
Эй, Эй, Эй
Вот я ухожу, вот я ухожу навстречу судьбе
Мне больно, я надеюсь, я страдаю
Эй, Эй, Эй
Вот я ухожу, вот я ухожу навстречу судьбе
Эй, Эй, Эй
Не будет пощады, не будет пощады там для меня
Эй, Эй, Эй
Не будет пощады, не будет пощады там для меня
Мне больно, я надеюсь, я страдаю
Эй, Эй, Эй
Не будет пощады, не будет пощады там для меня. М. Макимати [Там же].*

Использование автором песни риторических вопросов в тексте показывает слушателю, что надо задуматься над ними и попытаться найти на них ответ:

*Do you bury me when I'm gone?
Do you teach me while I'm here?
Just as soon as I belong
Then it's time I disappear [Там же].
Похоронишь ли ты меня, когда я уйду?
Будешь ли учить меня, если я останусь?
Только на то время, пока я здесь,
Пока не настанет время мне исчезать. М. Макимати [Там же].*

Подводя итоги, следует отметить, что обычно в современной англоязычной рок-музыке автор и исполнитель — одно лицо, что способствует сокращению дистанции между автором текста и аудиторией. Другой важный аспект — это то, что именно современная песня, особенно рок-песня, наиболее адекватно выполняет свою функцию быть средством достижения эмоционального баланса с окружающим миром.

Проанализировав тексты англоязычных песен, мы пришли к выводу о том, что музыкальная культура играет огромную роль в жизни людей и без нее не обойтись в современном мире. При использовании различных стилистических приемов, таких как метафора, инверсия, разные виды повтора, усложняется понимание песен. Слушатели больше обращают внимание на ритмические особенности, смысловую коннотацию, на то, насколько динамична и эмоциональна песня. Рассмотрев целый ряд англоязычных песенных текстов, мы выяснили, какие темы интересны исполнителю. Песня сейчас является ярким отражением эмоций и чувств исполнителя. Для рок-композиций характерны агрессивные ритмы. Текст песни является зеркальным отражением духа своего времени.

В англоязычном песенном дискурсе часто используются метафоры, различные виды повтора, инверсии, параллельные конструкции, риторические вопросы, присутствует большое количество личных местоимений, разговорной лексики, иногда даже вульгарной и грубой лексики. Анализ англоязычного песенного дискурса позволяет нам приблизиться к другой культуре, личности и внутреннему миру рок-исполнителя.

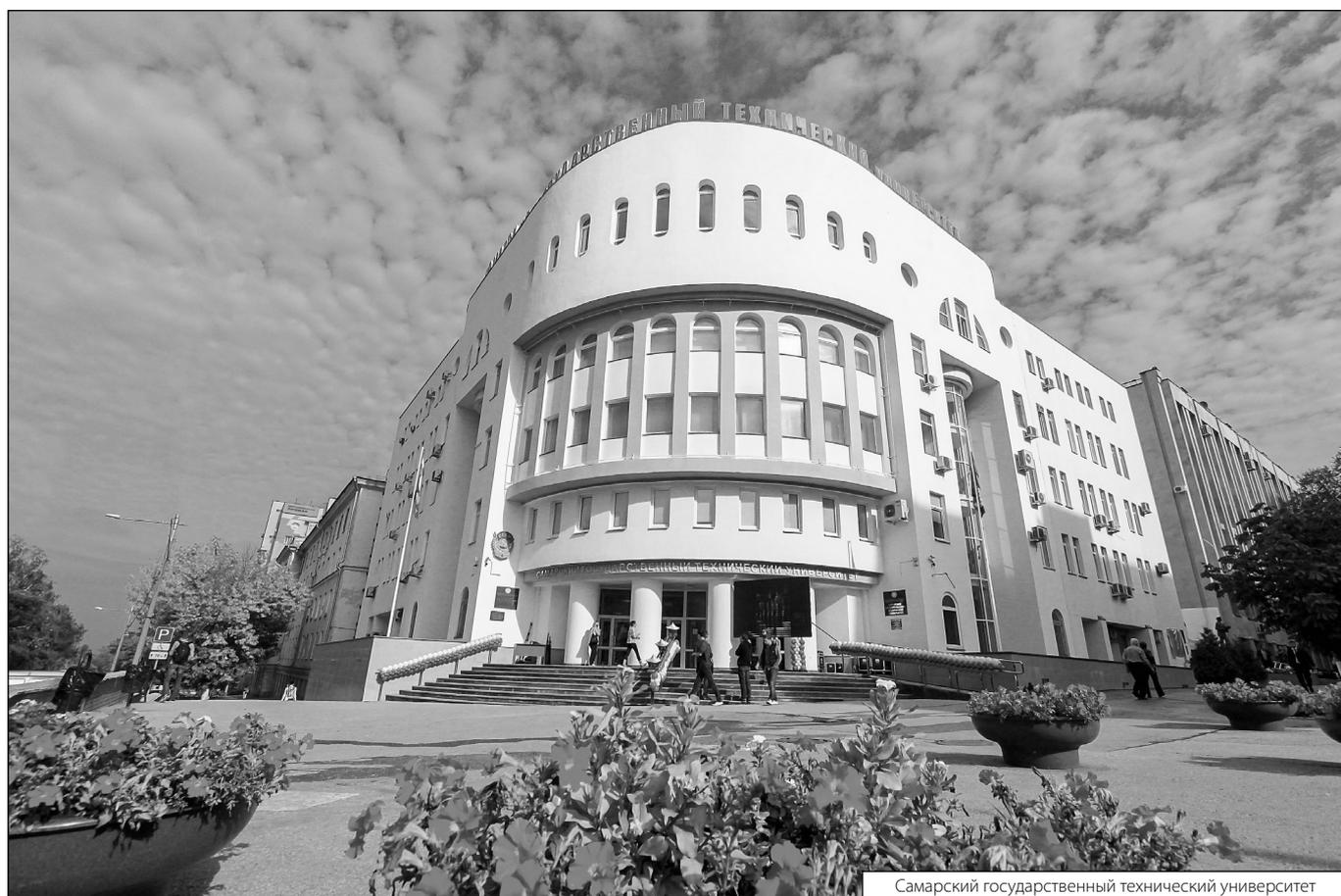
Полученные в результате проведенного исследования результаты свидетельствуют о сложности и многогранности данной проблемы. Исследования такого рода очень перспективны и интересны, поскольку они дают представление об особенностях жизни современного англоязычного социума, которые находят отражение в текстах песен, представляющих собой одно из проявлений современной массовой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка): Учеб. пособие.— Изд. 2-е.— М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
2. Бисималиева М. К. О понятиях «текст» и «дискурс». — Филологические науки. — 1999. — № 2. С. 78–85.
3. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация Текст. — М.: Прогресс, 1989. 312 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс Текст. / В. И. Карасик. — М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Языковая личность: культурные концепты. — Волгоград, 1996. 281с.
6. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. — М.: Наука, 1986. 156 с.
7. IRON MAIDEN. Alexander the Great. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.megalyrics.ru/lyric/iron-maiden/alexander-the-great.htm> (дата обращения: 25.04.2018)
8. IRON MAIDEN. Dream of Mirrors. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.megalyrics.ru/lyric/iron-maiden/dream-of-mirrors.htm> (дата обращения: 25.04.2018)
9. IRON MAIDEN. Heaven Can Wait. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.megalyrics.ru/lyric/iron-maiden/heaven-can-wait.htm> (дата обращения: 25.04.2018)
10. MANSON, Marilyn. Leave a Scar. [Электронный ресурс]. URL: <http://megalyrics.ru/lyric/marilyn-manson/leave-a-scar.htm?ver=628445> (дата обращения: 25.04.2018)
11. METALLICA. Am I Evil? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.megalyrics.ru/lyric/metallica/am-i-evil.htm> (дата обращения: 25.04.2018)
12. METALLICA. Ride the Lightning. [Электронный ресурс]. URL: <http://megalyrics.ru/lyric/metallica/ride-the-lightning.htm?ver=11503> (дата обращения: 25.04.2018)
13. METALLICA. I disappear. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.megalyrics.ru/lyric/metallica/i-disappear.htm> (дата обращения: 25.04.2018)

© Пашкова Елена Александровна (virginia457@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Самарский государственный технический университет

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

STYLISTIC CHARACTERISTICS OF THE JAPANESE LITERARY TALE

T. Permiakova

Summary. In the article the author investigates the genre of the Japanese literary fairy tale, its origin and development, the difference from the Japanese folk tale. The main purpose of the article is to identify stylistic depictive expressive means, their features in a Japanese literary tale. The author convincingly proves that the Japanese literary tale, having traveled a long way and undergoing a large changes, is a very complex phenomenon, the development and development of which was influenced by the development of Japanese society in the 17th-19th centuries, Japanese literacy, traditional and Western upbringing. The author analyzed 10 Japanese literary tales and selected more than 700 examples of visual means, many of which adorn the text of literary tales and reflect the author's idea, his desire, individual style.

Keywords: Stylistics, trails, figures of speech, literary fairy tale, genre, Japanese literature, text.

Пермякова Туйара Николаевна

*К.ф.н., доцент, Институт зарубежной филологии
и регионоведения Северо-Восточного Федерального
университета (Якутск)
ptuiara@mail.ru*

Аннотация. В статье автор исследует жанр японской литературной сказки, его зарождение и развитие, отличие от японской народной сказки. Основной целью статьи является выявление стилистических изобразительно-выразительных средств, их особенности в японской литературной сказке. Автор убедительно доказывает, что японская литературная сказка, проделав долгий путь и претерпев большое количество изменений, представляет собой весьма сложное явление, на становление и развитие которого повлияли развитие японского общества в XVII–XIX веках, грамотность японцев, традиционное и западное воспитание. Автором проведен анализ 10 японских литературных сказок и были выделены более 700 примеров изобразительных средств, большое количество которых украшают текст литературных сказок и отражают авторскую задумку, его желание, индивидуальный стиль.

Ключевые слова: Стилистика, тропы, фигуры речи, литературная сказка, жанр, японская литература, текст.

Японская сказка, как и все сказки мира, будучи народно-поэтическим произведением о вымышленных лицах и событиях, является неотделимой частью японской устной и письменной культуры. В японских сказках хорошо отражены своеобразие японского быта, народного характера, одежды и японских обычаев.

По своей нравственной концепции, японская сказка во многом схожа с русской. К примеру, тем, что «гуманистическая концепция сказки отражала действительность или противостояла ей <...> существовала единая по своей природе и человеческим качествам концепция нравственной ценности активного добра, помощи слабому, взаимопомощи, сострадания, признания красоты добра, его подлинности и, с другой стороны, бесчеловечности зла, его уродливости, деформирующего воздействия на человека. Характерно, что качества отрицательного персонажа примерно одинаковые — корыстолюбие, черствость, злокозненность, завистливость, презрение к бедным и младшим» [1]. Об этом же говорит известный японский исследователь русской литературы профессор Ёсикадзу Накамура. Приведем слова профессора: «Когда я занимался переводом афанасьевских сказок, то неоднократно обращал внимание на сходства и различия между сказками русского

и японского народов<...> между ними немало общего: почти всегда в конце одерживают победу добрые силы, и хорошие качества человека<...> в сказках обоих народов встречается, хоть и редко, склонность к жестокости. Но характер, темперамент героев неодинаковы. Способы сказывания тоже отличаются друг от друга» [2].

По-японски «сказка» звучит как «*mukashi-banashi*», что дословно переводится как «рассказы старины». В японских сказках выделяют несколько жанровых разновидностей, две основные из которых — сказка (мукаси-банаси) и легенда (дэнсэцу). Мукаси-банаси — это всегда выдумка, небылица, однако, для того чтобы заставить читателя поверить в достоверность сказки использовались достоверные факты (например, названия мест, улиц, префектур, а также указание точной даты). Дэнсэцу — это легенда. Эти два понятия очень тесно взаимосвязаны, и очень сложно определить, что было раньше японский миф или японская сказка [3].

Японские сказки, как и русские, разнообразны не только по форме бытования и восприятия, но и по жанрам. Сказки о глупцах, недотепах, хитрецах и обманщиках объединяются в жанр «варай-банаси» («смешные сказки»). Также существует жанр страшных

сказок «обакэ-банаси» («рассказы об оборотнях»), к нему относятся сказки о привидениях, исчезновениях, о заброшенных домах и храмах, о ночных происшествиях на горной дороге и др. Жанр «фусаги-банаси» («рассказы о необычном») включает в себя повествования о различных чудесах — добрых и не очень, но всегда поражающих читателя своей оригинальностью.

В XI веке зарождается повествовательный жанр «моногатари» (букв. «рассказы о вещах»), обозначающее повести, рассказы, новеллы, сказки, а затем романы и эпические сказания[6]. Образцами жанра моногатари являются произведения разного рода, как например собрание новелл, преданий, легенд «Исэ-моногатари» (начало X в.), памятник японской классической литературы «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи моногатари» X в.), исторические и военные эпопеи «Хэйкэ-моногатари» (XIII в.)[7].

Известный отечественный японовед Н.И. Конрад в своем труде «Японская литература в образцах и очерках» (1927 г.) определяет моногатари как «один из наиболее развитых повествовательных жанров японской классической литературы» [8].

«Моногатари характерна витиеватость сюжета, эту особенность мы можем встретить в «Повести о Гэндзи» автора Мурасаки Сикибу (X–XI век). Именно в период появления «Повести о Гэндзи» зарождается одна из самых распространенных эстетических категорий «моно-но аварэ» («печальное очарование вещей») [6].

К жанру моногатари относят и первую сказку в письменном виде «Такэтори моногатари» («Повесть о старике Такэтори»), у которой не имелось автора (хотя есть гипотезы о том, что автором является известный в то время поэт и ученый Минамото-но Ситаго)[9]. Данное произведение состоит из ряда новелл, и рассказывает о девочке, найденной бедным стариком в лесу, внутри бамбука, которая вскоре превратилась в девушку невиданной красоты. Она оказалась лунной девой, посланной на землю. В этой сказке содержится пять новелл, рассказывающих о ее неудачливых женихах. Традиционно считается, что в лице этих женихов высмеивается японская аристократия. Эта сказка сочетает в себе фольклорные и литературные сюжеты, герои ее наделены как чудесными, так и реально-бытовыми чертами.

Исследователи японской детской литературы Мичио Хаяси и Арико Кавабата отмечают: «Во все времена дети мечтали иметь свои собственные истории. В Японии их мечты осуществились уже в XI веке» [10]. Эти авторы утверждают, что первые записанные сказки стали причиной зарождения детской литературы (в которую входит японская литературная сказка). В некоторых источниках говорится, что «Повесть о старике Такэтори» — образец

литературной сказки[11]. Действительно, если смотреть на «Повесть о старике Такэтори», отталкиваясь от приведенных нами ранее определений литературной сказки, то ее вполне можно отнести к таковой: у нее довольно сложный сюжет, много действующих лиц, литературный язык, и гипотетически имелся автор. Однако мы склоняемся к тому, что «Повесть о старике Такэтори» является лишь предпосылкой к появлению жанра литературной сказки, но никак не самостоятельной литературной сказкой.

Любопытен тот факт, что японцы не используют термин «литературная» или «авторская» сказка. На японском языке данный термин звучит как douwa (童話), и состоит из двух иероглифов 童(warabe) «ребенок» и 話(hanashi) «рассказ». «Douwa — это жанр детской литературы. Прежде всего это рассказы и произведения, ориентированные на детей. Одним из видов douwa является marchen (яп. メルヘン) Под Marchen (нем. «сказка») здесь имеются в виду переведенные европейские сказки. В японских источниках под термином сказка понимается именно это понятие (прим. автора)[7]. Впервые douwa появился в конце периода Эдо (1857), предпосылками к появлению этого жанра являлись первые сказки такие как «Момотаро», «Повесть о старике Такэтори», «Урасима Таро» и др» [7].

Традиционно принято считать, что японская литературная сказка как жанр окончательно устоялась только к концу XIX века[14]. Но опять же ее относят исключительно к жанру детской литературы, в связи с чем мы предполагаем, что понятие «японская литературная сказка» намного моложе, чем русская литературная сказка. Она появилась тогда, когда народные сказки начали перерабатываться специально для детского чтения, и стал выпускаться первый журнал для детей. Родоначальником детской литературы явился собиратель сказок, редактор и писатель Ивая Сандзин (известный под псевдонимом Садзанами Сандзин), который ставил перед собой целью не только переработку старых японских текстов, но также выработку нового литературного японского языка, понятного детям. Самым известным произведением писателя была сказка «Коганэмару» (1891), которую можно назвать аналогом «Книг джунглей» Киплинга. Сложная фабула сказки, отсылки к европейской литературе, авторская интонация Садзанами — все это было свидетельством зарождения совершенно иного жанра в японской литературе[14].

Таким образом, можно сказать, что японская литературная сказка, проделав долгий путь и претерпев большое количество изменений, представляет собой весьма сложное явление. На ее развитие и формирование повлияло множество факторов, таких как становление и развитие японского общества на протяжении XVII–

XIX веков, грамотность японцев, традиционное воспитание и обновленное, подпитанное западными идеями школьное образование [14].

В качестве практического материала нами было проанализировано 10 японских литературных сказок японских авторов Ниими Нанкити, Акутагава Рюноскэ, Миядзава Кэндзи. Известно, что эти авторы жили и творили в период зарождения японской литературной сказки, а именно во второй половине XIX века, их произведения были одними из первых, которые открыли жанр японской литературной сказки. Разумеется, наряду с ними вклад в развитие этого жанра внесли еще немало замечательных японских писателей. Однако имена А. Рюноскэ, Н. Нанкити и М. Кэндзи достаточно хорошо известны российскому читателю, их произведения часто переводились на русский язык.

Японские литературные сказки, как оказалось, ставят перед собой цель дидактическую, они нацелены прежде всего на маленького читателя. Однако сюжет отобранных нами японских литературных сказок не всегда одинаков: где-то прослеживается мифологическая и фольклорная тематика (А. Рюноскэ «Ду-Цзы-чунь»); где-то главными героями выступают домашние животные, и весь их диалог занимает большую часть текста сказки, что напомнило нам о баснях Крылова (Ниими Нанкити «Молодые мамы»); где-то сказка приобрела оттенок воспоминаний из детства автора (Миядзава Кэндзи «Откуда пошли олени танцы»). И не все сказки имели счастливый конец (Ниими Нанкити «Лисенок по имени Гон»).

Тексты сказок варьируются также по объему. В зависимости от сюжета сказки могут быть как на две страницы, так и на десять. Так, например, сказка Миядзава Кэндзи «Откуда пошли олени танцы» не идет в сравнение с произведением Ниими Нанкити «Молодые мамы», так как в первой сказке описывается тщательным образом все: и окружающая природа, и описание внешности, и характер каждого персонажа. В сказке «Молодые мамы» Ниими Нанкити действие занимает лишь две с половиной страницы, и акцент главным образом делается конкретно на действия персонажей. По своей структуре и сюжету эта сказка напоминает басни Крылова, или обыкновенный анекдот.

Цель анализа в выявлении изобразительно-выразительных средств текстов японских литературных сказок. В конечном итоге мы выделили и проанализировали 718 изобразительных средств, в число которых вошли такие тропы и фигуры речи, как метафора, эпитет, сравнение, повтор, риторический вопрос и восклицание, диалоги и монологи, а также большое количество ономастопоэтических слов.

В текстах 10 литературных сказок было найдено 183 эпитета, которые использовались при описании внешности героев, пейзажа, и т.д.

К примеру, при описании пейзажа и явлений природы использовались эпитеты как 月夜 (tsuki-yoru) «лунная ночь» [15] / 九日の月 (kyu-nichi-notsuki) «девятнадцатый месяц» [16] / 夕日の光 (yu-hinohikari) «вечерний свет» [16] / 大きな影 (ookinakage) «огромная тень» [17] / 緑青色の林 (midoriaoiro-nohayashi) «сине-зеленый лес» [17] / 青く大きな羊歯 (aokuookinashida) «огромные синие папоротники» [18].

При описании внешности героев использовались следующие эпитеты: 低い顔の黄色なじいさん (hikuikaonoki-ro-naji-san) «низенький желтолицый старичок» [17] / 太いうなぎ (futoiunagi) «толстый унаги» [17].

Эпитеты использовались при описании черт характера героев и

второстепенных персонажей: 薄情なもの (hakujinamono) «бессердечный человек» [17] / 親切そう (shinsetsusouna) «на вид добрый» [17] / 変なじいさん (hennaji-san) «странный старичок» [18] Эпитеты использовались также как имена собственные, например:

[ああ、かぶと虫だ。かぶと虫とった。]と、小さい太郎はいいました。けれど、だれも、なんともこたえませんでした。小さい太郎は、兄弟がなくてひとりぼっちだったからです。

«Я поймал жука! Я поймал жука!» сказал Маленький Таро.

Однако ответа не последовало. А потому, что у Маленького Таро не было ни братьев, ни сестер, он был один [20].

Используется ряд метафорических эпитетов. Так, в тексте «Откуда пошли олени танцы» (鹿踊りの始まり) используется эпитет 金色の穂 («золотое ухо») при описании поля.

糧と味噌と鍋とをしよつて、もう銀いろの穂を出したすすきの; 野原をすこしびつこをひきながら、ゆつくりゆつくり歩いて行つたのです。

«Он взял с собой еды, пасту мисо для супа и котелок, и, прихрамывая, медленно-медленно побрел по полю, сверкающему золотыми ушками проклюнувшихся колосьев» [17].

Немалое количество метафор встречается в текстах сказок. Нами было найдено 105 выразительных средств,

которые мы отнесли к метафоре. Например:氷の海 («ледяное море»),鉄の杵 («железный пестик»),貧しいくらし («жалкое существование»), いせいのいい声 («могущественный голос»), 霧の粒 («зернистый туман»), うすい乳いろのけむり («тонкий молочный дым»).

Пример использования метафоры в тексте «Откуда пошли олени танцы» автора Ниими Нанкити:

太陽が、ちやうど一本のはんのきの頂にかかつていましたので、その梢はあやしく青くひかり、まるで鹿の群を見おろしてちつと立っている青いいきものようにおもわれました。《*В этот момент солнечный луч упал на вершину ольхи, она прямо вспыхнула **се-ребряным светом**, словно это было не дерево, а некое живое существо, тоже наблюдавшее за оленями*» [17].

Тексты японских литературных сказок изобилуют сравнениями. Приемы стилистических сравнений помогают сделать язык сказок красочным, смешным и ярким. В отличие от русского языка, в японском нет такого понятия как «бессоюзное сравнение» или сравнения, образованного при помощи существительного в творительном падеже (например, «он ходит гоголем») [21]. В найденных нами сравнениях были представлены только обороты созданные при помощи союзов «как будто», «словно», «как». Ввиду этого, сравнения нельзя было спутать с метафорой. В текстах литературных сказок нами обнаружено 72 примера сравнения.

その男は、片眼で、見えない方の眼は、白くびくびくうごき、上着のような半纏のようなへんなものを着て、だいいち足が、ひどくまがつて山羊のように、ことにそのあしききときたら、ごはんをもるえらのかたちだったのです。

《*У этого человека один глаз зрячий, другой сплошь белый, и все время дергается. И одежда чудная, **словно** пальто или куртка. Ноги кривые, **как у козла**, а отпечатки от них — ну точь-в-точь, **как лопатка для накладывания риса!***» [22]

В основном используется грамматическая конструкция N+のような/のように(N+noyouina/noyouini), дословный перевод которой будет звучать как «как будто, словно». Встречались примеры использования *mitaina*/らしい(rashii), что на русский можно перевести союзом «как» или «словно».

こんな月夜には、子供たちは何か夢みたいなことを考えがちでありました。《*В ту лунную ночь дети могли думать только о вещах, таких как мечта*» [19].

Также немало было найдено случаев использования гиперболы. Намеренное преувеличение придает тексту

сказок особую выразительность, делает ее язык богатым, ярким и образным.

皿があって、その皿のふちにのぞいている燈心に、桜の蒼ぐらいの小さいほのおがともると、まわりの紙にみかん色のあたたかな光がさし附近は少し明るくなったのである。《*И все осветилось от огня, такого маленького, меньше нераскрывшегося бутона сакуры, и окрасилось в теплый цвет апельсиновой кожуры*» [23].

Авторы японских сказок добиваются эмоциональной выразительности текста посредством использования повторов. Их в тексте было найдено 93 единицы.

けれども一郎はうれしくてうれしくてたまりませんでした。《*Но Итиро так запрыгал, рад-радешенек*» [22].

В силу особенности японского языка в сказках было много использовано ономатопоэтических слов, которые наполняют текст разнообразными звуками, помогая читателю ярко представить картину происходящего.

兵十はぼろぼろの黒い着物をまくし上げて、腰のところまで水にひたりますが、魚をとる、はりきりというあみをゆすぶっていました。《*Хёдзю, задрав своё **потрёпанное** чёрное кимоно, стоял по пояс в воде и вытряхивал вершу — плетёную ловушку для рыбы*» [24].

Также встречались в тексте графоны, по своей форме очень похожие на ономатопею.

切通しをのぼると、かそかな春の夜風にのって、ひゅうひやりりやりと笛の音が聞えて来ました。《*Когда они поднялись на развилку дороги, раздался свистящий звук ветра, который со звуком «фьюх» проносился мимо вместе с весенним вечером*» [19].

Немаловажную роль в сказках играют риторические вопросы и восклицания (как самих героев, так и авторов). Все это придает тексту сказки живость и веселость. Было найдено 16 случаев использования риторического вопроса и 8 примеров восклицаний.

そのとたんに兵十が、向こうから、「うわあ、ぬすつとぎつねめ。」と、どなりたてました。《*И тут как раз Хёдзю показался: Эй, чего творишь, рыжий во-рюга! — кричит, рассерженный*» [24].

Японская литературная сказка, как показывает анализ, имеет нетрадиционный зачин. Сказка может начинаться как с простого предложения, так и с диалогической фразы, что отсылает читателя сразу к месту действия. Например:

「小鳥さん、今日は。」と牝牛がいました。— *Здравствуйте, госпожа Птичка! — поздоровалась Корова*» [19].

Конец сказок тоже совершенно разный, не имеет никаких одинаковых фраз.

やつぱり、出頭すべしと書いてもいいと言わばよかつたと、一郎はときどき思うのです。— *Иногда он даже жалел, что не согласился на формулировку: «По срочному делу надлежит явиться в суд»* [22].

По результатам проведенного анализа мы можем сделать следующие выводы:

- ◆ художественность японских литературных сказок достигнута такими же изобразительно-выразительными средствами как и в японской народной сказке, однако язык первой сложен и поэтичен. Доказательством тому служит большое количество использованных тропов и фигур речи (718), а также сам объем сказки;
- ◆ многочисленные диалоги и монологи не только украшают текст литературных сказок, но и отра-

- жают задумку автора; авторы часто прибегают к диалогам, чтобы наделить героев сказки теми или иными качествами (например, наделить животных гендерными особенностями);
- ◆ в отличие от японской народной сказки, в литературной нет понятия как «постоянный эпитет». Эпитеты здесь репрезентируют индивидуальный стиль, авторскую задумку, они намного сложнее (часто соединяются с метафорой в метафорические эпитеты);
- ◆ в японских литературных сказках сильнее выражена изобразительность, т.е. более подробно, красочно и детально описаны место действия, события, внешность персонажей. Это все обуславливает и большой объем сказок;
- ◆ объем японских литературных сказок отличается друг от друга в значительной степени, что также доказывает авторскую концепцию;
- ◆ язык японских литературных сказок изобилует лексическими повторами и ономастопоэтической лексикой, что свидетельствует об использовании авторами фольклорных сюжетных мотивов и народных средств поэтической речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цикушева И. В. Жанровые Особенности литературной сказки (на материале русской и английской литературы) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2008. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-literaturnoy-skazki-na-materiale-russkoy-i-angliyskoy-literatury>
2. Ёсикадзу Накамура Русские и японские сказки — близнецы-сестры. Журнал «Япония сегодня». URL: <http://www.japantoday.ru/>
3. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. / М.: Сов. Энцикл., 1962–1978 — Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор, 2002. — URL: <http://feb-web.ru/>
4. Энциклопедия Японии. URL: <http://www.cultline.ru/archiv/s/4344/>
5. Жанровые особенности европейской литературной сказки эпохи романтизма. Романтизм. Краткая характеристика исторической эпохи. URL: <http://www.ruthenia.ru/annalystxt/Skazka.htm>
6. Словарь литературоведческих терминов. Под ред. С. П. Белокуровой. — СПб.: Изд. Паритет, 2006. — 320 с.
7. Japanese Children's Literature. URL: <http://dissertationreviews.org/archives/5305>
8. Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках. — М.: Наука, 1991. — С. 50.
9. Зернина К. Мукаси-банаси. URL: <http://seasons-project.ru/life/children/mood/mukasi-banasi>
10. A review of Visualizing the Child: Japanese Children's Literature in the Age of Woodblock Print, 1678–1888, by Kristin Holly Williams. Autumn 2013. URL: <http://dissertationreviews.org/archives/5305#print>
11. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. Сборник статей. Японская сказки и русский читатель — М.: ОГИ, 2005. — 226 с. Elaine Vukov, Kazuko Minamoto Literature on Japan for Elementary and Middle School Students. — Excerpt, Education About Asia, spring, 2000. — Reprinted with permission of the Association for Asian Studies. P. 4–6
12. Японская поэтика. Библиотека классики художественной литературы. Литературное наследие. — А. С. Злыгостев, 2001–2014. URL: <http://litena.ru/>
13. David Henry Japanese Children's Literature as Allegory of Empire in Iwaya Sazanami's Momotaro (The Peach Boy). — Children's Literature Association, 2009 — pp. 218–228.
14. Сулейменова А. М. Японская авторская сказка как жанр Нового времени // Известия Восточного института, 2012. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yaponskaya-avtorskaya-skazka-kak-zhanr-novogo-vremeni>
15. 新見南吉 アリときの子 URL: http://www.aozora.gr.jp/cards/000121/files/45213_18765.html
16. 龍之介芥川 杜子春 URL: <http://www.aozora.gr.jp/cards/000879/card170.html>
17. 宮沢賢治 鹿踊りのはじまり URL: http://www.aozora.gr.jp/cards/000081/files/1923_10183.html
18. 宮沢賢治 夜のでんしばしら URL: http://www.aozora.gr.jp/cards/000081/files/43756_17661.html
19. 新見南吉 狐 URL: http://www.aozora.gr.jp/cards/000121/files/632_14896.html

20. 宮沢賢治 カブトムシ URL: http://www.aozora.gr.jp/cards/000121/files/45213_18765.html
 21. Академик. Словари и энциклопедии. 2000–2014. URL: <http://dic.academic.ru/>
 22. 宮沢賢治 どんぐりと山猫 URL: http://www.aozora.gr.jp/cards/000081/files/43752_17657.html
 23. 新見南吉 おじいさんのランプ URL: http://www.aozora.gr.jp/cards/000121/files/635_14853.html
 24. 新見南吉 ゴン狐 URL: http://www.aozora.gr.jp/cards/000121/files/628_14895.html

© Пермякова Туйара Николаевна (ptuiara@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Якутск

К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ КАК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЦЕЛОГО

THE PROBLEM OF THE MODERN RUSSIAN DRAMA AS THE ARTISTIC UNIT

E. Piskun

Summary. This work is devoted to the peculiarities of modern Russian drama (1990–2010) as specific literary and esthetic phenomenon of Russian culture at the turn of the century. The article briefly describes the features of the drama of the second half of the 20th century, which predetermined the creative quest of playwrights and changes in the poetics of dramas nowadays: the originality of the concept of the hero of the post-vampirov period (the «new wave») and the authors of the «new drama», the modification of conflict and genre models. These features allow us to talk about a certain creative basis of modern drama, as well as about the ways of its further development.

Keywords: modern dramaturgy, the concept of the hero, «new drama», «new wave», postmodernism, tradition.

Пискун Евгения Сергеевна

Аспирант, ГАОУ ВО ленинградской области
«Ленинградский государственный университет имени
А. С. Пушкина»
evgeniya.piskun@mail.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена особенностям современной русской драматургии (1990–2010-е гг.) как определенного литературного и эстетического феномена русской культуры на рубеже веков. В статье кратко освещены особенности драматургии второй половины XX века, предопределившие творческие искания драматургов и изменения поэтики драм на современном этапе: своеобразие концепции героя поствампировцев («новая волна») и авторов «новой драмы», видоизменение конфликта и жанровых моделей. Рассмотренные особенности позволяют говорить об определенной творческой базе современной драматургии, а также путях дальнейшего развития.

Ключевые слова: современная драматургия, концепция героя, «новая драма», «новая волна», постмодернизм, традиция.

Современная драматургия конца XX — начала XXI века, тенденции ее развития, вопрос ее связи с классической драмой, идейная и тематическая сторона произведений привлекает многих исследователей (М. Громова, Л. Тютелова, И. Болотян, О. Багдасарян, О. Журчева и др.). Однако «огромный материал, связанный с современной театральной практикой, нуждается в систематизации, а проблема современной драматургии как художественного целого все еще находится на стадии осмысления» [3. С. 97]. Безусловное влияние на литературу оказала историческая ситуация конца XX века, которая привела к обновлению театра и драматургии, к своеобразной «перемене интонации» (В. Славкин). Этот переломный период стал началом утверждения эстетического плюрализма, что коренным образом повлияло на выразительные средства драматургии. Русская культура сильна своими традициями. Однако традиции претерпели определенные изменения в творчестве современных драматургов. В какой форме произошло продиктованное безграничной свободой искусства обновление основных драматургических категорий (конфликт, жанровые модели, концепция героя)?

В начале XXI века отечественная драматургия находилась на небывалом подъеме, стала «главным жанром российской литературы» [9. С. 96]. Литературоведы продолжают отмечать этот «затянувшийся всплеск» [1. С. 72] и на исходе второго десятилетия. Бурной активизации литературы для театра во многом способствовал

тот факт, что в годы перестройки драматургия не торопилась фиксировать нахлынувшие перемены, не подчиняясь политизации. «Волна» докатилась несколько позже, накопленные силы дали себе выход в огромном количестве ярких авторских индивидуальностей. Говоря об идейно-эстетическом ядре современного литературного процесса (в частности — современной драматургии), необходимо в первую очередь проследить этапы изменения образа «героя времени», что позволит выявить причины появления новых характеров, а также спрогнозировать дальнейшие искания драматургов в сфере концепции героя.

Новые тенденции, возникшие в драматургии конца XX века и во многом предопределившие поэтику современной драмы, берут свое начало в пьесах драматургов «новой волны» (70–80-е годы), чьи творческие открытия в свою очередь были подготовлены пьесами А. Вампилова. Драматург вывел на страницах своих пьес так называемого «негероического героя», олицетворяющего драму молодого человека 70-х годов XX века, полного внутренних противоречий, тяжело переживающего разлад между идеалом и действительностью. По мнению исследователей, «в драматургии А. Вампилова «звездные мальчики» 60-х впервые предстают как цинично обманутое поколение» [12]. Обнажая социально-нравственные проблемы на философском уровне, А. Вампилов ставит своих героев перед определенным выбором: «как поступить в той или иной ситуации?» или, в конце концов,

как «жить дальше?». Таковы Третьяков («Дом окнами в поле»), студент Колесов («Прощание в июне»), студент Бусыгин («Старший сын») и Виктор Зилов («Утина охота»).

Социальный конфликт в пьесах «поствампилловцев» (Л. Петрушевской, В. Арро, В. Славкина, Л. Разумовской, А. Галина, А. Дударева и др.) выведен не на первый план, авторы гораздо больше уделяют внимания внутреннему конфликту. Драматурги отражали в своих героях характер поколения, который определялся усталостью от постоянного крушения иллюзий. Герой «новой волны» — герой «застойного» периода в отечественной истории — *отягощен* желанием вырваться из среды, причиняющей ему страдания, но внутренняя раздвоенность делает его покорным перед обстоятельствами: «но лучше поклоняться данности...» (И. Бродский). Как отмечал А. Соколянский, драматургами «была схвачена атмосфера времени, тоскливое саморазрушение личности, семьи, жизненных ценностей» [14. С. 6]. Эти люди с неудавшейся жизнью «были замучены бытом... мечтали об идеальном, но не знали, где искать нравственную опору, что становилось следствием их неспособности к осознанию смысла своей жизни» [7. С. 79]. В пьесе В. Арро «Колея» члены одной семьи (Нелли, ее дети Юля и Коля) любят друг друга, но причиняют своим близким боль, хотя понимают всю «ненормальность» такой жизни. Не смог реализоваться в жизни бывший стилиста по прозвищу Бэмс — инженер Куприянов из пьесы В. Славкина «Взрослая дочь молодого человека». Чаще всего к теме непонимания и отчуждения в семье, к проблеме отцов и детей (матерей/дочерей) обращалась в своих пьесах Л. Петрушевская («Уроки музыки», «Три девушки в голубом», «Анданте», «Лестничная клетка» и др.). Свою внутреннюю раздвоенность, духовный разлад герои «новой волны», в отличие от персонажей А. Вампилова, уже воспринимают как норму существования, они привыкли к своей болезни.

Представители «новой драмы» (Н. Коляда, О. Богаев, Е. Гремина, А. Железцов, М. Угаров, О. Мухина, Н. Птушкина, В. Сигарев и др.), о которых заговорили в 1990-е годы, продолжали исследовать неустроенность жизни, обнажали безысходность духовного кризиса. Поражает разнообразие определений драматургии 1990-х годов: «новая новая драма» (В. Мирзоев), «постсоветская» и «новороссийская драма» (А. Соколянский), «актуальная драматургия» (М. Тимашева), «младодраматургия» (М. Давыдова), «сраматургия» (И. Смирнов), «ДЧС» — драма чрезвычайной ситуации (М. Мамаладзе). Однако принципиально новой особенностью поэтики «новой драмы» конца XX века стало «присутствие насилия и жестокости» [5. С. 8]. Происходила «деэстетизация действительности», драматурги обнажали «социальное дно шокирующее читателя концентрацией жестокости, поданной в ракурсе брутального эпатажа» [5. С. 8].

Критика высказывала свою тревогу по поводу «черного реализма» в пьесах. Авторы в условиях свободы и гласности продвинулись еще глубже в описании шокирующей жизни «обочины», и уже в середине 90-х заговорили об отсутствии такого феномена, как актуальная современная драматургия. Такое беспокойство было связано и с серьезными социально-политическими переменами в стране, которые не могли не отразиться в литературе, и с проблемами, имеющими отношение исключительно к литературе для театра: расхождение драматургии и современного театра, спор об оправданности гиперреализма в пьесах. По замечанию М. И. Громовой, главный парадокс этого времени заключался в том, что современные драматурги вовсе отрицали существование театра в России [6]. Однако театр существовал, как и сама современная драматургия, обратившаяся к ранее запрещенному изображению определенных сфер жизни человека. Время (критика) требовало появления актуальных, остро злободневных пьес, отвечающих социальному и культурному слому (перестройке). Но в сфере драматургии шли несколько обособленные от сиюминутных запросов «переворота» процессы. Обширная система игровых приемов (перенос главной смысловой нагрузки на *слово*, переосмысление роли традиции в контексте современного искусства в целом и др.) заменила философские размышления о бытии человека. При продолжающейся разработке «негероической» концепции драматургии все же оставалась социально ориентированной, а главной проблемой становилась проблема человека и постсоветского общества. «Новая драма» представлена как старшими драматургами — «поствампилловцами» (А. Казанцев, Л. Петрушевская, Л. Разумовская, Н. Садур), так и драматургами, чьи имена прозвучали в 1990-е годы (братья Пресняковы, Н. Птушкина, О. Богаев, А. Слаповский и др.).

Огромное количество явлений, возникших в драматургии в момент смены художественных парадигм, представляют «новую драму»: «черная драма» («чернуха»), «драма абсурда», «постмодернистская драма», «экзистенциальная драма», «неореалистическая драма», «Театр.doc», пьесы-вербатим. Данные термины и понятия дают представление об общих направлениях развития драмы, а также о динамике драматургического процесса от 1990-х к нулевым. Современная российская драматургия (до середины второго десятилетия XXI века) развивается в русле тенденций, заявленных «новой драмой» конца века. Сегодня в рамках этого направления звучат имена молодых драматургов: И. Вырыпаев, М. Курочкин, В. Сигарев, Е. Нарши, А. Радионов, братья Пресняковы, братья Дурненковы.

В качестве доминирующего направления в современной драматургии выступает постмодернизм, повлиявший на переосмысление концепции героя, жанровые

искания авторов и кардинальным образом изменивший художественную форму пьес. Т. Крюкова выдвигает в качестве главной установки постмодернистского искусства «разрыв с классической эстетикой». Она отмечает, что постмодернизм, в отличие от потесненных им реализма и модернизма, порывает и все связи с объективной реальностью и поэтому вынужден «конструировать свою собственную гиперреальность» [11. С. 202]. Моделирование новой реальности принимает многообразные формы. Это может быть хаотичное слияние временных различных временных пластов, создание героев из литературных цитат и деконструкция культурного интертекста («Мужская зона» Л. Петрушевской, «Русская народная почта» О. Богаева, «Ю» О. Мухиной), игра с художественным пространством, историей («Зеленые щеки апреля» М. Угарова, «Персидская сирень» Н. Коляды, «Родная кровь» О. Михайловой), языковая игра («дьявольские имена» в пьесе Д. Пригова «Черный пес»), игра с жанровыми канонами и заголовками («Вальпургиева ночь, или Шаги командора» В. Ерофеева), с культурными кодами и архетипами («Чудная баба» Н. Садур). Создаваемый на страницах пьес фантастический мир устрашает именно потому, что он очень часто оказывается по-бытовому близок и обжит. Философия симулякров разворачивается на фоне узнаваемых всеми бытовых картин, что свидетельствует о разработке драматургами вечной проблемы места человека в мире. Постмодернистский тип мышления позволяет производить новые художественные смыслы. Т. Крюкова говорит лишь о другом способе интерпретации мира в рамках постмодернизма, «в котором специфическая практика «инвентаризации» культуры дает возможность конструировать новые смыслы на материале прошлого, казалось бы, утратившего свой исходный смысл» [11. С. 211]. Это господствующее в русской драматургии рубежа столетий художественное направление переориентировало театр на путь всевозможных преобразований, свободных взаимовлияний в области стиля и поэтики произведений.

Драматургия XXI века продолжает существовать в русле сопряжения различных культурных пластов, эстетических кодов и архетипов. Однако этот процесс является и развитием, так как своеобразная атмосфера хаоса свидетельствует не о кризисе драматургии, а о поиске новых форм. Авторы в своем творчестве ориентированы прежде всего на преодоление штампов и стандартов, но движение вперед невозможно без опоры на традицию. Поэтому одним из главных источников современной драматургии является «классическая модель мира с ее достаточно четкими нравственными ориентирами» [3. С. 98]. Самый распространенный способ взаимодействия с традицией в драматургии постмодернизма — ее осмысление в пародийном ключе. Используя такие интертекстуальные приемы, как цитаты, аллюзии, реминисценции, авторы создают «переклички» с произ-

ведениями классической литературы: Л. Улицкая «Русское варенье», А. Слаповский «Мой вишневый садик» (А. П. Чехов «Вишневый сад»), Л. Петрушевская «Три девушки в голубом» (А. П. Чехов «Три сестры»).

Но и в идейно-эстетическом плане драматурги обращаются к традиции. Это справедливо относится в том числе и к авторам «нетрадиционной» драмы (С. Я. Гончарова-Грабовская). Очень сильной остается традиция А. П. Чехова. Чеховский мотив взаимонепонимания и «глухоты» людей в современной драматургии доведен до своего апогея: герои пребывают в атмосфере полного отчуждения. Сквозным становится мотив *одиночества*. Подобная неспособность к какой-либо коммуникации царит в художественном мире Л. Петрушевской. Намеченная дистанцированность друг от друга подчеркивается выбором героев в пользу разговора по телефону, а не личной встречи («Яблочный вор» К. Драгунской). И герои так же, как в пьесах А. П. Чехова, мучаются ощущением безвозвратно уходящего времени, не перестают считать минуты и задавать извечные вопросы: «Никто никого не любит, такие времена теперь», «Куда катимся?» («Яблочный вор» К. Драгунской); «Зачем я жил?», «На что жизнь уходит?» («Чайка спела...» Н. Коляды), «Чье сейчас время? Чье?» («Смерть Фирса» В. Леванова).

Итак, творческая база у современной драматургии чрезвычайно богата, и сегодняшний драматургический всплеск кроме реалий XXI века имеют опору в историческом развитии драматургии века XX-го. Именно поэтому в современном театре можно выделить реалистическую и нереалистическую тенденцию (по С. Я. Гончаровой-Грабовской — «традиционную» и «нетрадиционную» драму). К последней критики относят постмодернистские пьесы, пьесы-вербатим, монопьесы. Традиционной линии в творчестве придерживаются не только старшее поколение драматургов-«поствампилловцев», но и ранние пьесы Н. Коляды, который, по мнению О. Журчевой, стал для современной «новой драмы» практически классиком. В художественном мире пьес драматурга мы находим героя времени, который «платит за социальный сдвиг» [12].

В современной драматургии утвердился герой, существующий вне смысловой определенности «плохой-хороший». Разрушается концепция положительного героя, сформированная традицией XIX и XX веков, и формируется модель человека «постсоветского». Драма 90-х гг. выводит человека нового поколения, которое «выросло в сложный период переоценки ценностей, когда советская идеология себя изжила, а новая действительность еще не успела выработать своих «рецептов» [5. С. 15]. Новые формы художественного отражения реальности появились еще в драматургии 70–80-х годов XX века, а «новая драма» завершила переход от концепции героя

(положительного характера, социально активной личности) к концепции человека «негероической повседневности» [7. С. 108], то есть человека как такового, вне обязательной его привязки к конкретному социальному статусу, профессии и т.д. Подобно Дмитрию из пьесы О. Мухиной «Ю» новый тип характера «похож на героя», но совсем не обязательно им является. Достижение звания *героя* находится, вероятно, в сфере потенциальных возможностей человека «новой драмы». Таковы в большинстве своем установки драматургов, стремящихся передать мироощущение людей постсоветской действительности («Московское гнездо» Л. Зорина, «Русский сон» О. Михайловой, «Клинч» А. Слаповского, «По дороге к себе» М. Арбатовой и др.). Герой современной драматургии — это «маленький человек», который в свете реалий века XXI-го становится героем маргинальным, но относительно не социального положения, а определенного типа существования — жизнь в атмосфере отчужденности и незащищенности, без любви, сострадания, без планов на будущее.

Фон действия в большинстве пьес — повседневность, обыденность, разъедающая героев «изнутри». «Героев настолько затянула бытовая тряпина, что они не способны замечать вокруг себя ничего, кроме постоянных семейных неурядиц, нехватки денег и поисков способов найти их» [6]. Такая «перегруженность бытом» (М.И. Громова) отвечала реалиям того времени, позволяла вести разговор о «потерянном поколении» 90-х годов, о «негероическом герое». Намеки на счастливый исход, надежды на восстановление связи между людьми (как в пьесе Н. Коляды «Канотье») редко появляются в пьесах. Константой является отсутствие надежды на взаимопонимание, утрата нравственных ориентиров, укоренившаяся в сознании привычка к жестокости и насилию («Мы едем, едем, едем в далекие края» Н. Коляды, «Кислород» И. Вырыпаева, «Агасфер» В. Сигарева, «Терроризм» братьев Пресняковых и др.).

Неустроенная жизнь героев драматургии (с конца XX века до начала XXI) находит свое отражение в образе разрушающегося *дома* (пьесы Л. Петрушевской, Н. Коляды, Л. Разумовской, П. Гладилина), в котором и без того царят неблагополучие и разлад между близкими людьми. Рассматривая данный архетипический образ с точки зрения эволюционного развития драматургии XX века, следует отметить, что разрушение и одичание Дома начинается после того, как герои чеховского «Вишневого сада» покидают имение и, осиротевшие, выбирают каждый свой путь. Не все герои русской драматургии смогли найти себе даже временное пристанище. На современном этапе вместо чеховских «дом» и «усадыба» возникали «коммуналка», «хрущевка», «жилплощадь». Однако в сознании героев по-прежнему остается идеал Дома, который они жаждут обрести. Так, в пьесе Н. Коляды «Амиго»

старая квартира, в которой обитают герои, предстает грязной, неудобной. С этим запущенным пространством контрастирует единственный светлый уголок: «На кухне *сад*: в горшках, деревянных ящиках, в пластмассовых коробках, в бутылках из-под молока...<...> Всё тянется вверх, вьётся по стенам, по окну, свисает на стол и от того на кухне уютно. В других комнатах пыль, паутина, темно...» [10]. Но это только своеобразное *воспоминание* в русской культуре о брошенном вишневом саде. Так персонажи пьесы «Амиго» вспоминают о прошлом благополучии. С сожалением приходится признать, что «того — чеховского — вишневого сада больше не будет. Его вырубили в последней пьесе последнего русского классика» [2].

Что же придет на смену? Явится ли новый идеал? Уйдет ли с театральной сцены антигерой? Еще в первом десятилетии XXI века культурологи и литературоведы высказывали свои опасения по поводу судьбы современного российского театра, а также говорили о значении новой «новой драмы» в литературном процессе. Безапелляционный приговор герою современной драматургии выносит петербургский философ И.И. Неверов, давший интервью о «больном театре» в 2006 году: «...никаких героев тут и нет, есть лишь действующие лица. Ведь первейшее условие существования героя — ответственность за свои деяния, которую возлагает на него драматург... <...> Возлагать ответственность на действующих лиц новой драмы — все равно, что вопрошать, почему тесто, налитое в противень, приняло форму противня. <...> Мы можем только почувствовать их, пожалеть» [13]. Причину такой печальной тенденции И.И. Неверов видит в том, что «в пассивном залоге перед жизнью вообще стоит современный европеец. <...> Он, как и персонаж новой драмы, тоже чаще всего вечно страдающий раб реальности. А рабу трудно быть творцом. А в жизни есть активный положительный герой? Тот и оно. Изменится жизнь, придет новый герой, будет и другая реальность в пьесах» [13].

Главный редактор журнала «Искусство кино» Д.Б. Дондурей отдает должное «новой драме», называя ее «надеждой нашей культуры». «Именно «новая драма», а не новый российский театр. То есть драма как тексты, как новые смыслы, как новая философия, как новое понимание свободы, как путь к иному пониманию морали» [8]. По мнению российского культуролога, только современная драма способна противостоять массовой культуре. Являясь средоточием новых форм, своеобразным «горнилом» идей, она «рассказывает, где могут возникнуть новые сюжеты, новые персонажи, новые отношения, новое понимание реальности» [8]. Тот факт, что «новая драма» сегодня ближе к жизни, чем к театральному искусству, может стать необходимой точкой опоры для дальнейшего развития.

Нельзя не согласиться, что только ощутимые изменения в сознании человека-современника, связанные с поиском новых мотиваций и символов собственной жизни, могут привести к изменению *текста*, запечатлевающего реально существующий тип *героя*. Вслед за *текстом* изменится и российский театр, в котором сегодня роль автора становится все менее значительной. В интервью 2017 года, предшествующем открытию фестиваля «Новая драма», сами драматурги констатируют данную тенденцию: «Есть мнение, что «новая драма» убивает режиссерский театр. А мне кажется, что, наоборот, режиссерский театр убивает драматургию как литературу. Посмотрите: большинство режиссеров ставит не пьесы, а свое ощущение от этих пьес, а потому драматургия у них из литературы превращается в сценарии для постановки» (И. Вырыпаев) [4]. Возможно, утверждение новой традиции, предвестником и создателем которой должна стать «новая драма», будет означать возвращение драматургу статуса единственного творца пьесы. Сотворцом может быть только зритель, связь с которым рождается благодаря *слову*.

Литература постмодернизма (с ее уничтожением объективной реальности и персонажами-симулякрами, воспринимающими хаос как норму жизни) все же оставляет место для целостного характера человека. Этого человека, разумеется, нельзя найти среди маргиналов, существующих в атмосфере безнадежности и саморазрушения. Это те герои, которым в пьесах пока еще дан открытый финал с возможностью ответа на мучающие их вопросы. Внутренняя рефлексия, ставшая эквивалентом поступка в условиях видоизмененного конфликта, все-таки должна закончиться *пониманием, отчуждением* должно стать *принятием*, а *поиск* — обернуться *находкой*. Речь идет о том самом целостном характере, выходе из обыкновенных людей, несущем в своем сознании нравственный идеал, который и является спасением. Соблюдение нравственных норм есть «условие выживания человечества» [7. С. 182]. А для современной русской драматургии — это условие возвращения положительного, созидającego героя. Тоска по героическому в XXI веке вновь одолевает критиков, но главное — авторов пьес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян О. Ю. Современная драматургия: «затянувшийся всплеск» / О. Ю. Багдасарян // Филологический класс. — 2009. — С. 72–75.
2. Вайль П., Генис А. Все — в саду. Чехов // Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/41762/petr-vayl-rodnaya-rech-uroki-izyashnoy-slovesno-sti.php>
3. Васильева С. С. Пути развития русской драматургии конца XX века. / С. С. Васильева // Вестник ВолГУ. Сер. 8: Литературоведение журналистика. — Волгоград, 212. — Вып. 11. — С. 96–101.
4. Вырыпаев И., Коляда Н. Драматизируй это / Беседовал Б. Войцеховский. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://moslenta.ru/kultura/viripaev.htm?utm_source=weekend&utm_medium=article_link&utm_campaign=cross_promo&utm_content=moslenta
5. Гончарова-Грабовская С. Я. Комедия в русской драматургии конца XX — начала XXI века. — М.: Флинта, 2006. — 280 с.
6. Громова М. И. Русская современная драматургия. Учебное пособие / М. И. Громова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/85708/margarita-gromova-russkaya-sovremennaya-dramaturgiya-uchebnoe-posobie.php>
7. Денисова Т. Н., Фесенко Э. Я. Концепция героя в русской драматургии второй половины XX — начала XXI вв.: Монография. — М.: ЛЕНАНД, 2017. — 200 с.
8. Дондурей Д. «Новая драма» призвана спасти театр от раковой опухоли гламура // Театральная Москва. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://subscribe.ru/archive/culture.theatre.yan/200609/21175426.html>
9. Забалуев В. «Новая драма»: российский контекст / В. Забалуев, А. Зензинов // Современная драматургия. — 2003. — № 3. — С. 162–167.
10. Коляда Н. Амиго [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kolyada.ur.ru/amigo>
11. Крюкова Т. Постмодернистский театр как художественный код // Современная драматургия. — 2006. — № 2. — С. 202–211.
12. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература. 1950–1990-е годы: в 2 т. [Электронный ресурс]. — 2 т. — Режим доступа: http://modernlib.ru/books/leyderman_n/sovremennaya_russkaya_literatura_19501990e_godi_tom_2_19681990/read
13. Неверов И. И. Новая драма — горькая пилюля для большого театра / Беседовала Л. Васильева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.orgol.ru/material.php?id=7086>
14. Соколянский А. Отлив драматургической волны // Советская культура. — 1987. — 16 мая.

© Пискун Евгения Сергеевна (evgeniya.piskun@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРОВИДЕНИЯ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКА)¹

Проскурина Анастасия Викторовна

*К. филол. н., доцент, Кемеровский государственный университет
proscurina@yandex.ru*

WORDFORMATIONAL TYPES IN THE LANGUAGE SYSTEM AS THE REFLEXION OF ITS SPEAKERS WORLD VIEW (BASED ON THE TELEUT LANGUAGE)

A. Proskurina

Summary. The present article runs about the identification of the resources distinctness of the Teleut language wordformational system — the language of one of the indigenous small-numbered peoples of the Northern part of Russia who inhabits the territory of Kemerovo region. In the article we set the goal to define and describe wordformational types of the Teleut language from a cognitive aspect whose derived units are specialized in naming the human being (person) in different ways and situations. Study material is based on substantival vocabulary with the suffixes =чы, =даш, =меш, =макчы, =лу, =чык, =чик, =чыл, =(ы)к that we managed to find by continuous sampling from lexicographic resources and transcription of audio and video materials of interviews with the Teleut language native speakers. The usage of the methods of propositional and comparative analysis of derived units wordformational semantics within the scope of analyzed wordformational types allows us to reveal and explain the system of wordformational-propositional and lexical-wordformational meanings. The author of the present article separates partially correlative, not correlative types of wordformational semantics. The results of the description of word-formational types propositionally-semantic organization showed the logic of perception of culturally significant section of the Teleut language native speakers' world view.

Keywords: cognitive word-formation, word-formational types, semantics, propositional structures, the Teleut language, world perception.

Аннотация. Настоящая статья посвящена выявлению своеобразия ресурсов словообразовательной системы языка телеутов — одного из коренных малочисленных народов Севера России, проживающих на территории Кемеровской области. В работе поставлена цель определить и описать с когнитивных позиций словообразовательные типы в телеутском языке, производные единицы которых специализируются на наименовании человека (лица) в разных аспектах. Материалом исследования послужила субстантивная лексика с суффиксами =чы, =даш, =меш, =макчы, =лу, =чык, =чик, =чыл, =(ы)к, полученная путём сплошной выборки из лексикографических источников и расшифровки аудио- и видеоматериалов бесед с информантами. Применение методов пропозиционального и сопоставительного анализа словообразовательной семантики производных единиц в границах рассматриваемых словообразовательных типов позволило вскрыть и обосновать систему словообразовательно-пропозициональных и лексико-словообразовательных значений. Среди видов словообразовательной семантики автором были выделены частично соотносительные, несоотносительные. Результаты описания пропозиционально-семантического устройства словообразовательных типов показали логику восприятия культурно значимого участка картины мира носителями телеутского языка.

Ключевые слова: когнитивное словообразование, словообразовательные типы, семантика, пропозициональные структуры, телеутский язык, мировидение.

Каждый язык, будучи системой хранения и трансляции информации о человеке, его мировидении, характеризуется своеобразной пропозиционально-семантической организацией. Закономерности внутреннего устройства языков, обусловленные их способностью отражать принципы осмысления людьми окружающей действительности, прежде всего проявля-

ются на словообразовательном уровне, единицы которого открывают «возможности для концептуальной интерпретации действительности» [4, с. 8–9].

«Антропоцентрическая направленность словообразовательных ресурсов, будучи их универсальным свойством, обнаруживается при рассмотрении телеут-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 17-04-00253 – ОГН\18 «Язык и культура телеутов».

ского языка — одного из исчезающих языков РФ» [11, с. 179–180]. Носителями этого языка являются телеуты, большая часть которых проживает в Кемеровской области в селах Беловского, Гурьевского, Новокузнецкого районов. К сожалению, в условиях современной жизни телеутский язык используется только в бытовой сфере. В ситуациях официально-деловой коммуникации телеуты вынуждены выбирать русский язык, имеющий статус государственного на территории России. Тем не менее, телеутский язык, несмотря на постепенную утрату своей коммуникативной функции, становится объектом изучения со стороны историков, этнографов, культурологов. Учёными подчёркивается культурная самобытность этноса и своеобразие его родного языка [7, 8; 9; 16; 17, 18; 19]. В фокусе внимания лингвистов находятся фонетические и морфологические особенности телеутского языка. В своих работах исследователи обосновывают его статус как самостоятельного образования (долгое время он считался диалектом алтайского языка) [19]. Однако лексический строй и словообразовательная система телеутского языка не получили полного описания, предполагающего, во-первых, систематизацию лексических единиц в зависимости от способов словообразования; во-вторых, рассмотрение лексем, связанных формально-семантическими отношениями, аспекте их пропозициональной организации; в-третьих, моделирование пропозиционально-семантического устройства телеутского языка с целью выявления особенностей менталитета и национальной культуры народа.

Большая часть лексического состава языка телеутов представлена производными единицами, образованными путем аффиксации. Как отмечает А.Е. Есипова — автор многочисленных работ в области тюркского словообразования, «тюркские языки близки по составу словообразовательных аффиксов, способам и средствам словообразования, а также словообразовательным моделям. Языковые отличия проявляются в количестве и составе словообразовательных аффиксов, их продуктивности, числе заимствованных аффиксов, в различии языков-доноров, в семантике производных с одним и тем же словообразовательным аффиксом» [6, с. 14]. Следовательно, значимым для выявления принципов системной организации словообразования оказывается рассмотрение аффиксальных общностей полнозначных слов, под которыми понимаются «объединения слов одной части речи с общим словообразовательным значением» [Там же, с. 21]. Деривационный аффикс, будучи выразителем словообразовательной семантики [15, с. 10], участвует в образовании серии производных единиц как носителей общего для них семантического наполнения. Аффиксальное словообразование демонстрирует формально-семантические связи между производящими и производными словами в границах словообразовательных типов, которые в совокупности с гнездами

однокоренных слов организуют деривационное пространство языка. «Типы — те языковые рамки, в пределах которых производятся и воспроизводятся слова» [2, с. 13], отражая закономерности словопроизводства как базового механизма когнитивной деятельности носителей языка и моделируя культурно значимые ракурсы видения артефактов, натурфактов и лиц.

Поэтому возникает необходимость в обнаружении и описании способов, с помощью которых словообразовательные типы в телеутском языке перерабатывают, хранят и транслируют ценностно отмеченную информацию. Эта информация, организуя содержательный план производных единиц, имеет «антропоцентрическую направленность: включает знания об устройстве мира и поведении людей, их предпочтениях и ценностях» [10, с. 100].

В центре внимания настоящего исследования находится пропозиционально-семантическая организация производной субстантивной лексики, обозначающей человека (лицо как субъект), в рамках ядерных словообразовательных типов в телеутском языке (далее — СТ). Выбранные для анализа производные лексемы образованы от глаголов и имён существительных с помощью аффиксов: =чы (=чы / чи); =даш (=дош, =леш); =меш; =макчы (=макчы, =мекчи, =мокчы, =мөкчи); =лу (=лу, =ту, =тү); =чык, =чик; =чыл; =(Ы)к (=ык, =ук, =ик, =үк). Источниками материала послужили, во-первых, традиционные лексикографические труды [12; 14]; во-вторых, Электронный пропозиционально-фреймовый словарь телеутского языка, созданный творческим научным коллективом, возглавляемым Л.А. Араевой [20]; в-третьих, аудио- и видеозаписи, полученные в ходе экспедиций в места поселения телеутов.

Следует отметить, что в тюркских языках «большая часть словообразовательных аффиксов имеет фонетические варианты, различающиеся гласными или начальными согласными» [5, с. 49]. Они «варьируют согласно законам ассимиляции согласных и гармонии гласных, поэтому их целесообразно представлять в виде структурных схем, которые позволяют показать особенности губной и палатальной гармонии гласных и наглядно представить все алломорфы каждой аффиксальной морфемы без их перечисления» [6, с. 17]. В связи с этим в статье мы используем обозначения аффиксов, представленные в коллективной монографии под редакцией И.А. Невской [5].

Очерченный круг производной лексики, функционирующей в рамках отглагольных и отыменных словообразовательных типов «глагол + =чы (=чы / чи)», «глагол + =чык, =чик», «глагол + =чыл», «глагол + =(ы)н (=ын, =ин, =ун)», «глагол + =(ы)к (=ык, =ук, =ик, =үк)»;

«имя существительное + =чы (=чы / чи)», «имя существительное + =даш (=дош, =леш)», «имя существительное + =меш», «имя существительное + =ду (=ду, =ту, =тү)», «имя существительное + =макчы (=макчы, =мекчи, =мокчы, =мөкчи)», «имя существительное + =чыл», участвует в формировании семантической сферы в языковой картине мира телеутов, связанной с наименованием категории лица (человека). Человек — это вектор мировосприятия, центр картины мира. Люди воспринимают мир системно, т.е. сквозь призму своего сознания выражают отношение к артефактам и натурфактам, включая их в свою жизнедеятельность.

Анализ субстантивной производной лексики показывает, что в границах рассматриваемых комплексных единиц категория лица (человека) предстает в двух культурно значимых аспектах — функциональном и определительном (характеризующем). Каждый из аспектов отражает ракурс восприятия человека, его функций и характеристик в сознании телеутов (например: *аңчы* — охотник (*аң* — зверь), *жеңүчи* — победитель (*жеңү* — победа); *жолдош* — попутчик (*жол* — путь, дорога), *қатқычыл* — хохотун (*қатқыр* — смеяться)). «Функциональный аспект детерминирует типы номинаций реалий по целенаправленному, трудовому, профессиональному действию, объективированному в языке глаголами, либо существительными, либо прилагательными, выполняющими определённую синтаксическую роль при глаголах. <...> Определительный аспект обуславливает наименование явлений действительности по характерным признакам, действиям, свойствам, предметам» [13, с. 10].

Лицо (субъект) в телеутском языке, подвергаясь словообразовательной детерминации, в функциональном подтипе предстает в следующих аспектах: а) в аспекте функционально значимого действия (*жүгүрик* — бегун (*жүгүр* — бегать), *үренчик* — ученик (*үрен* — учиться), *секирчил* — плясун (*секир* — плясать); б) в аспекте функционально значимого места (*жаргычы* — судья (*жаргы* — суд), *қырачи* — пахарь (*қыра* — пашня)); в) в аспекте функционально значимого объекта (*кеме* — лодочник (*кеме* — лодка), *палыкчы* — рыбак (*палык* — рыба), *жылқычы* — табунщик (*жылқы* — лошадь)); г) в аспекте функционально значимого результата (*сарын* — певец, певица (*сарын* — песня), *журукчы* — художник (*журукчы* — картина, рисунок)).

В характеризующем подтипе лица поименованы в нескольких аспектах: а) в аспекте характерного для них действия (*попушчы* — помощник, защитник (*попуш* — помогать), *жазанчық* — щеголь (*жазан* — наряжаться); б) в аспекте характерного места (*айылчы* — гость (*айыл* — жилище; селение, деревня), *жолдош* — попутчик, спутник (*жол* — дорога, путь); в) в аспекте характерного объекта (*көсмөкчи* — ясновидец, прозорливец (*көс* — глаз)).

Выявленные аспекты наименования лиц через субстантивные производные единицы задают набор пропозициональных структур (далее — ПС), отражающих участие лиц в культурно значимых ситуациях. Ядерными оказываются пропозициональные структуры «субъект по функционально значимому действию» и «субъект по характерному действию», которые получает актуализацию в смысловой структуре большего количества дериватов в рамках СТ «глагол + =чы (=чы / чи)», «глагол + =чык, =чик», «глагол + =чыл», «глагол + =(ы)н (=ын, =ин, =ун)», «глагол + =(Ы)к (=ык, =ук, =ик, =үк)».

Мы видим, что в пропозициональных структурах лицо играет роль субъекта — либо действующего, либо выступающего носителем значимых качеств и характеристик. При этом словообразовательно маркируется не только способность людей выполнять определенные действия, но и место осуществления действий, их соотнесенность с объектами, нацеленность на результат. Этим можно объяснить наличие производных единиц, в семантике которых актуализируются ПС «субъект — действие — объект», «субъект — действие — результат», «субъект — действие — место», организующие пропозиционально-словообразовательные значения (далее — СПЗ). СПЗ — это особый вид семантики, который показывает артефакты, натурфакты, лица, время, место, средства во взаимодействии друг с другом.

Выявленные нами СПЗ «лицо по функционально значимому объекту», «лицо по характеризующему признаку», «лицо по функционально значимому результату», «лицо по функционально значимому месту», «лицо по характерному месту» формируют объём семантического наполнения рассматриваемых СТ.

Семантическое устройство словообразовательных типов являет собой сеть СПЗ и ЛСЗ, которые неравномерно представлены в каждом из них. Например, большинство СПЗ обнаруживается в словообразовательных типах с формантом *чы* (=чы / чи), а в границах словообразовательных типов «имя существительное + =даш (=дош, =леш)» и «имя существительное + =меш» семантическое своеобразие определяется одним СПЗ — СПЗ «субъект по характерному месту» и СПЗ «лицо по функционально значимому объекту» соответственно.

Каждая ПС, будучи базой для формирования СПЗ, по-своему аспектирует лицо (человека), задавая его участие в культурно значимых ситуациях, которые отражаются в наборе лексико-словообразовательных значений (далее — ЛСЗ). На лексико-словообразовательном уровне словообразовательной семантики «происходят

реальные процессы создания новых слов, он определяет характер семантического наполнения словообразовательного типа» [21, с. 288], «внося в него наибольшее разнообразие» [1, с. 13].

Так, в рамках СТ «глагол + =чы (=чы / чи)» функционируют производные единицы, имеющие общее ЛСЗ «лицо по профессии, роду деятельности» (*ǰǰǰǰрчи* — бегун; *ничикчи* — 1) грамотный, 2) писатель; *кǰрешичи* — борец; *ойночи* — игрок. Это ЛСЗ не является уникальным для обозначенного типа. Его обнаруживают дериваты, функционирующие в пределах СТ «имя существительное + =меш» (*тилмеш* — переводчик) и «глагол + =чык, =чик» (*ǰуреник* — ученик). Соответственно такое ЛСЗ, организующее пропозиционно-семантическое устройство СТ, является частично соотносительным.

Наряду с частично соотносительными ЛСЗ можно выделить несоотносительные ЛСЗ, которые выявляют се-

мантическую специализацию отдельных словообразовательных типов. В СТ «имя существительное + =чы» функционируют дериваты, имеющие СПЗ «субъект по функционально значимому результату». В его пределах выделяется ЛСЗ «субъект в аспекте творческой деятельности» (*сарынчы* — певец, певица; *қомысчы* — музыкант), не обнаруженное нами у производной лексики, принадлежащей другим словообразовательным типам.

Вышеизложенное позволяет нам заключить, что пропозиционно-семантическое устройство словообразовательных типов показывает логику восприятия культурно значимого участка картины мира носителями телеутского языка. Производные субстантивы, оформленные разными аффиксами, обнаруживают тенденцию к семантической специализации и в то же время стремятся к взаимному распределению аспектов представления человека в деривационном пространстве самобытного языка телеутов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Араева Л. А. Истоки и современное осмысление основных проблем русского словообразования / Л. А. Араева // Лингвистика как форма жизни. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Л. А. Араевой. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. — С. 4–30.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы / Л. А. Араева. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. — 223 с.
3. Араева Л. А. Языковая картина мира телеутов: монография / Л. А. Араева [и др.]; Кемеровский государственный университет. — Кемерово, 2016. — 237 с.
4. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. — М.: Изд-во «Индрик», 1998. — 240 с.
5. Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Редколлегия: д-р филол. наук И. А. Невская (отв. ред.), канд. филол. наук Н. Д. Алмадакова, канд. филол. наук А. Н. Майзина, канд. филол. наук А. А. Озонова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2017. — 576 с.
6. Есипова А. Е. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка): Автореф. ... дис. д-ра филол. наук: 10.02.02, 10.02.19 / А. Е. Есипова. — Москва, 2011. — 50 с.
7. Кацюба Д. В. Материальная культура бачатских телеутов: учебное пособие / Д. В. Кацюба. — Кемерово: Изд-во КемГУ, 1991. — 92 с.
8. Кацюба Д. В. Духовная культура бачатских телеутов / Д. В. Кацюба. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1993. — 192 с.
9. Кригер Г. Н. Самосознание представителей телеутского этноса: культурно-исторические детерминанты и структурно-содержательные характеристики: монография / Г. Н. Кригер; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет. — Кемерово, 2010. — 126 с.
10. Проскурина А. В. Система антропоцентрической организации словообразовательного типа // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2012. — № 4 (52). Т. 4. С. 99–102.
11. Проскурина А. В. Словообразовательная система телеутского языка как отражение картины мира его носителей / А. В. Проскурина // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири / материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 24–25 мая 2018 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. — Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2018. — С. 179–180.
12. Русско-телеутский словарь / под ред. Л. Т. Рюминой-Сыркашевой, Н. М. Рюмина. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. — 192 с.
13. Словообразовательная система русских говоров Кузбасса. Субстантив. Часть 1. / под ред. Л. А. Араевой. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. — 211 с.
14. Телеутско-русский словарь / под ред. Л. Т. Рюминой-Сыркашевой. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. — 120 с.
15. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания / И. С. Улуханов. — М.: Едиториал URSS, 2004. — 254 с.
16. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках / А. П. Уманский. — Новосибирск: Наука, 1980. — 296 с.
17. Фисакова Г. Г. Из истории изучения телеутской народности / Г. Г. Фисакова // Телеутская земля и её коренные жители. Вып. 1. — Кемерово: КемПК, 1990. — 35 с.
18. Фисакова Г. Г. Некоторые фонетические, грамматические и лексические особенности говора бачатских телеутов / Г. Г. Фисакова // Вопросы тюркской филологии: сборник статей. — Кемерово: КемПК, 1973. — С. 69–75.
19. Функ Д. А. Устное творчество, игры и развлечения бачатских телеутов: материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVII / Д. А. Функ. — М., 1992. — 270 с.

20. Электронный пропозиционально-фреймовый словарь телеутского языка. Часть 1. Электронная база данных / науч. ред Л. А. Араева; ответ. ред. А. В. Проскурина; ред. кол.: О. А. Булгакова, И. А. Крым, М. Н. Образцова, И. П. Фаломкина, М. А. Шадеева, А. А. Шумилова, Е. Е. Язева. — Режим доступа: <http://www.araeva.pp.ua/2014/11/prozic-freym-slovar-teleutskogo-yazyika.html> (дата обращения — 05.05.2018 г.).
21. Янценецкая М. Н. Единицы сопоставительного описания литературного и диалектного словообразования / М. Н. Янценецкая // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. — М.: Наука, 1987. — С. 265–269.

© Проскурина Анастасия Викторовна (proscurina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кемеровский государственный университет

ДЕВИЗЫ РОДОВ ВОЙСК И ВИДОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ

ARMED SERVICES AND BRANCHES OF THE U.S. ARMED FORCES WITHIN THE CONTEXT OF ETHNOCULTURAL STEREOTYPING

**A. Romanov
K. Shnyakina**

This research unveils the nature of relations among such phenomena as «ethnos», «culture» and «language». Vested with the function of axiological retranslation, mottoes of the U. S. Armed Forces services and branches make essential part of the army idiom and facilitate shaping and reinforcing stereotypes of the collective consciousness. Obviously, mottoes of military units belong to the complex of language artefacts reflecting GI's dominant values, behavioral patterns, world outlook and conceptsphere. This paper concludes that military mottoes are typical of semantic implicitness, vocativity, brevity, metaphoricity, widespread use of Latinisms and stereotypogenicity.

Keywords: U.S. Armed Forces; army subculture; GI; stereotyping; stereotype; linguistic means and forms for explicating ethnic stereotypes; military motto; mottoes of the U. S. Armed Forces services and branches.

Романов Александр Сергеевич

К.филол.н., ФГКВУ ВО «Военный университет»
Министерства обороны Российской Федерации
biyalka@mail.ru

Шнякина Кира Вениаминовна

К.филол.н., старший преподаватель, ФГКВУ ВО
«Военный университет» Министерства обороны
Российской Федерации
1881772@mail.ru

Аннотация. Выбор темы, предлагаемой вниманию читателя статьи, определяется характером взаимоотношений между феноменами «этнос», «культура», «язык». Выступающие неотъемлемым компонентом палитры армейского идиома и наделенные функцией аксиологической ретрансляции девизы родов войск и видов вооруженных сил США способствуют формированию и закреплению стереотипов коллективного сознания. Совокупность воплощенных в теле языкового знака артефактов армейского языкового коллектива, к числу которых, очевидно, принадлежит и армейский девиз, отражает аксиологические доминанты субкультурной среды GI, поведенческие паттерны, мировоззрение и концептосферу американских военнослужащих. Делается вывод о том, что отличительными свойствами девизов выступают семантическая имплицитность, вокативность, лаконичность, метафоричность, широкое использование латинизмов, стереотипогенность.

Ключевые слова: ВС США; армейская субкультура; GI; стереотипизация; стереотип; языковые средства и речевые формы экспликации этнических стереотипов; армейский девиз; метафоричность; девизы родов войск и видов вооруженных сил США.

В настоящей работе предпринята попытка дальнейшего осмысления природы феномена стереотипизации на ином языковом материале применительно к армейскому языковому коллективу *GI*³. Актуальность темы настоящего исследования определяется переключением внимания лингвистов на речевую деятельность человека в совокупности с ее экстралингвистическим контекстом, а также актуализацией коммуникативно-прагматического аспекта изучения языка. Объектом научных изысканий избран армейский идиом *GI*, воплощающий в знаках языка

и символике темпорально резистентные стереотипизированные репрезентации имиджа вооруженных сил США, а также морального облика референтного носителя армейской субкультуры. Предметную область настоящего исследования составляют девизы родов войск и видов вооруженных сил США, отражающие аксиологическое ядро социально-профессиональной среды военнослужащих. Наряду с единицами фразеологического массива, единицами социокультурного диалекта, армейскими вербовочными слоганами, текстами прецедентного жанра, армейскими строевыми песнями и т.д. (Романов 2017), к языковым средствам и речевым формам экспликации этностереотипов армейской субкультуры США, бесспорно, относится и армейский девиз. Целью настоящей работы ставится описание морально-этических императивов армейского языкового коллектива *GI* на материале клишированных речевых формул девизов воинских формирований ВС США. Исследование проведено на материале английского языка с использованием аналитико-описательного метода, метода сплошной выборки иллю-

³ Этимологические корни номинации *GI*, применяемой к американским военнослужащим, восходят к событиям Второй мировой войны. Впервые словопотребление аббревиатуры *GI*, образованной от *government issue* (докл. казенного образца, военное имущество), было зафиксировано в 1943 г. По всей вероятности, наименование *GI* произошло от шуточного суждения о том, что сами военные являются продуктом жизнедеятельности государства [12, с. 163–164]. Наиболее часто упомянутое сокращение использовалось «в связи с предметами обмундирования и снаряжения рядовых солдат. Отсюда перенос названия для обозначения солдата и всего относящегося к его жизни обычно в ироническом смысле» [10, с. 120–121].

стративного материала, элементов интенционального и контекстуального анализа.

В рамках настоящего исследования нас интересует собственно армейский языковой коллектив США и его самобытные лингвокультурные артефакты, воплощенные в «речевом паспорте» *GI*. Военный социум понимается нами как устойчивое социальное образование, характеризующееся единством правовых основ регламентации профессиональной деятельности, общественно значимых социальных функций, культурно-исторического наследия, менталитета, идиома и аксиологических ориентаций, условий жизненного уклада. Военному социуму присущи *историческая преемственность, традиционность* (принято различать, например, боевые традиции, традиции обучения, воспитания, воинского быта), *ритуальность, институциональность, субкультурная самобытность*. Военный социум объединяет предшествующие, нынешние и грядущие поколения военнослужащих, членов их семей, гражданских служащих вооруженных сил. Под армейской субкультурой, с нашей точки зрения, понимается наделенная функцией вооруженной борьбы относительно автономная нормативно-семиотическая социокультурная среда в составе материнской, порождающей культуры.

Культурное наследие всякой социальной общности обнаруживает резистентность к темпорально обусловленной аксиологической энтропии лишь при условии преемственности накопленного социально-исторического опыта. Однако культурная память этноса не может передаваться генетически. Все знания, умения, навыки, модели поведения, традиции и обычаи живут в рамках культуры как сложной семиотической системы, регламентирующей поведение индивида в обществе. Межпоколенная эстафета социально значимого опыта может быть уподоблена основному инстинкту самосохранения, присущего, по мысли З. Фрейда, всякому живому организму. Прекращение диалога поколений, в основе которого лежит трансляция опыта взаимодействия человека с внешним миром, грозит утратой национального самосознания, исторической памяти, идентичности. Сказанное позволяет заключить, что межпоколенный диалог есть объективная, закономерная и необходимая потребность социальных существ, обеспечивающая стабильность и жизнеспособность этнокультурных систем. Одним из механизмов передачи социального опыта выступает социально-психологический феномен стереотипизации. Наряду с *когнитивной, ценностно-защитной, регулятивной, прогнозирующей, аффективной, компенсаторной и коммуникативной* функциями, стереотипы наделены функцией *аксиологической ретрансляции*. В контексте языкового коллектива *GI* феномен стереотипизации выступает средством экспансии духовных ценностей армейской субкультуры в диахро-

ническом и синхроническом разрезах [7 с, 122–123]. Полагаем, что устойчивые речевые формулы, определяемые нами как девизы родов войск и видов вооруженных сил США, обнаруживают свойство стереотипогенности и с достаточным основанием могут быть отнесены к категории языковых средств и речевых форм экспликации этностереотипов армейской субкультуры. В понятийных категориях лингвокультурологии термин «экспликация» (от лат. *explicatio* — истолкование, объяснение) соотносится с интерпретацией семантики стереотипа, выявлением его этимологических истоков, определением семантического диапазона и вариантов употребления. Под стереотипогенным потенциалом отдельно взятой содержательно-смысловой единицы языка (речи) понимается категория, план содержания которой отражает потенцию к имплицитной или эксплицитной трансляции оценок, свойств, характеристик как обязательно сопутствующих тому или иному объекту действительности. Отметим, что когнитивные процессы стереотипизации и категоризации как фундаментальные свойства человеческого сознания, обращенные вовне, не тождественны друг другу. Стереотипы возникают тогда, когда из всего многообразия свойств и характеристик стереотипизируемого объекта вычленяется лишь ограниченный набор характеристик (реальных или воображаемых) как обязательно сопутствующих данному объекту.

Социально-профессиональная каста военнослужащих определяется прежде всего онтологическим предназначением и самобытностью культурного наследия, особой ментальностью, историей, традициями, символикой, военным подъязыком, стандартами вербального и невербального поведения. Военный подъязык, по В.П. Коровушкину, интерпретируется как «совокупность фонетических, грамматических и лексических средств национального языка, обслуживающих речевое общение военного социума». Коммуникативные потребности военного социума как единства военно-профессиональной и военно-корпоративной деятельности военнослужащих обслуживаются системой общих и специальных понятий [5, с. 57].

Важную роль в многообразии палитры армейского идиома играют устойчивые обороты речи, дающие достаточный материал для лингвокультурологического анализа. Девизы воинских формирований относятся к текстовым произведениям официоза и выступают частной формой реализации армейских клише. Под последними понимаются ригидные языковые формулы, характеризующиеся высокой воспроизводимостью в типичных условиях речевого общения членов армейского языкового коллектива.

Согласно «Словарю лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, клише (англ. *cliché, stereotyped*

expression, фр. *cliché*, нем. *Klischee, feste Wendung*, исп. *cliché, frase estereotipada*) представляет собой шаблонное, стереотипное выражение, подлежащее механическому воспроизведению в типичных речевых оборотах и бытовых контекстах, либо в определенном литературном направлении, диалекте и т.п. [9, с. 197].

Т.Г. Винокур определяет речевой штамп (от итал. *stampa* — печать) или клише как стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей определенной лингвокультурной общности как «готовый к употреблению» знак для выражения определенного языкового содержания, имеющего экспрессивную или образную нагрузку. При условии частого и регулярного употребления штампом может стать любая структурная и содержательно-смысловая единица языка (речи) — слово и словосочетание, предложение или целостное высказывание (афоризм, пословица, поговорка, частое высказывание), лозунг, профессиональный речевой оборот, троп или фигура речи и т.п. [4, с. 588–589].

Под девизом (франц. *devise*) понимается лаконичное изречение или слово, в котором выражается руководящая линия поведения или деятельности кого-либо, цель, программа действий. В геральдике девиз представляет собой краткую надпись на гербе или щите [1, с. 532], [2, с. 244].

Далее мы предлагаем обратиться к анализу воинских девизов ВС США, отражающих автостереотипы армейского языкового коллектива. Напомним, что по принадлежности субъекта стереотипизации к определенной социальной общности принято различать *автостереотипы* (комплекс оценочных суждений о своем этносе или конкретной социальной группе) и *гетеростереотипы* (совокупность представлений о чужом, иностранном этносе). Для автостереотипов характерна тенденция к закреплению положительных или нейтральных антропологических, интеллектуальных, культурных, поведенческих примет собственной этнической общности или ее конкретных социальных групп [6, с. 75]. Представляется важным сделать оговорку о том, что в рамках настоящего исследования понятие автостереотипа соотносится с саморефлексией членов социально-профессиональной среды военнослужащих.

В настоящее время организационно-штатная структура ВС США представлена пятью самостоятельными видами вооруженных сил: сухопутными войсками (*U. S. Army*), военно-морскими силами (*U. S. Navy*), военно-воздушными силами (*U. S. Air Force*), морской пехотой (*U. S. Marine Corps*) и береговой охраной (*U. S. Coast Guard*). Национальная гвардия армии США выступает организованным резервом сухопутных

войск и военно-воздушных сил США, который может быть задействован в чрезвычайных ситуациях губернаторами штатов для ликвидации последствий стихийных бедствий, поддержания правопорядка и др. Кроме того, в 2018 г. президентом США Д. Трампом было анонсировано решение о формировании шестого вида вооруженных сил — космических войск. На примере девизов сухопутных войск (СВ) армии США проанализируем, каким образом клишированные речевые формулы отражают аксиологические ориентации социально-профессиональной среды *GI*, а также способствуют формированию положительных стереотипов об американской армии.

Учрежденные 14 июня 1775 г. Сухопутные войска США предназначены для ведения наземных боевых действий по всему спектру военных операций. Сухопутные войска включают в себя три основных компонента: регулярные сухопутные войска (*Regular Army*), Национальную гвардию сухопутных войск (*Army National Guard*) и резерв сухопутных войск (*Army Reserve*). В настоящее время в состав СВ США входят следующие рода войск:

1. Боевые рода войск (*combat arms*) — пехота (*Infantry*), артиллерия ПВО (*Air Defense Artillery*), полевая артиллерия (*Field Artillery*), бронетанковые войска (*Armor*), армейская авиация (*Army Aviation*), инженерные войска (*Corps of Engineers*);

2. Рода войск боевой поддержки и непосредственного обеспечения боевых действий (*combat support arms*) — войска связи (*Signal Corps*), военная полиция (*Military Police*), химические войска (*Chemical Corps*), военная разведка и РЭБ (*Military Intelligence*);

3. Рода войск тылового обеспечения (*combat service support*) — генерал-адъютантская служба (*Adjutant General's Corps*), финансовая служба (*Finance Corps*), транспортная служба (*Transport Corps*), медицинская служба (*Medical Corps*) и др. [11 с. 127, 130].

«Принятый на вооружение» в 2006 г. вербовочный слоган *Army Strong* опирается на ряд ключевых профессионально обусловленных доминант армейской субкультуры, получивших название *The Army Values*. Семь ключевых ценностей, которые культивируются в сознании новобранцев армии США во время базовой боевой подготовки (американский аналог курса «молодого бойца») включают: **Loyalty**, **Duty**, **Respect**, **Selfless Service**, **Honour**, **Integrity and Personal Courage**. Упомянутые ключевые концепты, эксплицированные в знаках языка, составляют основу референтного образа американского военнослужащего и образуют акроним *LDRSHIP* = *leadership* — лидерство [8, с. 88].

Официальным девизом СВ вооруженных сил США выступает лаконичное «*This we'll defend*». Дословный перевод изречения не дает ответа на вопрос о том, что же подразумевается под указательным местоимением *this*. В чем заключается имплицитный посыл девиза? Степень понимания коннотативного содержания минимального текстового фрагмента напрямую зависит от фоновых знаний интерпретатора, тесно перекликающихся с культурно-историческим контекстом и глубиной герменевтического анализа.

Основное предназначение Континентальной армии США, сформированной в июне 1775 г., заключалось прежде всего в поддержке национально-освободительного движения и защите американских поселений от колониального гнета Британской короны, о чем свидетельствует приводимая ниже цитата Дж. Вашингтона: «*The Army of the United Colonies, and of all the forces now raised, or to be raised, by them, and of all others who shall voluntarily offer their service, and join the said Army for the Defence of American liberty, and for repelling every hostile invasion thereof*» [14]. Импликация девиза заключается в том, что военнослужащие призваны защищать свободу, независимость и американский образ жизни, выступающие ключевыми ценностными категориями американской нации [16]. На основе приведенного изречения в сознании реципиента выстраивается милитарная метафорическая модель *U. S. Soldier — Defender of Freedom and American Way of Life*. Именно поэтому официальный девиз СВ США подлежит пересмыслению: «*This we'll defend*» — «На страже свободы США» [13].

Воинский девиз есть не что иное, как воплощенная в знаках языка манифестация субкультурной общности армейского языкового коллектива. В качестве иллюстративного материала приведем следующие девизы боевых соединений регулярных СВ (дивизии, отдельные бригады, полки), эксплицирующие систему ценностных ориентаций *GI*. «*Duty, Honour, Country*» — «Долг, Честь, Отечество» (U.S. Military Academy at West Point), «*All the Way!*» — «От начала и до конца!» (82nd Airborne Division), «*Rendezvous with Destiny*» («*Ne desit Virtus*») — «Рандеву с судьбой» (101st Airborne Division), «*Climb to Glory*» — «Восхождение к славе» (10th Mountain Division), «*If not US, Who? If not Now, When?*» — «Если не мы, то кто? Если не сейчас, то когда?» (173rd Airborne Brigade), «*Iron soldiers!*» — «Железные воины!» (1st Armored Division), «*No Mission Too Difficult, No Sacrifice Too Great — Mission First!*» — «Не бывает невыполнимых задач, не бывает слишком больших жертв, боевая задача превыше всего!», «*Duty First, First to Fight*» — «Долг превыше всего, первыми в бой» (1st Infantry Division), «*Steadfast and Loyal*» — «Непреклонные и верные» (4th Infantry Division), «*Ready to Strike,*

Anytime, Anywhere» — «К бою готовы в любое время и в любом месте» (2nd Cavalry Regiment), «*Facta Non Verba*» («*Deeds, not Words*») — «Не словом, но делом» (143rd Field Artillery Regiment), «*Hell on Wheels*» — «Преисподняя на колесах» (2nd Armored Division), «*Leadership and Integrity*» — «Лидерство и сплоченность» (4th US Army), «*De oppresso liber*» («*To free the oppressed*») — «Освободить угнетенных» (U.S. Army Special Forces) [11, с. 137–138], [15], [17]. Семантическое ядро приведенных девизов родов войск и видов вооруженных сил США, пронизанных духом самоотречения ради всеобщего национального процветания, может быть интерпретировано следующим образом: военная служба — величайшая честь и наивысшая форма проявления любви к Отечеству.

Отметим, что для клишированных речевых формул характерно широкое употребление латыни. По-видимому, латынь несет на себе функцию означивания принадлежности к высоким традициям христианских ценностей, уходящих корнями в христианскую культуру. Обращение к латыни свидетельствует о высоком стиле устойчивых речевых формул армейского официоза. Коннотативный компонент армейских девизов апеллирует к культурно-историческому наследию социально-профессиональной среды *GI* и требует эксплицитного развертывания системы смыслов, остающихся вне поля зрения человека непосвященного. Отличительными свойствами девизов выступают *семантическая имплицитность, вокативность, лаконичность, метафоричность, широкое использование латинизмов, стереотипогенность*.

Лингвокультурологический анализ девизов родов войск и видов вооруженных сил США позволяет объективировать национальную культуру через язык и текстовые произведения, а также запечатлеть своеобразие армейского идиома в аспекте генезиса и функционирования культуры. Эксплицирующие семы сплоченности и патриотизма армейские девизы выступают средством демонстрации принадлежности к определенному воинскому подразделению, в лапидарной форме транслируют сущностные характеристики данного рода войск или вида вооруженных сил. Проведенное нами исследование позволяет сделать ряд умозаключений:

1. Армейская субкультурная идентичность *GI* характеризуется своеобразием мировоззрения, армейского идиома, системы ценностей, символики и ритуалов, традиций и норм вербального и невербального поведения;

2. Под **военным социумом** понимается устойчивое социальное образование, характеризующееся единством правовых основ регламентации профессиональной деятельности, общественно значимых социальных функ-

ций, культурно-исторического наследия, менталитета, идиома и аксиологических ориентаций, условий жизненного уклада. Понятие **армейской субкультуры** интерпретируется нами как относительно автономная нормативно-знаковая социокультурная среда в составе порождающей культуры, как часть военного социума, наделенная функцией вооруженной борьбы и защиты национальной безопасности государства;

3. Под **стереотипогенным потенциалом** определенной содержательно-смысловой единицы языка (речи) понимается категория, план содержания которой отражает потенцию к имплицитной или эксплицитной трансляции оценок, свойств, характеристик как обязательно сопутствующих тому или иному объекту действительности;

4. Воинские девизы выступают неотъемлемым атрибутом армейского идиома и отражают систему морально-нравственных ориентаций социально-профессионального коллектива военнослужащих, разделяемых членами воинского братства и передаваемых от поколения к поколению. Ригидные языковые формулы армейского официоза позволяют запечатлеть бытующие в массовом сознании обывателя американской лингвокультурной традиции стереотипизированные репрезентации социально-профессиональной группы военнослужащих. Девизы подчеркивают императивность формирования у военнослужащих таких личностных качеств, как *верность Отечеству и воинскому долгу, честь, отвага, мужество, жертвенность, преданность собратьям по оружию, сплоченность, уважение к армейским традициям.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая Советская Энциклопедия: в 50 т. / гл. ред. С. И. Вавилов. 2-е изд. Т. 13. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1950.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Спб., Норинт, 2000. 1536 с.
3. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2 изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685 с.
4. Винокур Т. Г. Речевой штамп // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская Энциклопедия, 1998. 685 с.
5. Коровушкин В. П. Нестандартная лексика в английском и русском военных подъязыках (понятийный аппарат социолексикологического описания) // Вестник ОГУ. № 4. 2003. С. 53–59.
6. Крысько В. Г. Этническая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. Г. Крысько. 2-е изд., стереотип. М.: Академия, 2008. 320 с.
7. Романов А. С. Речевые клише армейской субкультуры США в контексте этнокультурной стереотипизации // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2017. 3(33). С. 122–135.
8. Романов А. С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры: монография / А. С. Романов. М.: Военный университет, 2017. 231 с.
9. Словарь лингвистических терминов / ред.-сост. О. С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
10. Судзиловский Г. А. Сленг — что это такое? Английская просторечная военная лексика / Г. А. Судзиловский. М.: Воениздат, 1973. 182 с.
11. Шевчук В. Н. Справочник военного переводчика. Спб.: Русь, 2016. 400 с.
12. Dickson P. War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War / P. Dickson. — 2nd ed. Dulles, Virginia: Brassey's Inc, 2003. 428 p.
13. Engel R. The brief history of each branch's motto [Электронный ресурс]. URL: <https://www.military1.com/military-lifestyle/article/1553206014-the-brief-history-of-each-branches-motto/> (дата обращения: 11.05.2018).
14. Loc.gov [Электронный ресурс]. URL: <http://www.loc.gov/teachers/classroommaterials/presentationsandactivities/presentations/timeline/amrev/contarmy/drafts.html> (дата обращения: 11.05.2018).
15. Military-quotes.com [Электронный ресурс]. URL: <http://www.militaryquotes.com/mottos/US%20Army%20and%20Corps.htm> (дата обращения: 11.05.2018).
16. Odierno R. Armylive.dodlive.mil [Электронный ресурс]. URL: <http://armylive.dodlive.mil/index.php/2012/07/independence-day-2012/> (дата обращения: 11.05.2018).
17. We are the mighty.com. 19 of the coolest military unit motto [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wearthemighty.com/articles/military-mottos> (дата обращения: 11.05.2018).

© Романов Александр Сергеевич (biyalka@mail.ru), Шнякина Кира Вениаминовна (1881772@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПАТИАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

SPATIAL MODELLING OF REALITY IN NATURAL LANGUAGE

E. Savitskaya

Summary. The subject under consideration is the phenomenon of cultural continuity and structural parallelism between practical sensory-figurative thinking and abstract theoretical thinking. The author points out that sensory images underlie modelling of the unobservable sectors of reality, such as social structure, kinship, mentality, interpersonal relations, vital values system, mathematical regularities etc. Primary attention is given to spatial images used to represent abstractions. The research is based on the English language material.

Keywords: modelling of reality, spatial model, parameter, vision of the world, spatial dimensions, parameter, polydimensional system.

Савицкая Екатерина Владимировна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО Самарский
государственный социально-педагогический
университет, г. Самара
lampasha90@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен культурно-исторической преемственности и структурного параллелизма между наглядно-практическим и абстрактно-теоретическим мышлением. Отмечается, что сенсорные образы лежат в основе моделирования ненаблюдаемых явлений бытия — таких, как социальное устройство, родственные связи, духовный мир, межличностные отношения, система жизненных ценностей, математические закономерности и др. Первостепенное внимание уделяется пространственным представлениям, с помощью которых в естественном языке репрезентируются абстракции. Исследование проведено на английском языковом материале.

Ключевые слова: моделирование действительности, спатальная модель, параметр, картина мира, измерения пространства, полиметрическая система.

С Лем указал на преемственность между наглядно-практическим и абстрактно-теоретическим мышлением: человеческое «родство с мартышками и лемурами еще так тесно», что люди «не способны примириться с утратой наглядности, и изложение, которое лишено подпорок крепкой, дородной чувственности, ... скучно и тягостно или по крайней мере оставляет чувство неудовлетворенности ... Космогонисты не могут не рисовать себе хоть какой-нибудь наглядный образ Метагалактики, отлично зная, что о наглядности тут говорить не приходится; физики втайне пособляют себе картинками ...; и хотя математикам кажется, что уж они-то упраздняют ... собственную телесность, — они ошибаются тоже» [4, с. 142].

Биологическая природа человека и проистекающая из нее специфика способов отражения действительности неустранима из процесса познания. В частности, особенности восприятия человеком окружающего пространства с помощью зрительного анализатора, унаследованного от приматов, во многом определяют картину мира. Мир видится людям именно таким, а не иным потому, что они обладают приматским зрением; насекомые, с их фасеточным зрением, видят мир по-своему, а существа, которые вместо зрения используют эхолокацию, — по-своему. Во всех случаях информация о мире достоверна в той мере, в какой она достаточна для выживания в среде, но картины мира выглядят по-разному. Таким образом, восприятие человеком пространства опосредовано особенностями его зрительного анализатора.

То, как мир видится людям — это не непосредственная объективная данность, а результат преломления сигналов сквозь призму их органов чувств.

Сам термин *картина мира* имеет спатальную (от латинского *spatium* «пространство») образную основу. Созерцая картину мира, человек мысленно размещает в ее «просторах» всё им видимое; он моделирует мир в категориях пространства.

«Пространственные категории, — отметил в этой связи С. М. Шалютин, — становятся как бы всеобщим языком» [8, с. 124]. В терминологии семиотики культуры этот язык можно назвать универсальным культурным кодом.

С помощью этого кода моделируются такие области действительности, как устройство общества, родство, духовный мир, межличностные отношения, система ценностей, степени качества и другие градации, математические закономерности и мн. др. Очень многое, включая нематериальные явления, можно представить как пространство. В этой связи необходимо кратко охарактеризовать понятие пространства.

Зрительное воображение позволяет ученым моделировать структуру ненаблюдаемых явлений в форме зримых схем и словесно выраженных предметно-наглядных аналогий, а кроме того, в образной основе тех терминов

space «пространство»				
psychic психическое	mathematical математическое	physical физическое	linguistic языковое	cultural культурное

и номенклатурных наименований, которые имеют метафорический или метонимический характер.

Например, в рамках психоаналитической метафоры человеческая личность сравнивается с сэндвичем, у которого нижний слой обозначает сферу бессознательного («Оно»), верхний — сферу моральных заповедей и запретов («Сверх-Я»), а срединный — сознательное «Я», на которое оказывается давление как снизу, так и сверху [6]. Следует учитывать, что перед нами модель строения не мозга (материального предмета, который занимает объем в физическом пространстве), а психики — нематериального объекта, который не имеет физических, в том числе материально-пространственных, характеристик. Так называемая топическая (греч. τόπος «место») модель личности в психоанализе подразумевает не физический, а психический топос.

По прошествии длительного времени образность терминов стирается; это дает мышлению возможность выходить за пределы существующей модели и конструировать дальнейшие модели изучаемого объекта. Например, философы Древней Греции создали учение о первичных, далее не разложимых частицах вещества — атомах; представление о первичности отразилось во внутренней форме этого названия (ἄ-τομος «не-делимый»). Со временем ученые перестали заострять внимание на семанте «неделимый», содержащейся во внутренней форме слова *атом*, что способствовало появлению нового представления о природе атомов — об их делимости на элементарные частицы. Та же история позднее повторилась с термином *элементарная* (букв. «первичная») *частица* — эти частицы тоже оказались делимыми, и внутренняя форма данного термина тоже утратила актуальность. Во многих случаях познание требует отказа от прежних представлений, заключенных во внутренней форме языковых единиц.

Чувственные представления, применяемые научной мыслью как орудия моделирования действительности, подразделяются на классы; один из них — это класс спатальных представлений.

И. Кант полагал, что представления о пространстве носят врожденный характер; он назвал их априорными идеями [2, с. 47–51]. В наше время эта гипотеза нашла подтверждение в исследованиях по когнитивной психологии ([1], [10] и др.). Эволюция заложила в человека изначальную способность ориентироваться в физическом

пространстве и, оперируя материальными вещами внутри него, на этой основе осуществлять сенсомоторное мышление. Пространство внедрено в ментальность человека, составляя фундамент для наглядных представлений о мире: ведь всё, что случается с человеком и вокруг него, происходит в трехмерном физическом пространстве.

Система спатальных понятий — важная составляющая категориального аппарата целого ряда наук, включая языкознание. В наше время нелегко вообразить сколько-нибудь объемный научный труд, не содержащий терминов со спатальной образностью. В англоязычных трудах наряду с термином space «пространство» применяются следующие спатальные в своей основе термины: surface / underlying / deep structure — поверхностная / подповерхностная / глубинная структура, adjacence / proximity / remoteness — смежность / близость / удаленность, dimension(ality) — измерение/ мерность (пространства), discreteness / continuity — дискретность / непрерывность (пространства), co-ordinates — координаты / вехи (пространства), centre / periphery — центр/ периферия (поля), domain / area — участок / зона, volume — объем / степень, sphere — область / сфера, distance — расстояние, level — уровень (ярус), borderline — граница, vector — вектор, scale — шкала, field — поле, row — ряд, expanse — протяженность и др.

В языковедческих трудах спатальные представления о структуре языка

репрезентируются не только словесными, но и пикториальными средствами — в форме диаграмм, графиков, разных геометрических фигур и т.п. Упомянутые представления пронизывают теорию языка сверху до низу, выполняя функцию ее реляционного каркаса или, образно говоря, сети тропинок, по которым движется мышление исследователей.

Использование названных категорий в отношении нематериальных объектов нередко именуют концептуальной метафорой (таков, к примеру, термин mental space «ментальное пространство», у которого прототипом является физическое пространство). Но, на наш взгляд, такие термины можно назвать концептуальными метафорами главным образом по их происхождению, тогда как на современном этапе термин space «пространство» обладает не метафорическим, а расширенным значением (см. таблицу)

Дистинктивная сема «physical» («физическое») в данном ряду не является приоритетной перед остальными дистинктивными семами. Она может занимать не первое, а любое другое место в этом ряду. Иначе говоря, в настоящее время физическое пространство нельзя назвать «главным» среди пространств.

Англ. space через лат. spatium в конечном счете восходит к индоевр. *spe- «растягиваться» [9] и имеет синонимы expanse, extent, stretch, передающие идею протяженности. Пространство, понимаемое в широком смысле этого слова, представляет собой протяженность или, иначе, последовательность числовых значений какого-либо параметра объекта, которые можно расположить на шкале. (Параметр — характеристика системы, поддающаяся измерению и принимающая разные числовые значения. Значения параметров — показатели состояния системы на момент измерения [5].)

В широком смысле пространство — это не только физический феномен, а его измерения (параметры) — не только длина, ширина и высота. Измерения пространства объекта — градуальные свойства данного объекта. Пространства имеют разное число измерений и, соответственно, называются одномерными, двумерными, трехмерными, ... многомерными. Любое измерение может быть представлено в виде шкалы с рядом делений. Пространство в этом смысле есть монометрическая (одномерная) или полиметрическая (многомерная) система — множество связанных друг с другом измерений, составляющих единство. В практике измерений одну шкалу — монометрическую систему — пространством обычно не именуют; поэтому фактически пространство представляет собой пересечение двух и более шкал, отражающих существенные свойства объекта.

Например, физиологическую систему организма можно представить как додекаметрическое пространство, т.е. пространство, состоящее из 12 основных измерений: 1) уровень кровяного давления, 2) число дыхательных движений, 3) частота сердечных сокращений в покое, 4) уровень гемоглобина, 5) уровень билирубина, 6) состав мочи, 7) рост-весовой индекс, 8) уровень сахара крови, 9) кислотно-щелочное равновесие крови, 10) количество лейкоцитов в крови, 11) температура тела, 12) уровень холестерина [7]. Совокупность значений параметров определяет так называемое параметрическое состояние системы, в данном случае состояние здоровья индивидуума на момент тестирования.

Этим способом можно репрезентировать многие другие системы — объекты, относящиеся к экономике, психике, социуму, культуре, языку и т.д.

Обращаясь к лингвистике, следует указать, что применение спатальных категорий в ее понятийном аппарате — плодотворный метод презентации самых

разных явлений языка. Например, устоявшаяся в языковедческих трудах система уровней языка выглядит как двумерное пространство, в рамках которого одноуровневые единицы разворачиваются в горизонтальный ряд, а разноуровневые выстраиваются в вертикаль.

Но эта модель неполна; по верному замечанию А.В. Кунина, синтаксису в ней нет места [3, с. 90]. Это обусловлено тем, что по своему составу синтаксис не гомогенен фонологическому, морфемному, лексическому уровням — ведь на них располагаются **единицы** языка, тогда как синтаксис содержит языковые **конструкции**. Синтаксис входит в третье измерение языкового пространства, вмещающее иные модели (фонотактические, словообразовательные, модели семантической сочетаемости и пр.). Из них выстроена другая иерархия.

Супрасегментные средства образуют четвертое измерение языкового пространства.

Мы полагаем, что следующим шагом в разработке модели уровней языковой системы должна стать не плоская вертикаль, а многомерное пространство.

Спатальный характер носит и лингвистическое понятие «поле». Поле может быть определено как часть языкового пространства, которая вмещает систематизированное множество единиц, связанных друг с другом разными парадигматическими отношениями, как содержательными, так и формальными. Всякая парадигма языка может быть репрезентирована в виде поля, в рамках которого дистанции между входящими в него единицами обусловлены тем, насколько единицы сходны / различны по одному или нескольким параметрам.

Например, в системе английского вокализма дистанция между гласными

[e] и [æ] мала (они располагаются в соседних ячейках матрицы), т.к. они различаются только по одной паре дистинктивных признаков (средний / низкий подъем), тогда как дистанция между гласными [e] и [a:] длиннее, т.к. они различаются по нескольким парам дистинктивных фонологических признаков.

Аналогичным образом, в английском семантическом поле «Domestic Livestock» («Домашний скот») значения слов stallion «жеребец» и steed «конь» расположены ближе одно к другому (характеризуются меньшим количеством дистинктивных сем), нежели значения слов stallion «жеребец» и ewe «овца».

Презентация подсистем языка в виде пространств и полей позволяет на практике использовать одно из главных достоинств моделирования как метода исследования — компактность и наглядность отображения объекта.

По существу, всякую полиметрическую систему, которая входит в состав естественного языка, можно репрезентировать как пространство либо его фрагмент (поле). Одно пространство создается перекрестьем шкал «диакрония — синхрония»; второе — «план выражения — план содержания»; третье — «синтагматика — парадигматика» и др. С этих позиций язык видится не как одно пространство, а как несколько пространств, вставленных одно в другое.

Здесь следует учитывать, что «пространство» — категория не объектного, а эпистемологического уров-

ня, модель операционального типа, которая состоит в не прямой связи с действительностью языка. Лингвисты устанавливают в языке разного рода пространства, при этом исходя как из объективно существующей языковой структуры, так и из задач, которые они поставили перед собой. Качество, количество и пределы языковых пространств обуславливаются не только объективным, но и — в некоторой степени — прагматическим фактором. Исследуя язык, лингвисты не обнаруживают (как объективный факт), а постулируют (как модель) то или иное пространство. Они оперируют не самим объектом, а его моделью, сконструированной ими же в целях удобства анализа объекта; это обычная практика применения метода моделирования.

Такова, по нашим представлениям, роль спатальных категорий в процессе познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. — М.: изд-во ЛКИ, 2007. — 136 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2016. — 736 с.
3. Кунин А. В. Фразеологический уровень языка // Уровни языка и их взаимодействие: Тезисы докладов науч. конф. — М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1967. — С. 90–97.
4. Лем С. Вступительная лекция ГОЛЕМА. О человеке трояко // С. Лем. Мнимая величина. ГОЛЕМ XIV. — М.: АСТ, Астрель, 2010. — С. 142–191.
5. Научно-технический словарь [Электронный ресурс] / под ред. М. Циммермана. — Режим доступа: <http://slovariki.org/naucno-tehniceskij-slovar-cimmermana-russko-anglijskij>
6. Фрейд З. Психология бессознательного. — М.: Мидгард, Neoclassic, 2007. — 608 с.
7. Храмова Е. Ю. Справочник неотложной помощи [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <https://info.wikireading.ru/74047>
8. Шалютин С. М. Искусственный интеллект: гносеологический аспект. — М.: Мысль, 1985. — 198 с.
9. Klein's Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. — Amsterdam, London, New York: Elsevier Publishing Co., 2013. — 844 p.
10. Lynch G., Palmer L. A Kantian View of Space // Science. — 2010. — Vol. 328. — P. 1487–1488.

© Савицкая Екатерина Владимировна (lampasha90@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Самара

ПРИНЦИПЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ФИТОНИМОВ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

PRINCIPLES OF WORD-FORMATION OF PHYTONYMS IN THE EVENIAN LANGUAGE

I. Sadovnikova

Summary. The article deals with the application of the principle of word formation of phytonyms in the Even language. In the lexical system of the Even language there are lexemes formed by various derivational models based on the addition of the suffix to the producing basis. Even language has many ways of forming new words, including compositing, conversion, lexical-semantic method, etc. In this article, we will consider only the suffixal way of word formation of phytonyms.

Keywords: Even language, suffixation, phytonyms, word formation, lexicon of the plant wo.

Садовникова Ия Ивановна

К.филол.н., м.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, (г. Якутск)

Sadovnikova79@mail.ru

Аннотация. В статье идет речь о применении принципа словообразования фитонимов в эвенском языке. В лексической системе эвенского языка представлены лексемы, образованные различными словообразовательными моделями, основанными на присоединении суффикса к производящей основе. Эвенский язык располагает многими способами образования новых слов, к числу которых относятся словосложение, конверсия, лексико-семантический способ и т.д. В этой статье мы рассмотрим только суффиксальный способ словообразования фитонимов.

Ключевые слова: эвенский язык, суффиксация, фитонимы, словообразование, лексика растительного мира.

В эвенском языке различаются словообразовательные и формообразующие суффиксы. Словообразовательные суффиксы служат для образования новых по значению слов, то есть они меняют или дополняют лексическое значение корня.

Суффиксация — наиболее простой и упорядоченный способ словообразования, так как новое слово создается в формальном плане по аналогии с имеющимися производными. При этом производящими основами могут быть как именные, так и глагольные, в соответствии, с чем производные существительные делятся на отыменные и отглагольные. При этом используются различные аффиксы.

При помощи суффикса *-мңа\|-мңэ* от существительных образуются новые основы существительных со значением рода занятий, определяемого по данному предмету по выполняемой ими работе. Данный суффикс очень продуктивен и в большинстве случаев обозначает субъект не только по постоянному занятию, но и того, кто в данное время работает, например: *боклимңа* «человек, который собирает орехи», от глагола *боклидай* «собирать орехи», образован от слова *бокат* «орех»; *дэвэнңитэмңэ* «человек, который собирает грибы», от глагола *дэвэнңитлэдэй* «собирать грибы», образован от слова *дэвэнңит* «гриб»; *тэвлимңэ* «человек, который собирает ягоду», от глагола *тэвлидэй* «собирать ягоды», образован от слова *тэвтэ* «ягода»;

хэглимңэ «человек, который рубит ветки лиственницы», от глагола *хэглидэй* «собирать ветки лиственницы», образован от слова *хэгтэ* «ветка лиственницы» и т.д.

При помощи суффикса *-нмай\|-нмэй* от глагольных основ образуются существительные, названия места и процесса действия, например: *боклинмай* «бор орехов», от глагола *боклидай* «собирать орехи, шишки», образован от слова *бокат* «орех, шишка»; *тэвлинмэй* «бор ягод», от глагола *тэвлидэй* «собирать ягоды», образован от слова *тэвтэ* «ягода»; *хинтэнмэй* «бор съедобного корня», от глагола *хинтэлидэй* «собирать съедобный корень», образован от слова *хинтэ* «съедобный корень» и т.д.

При помощи суффикса *-кич* образуются новые слова, которые от глагольных основ образуют существительные со значением, совершаемого действия, а также обычного места действия, например: *бокликич* «место, где можно собирать орехи», от глагола *боклидай* «собирать кедровые орешки», образован от слова *бокат* «орех, шишка»; *дөктэкич* «место сбора ольхи», от глагола *дөктэдэй* «собирать ольху», образован от слова *дөктэ* «ольха»; *тэвликич* «место, где можно собрать ягоды», от глагола *тэвлидэй* «собирать ягоды», образован от слова *тэвтэ* «ягода»; *чускич* «место, где можно собрать сок растений», от глагола *чустадай* «собирать сок растений», образован от слова *чус* «сок» и т.д.;

С суффиксом *-мкин* от глагольных основ образуются существительные со значением постоянного места действия, например: *боклимкин* «место, где собирают орехи», от глагола *боклидай* «собирают орехи, шишки», образован от слова *бокат* «орех, шишка»; *тэвлимкин* «место, где собирают ягоды», от глагола *тэвлидэй* «собирают ягоды», образован от слова *тэвтэ* «ягода»; *хулэмкин* «место, где заготавливают тополь», от глагола *хулдэй* «заготовить тополь», образован от слова *хул* «тополь»; *чусамкин* «место, где собирают сок дерева», от глагола *чустадай* «собирают сок дерева», образовано от слова *чус* «сок» и т.д.

Отыменные существительные

В группе отыменных существительных по основным значениям, которые принимают именны основы при помощи тех или иных суффиксов, могут быть выделены следующие категории: имя лица, имя предмета-вещи, имя собирательное.

С суффиксом *-манн/ -мэн/ -магэн* образуются существительные со значением лиц, любящий, употребляющий данный предмет, например: *тэвлимэн* «любитель ягод», образован от слова *тэвтэ* «ягода»; *хинтэмэн* «любитель съедобного корня», образован от слова *хинтэ* «съедобный корень» и т.д.

С суффиксом *-ми* образуются новые существительные, указывающие предмет из какого материала он сделан, например: *кивэми* «изделие из бересты», образован от слова *кивэ* «береста»; *оратми* «изделие из травы, используемое как стельки для обуви», образован от слова *орат* «трава»; *хигримми* «изделия из стружек, используемые как салфетки», образован от слова *хигри* «стружка»; *хулдами* «лыжи из тополя», образовано от слова *хул* «тополь» и т.д.

От существительных при помощи суффикса *-г/-каг, -кэг*

образуются существительные со значением совокупности данных предметов, например: *болгиг* «заросли кедровника», образован от слова *болгит* «кедровник»; *хивэг* «заросли хвощей», образовано от слова *хивэт* «хвощ» и т.д.

От существительных при помощи суффикса *-каг/-кэг*

дывэкэг «заросли черной, каменной березы», образовано от слова *дывэд* «черная каменная береза»; *дэдакаг* «заросли ольхи», образовано от слова *дэдан* «ольха»; *дөктэкэг* «заросли мелкой ольхи», образовано от слова *дөктэ* «ольха»; *ирэкэг* «заросли молодого кустарника», образовано от слова *ирэт* «кустарник»; *нивэкэг* «заросли ползучей карликовой березы», образовано от слова *нивэт* «ползучая карликовая береза» и т.д.

Собирательное значение также имеет омертвелый словообразовательный суффикс *-т/-та/-тэ* с их помощью образуются названия предметов. Сюда относятся названия различных ягод, кустарников, вообще растений и их частей, например: *анит* «трава, растущая на гари»; *бокат* «орехи»; *болгит* «кедровый стланец»; *дыңтэ* «густой лес»; *дэвэнңит* «гриб»; *дят* «хвоя лиственницы»; *инңамта* «морозка»; *имукэт* «тальник, ива (молодые побеги)»; *иргэт* «дерево, о котором олень трется рогами»; *ирэт* «молодое дерево»; *качикат* «вербные барашки»; *коңат* «тростник, камыш»; *кэмнэт* «дерево толщиной в обхват»; *навта* «ягель» и т.д.

Также омертвелым суффиксом собирательного значения *-с/-са/-сэ /-ра/-рэ/ -нра/ -нрэ/ -лра/ -лрэ* оформлены названия предметов, представляющих собой совокупность отдельных частиц: *алгас* «нарост на дереве»; *дилгас* «сок древесный»; *хявус* «гнилушка, трухлявое дерево»; *чус* «сок растений, ягод»; *нямалра* «мох»; *мукалра* «кочка»; *эбдэнрэ* «лист, листва» и т.д.

С суффиксом *-лта\-лтэ*, означающий совокупность предметов, расположенных в определенном направлении один по отношению к другому, например: *анчисалта* «деревья, расположенные рядом, бок обок», образовано от слова *анчиса* «растущий рядом с деревом»; *амарта* «деревья, растущие один за другим» и т.д.

Суффикс *-кая/ -кэе* указывает усиленно-увеличительное значение, например: *дөктэкэе* «большая ольха», образовано от слова *дөктэ* «ольха»; *ирэткэе* «большая лиственница», образовано от *ирэт* «молодая лиственница»; *хякитакая* «большое дерево», образовано от слова *хякита* «дерево» и т.д.

С суффиксом *-кан/-кэн* образуются слова, уменьшительно-ласкательной формы, например: *тэвтэкэн* «маленькая ягодка», образовано от слова *тэвтэ* «ягода»; *хяткакан* «маленький тальничок», образовано от слова *хят* «ива, тальник, верба» и т.д.

Словообразование прилагательных

Суффикс *-ла/-лэ* и с частицей отрицания *ач* «без», помещаемой перед словом, образуются прилагательные, выражающие признак отсутствия предмета, например: *ач дэвэнңитлэ* «безгрибный», образовано от слова *дэвэнңит* «гриб»; *ач тэвтэлэ* «безягодный», образовано от слова *тэвтэ* «ягода» и т.д.

Отыменные глаголы

С суффиксом *-да/-дэ/-та/-тэ* образуются слова со значением действия с помощью данного предмета,

например: *гардадай* «действовать веткой», т.е. «кинуть, швырнуть сухим сучком», образовано от слова *гар* «сучок»; *ичикидадай* «действовать крапивой», т.е. «бить крапивой», образовано от слова *ичик* «крапива»; *хяттадай* «действовать веткой», т.е. «хлестать, бить веткой», образовано от слова *хят* «ветка» и т.д.

С суффиксом *-да/-дэ, -та/-тэ* образуются слова со значением использования данного материала для определенных целей, например: *дөктэдэдэй* «использовать кору ольхи для краски», образовано от слова *дөктэ* «ольха»; *кивэдэдэй* «использовать бересту березы для поделок», образовано от слова *кивэ* «береста»; *оратмидадай* «использовать сухую траву, для поделок», образовано от слова *орат* «сухая трава» и т.д.

С суффиксом *-ты/-ти* образуются слова со значением съедения, употребления данного предмета, например: *бокаттидай* «есть, щелкать орешки», образовано от слова *бокат* «орех, шишка»; *гиттидай* «есть голубику», образовано от слова *гит* «голубика»; *чоятидай* «есть кислицу», образовано от слова *чоя* «кислица (ягода)»; *энуттидэй* «есть черемшу», образовано от слова *энут* «черемша» и т.д.

С суффиксом *-м* образуются слова со значением издавать запах, пахнуть чем-нибудь, например: *дэвэнцитэмдэй* «пахнуть грибами», образовано от слова *дэвэнцит* «гриб»; *дөктэмдэй* «пахнуть ольхой», от *дөктэ* «ольха»; *исагамдай* «пахнуть лесом», образовано от слова *исаг* «лес»; *хайтамдай* «пахнуть травой, сеном», образовано от слова *хайты* «травы, сено» и т.д.;

С суффиксом *-ла/-лэ* образуются слова со значением «пойти за чем-либо», например: *боклайдай* «пойти за орехами», образовано от слова *бокат* «орех»; *тэвлэдэй* «пойти по ягоды», образовано от слова *тэвтэ* «ягода»; *хэглэдэй* «пойти за ветками лиственницы», образовано от слова *хэгтэ* «ветка лиственницы, для подстилки» и т.д.

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

С суффиксом *-вкан/-вкэн* образуются слова, которые показывают, что субъект побуждает, заставляет какое-то другое лицо или предмет совершить действие, например: *боклавкандай* «заставить идти по орехи», от *боклайдай* «собирать орехи, шишки», образовано от слова *бокат* «орех, шишка»; *тэвливкэндэй* «заставить собрать ягоды», от *тэвлидэй* «собирать ягоды», образовано от слова *тэвтэ* «ягода»; *хэгтэвкэндэй* «заставить подстилать хвойные ветки», от *хэгтэдэй* «подстилать хвойные ветки», образовано от слова *хэгтэ* «хвойная ветка» и т.д.

С суффиксом *-сан/-сэн* образуются слова, которые указывают на моментальное, быстрое действие, например: *бокласандай* «быстро сходить по орехи» от *боклайдай* «пойти за орехами», образовано от слова *боккат* «орех, шишка»; *нюттасандай* «быстро замазать смолой», от *наттадай* «смазать смолой», образовано от слова *нют* «смола» и т.д.

С суффиксом *-м (-м/-са; -м/-сэ)* образуются слова, которые означают желание совершать действие, например: *бокламдай* «хотеть, испытывать желание собрать орехи», от *боклайдай* «собирать орехи», образовано от слова *боккат* «орех»; *тэвлимдэй* «хотеть, испытывать желание собрать ягоды», от *тэвлидэй* «собирать ягоды», образовано от слова *тэвтэ* «ягода» и т.д.

Итак, эвенский язык, в частности, лексика растительного мира, располагает богатейшими внутренними словообразовательными ресурсами, которые открывают перспективу создания новых слов. Наиболее распространенным, ведущим типом образования слов в современном эвенском языке является морфологический способ словообразования. Он располагает большим запасом словообразующих суффиксов, применяемых всеми изменяемыми частями речи. От основ имен существительных при помощи словообразовательных суффиксов образованы имена прилагательные, глаголы. При помощи отыменных суффиксов эвенского языка созданы производные имена существительные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. — 263с.
2. Роббек В. А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 726 с.
3. Роббек В.А., Роббек М. Е. Эвены. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 354с.
4. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947. — 270 с.

© Садовникова Ия Ивановна (Sadovnikova79@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF THE COMPLEX PROCESS IN KUMIKSKY LANGUAGE

A. Saidov
N. Gadjiahmedov
A. Rashidov

Summary. The article deals with the structural and semantic features of the compound sentence in the Kumyk language. The main attention is paid to the analysis of the subordinate determinative, which is still controversial throughout Turkic studies.

Based on a comparison with the Russian language, the trace of which has been preserved in the syntax of the Kumyk language, the authors, pointing to the structural and semantic features of the Kumyk clause, make an attempt to substantiate the criteria for its isolation and delimitation in the Kumyk language, which are presented in different publications in different ways, which introduces confusion in their study not only on a scientific level, but also in school and university courses. The article emphasizes that in the Kumyk language, the adjective determinative (and participial turns), unlike the Russian language, are never intonationally distinguished and not isolated on the letter, in addition, certain kinds of appendages of the defining Russian language do not have corresponding constructions in the Kumyk language and vice versa. Personally, the authors translated examples from their native language into Russian.

Keywords: Kumyk language, compound sentence, semantics, subordinate determinative, transitive constructions, subject, predicate, affixes of affiliation, intonation, word order.

Саидов Абдулкерим Магомедович

*К.п.н., доцент, Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра
РАН
abdul_1950@mail.ru*

Гаджихмедов Нурмагомед Эльдерханович

*Д.филол.н., профессор, Дагестанский государственный
университет
nur1@yandex.ru*

Рашидов Агаверди Алиевич

*К.филол.н., доцент, Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра
РАН
Agaverdi.rashidov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются структурно-семантические особенности сложноподчиненного предложения в кумыкском языке. Основное внимание уделено анализу придаточного определительного, которое до сих пор остается спорным во всей тюркологии.

На основе сопоставления с русским языком, след которого до настоящего времени сохраняется в синтаксисе кумыкского языка, авторы, указывая на структурно-семантические особенности кумыкского придаточного определительного, делают попытку обосновать критерии его выделения и разграничения в кумыкском языке, которые преподносятся в разных публикациях по-разному, что вносит путаницу в их изучение не только на научном уровне, но и в школьном и вузовском курсах. Статья подчеркивает, что в кумыкском языке придаточные определительные (и причастные обороты), в отличие от русского языка, никогда интонационно не выделяются и не обособляются на письме, кроме того, некоторым видам придаточных определительных русского языка нет соответствующих конструкций в кумыкском языке и наоборот. Лично авторами переведены примеры с родного языка на русский.

Ключевые слова: кумыкский язык, сложноподчиненное предложение, семантика, придаточное определительное, переходные конструкции, подлежащее, сказуемое, аффиксы принадлежности, интонация, порядок слов.

В кумыкском языкознании синтаксис стал предметом исследования относительно недавно, если не считать первой «Грамматики кумыкского языка» Н.К. Дмитриева, которая до сих пор считается единственной научной грамматикой кумыкского языка, где освещаются и вопросы синтаксиса [11]. Задолго до этого Т. Макаров издает «Татарскую грамматику кавказского наречия» [17], где впервые в кумыкском языкознании рассмотрены некоторые аспекты синтаксиса кумыкского языка. Долгое время вопросы синтаксиса оставались освещенными лишь в школьных учебниках.

В 1980 г. А.З. Абдуллаева защитила кандидатскую диссертацию по сложноподчиненному предложению (СПП) кумыкского языка [3]. Работа не лишена влияния русского языка, вследствие чего допущены погрешности в отражении специфики сложноподчиненного предложения кумыкского языка. Сокращенный вариант данной диссертации вошел в коллективную монографию «Современный кумыкский язык» [1].

Основные усилия современных исследователей кумыкского языка были направлены на разработку во-

просов фонетики, морфологии, лексики, диалектной системы кумыкского языка. Таковыми являются свыше двадцати кандидатских диссертаций, защищенных в последние пятнадцать лет, синтаксису кумыкского языка из них посвящено три диссертации, которые изобилуют противоречивыми трактовками изучаемых вопросов, требуют доработки и уточнений [3; 6: 18; 22]. Другие работы по синтаксису в основном носят методический характер [2; 19; 23]. Все названные выше работы не лишены влияния синтаксиса русского языка, что во многом и является причиной их недоработок. Таким образом, в кумыкском языке, в целом эта проблема до сих пор остается неисследованной на монографическом уровне, в то время как во многих тюркских языках она не является актуальной, хотя спорные вопросы по синтаксису во всей тюркологии остаются. Например, точки зрения известных исследователей Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, Н. З. Гаджиевой и др. относительно вопроса «есть ли вообще в тюркских языках придаточное определительное или нет», не совпадают. К ним в первую очередь относятся вопросы, связанные с классификацией односоставных предложений, разграничением некоторых видов СПП и др.

По мнению многих исследователей, в тюркских языках большинство сложных предложений возникло на базе простого предложения, что особенно характерно для конструкций, выражающих подчинительные отношения между их частями. Как отмечает А. Н. Кононов, «подчиненное предложение вырастает изнутри простого, как результат грамматического развития одного из членов простого предложения» [16, с. 217].

Н. З. Гаджиева, Серебренников Б. А., анализируя исторический ход развития сложного предложения, условно выделяет три этапа: «1) абсолютное преобладание простого предложения, 2) появление следов зависимых трансформ, образцов несовершенных трансформ, разнообразие переходных конструкций, грамматически не устоявшихся, 3) оформление зависимых трансформ, исходный импульс развития которых следует искать в самом раннем периоде исторического развития — в факте объединения двух предложений по способу примыкания» [10, с. 394].

Н. К. Дмитриев в своей «Грамматике кумыкского языка» по этому поводу пишет: «Из среды причастных и деепричастных оборотов мы склонны выделить такие, в которых при причастии и деепричастии имеется свое грамматически выраженное подлежащее, отличное от остальной части фразы. Хотя такие обороты не удовлетворяют одному из основных признаков придаточного (сказуемого в форме лица), однако мы склонны считать их тоже придаточными, хотя и переходного типа; в этом типе отсутствие сказуемого в форме, обо-

значающей лицо, как бы компенсируется отчетливо выраженным грамматическим (и логическим) подлежащим» [1, с. 193], хотя на другой странице этого же издания автор называет такие конструкции причастными оборотами: «В отличие от разнообразных конструкций оборот *мен гелгенде сен уйде йокъ эдинг* — «когда я пришел, тебя не было дома» мы не склонны считать придаточным. Это причастный оборот, поскольку *мен гелгенде* неформально выражает то же, что и соответствующая ему эквивалентная форма *мени гелгенимде* или просто *гелгенимде*. Здесь, таким образом, *мен* выступает единственный раз как неопределенный падеж личного местоимения, а формы *мен гелгенде* и *мени гелгенимде* надлежит рассматривать как стилистические параллели. Оба оборота (*мен гелгенде*, и *мени гелгенимде*), по существу, означают «при моём приходе» [1, с. 194].

Таким образом, Н. К. Дмитриев описанную выше формы в кумыкском языке не относит к придаточным предложениям времени и считает их причастными оборотами, образовавшимися на базе членов предложения, которые не всегда могут быть сложным предложением в принятом понимании данного грамматического явления, т.е. не имеют в своем составе или не могут иметь отдельное подлежащее.

Проанализируем приведенное предложение с точки зрения структуры и семантики: *Мен гелгенде, сен уйде ёкъ эдинг* [5, с. 47] «Когда я пришел, ты отсутствовал дома (тебя не было дома)». Как в русском, так и в кумыкском языке данная конструкция является СПП с придаточного времени. Ее нельзя и перевести по-другому. Здесь придаточная часть *мен гелгенде* «когда я пришел» соединяется с главной частью при помощи аффикса местного падежа *-де* и относится к сказуемому главной части *ёкъ эдинг* «не было».

Как и в русском, в данном предложении сказуемое придаточной части *гелгенде* не имеет аффикса лица. При данном сказуемом подлежащими могут выступить личные местоимения всех трех лиц: *мен гелгенде* «когда я пришел», *сен гелгенде* «когда ты пришел», *о гелгенде* «когда он пришел».

Здесь мы разделяем точку зрения У. Б. Алиева, который полемизирует относительно определения СПП с придаточным времени в кумыкском и карачаево-балкарском языке: «Карачаево-балкарский язык близок к кумыкскому, однако те конструкции, о которых Н. К. Дмитриев пишет, как о причастных оборотах, мы уверенно относим к придаточным предложениям времени, поскольку личные местоимения *мен*, *сен* и т.д. в них никогда не встречаются в форме родительного падежа» [7, с. 345–346].

Отметим, что вторая форма *мени гелгенимде*, которая переведена Н.К. Дмитриевым как «при моем приходе» [там же] имеет совершенно другую семантику. Кроме того, ни в русском, ни в современном кумыкском языке такой формы нет.

Наибольший интерес в этом плане представляют СПП с придаточными определительными. В тюркологии до сих пор существуют разные точки зрения относительно вопроса придаточных определительных как отдельного вида сложноподчиненных предложений. Одни ученые считают развернутые обороты распространенными членами предложения, другие — переходными СПП, третьи — СПП [10, с. 94–95].

Не все придаточные определительные кумыкского языка могут передаваться на русском и сложным, и простым предложениями. Рассмотрим примеры:

1. *Заман гелир халкъ кюрлюкде яшайгъан* [12, с. 248] «Настанет время, когда народ будет жить благодатно».

2. *Ол яшагъан уй юртну оър ягъында ерлешген* [8, с. 12] «Дом, в котором (/ где) он жил, находится в верхней части села».

В отличие от первого примера, данные конструкции в кумыкском языке рассматриваются как СПП с придаточным определительным: 1) *халкъ кюрлюкде яшайгъан* — со сказуемым, выраженным причастием настоящего времени с аффиксом *-йгъан*; 2) *ол яшагъан* — со сказуемым, выраженным причастием прошедшего времени с аффиксом *-гъан*. Предложения переводятся на русский язык только, как СПП с придаточным определительным. В них придаточное определительное невозможно передать причастным оборотом русского языка. Функцию русских союзных слов *который, где* в кумыкском языке в таких конструкциях выполняет аффикс причастия прошедшего времени на *-гъан / -ген*, который «полностью совпадает с личной формой глагола 3 л., ед. ч. прошедшего времени и может выступить как сказуемое придаточного определительного предложения» [21, с. 99].

Надо отметить, что каждая из приведенных выше точек зрения известных тюркологов относительно выделения и разграничения придаточных определительных имеет определенную грамматическую логику, вытекающую из особенностей синтаксического строя тюркских языков. Такое расхождение во мнениях ведущих тюркологов происходит вследствие недостаточной разработанности многих вопросов данного раздела синтаксиса.

Такая неопределенность структурно-семантических особенностей СПП, разные подходы к их толкованию

в целом негативно отражается на изучении синтаксиса в школьном курсе. В учебниках и методических пособиях разных лет изданий СПП с придаточными определительными преподносятся по-разному, иногда их и не включают в учебники [13, 14, 20]. Не только учащиеся, но и многие учителя затрудняются определить или неправильно определяют типы СПП, смешивают их с простыми предложениями, осложненными распространенными второстепенными членами предложения.

Рассмотрим примеры.

1. *Сагъынаман гёзлерингни къайгъылы мени гёрген сайын яшдан толагъан* [15, с. 96] «Тоскую по глазам (твоим) печальным, наполняющимся слезами при виде меня».

Данное предложение в кумыкском языке с грамматической точки зрения — простое с распространенным определением, выраженным причастным оборотом, с обратным порядком слов, который в кумыкском языке встречается только в поэтических произведениях. Логически оно близко к СПП с двумя предикативными центрами: *къайгъылы гёзлеринг мени гёрген сайын яшдан тола* «глаза (твои) при виде меня наполняются слезами» и *сагъынаман гёзлерингни къайгъылы* «тоскую (я) по глазам (твоим) печальным».

На русском языке оно может передаваться разными в структурно-семантическом отношении конструкциями в зависимости от категории одушевленности-неодушевленности определяемого существительного, эмоционально-стилистических целей употребления:

1) Простым распространенным предложением с причастным оборотом: Тоскую по глазам (твоим) печальным, наполняющимся слезами при виде меня;

2) СПП с придаточным определительным: Тоскую по глазам (твоим) печальным, которые наполняются слезами при виде меня;

3) ССП с несколькими придаточными (в нашем случае с придаточными определительным и времени с последовательным подчинением): Тоскую по глазам (твоим) печальным, которые наполняются слезами, когда вижу меня.

2. *Атасы давда болгъан яш бизге хыйлы хабарлады* «Мальчик, отец которого был на войне, много нам рассказал».

3. *Давда болгъан яш бизге хыйлы хабарлады* «Мальчик, бывший на войне, много нам рассказал» и «Мальчик, который был на войне, многое нам рассказал».

В первом предложении первая его часть *атасы давда болгъан* «отец, бывший на войне» относится к определяемому существительному-подлежащему в главной части. Если эту часть рассмотреть отдельно с точки зрения характеристики простого предложения, то она выражает логически вполне законченную мысль, т.е. подлежащее и сказуемое находятся в предикативных отношениях, что является основным условием для формирования предложения. На русский язык данное предложение переводится только как ССП с определительным придаточным.

Во втором предложении опущено подлежащее первой части *улары* «сын», остальные слова сохранены, сохранён и их порядок, однако предложение стало простым с распространённым определением к подлежащему *къарт* «старик», выраженным причастным оборотом *давда болгъан* «бывший на войне». На русский язык данное предложение переводится двояко: и как сложное, и как простое (в отличие от первого случая: см. выше). На такое разграничение СПП с придаточными определительными в кумыкском языке указывал Н.К. Дмитриев: «Необходимо, чтобы причастие, в котором приходится видеть сказуемое придаточного, логически было связано со своим подлежащим, а не с каким-либо членом главного предложения» [11, с. 201].

4. *Биз яшайгъан юрт Солакъ озенни ягъасында ерлешген* «Селение, в котором мы живём, расположено на берегу реки Сулак» [8, 38].

5. *Гъабижай чачылгъан авлакъ — эки татавулну арасында* [8, с. 94] «Поле, которое засеяно кукурузой (возможно: засеянное кукурузой), — между двумя канавами».

Первое из этих предложений переводится на русский только как СПП с придаточным определительным, второе — как СПП с придаточным определительным и простое с причастным оборотом.

В кумыкском языке определить их принадлежность к какому-либо типу простых или сложных предложений вызывает затруднения: в русском языке они — СПП с придаточными определительными, а в кумыкском языке назвать их сложными предложениями можно условно: части настолько тесно связаны с определяемыми подлежащими в «главных частях», что трудно определить их границы по смыслу и по интонации.

Близки по своим характеристикам к таким видам СПП конструкции, в составе которых сказуемыми придаточной части выступают предикативные слова *бар* «есть», *ёкъ* «нет».

Проанализируем предложение: *Билими бар адам яшавда не заманда да ёл табын бола, билими ёкъ адамгъа буса нечакъы да къыйын* [5, с. 73] «Человек, который имеет /имеющий/ образование, всегда найдёт в жизни дорогу, но человеку, который не имеет /не имеющему/ образования, приходится очень трудно». Данное предложение относится к типу смешанных СП с сочинением и подчинением. Оно состоит из четырех частей, первые две из которых соединены с последующими двумя частями с помощью сочинительного (противительного) союза *буса* «но». И первые, и вторые части по отдельности представляют собой СПП с придаточными определительными одинаковой структуры, сказуемые которых выражены модальными словами: *бар* «есть» (утверждение) — в первом случае, *ёкъ* «нет» (отрицание) — во втором случае. В таких СПП предикативность придаточных частей выражается в большей степени, чем в СПП, где связующим элементом выступает причастие. Однако их всех объединяет то, что в них придаточные части как бы синтезируются с ними, т.е. выражаются неявно (имплицитно). В них придаточные части не отделяются какими-либо знаками препинания от главных, между ними отсутствует пауза, присущая другим типам СПП, что, по нашему мнению, и является основной причиной существования разных точек зрения относительно выделения их в отдельный тип СПП. В кумыкском языке в СПП с определительными и объектными отношениями, где средствами связи служат падежные аффиксы, знаки препинания не ставятся. В таких сложных предложениях смысловые отношения между главной и придаточной частями очень тесные, отсутствует пауза, присущая другим типам сложных предложений:

1. *Къану ачылгъанда //Тайфун чабын алдыбызгъа гелди* [4, с. 13] «Как только открылись ворота, Тайфун подбежал к нам» и *Жалал гимназияны абзарына гиргенде // яшлар, муну айланьт алып, тергевлю кюйде къарамагъа башлады* [7, с. 34] «Когда Джалал вошёл во двор гимназии, дети, окружив его, стали внимательно рассматривать». Данные предложения являются СПП с придаточного времени. Придаточные части уточняют время действия главных предложений, что достигается прибавлением к препозитивному сказуемому, выраженному настоящей — прошедшей формой глагола, аффикса местного падежа *-да / -де*, после которого знак препинания не ставится. До последнего времени в учебниках по кумыкскому языку в таких СПП, где средством связи служит аффикс местного падежа *-да / -де*, части отделялись запятой. И это, на наш взгляд, было правильным: при чтении таких предложений после придаточной части делается естественная пауза, вытекающая из потока речи, и по правилам пунктуации ставится запятая.

2. *Сен гелгенни биз арив гёрдюк* «Мы обрадовались тому, что ты пришёл» и *Язбаш геч гелгенге авлакъ*

ишлер де геч башланды «Из-за того, что весна наступила поздно, и полевые работы начались поздно». Оба предложения — с придаточными дополнительными, соединенными: в первом случае — аффиксом винительного падежа *-ни*, во втором — аффиксом направительного падежа *-ге*. В обоих случаях придаточные части не отделяются от главных какими-либо знаками препинания; между ними отсутствует пауза. Придаточные части, как и в СПП с придаточными определительными, синтезируются с ними.

Кроме синтетических, в языке существуют и аналитические формы СП, обусловленных особенностями структуры придаточных предложений и средств подчинительной связи. Например: 1. *Гюн батын, биз агъачлыкъдан чыкъдыкъ* [5, с. 56] «Мы вышли из леса, когда солнце село». 2. *Къайдан ел чыкъса, булутлар да шо якъдан геле* [5, с. 58] «Откуда дует ветер, оттуда и тучи появляются». 3. *Мен тангала сизге гелип болмайман, неге тюгюл экзаменим бар* [4, с. 98] «Я не могу завтра к вам приехать, потому что у меня экзамен». В данных СП в обеих частях наличествуют грамматические основы предложений, подчинительная связь выражена аналитически, т.е. в явной (эксплицитной) форме. Средствами подчинительной связи служат: в первом предложении — аффикс деепричастия — *ын*, во втором — аффикс условного наклонения глагола — *са* и в третьем — союзное слово *неге тюгюл* «потому что». Для строя кумыкского языка в большей степени характерны синтетические типы СПП.

Все эти моменты, как было отмечено, негативно отражаются и на работе учителей. К примеру, рассмотренные выше предложения были рекомендованы нами для синтаксического разбора учителям на курсах повышения квалификации: ни один учитель не смог выполнить полностью задание правильно. Затруднения заключались прежде всего в определении структурных особенностей предложений. Все эти недостатки являются следстви-

ем недостаточной теоретической разработанности вопросов синтаксиса не только сложного, но и простого предложения в кумыкском языке, порождают разный подход к их классификации в школьных учебниках. Сложившаяся ситуация с пунктуацией СПП в кумыкском языке вводит в заблуждение учащихся, которые переносят правила пунктуации СП из русского на кумыкский язык и во всех типах СП употребляют знаки препинания. Такое же явление можно встретить на страницах газет, журналов, в художественных произведениях. Пора привести в систему правила употребления знаков препинания в СПП кумыкского языка в соответствии с их структурно-семантическими особенностями. Существующие расхождения в этом вопросе в кумыкском и русском языках создают дополнительные затруднения в обучении языкам, вызывая ошибки интерферентного характера.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что в кумыкском языке придаточные определительные (и причастные обороты вообще, кроме редких исключений в поэзии), в отличие от русского языка, никогда интонационно не выделяются и не обособляются на письме. Эти конструкции выступают, как «спаянный элемент» определяемых имен в главной части предложения. Однако, несмотря на противоречивые взгляды исследователей на сущность придаточных определительных в плане их выделения в тюркских языках, мы однозначно можем констатировать, что в кумыкском языке наряду с другими видами придаточных предложений, существуют и придаточные определительные.

В одной статье не представляется возможным охватить и раскрыть все структурно-семантические особенности кумыкского СПП. Проблема остается и требует монографического исследования в сравнительно-сопоставительном плане с другими тюркскими и русским языками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева А. З. Къумукъ тилдеги иерчен къошма предложениелени школада уйиренив. Махачкала: Дагучпедгиз, 1982. 148 с.
2. Абдуллаева А. З., Гаджихмедов Н.Э, Ольмесов Н. Х. Современный кумыкский язык. Махачкала: «Алеф», 2014. 557 с.
3. Абдуллаева А. З. Сложноподчиненное предложение в современном кумыкском языке: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Баку, 1973. 31 с.
4. Абуков М. Бугюнню тангаласы. Махачкала: Даггиз, 1979. 280 с.
5. Абуков К. Гъали де давда йимик. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. 152 с.
6. Агаева И. Г. Простое осложненное предложение в современном кумыкском языке: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Махачкала, 2010. 24 с.
7. Алиев У. Б. Избранные труды. В трех томах. Том II. Синтаксис карачаево-балкарского языка. Нальчик, 2012. 368 с.
8. Атаева З. Бир увуч топуракъ. Махачкала: Даггиз, 1982. 149 с.
9. Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М.: Наука, 1973. 408 с.
10. Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. М.: Наука, 1986. 283 с.
11. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л.: «Наука», 1940. 203 с.
12. Йырчы Къзакъ. Заман гелир. Магъачкъала: Изд. «Новый день», 2001. 288 с.
13. Керимов И. А., Абдуллаева А. З. Къумукъ тил. 8–9 класлар учун дарслыкъ: Синтаксис. Магъачкъала: Изд. НИИ педагогики, 2011. 157 с.

14. Керимов И. А., Магомедов А. Г. Къумукъ тилни грамматикасы: Синтаксис. VII–VIII класлар учун учебник. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 152 с.
15. Керимова Ж. Йыланкъыз. Махачкала: Дагучпедгиз. 1991. 192 с.
16. Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М.-Л.: «Наука», 1941. 312 с.
17. Макаров Т. Н. Татарская грамматика кавказского наречия. Тифлис, 1848. VII + 143 с.
18. Муташева А. К. Обстоятельство в современном кумыкском языке. Дис. канд. фил. наук. Махачкала, 1998. 160 с.
19. Муташева А. К., Абдуллаева А. З. Къумукъ тилде экинчи даражалы уьюрлени уьиренив. Магъачкъала: Изд. ДГПИ, 1999. 147 с.
20. Оьлмесов Н. Х., Гъажиагъматов Н. Э. Къумукъ тил. 10–11 класлар учун. Магъачкъала: Изд. НИИ педагогики, 1994. 168 с.
21. Саидов А. М. К вопросу различения словосочетания и предложения в кумыкском языке // Вопросы лингвистической типологии: Махачкала: Изд. ДГУ, № 1, 2012. 136 с.
22. Саидова Г. С. Структура и функционирование главных членов предложения в кумыкском языке: Автореф. дис. . . . канд. фил. наук. Махачкала, 2005.
23. Шахманова-Гарданова К. Х. Изучение простого предложения в кумыкской школе. Махачкала: Дагучпедгиз, 1969. 167 с.

© Саидов Абдулкерим Магомедович (abdul_1950@mail.ru),

Гаджихамедов Нурмагомед Эльдерханович (nur1@yandex.ru), Рашидов Агаверди Алиевич (Agaverdi.rashidov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дагестанский государственный университет

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ СЕРГЕЯ ЧУДАКОВА

GEORGY IVANOV IN SERGEY CHUDAKOV'S BROKEN MIRROR

A. Semina

Summary. The author analyses the specific features of S. Chudakov's poetry, which testify that G. Ivanov's works influenced on his poetic manner. The author develops the reasons of commonality of their existentialistic worldview, which was predetermined by some biographic and sociocultural factors. Reinterpretation of G. Ivanov's key motifs and images in S. Chudakov's lyrics enriches by Soviet connotations, so that G. Ivanov's tragic intonations gain a new sound when they express the experience of a man of the mid-to-late century.

Keywords: reception, influence, poetics, G. Ivanov, S. Chudakov.

Семина Анна Андреевна

Аспирант, МГУ имени М. В. Ломоносова
seminaaa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности поэзии С. Чудакова, которые позволяют сделать вывод о влиянии творчества Г. Иванова на его поэтику. Раскрываются причины общности экзистенциалистского мироощущения поэтов, которое было предопределено биографическими и социокультурными факторами. Переосмысляя ключевые мотивы и образы поэзии Г. Иванова, С. Чудаков обогащает их коннотациями советского времени, благодаря чему «ивановские» обертоны в его лирике обретают новое звучание, выражая опыт человека второй половины XX столетия.

Ключевые слова: рецепция, влияние, поэтика, Георгий Иванов, Сергей Чудаков.

Созвучность художественных миров Георгия Иванова (1894–1958) и Сергея Чудакова (1937–1997) исследователи уже отмечали. Показательны наблюдения В. Шубинского (1), С. Куняева (2)... Вместе с тем подробного исследования, доказывающего факт непосредственной поэтической преемственности, до настоящего времени не проводилось. В данной статье будет предпринята попытка обозначить наиболее существенные точки соприкосновения поэтик Иванова и Чудакова и разъяснить подобную общность в контексте неповторимого рисунка эпохи, связавшего эмигранта Иванова и советского гражданина Чудакова крепкими узами творческого родства.

Согласно И. А. Тарасовой, составителю «Словаря ключевых слов поэзии Георгия Иванова», лексемы **роза, музыка, синий, лететь** являются словами, «частотно маркирующими именно идиолект Г. Иванова» [18, С. 58] (в отличие от лексем, «частотных в русской поэтической традиции и в творчестве Г. Иванова» [Там же], к каковым относятся **душа, звезда, черный, весна, снег**, или «не обладающих высокой частотой, но чрезвычайно значимых в плане характеристики концептуальных особенностей поэтического мира Г. Иванова, мировоззренческих установок поэта» [Там же]. К последним исследователь относит такие лексемы, как **Бог, Ад, Рай, поэзия, судьба, вечность, смерть, Россия**). Остановимся подробнее на тех из приведенных выше ключевых лексем (а значит, и стоящих за ними образов и мотивов), которые в творчестве Чудакова также занимают особое место и потому, взятые в совокупности, могут служить одним из доказательств непосредственной рецепции. Хотя, как было сказано выше, многие из отмеченных исследователем лексем составляют также общепозэтический фонд русской лирики,

в совокупности с лексемами, составляющими поэтический идиолект Г. Иванова, данные ключевые слова образуют узнаваемый ивановский «код», что подтверждается также наличием биографических и поэтических цитат Иванова в поэзии С. Чудакова.

И для Г. Иванова, и для С. Чудакова огромное значение имеет *образ музыки*. Многие поэты Серебряного века в своей художественной практике отводили музыке особую роль, однако именно для Иванова музыка становится синонимом бытия, эквивалентом воздуха: «*Только расстоянье стало уже / Между вечной музыкой и мной...*» [3, С. 456]. Оттого так пронзительно звучит эмигрантское стихотворение, впервые опубликованное в парижском журнале «Современные записки» в 1931 г.: «*Музыка мне больше не нужна. / Музыка мне больше не слышна...*» [3, С. 302]. Музыка для героя Иванова значит больше, чем жизнь: «*Это музыка миру прощает / То, что жизнь никогда не простит. / Это музыка путь освещает, / Где погибшее счастье летит*» [3, С. 298].

Восприятие окружающего мира сквозь музыкальную призму весьма характерно для Чудакова. Так, обложной дождь становится «воды надоевшим адажио» [22, С. 109], а Москву лирический герой Чудакова воспринимает через «лепет пасхальный и звон колокольный» [22, С. 143]... Для ощущения полноты бытия ему нужно совсем немного — «слушать краешком уха как падают листья с платанов» [22, С. 96]. Заглавия некоторых стихотворений делают акцент на их звуковой природе, проводя аналогии с музыкальными произведениями: «Без гитары», «Светский романс», «Плебейский романс», «Скрипичная соната», «Лунная полька», «Noch einmal alles zuerst!» (3).

Трудно переоценить значимость образа музыки для Чудакова. Ведь именно она осмысливается им как оправдание собственной жизни, со всеми ее заблуждениями и испытаниями:

*Когда почувствую касанье смертных крыл
Я доктору скажу, глаза смежив бесстрастно
Как пошло всё, что я...
писал и говорил...*

Но музыка была, не правда ли? — прекрасна [22, С. 120]

Как и для Г. Иванова, для С. Чудакова тема смерти является одной из центральных. Из 134 стихотворений, опубликованных в сборнике «Колёр локаль», так или иначе данной темы поэт касается в 64. При этом создается ощущение, что лейтмотив смерти буквально пронизывает книгу: в большинстве стихотворений обращение к танатологической теме осуществляется несколько раз. Подобно Г. Иванову, С. Чудаков не оставляет без внимания и «посмертные» стихотворения, лирический герой которых говорит о собственной смерти как о свершившемся факте (4; 5) («курортное море бардак-ресторан / простите, я умер я вовсе не пьян» [22, С. 130]), хотя в случае Чудакова подобная констатация все же является более образной и в конечном счете обращена в будущее: «Я знаю могила конечный ночлег» [Там же]. Примечательно, что, следуя за Г. Ивановым, при апелляции к теме смерти С. Чудаков обращает внимание и на ее разновидности (убийство (6), самоубийство (7), расстрел (8), атомный взрыв (9)), характерные атрибуты (прах (10), пепел (11), могила (12), гроб (13), черви (14)), мифологическую символику (Харон, Ад), а также подробно рассматривает умирание как физиологический процесс (15). Впрочем, у Чудакова как поэта, проживающего в атеистическом государстве, возникает и новое — образ крематория, невозможный для Г. Иванова, чье становление произошло в дореволюционной, православной России. Однако даже в использовании данного образа Чудакова с Ивановым сближает попытка отразить современную ему эпоху в танатологическом ключе: крематорий предстает в стихах Чудакова метафорой текущего исторического момента:

*Оркестр слепых калек музицирует в крематории
Советский ТВ ведёт свои передачи*

*О как мы скверно горим торфяные брикеты
истории*

Чем дешевле эпоха тем дороже всегда переплатишь [22, С. 130]

Умирание и Г. Иванов выберет в качестве магистральной метафоры изгнания: «Ласково кружимся в вальсе загробном / На эмигрантском балу» [3, С. 363]. Посредством обращения к теме смерти он также осмыслит

закат Российской империи: «*Овеянный тускнеющею славой, / В кольце святош, кретин и пройдох, / Не изнемог в бою Орел Двуглавый, / А жутко, униженно издох...*» [3, С. 397].

Отмеченная выше особенность свидетельствует о трагическом разладе поэтов с эпохой, *жить* в которой, по их мнению, невозможно — можно только постепенно *умирать* вместе с ушедшей в небытие культурой дореволюционной России. Надлом надорванного историей человека актуализировал в творчестве Г. Иванова и С. Чудакова склонность к апофатической стилистике, самой ранней формой которой К.Г. Исупов называет русское юродство [7, С. 76]. Как отмечает исследователь, «трагический лицедей, антигерой в мире «героев», юродивый не боится никого, потому что никто не в силах обречь его на большие испытания, чем он сам. Форма его речения — косноязычное пробормотывание единственной правды, он — носитель приоритетного слова, не сказуемого в правилах гладкой риторики... Духовное юродство стало в русской культуре формой философской свободы и даже формой судьбы» [Там же].

Для С. Чудакова юродство явилось сознательным выбором свободы самовыражения в тоталитарном государстве; для Г. Иванова оно становится попыткой «преодоления трагедии». Неслучайно у Г. Иванова «прорыв» в юродство осуществляется в произведениях, насыщенных трагическим пафосом больше других: это и «Распад атома», где проявлением юродства выступает «австралийский язык» неких «зверьков»; и стихотворения «Посмертного дневника», где то вновь возникает Размахайчик, то появляется образ белочки, продающей «в кредит» орешки [3, С. 561] и уходящей «куда Макар гонял телят, / откуда нет пути назад, / откуда нет возврата» [3, С. 584]. Намеренная прозаизация в поэтическом тексте также выступает проявлением «косноязычного пробормотывания единственной правды» [7, С. 76]: «*Ку-ку-реку или бре-ке-ке-ке? / Крыса в груди или жаба в руке?*..» [2]. Данную особенность «Распада атома» отмечал и А.М. Ранчин: «Это антисимволистская повесть, это жест разрыва с наследием Серебряного века, выраженный посредством языка символов. Язык традиции обращен Георгием Ивановым против себя самого, он растрчивает смысл, корчится, юродствует [Курсив мой.— А.С.] и немотствует» [12]. Представляется все же, что юродство Г. Иванова в первую очередь преследует цель дать выход безысходному отчаянию, а не полемизировать с завоеваниями модернизма (16). Важно, что и в «Распаде атома», и в «Посмертном дневнике» лирический герой обращается к образу зверьков на пороге самоубийства. Юродство, таким образом, становится для героя Г. Иванова одной из форм художественного сопротивления глубокому экзистенциальному кризису, вызванному катастрофой революции

и трагедией изгнания. В «Посмертном дневнике» поэт признается в этом с последней, предельной искренностью, оборачивающейся обнажением приема: «*Отчаянье я превратил в игру...*» [3, С. 580]. Вместе с тем нельзя не отметить и такую важную составляющую юродства, как *протест*. Неслучайно, по словам исследователей, одним из его побудительных мотивов является «духовное наставление в шуточной и парадоксальной форме» [5, С. 12]. Актуален ли протест для позднего Г. Иванова? Более чем: в «Посмертном дневнике» (1958), спустя 36 лет после эмиграции, поэт все еще полемизирует с советской властью, словно продолжая некогда начатый спор: «*В громе ваших барабанов / Я сторонкой проходил — / В стадо золотых баранов / Не попал. Не угодил...*» [3, С. 557]. Самому поэту столь длительная рефлексия над событиями, вызванными революцией 1917 г., казалась вполне естественной: «*И сорок лет спустя мы спорим, / Кто виноват и почему...*» [3, С. 547]. На «протестную» природу некоторых эмигрантских стихотворений поэт также указывал — как, например, в последней строфе первого стихотворения диптиха «Стансы»: «*...Протест, сегодня бесполезный, — / Победы завтрашней залог! / Стучите в занавес железный, / Кричите: «Да воскреснет Бог!»*» [3, С. 530].

Амплуа юродивого и маргинала стало сознательным выбором и С. Чудакова (17). Выбором, во многом вынужденным социокультурными условиями, не позволяющими человеку обрести свободу иначе. Юродивый, как никто другой, мог позволить себе сорвать идеологические «шоры» и увидеть подоплеку жизни советского обывателя, осветив ее с истинной, изнаночной стороны: «*оглушены трудом и водкой / в коммунистической стране / мы остаемся за решеткой / на той и этой стороне*» [22, С. 133]. Стихи С. Чудакова — это поэзия «изнанки» [23], вывернутых карманов [22, С. 46] и скрытых, часто неприглядных сторон человеческого существования, что неизбежно шло вразрез с официальной установкой на «лакировку действительности» и пропаганду массового оптимизма (18). И хотя пора творческой зрелости поэта пришлась на период Оттепели и последующие годы, необходимо помнить, что со второй половины 60-х гг. преобладающей тенденцией советской внутренней политики стала «реставрация командно-бюрократической сталинской системы» (19).

Свою маргинальность в советском обществе Чудаков прекрасно осознавал и даже подчеркивал: «*я убийца и комик / опрокинутый класс / как мы встретились котик / просто слёзы из глаз*» [22, С. 68]. В стихотворении «ДНК (Довольно Никаких Концепций) лирический герой Чудакова моделирует собственный портрет глазами советских граждан: «*Виновен ибо / Стоит вне класса / Идёт вне строя / Летит вне цели...*» [22, С. 87]. Наставительный пафос, присущий юродству, в его поэзии

также присутствует: одному из стихотворений автор дает заглавие «Проповедь» [22, С. 71]; в некоторых других содержатся поучения — посредственным поэтам: «*Миллионы / эпигонаются / Эпигоны / миллионяты / И ползет кручина-ноченька / Сквозь сопливые деньки: / Вместо флейты-позвоночника / Сплошь свистульки-позвонки*» [22, С. 114]; представителям бюрократического аппарата: «*Хватит думать / составители бумаг / вас погубит / самый плоский в мире враг*» [22, С. 89]. Особого внимания заслуживает следующее стихотворение:

*Ну вот объявлена война
упали бомбы водородные
ты выпил красного вина
и вспомнил цели благородные
о покорении Луны
о наших братьях из Вьетнама
по телевизору должны...
включил безмолвствует программа
о вере в жизнь в закон в семью
о книгах Блока и Камю* [22, С. 81]

На первый взгляд стихотворение не кажется обличением, однако установление его «адресата», зашифрованного в характерных деталях, заставляет взглянуть на текст по-другому. Стихотворение, по-видимому, обращено к А. Д. Сахарову, на что указывают детали биографии ученого: создание водородной бомбы, правозащитная и общественная деятельность (в тексте — «цели благородные»). «Покорение Луны» отсылает читателя к статье А. Сахарова «Мир через полвека», созданной в 1974 г.: «Вероятно, к концу 50-летия начнется хозяйственное освоение поверхности Луны, а также использование астероидов...» [13]. «Братья из Вьетнама» могут указывать на протест ученого против войны во Вьетнаме [14], а «безмолвствующая» телепередача, обманувшая ожидания адресата, отражает реакцию государства на его размышления об интеллектуальной свободе [Там же]. Стихотворение, таким образом, обличается обличением не только известного ученого, чья деятельность в совокупности представляется поэту неким оксюмороном, но и эпохе, в которой возможно подобное парадоксальное сочетание.

Наставительное обращение к Г. Иванову, по-видимому, также присутствует в творчестве Чудакова:

*О суетный! вернись в свою конуру
Омой лицо домашнею водой
Мучительно играть в литературу
И притворяться голубой звездой
Постигни как и я обыкновенье
Короткой жизни продлевая нить
В остывший чай накладывать варенье
С простой подружкой скромно говорить* [22, С. 11]

Призыв к возвратиться и омыться «домашней» водой может указывать на эмигрантский период Г. Иванова, а лексемы **синий** (а значит, и голубой) и **звезда**, по подсчетам исследователей, являются одними из наиболее частотных в его словаре [18, С. 58]. Варенье, которое лирический герой накладывает в чай, отсылает к стихотворению Г. Иванова «*Скучно, скучно мне до одуренья! / Скушал бы клубничного варенья...*» [3, С. 446].

Некоторые строки Чудакова благодаря особой *глубине и лапидарности* и приобретают характер афоризмов: «*Не проходя через строй зуботычин / Ты негжируешь русской судьбою*» [22, С. 29](20). Формальной стороной юродского «косноязычного пробормотывания» в поэзии Чудакова явилась склонность к предельной фрагментарности и ориентация на коллаж как основной принцип создания поэтического текста, который при этом приобретает вид скомпонованных изречений (или откровений, если развивать тему юродства в данном направлении). Согласно воспоминаниям знакомых, подобный метод коррелировал со взглядом автора на положение современной ему поэзии: «Он считал, что поэзия распалась и писать можно только однострочки...» [15, С. 302]. Показательна также сохранившаяся запись диалога О. Михайлова с Чудаковым по поводу одного из стихотворений:

— *Мерзавец, оставил бы две строчки, остальные пачкотня...*

— *Нет. Я считаю, что это горящее здание с отдельными выходами* [10, С. 7].

Если приведенный ответ и не является намеренной отсылкой к сборнику К. Бальмонта 1900 г., то примечательно само сходство мировосприятия С. Чудакова и символистов, вступающих в начало нового тысячелетия с небывалым ощущением катастрофичности бытия. Сопоставляясь с объятым огнем зданием, стихотворение не только свидетельствует о потенциальной опасности своего содержания, но и выступает своеобразным «оттиском» той социокультурной атмосферы, в которой оно было создано. Отдельные выходы, предусмотренные поэтом, таким образом, дают возможность не только «выйти» из поэтического текста в любой момент, но и столь же быстро «войти» в него и успеть ухватить некий квант поэтического вещества, пока читателя не настигла очередная катастрофа: арест, ссылка, расстрел, водородный взрыв — вариаций множество: «*Если жить в стране насилия / бередить сомнения / то напрасны все усилия / самосохранения*» [22, С. 60]. Искусственное «ускорение» человеческой жизни и сокращение ее продолжительности, по мнению Чудакова, не может не отразиться на поэзии, которая, как и любое другое искусство, ограничена рамками и условиями собственного исторического времени.

Общей для поэтов также является *склонность к цитатности* (21). О важности цитаты в творчестве Г. Иванова исследователи уже говорили. Характерно замечание В. Маркова: «...у Георгия Иванова древняя центонная традиция и продолжается, и подвергается коренному изменению: цитата становится плотью и кровью поэзии цитирующего» [9, С. 230]. Цитатность стихов Чудакова также становилась предметом внимания исследователей. Так, А. Урицкий возводит звучание «ядовитой» музыки (22) в поэзии Чудакова к А. Тинякову и Есенину и указывает на И. Северянина как на поэта, чье творчество оказало влияние на его ранние художественные поиски [20]. Удивительно, что со знакомства с И. Северяниным начинал свой путь и Г. Иванов, состоявший в Академии эгопоэзии на рассвете поэтической деятельности.

Мотив изгнания, центральный в эмигрантском творчестве Иванова, в стихах Чудакова также встречается не единожды: «*Чем питается ссыльный. Чем Бог пошлёт...*» [22, С. 38]; «*Как приятно быть интеллигентом — / На допросах говорят «на Вы» / Мол, читали «Доктора Живаго»? / Мы вас высылаем из Москвы*» [22, С. 20]. Как отмечают И. Ахметьев и В. Орлов, «в начале 1961 года Чудакова пытались выслать (и, судя по всему, он действительно был выслан на непродолжительный срок) из Москвы в рамках указа о борьбе с туеядством» [15, С. 448]. В то же время присутствуют в поэзии Чудакова стихотворения, содержащие цитаты биографии позднего Г. Иванова: «*Жил поэт и вот был сослан он / Далеко на самый край земли...*» [22, С. 45]. Есть и тексты, где лирический герой отождествляет себя с ним: «*Даром вылетел из грани я / Умираю пышно / Добровольного изгнания / Догорают письма*» [22, С. 60]. Хотя указанный мотив характерен для лирики русского зарубежья в целом, последние два стихотворения заставляют рассматривать осмысление данной темы в стихах Чудакова именно сквозь призму судьбы и творчества Г. Иванова. Самоотожествление лирического героя Чудакова с Ивановым и рефлексия над его биографией свидетельствуют о том, насколько значимым явился опыт «первого поэта эмиграции» для «внутреннего эмигранта» С. Чудакова, и отбрасывают определенный семантический отсвет на все стихотворения Чудакова, посвященные теме изгнания.

В творчестве Г. Иванова изгнание часто предстает в мифологическом ключе, как последнее путешествие умерших в ладье Харона: «*Взмахи черных весел шире, / Чище сумрак голубой...*» [3, С. 267]; «*Легкие лодки отчалили / В синюю даль навсегда*» [3, С. 268]; «*Уплывают маленькие ялики / В золотой междупланетный мут...*» [3, С. 391]. Анализируя мотив отплытия в эмигрантском творчестве Иванова, О.С. Чигиринская указывает на его полисемантическую: «...теперь это и само трагическое плавание по темному океану жизни, и прео-

доление её музыкой искусства, и отплытие в смерть» [21]. Образ Харона фигурирует и в стихотворении Чудакова: «Шли конвойцы вчетвером, / бравые молодчики. / А в такси мосье Харон / ставил ноль на счетчике» [22, С. 122], — а мотив отплытия и плавания переосмысливается с позиций человека, отвергнутого своим временем, выброшенного «за борт» исторического процесса:

*Когда кричат:
«Человек за бортом!»
Океанский корабль, огромный, как дом
Вдруг остановится
И человек
верёвками ловится
А когда душа человека
за бортом
Когда он захлёбывается
от ужаса
и отчаяния
То даже его собственный дом
Не останавливается
и плывёт дальше!» [22, С. 107]*

В другом стихотворении лирический герой Чудакова ощущает себя Туром Хейердалом, приплывшим к острову Пасхи:

*Почти не свой, почти полусоветский,
Как будто в нулевую пустоту,
Приплыл я в этот город людоедский,
Еще держусь на бальсовом плоту.
Мне безразлично, пальмы или ели,
Волна наверх, волна обратно вниз.
Но расскажи, кого сегодня съели
И за кого так зверски напилься» [15, С. 128].*

Хронотоп острова Пасхи в период расцвета каннибализма сопоставляется с хронотопом советской России («мне безразлично, пальмы или ели») (23). Характерно сравнение советского общества со стадами («бредут стада, а мы при них подпаски»), коррелирующее со стихотворением Г. Иванова 1958 г.: «В громе ваших барабанов / Я сторонкой проходил — / В стадо золотых баранов / Не попал. Не угодил» [3, С. 557].

Стихи Чудакова, таким образом, отражают мироощущение человека, который вынужден каждый день бороться за выживание. Внешний мир — в особенности, мир советский — предстает в образе некой агрессивной силы, которая угрожает лирическому герою:

*Не стреляйте я военнопленный
Добивайте я ещё живой
Старомарьинский Кривоколенный
Скатертный Медвежий Ножевой*

<...>

*Я усыновлённый и бездетный
Прислоняюсь к вам больной душой
Толмачёвский и Старомонетный
С Якиманки Малой и Большой» [22, С. 55]*

Ощущение экзистенциального одиночества воплощается у Чудакова в мотиве непреодолимого онтологического сиротства: «я усыновлённый и бездетный». Экзистенциальное одиночество лирического героя Г. Иванова («...И кому какое дело, / Что меня на свете нет?» [3, С. 572]) находит выход в обращении «к «Александру Сергеичу», о котором лирический герой скучает... и в ком видит родственную душу — родственную в страданиях и трудной смерти» [16, С. 184]. Как и для Иванова, для Чудакова образ Пушкина становится чрезвычайно значимым и так же сопряжен с мотивом смерти: «Пушкина играли на рояле / Пушкина убили на дуэли / Попросив тарелочку морошки / Он скончался возле книжной полки...» [22, С. 16]. При этом склонный к мистификациям Чудаков обогащает пушкинский миф новыми вариациями: «Пушкин умирает от холеры / Не доехав Болдина версту» [22, С. 47]. Как и в случае Г. Иванова, миф о Пушкине для Чудакова включает в себя три неразрывно связанных компонента: *семантику смерти, образ «страшной» России и топос бесконечного заснеженного пространства* — символическую контаминацию первых двух элементов:

*...Синь когда-то отшумевших сосен
Пустота сводящая с ума
Что такое Болдинская осень
Я не знаю в Болдине зима» [22, С. 47]*

Невозможно в связи с приведенным четверостишием Чудакова не вспомнить известное стихотворение Г. Иванова: «...И над Невой закат не догорал, / И Пушкин на снегу не умирал, / И нет ни Петербурга, ни Кремля — / Одни снега, снега, поля, поля...» [3, С. 299]. Характерно, что процитированному стихотворению Иванова из эмигрантского сборника «Отплытие на остров Цитеру» предшествует стихотворение, в котором имя Пушкина прямо не называется, однако имплицированная цитата его смерти вводит в текст присутствие поэта благодаря семантическому ореолу следующего стихотворения:

*...Да, — и то что зовется любовью,
Да, — и то что надеждой звалось,
Да, — и то что дымящейся кровью
На сияющий снег пролилось.
...Ветки сосен — они шелестели:
«Милый друг, погоди, погоди...» [3, С. 298]*

Если рассматривать два расположенных друг за другом стихотворения Г. Иванова в неразрывном единстве,

таким образом, можно услышать, о чем шумят сосны в стихотворении Чудакова. То, что Чудаков был знаком с приведенными стихотворениями Г. Иванова, не вызывает сомнений — достаточно взглянуть на следующий текст:

*Шаг вправо шаг влево считаю побег
плюешься кровавой слюною на снег
курортное море бардак-ресторан
простите, я умер я вовсе не пьян* [22, С. 130]

Ср.: «*Веревка, пуля, каторжный рассвет / Над тем, чему названья в мире нет*» [3, С. 299]. В творчестве обоих поэтов Россия, таким образом, осмысливается в экзистенциалистском ракурсе — как топос, где «бытие» лирического героя встречается с «ничто». Ключевой в формировании данного образа у Г. Иванова и С. Чудакова является рефлексия над судьбой Пушкина, чья преждевременная смерть на снегу надолго предопределила специфику русского поэтического самосознания. Неслучайно в поэтическом идиолекте Г. Иванова **снег** одновременно представляет собой «начало, несущее смерть, связанное со смертью» [19, С. 179], «знак России» [19, С. 180] и «символ ее трагической судьбы» [19, С. 181]. В «Распаде атома» подобным танатологическим топосом становится уже северный полюс, символизируя абсолютное, беспримесное сияние небытия: «Рождество на северном полюсе. Сиянье и снег. Чистейший саван зимы, заметающий жизнь» [4, С. 13]. Интересно, что топос северного полюса у Чудакова также наделяется семантикой безнадежности и отчаяния: «*Милая женищина встретиться с вами / Прорубь на полюсе я не соврзу / Отдохновенно как пауза в драме / И безнадежно как снег на ветру*» [22, С. 50].

Мотив скуки (тоски) является одним из магистральных в поэзии авторов. Для Г. Иванова он характерен и в ранний период («*Мы скучали зимой, влюблялись весной...*» [3, С. 139] и др.), и в поздний, когда тоска провозглашается синонимом земного бытия как такового: «*У всего на земле есть синоним, / Патентованный ключ для любого замка — / Ледяное, волшебное слово: Т о с к а*» [3, С. 528]. Синонимом тоски, в свою очередь, у Г. Иванова иногда выступает *пустота*: «*Опускайся на дно мирового тумана, / В непроглядную ночь мировой пустоты*» [3, С. 515]. С. Чудаков также объявляет человеческое существование исполненным скуки: «*Пустяковина одна / Где-то лопнет в человеке / Потому что жизнь скучна / Словно очередь в аптеке*» [22, С. 23]. Как и у Г. Иванова, тоска в стихах Чудакова эквивалентна *пустоте*: «*Мне 30 лет я полон весь пустотою*» [22, С. 39].

Отрицание загробной жизни (или рефлексия о ее вечной «скуке») перемещает в фокус внимания обоих поэтов *предсмертное мгновение* лирического героя.

Подобных стихотворений в корпусе текстов Г. Иванова великое множество («Синеватое облако...», «Стоят сады в сиянии белоснежном...», «Грустно, друг. Все слаще, все нежнее...», весь «Посмертный дневник» и др.), что позволяет рассматривать данную особенность как характерную черту его поэтики. Продолжая традиции Иванова, Чудаков также воссоздает предсмертные ощущения героя — как, например, в следующем стихотворении (на преемственность указывают обыгрываемые названия сборников Иванова «Сады» и «Розы»):

*Предъявили мне бумажку
Разрешили мне сказать
Дайте чистую рубашку
Перед тем как расстрелять
<...>
Ранним утром просыпаюсь
В розовеющем саду
Пахнет порох, накаляясь
Залп. Сейчас я упаду* [22, С. 140]

Согласно «Словарю ключевых слов поэзии Георгия Иванова», одним из значений лексемы **роза** в поэтическом идиолекте автора является «символ смерти» [19, С. 133], а глагол **розоветь**, помимо буквального смысла, в лексической системе координат Иванова означает также «предвещать гибель» [19, С. 139].

Таким образом, многие мотивы, образы и интонации Г. Иванова оказались переосмыслены С. Чудаковым в духе окружающей его советской действительности. Итоговой иллюстрацией данной рецепции может служить следующее стихотворение:

*Два зеркала: одно полуразбитое
девелопмент рисерч отдел развития
три зеркала три сволочи трюмо
очнись: кругом советское дерьмо* [15, С. 138]

Не знаменитые ли это зеркала Георгия Иванова из сборника «Портрет без сходства», перенесенные в местный для Чудакова советский колорит, «колёр локаль»? «*Друг друга отражают зеркала, / Взаимно искажая отраженья. / Я верю не в непобедимость зла, / А только в неизбежность поражения. / Не в музыку, что жизнь мою сожгла, / А в пепел, что остался от сожженья*» [3, С. 321]. Противопоставление, на котором Г. Иванов строит поэтический текст, как бы играя искажающими друг друга отражениями зеркал, также преломилось в поэзии Чудакова:

*Портрет героя: в скальпе седина
В кардиограмме дьявольские тени
И зажигает в нём стакан вина
Не свет мечты, а лишь мерцанье лени...* [22, С. 51]

Приведенный фрагмент выглядит как «посвящение» Г. Иванову, если совместить характерное противопоставление в последней строке, слово «портрет», отсылающее к циклу «Портрет без сходства», а также употребление Чудаковым лексемы **мерцанье**, также довольно частотной в поэзии Г. Иванова и синонимичной лексеме **сияние** — слову «с ярко выраженной индивидуально-авторской [Ивановской.— А.С.] символикой» [18, С. 58]. *Старость* и постепенное «угасание» героя, о которых говорит Чудаков, соответствуют смыслу заглавия цикла Иванова «Портрет без сходства», что подтверждается датировкой цикла (24) и более поздней автоотсылкой в «Посмертном дневнике»: «... Чувствую себя — вот здесь — в саду, / Как портрет без сходства в пышной раме... / Если бы забыть, что я иду / К смерти семимильными шагами» [3, С. 588]. К счастью, фактическую смерть автора преодолело бессмертие текста, чему творчество более поздних поэтов становится красноречивым свидетельством. К их числу можно с уверенностью отнести Сергея Чудакова.

Примечания

(1) «...Нетрудно почувствовать, что Чудаков в конечном счете пошел по другому пути — исходящему из возможности прямого наследования большой традиции помимо советских имитаций. Тому же Ходасевичу, тому же Иванову — нет, все-таки скорее Иванову с его музыкальной неточностью, чем Ходасевичу» [23].

(2) «...Ему надо было родиться в Серебряный век. Полная обезбоженность кумиров Серебряного века заводила их в такие тупики, откуда можно было уйти только в эмиграцию или самоубийство. Это удивительное свойство Серебряного века — делать из греховности культ... Чудакову надо было ходить в обнимку с Жоржиками — Адамовичем и Георгием Ивановым. Я вижу его там. Фигура, которую история неожиданно выдавила из этой тьмы Серебряного века к нам, во время хрущевской оттепели» [15, С. 432].

(3) Ещё раз всё сначала! (нем.)

(4) Подобных стихотворений в корпусе текстов Г. Иванова довольно много. Например: «Теперь, когда я сгнил и черви обглодали / До блеска остов мой и удалились прочь...» [3, С. 373].

(5) Данное самовосприятие было присуще не только лирическому герою Чудакова, но и самому поэту: «Он никогда и ни о чем не говорил при мне серьезно — ни со мной, и ни с кем. И только однажды, когда мы рассуждали о смерти, но тоже в его стиле — с шутками и анекдотами, он на какой-то момент задумался и тихо, но очень серьезно сказал: «Увы, я уже давным-давно умер»» [11, С. 126].

(6) См. у Чудакова: «Пушкина играли на рояле / Пушкина убили на дуэли...» [22, С. 16]; «режь его за то что рожь его / шелест шорох страшен» [22, С. 60]. В контексте «посмертных» стихотворений Г. Иванова обращает на себя внимание следующее: «...Сегодня меня убили. / Завтра тебя убьют» [3, С. 430].

(7) См. у Чудакова: «Самоубийство есть дуэль с самим собой...» [22, С. 106]; «герой обманутый до тла / верёвку вяжет на стропила...» [22, С. 82]; «Человек застрелившийся в целом / На остывший похож самовар» [22, С. 35] и др. Среди стихотворений Г. Иванова наиболее показательными являются «Синеватое облако...» [3, С. 288] и следующий текст: «Конечно, есть и развлечения: / Страх бедности, любви мученья, / Искусства сладкий леденец, / Самоубийство, накопец» [3, С. 329].

(8) «Пусть палачи усердие утроив / наглядно убеждаются опять / что авторов а также их героев / не до конца удобно расстрелять...» [22, С. 91]. Ср. у Г. Иванова: «Расстреливают палачи / Невинных в мировой ночи — / Не обращай вниманья! / Гляди в холодное ничто, / В сияньи постигая то, / Что выше пониманья» [3, С. 341].

(9) Например: «...теперь как занавес пожарный / опустят водородный взрыв» [22, С. 67]. Эксперименты по расщеплению атомного ядра легли в основу метафоры-заглавия Г. Иванова «Распад атома» (1937), однако мотив атомного взрыва присутствует и в поэзии автора: «Припадок атомической истерики / Все распылит в сияньи синевы...» [3, С. 427].

(10) «В сложном щебете мартовских птах / Бродит смерть как последняя лажя / Будет съёмка обратная прах / Антиснег крематорская сажя» [22, С. 139]. Ср. у Г. Иванова: «Россия тишина. Россия прах. / А, может быть, Россия — только страх...» [3, С. 299].

(11) «...Но водородной схватки близок срок. / И в час всеобщего испепеленья...» [22, С. 124]. Более корректно, по-видимому, здесь вести отсчет от сборника А. Белого «Пепел» (1908), однако именно в творчестве Г. Иванова данная лексема актуализируется в контексте, значимом для С. Чудакова: «Отрави его горчичным газом / Или бомбами испепели...» [3, С. 428].

(12) «...И я не вздрогну, если скажут: «Вот / Георгия Иванова могила...»» [3, С. 509].

(13) «Уже доказано и больше нет сомнений / Гербы и родина средь родов и гробов...» [22, С. 135]. У Г. Иванова великое множество стихотворений с лек-

семой **гроб** и ее производными (гробница, загробный и др.). Например: «Холодно бродить по свету, / Холодной лежать в гробу...» [3, С. 279].

(14) Ср.: «Сияла ночь Омар-Хаяму, / Свистел персидский соловей, / И розы заплетали яму, / Могильных полную червей...» [3, С. 349]. «Слово падает в чернильницу / на обратной съёмке / мчится юность — труп червивится / на колымской сопке...» [22, С. 60].

(15) Данной проблеме, в сущности, посвящен «Посмертный дневник» Г. Иванова. У Чудакова можно обнаружить, к примеру, следующие стихи: «Жизнь идёт вытираются полёта / входит август уходит июль / репетиция смертного пота / пожирание аптечных пилюль» [22, С. 97].

(16) Характерно, например, что в предсмертной записке герой возражает не кому-либо из модернистов, а Л. Толстому: ««Это было так бессмысленно, что не может кончиться со смертью»» [4, С. 34]. Данная деталь свидетельствует о том, что конфликт произведения носит более широкий, онтологический характер и не может ограничиваться временными рамками Серебряного века.

(17) Впервые, по-видимому, соотнес фигуру Чудакова с русским юродивым О. Михайлов: «Чудаков был воистину юродом нашего больного века, соединявшим в себе плутовство, талант и сумасшествие» [10, С. 5].

(18) В большей степени указанные тенденции характерны для послевоенного десятилетия, однако, поскольку к данному периоду относится становление личности С. Чудакова, необходимо также принять его во внимание. Как отмечают исследователи, в данный период «актуализировалась парадигма лакировки и бесконфликт-

ности: изображение всего негативного, в том числе и человеческого горя, было невозможно. Литература ориентировалась лишь на изображение позитивного, такова была идеологическая программа» [6, С. 63].

(19) «От травли Пастернака протягивается прямая линия к «литературным процессам» 1964 (И. Бродский) и 1966 (А. Синявский и Ю. Даниэль) годов, которые знаменуют начало застоя с характерными для него репрессиями против свободной мысли, не только политической, но и литературной, философской, художественной» [1, С. 230].

(20) Афористичность поздних стихотворений Г. Иванова исследователями уже отмечалась. Так, например, показателен отзыв В. Крейда о стихотворениях сборника «Розы» (1931): «Строки чеканные, афористичные, богатые смыслом и в то же время в них минимум литературных приемов. Отсутствуют декорации, риторика, орнамент, метафоричность» [8, С. 258].

(21) Благодарю за данное наблюдение В. И. Орлова.

(22) Так отозвался о «Розах» Иванова Г. Струве [17, С. 216].

(23) В контексте данного стихотворения особенно показательны воспоминания О. Михайлова, приведенные со слов самого поэта, описывающего свое лагерное детство: «Он помнил, как зеки убили его пятилетнего сверстника, держали трупик в проруби и, регулярно упражняясь в каннибализме, спасали свою грешную плоть» [10, С. 4].

(24) Позднее стихотворения цикла вошли в подготовленный Г. Ивановым и посмертно изданный сборник «1943–1958. Стихи».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голубков М. М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М.: Академия, 2008. 368 с.
2. Иванов Г. В. Полное собрание стихотворений [Электронный ресурс] // Lib.ru. URL: <http://lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/stihi.txt>.
3. Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 1. 656 с.
4. Иванов Г. В. Распад атома // Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 2. С. 5–34.
5. Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история русского юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.
6. История русской литературы XX века (20–50-е годы): Литературный процесс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. 776 с.
7. Исупов К. Г. Философия и литература «серебряного века» (сближения и перекрестки) // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов): В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. Т. 1. С. 69–130.
8. Крейд В. П. Георгий Иванов. М.: Молодая гвардия, 2007. 430 с.
9. Марков В. Ф. Русские цитатные поэты: Заметки о поэзии П. А. Вяземского и Георгия Иванова // Марков В. Ф. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. С. 214–232.
10. Михайлов О. Н. Русский Вийон // Чудаков С. И. Колёр локаль. М.: Культурная Революция, 2008. С. 3–7.
11. Прыгунов Л. Г. Сергей Иванович Чудаков и др. М.: РУДН, 2011. 349 с.
12. Ранчин А. М. Экзистенциализм по-русски, или Самоубийство Серебряного века: «Распад атома» Георгия Иванова // Нева. 2009. № 9. С. 186–201.

13. Сахаров А. Д. Мир через полвека [Электронный ресурс] // Архив А. Д. Сахарова. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_31.html.
14. Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе [Электронный ресурс] // Музей и общественный центр «Мир, прогресс, права человека» им. А. Сахарова. URL: <http://old.sakharov-center.ru/sakharov/works/razmyshleniya.php>.
15. Сергей Чудаков: Справка по личному делу / Сост. и комм. И. А. Ахметьев, В. И. Орлов. М.: Культурная Революция, 2014. 512 с.
16. Солнцева Н. М. Есенинский контекст в «Посмертном дневнике» Георгия Иванова // Г. В. Иванов: Материалы и исследования: 1894–1958: Международная научная конференция. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2011. С. 179–185.
17. Струве Г. П. Русская литература в изгнании / Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.
18. Тарасова И. А. Поэтическое слово Георгия Иванова в лексикографическом представлении // Г. В. Иванов: Материалы и исследования: 1894–1958: Международная научная конференция. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2011. С. 55–65.
19. Тарасова И. А. Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. 208 с.
20. Урицкий А. Н. Шифр гибели // Дружба народов. 2007. № 11. С. 216–218.
21. Чигиринская О. С. Мотив отплытия в эмигрантском творчестве Г. Иванова [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Chigirinskaia/>.
22. Чудаков С. И. Колёр локаль. М.: Культурная Революция, 2008. 176 с.
23. Шубинский В. И. Имярек, или Человек (с) изнанки (Сергей Чудаков. Справка по личному делу) [Электронный ресурс] // Новый мир. № 5, 2015. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/5/14chud.html.

© Семина Анна Андреевна (seminaaa@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВ – СИМВОЛОВ ЛИРИКИ Ф. СОЛОГУБА В ИССЛЕДОВАНИЯХ КИТАЙСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ШИ ХАНА И У ХАНЯ)

Тан Цзин

Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
istudent20182018@gmail.com

FEATURES OF SYMBOLS OF SOLOGUB'S LYRICS IN THE STUDIES OF CHINESE LITERATURE LEVELS (BASED ON THE DISSERTATIONAL STUDIES OF SHI KHAN AND U KHAN')

Tang Jing

Summary. In the article features of images are presented — lyrical lyrics of F. Sologub, which are analyzed in the dissertational works of young Chinese literary scholars Shi Khan and U Khan'. Authors distinguish floristic images with symbolic meanings (rose and spruce) assigned to them, and ornithological ones, such as crows and swans. Both theses contain a comparative analysis of the symbolic formations of Russian and Chinese poetry of the first third of the twentieth century.

Keywords: image, China, symbolism, Shi Khan, U Khan', F. Sologub, Rose, spruce, crows, swans, abstract.

Аннотация. В статье представлены особенности образов — символов лирики Ф. Сологуба, которые анализируются в диссертационных сочинениях молодых китайских литературоведов Ши Хана и У Ханя. Авторы выделяют флористические образы, имеющие закреплённые за ними символические значения (роза и ель), и орнитологические, такие, как ворон и лебедь. Обе диссертации содержат сравнительный анализ символических образов русской и китайской поэзии первой трети XX века.

Ключевые слова: образ, Китай, символизм, Ши Хан, У Хань, Ф. Сологуб, Роза, ель, ворон, лебедь, автореферат.

Истоки символичности художественного поэтического образа — в самой природе процесса восприятия человеком окружающего мира. Первичные, почти не осознаваемые результаты этого восприятия — возникающие в человеческом сознании ассоциации, на основе которых впоследствии формируются метафоры и символы, но именно символы, как и другие подобные им знаки, абсолютно абстрактны и условны. Поэзия по своей глубинной сути является универсальным искусством слова, ибо обладает поистине волшебной силой, способной превратить любой реально существующий предмет в некий символ, значение и смысл которого со временем становится всё более недостижимым. Поэт как художник слова создаёт такие образы, что их толкование и объяснение с применением логических принципов формирует, в свою очередь, новые условные знаки, также подлежащие последующему анализу.

Исследования китайских литературоведов Ши Хана и У Ханя, посвящённые флористическим и орнитологическим образам в русской и китайской поэзии первой трети двадцатого века, отличаются вдумчивым отношением к поэтическому материалу, который представляет собой фактическую основу для сравнительного анали-

за образов-символов русских и китайских авторов, чьё творчество вызывает живой интерес и сегодня.

Предметом диссертационного исследования Ши Хана (2012 г.) является «...художественная семантика **флористических мотивов и образов**, отражающая ментальные особенности двух различных народов» [5].

Так, во втором параграфе второй главы автор кандидатской диссертации рассматривает «семантику образа розы» [там же], анализируя данный фитоним в ряде произведений китайских и русских поэтов. Ши Хан приводит в качестве «иллюстративного» примера стихотворение Ф. Сологуба как бы подтверждая цитатой следующее обобщение: «Символика розы занимает существенное место в художественной образности Сологуба... и других поэтов-символистов. Роза может быть воплощением женской красоты, символом земного и страстного чувства. В стихотворении Сологуба «Любовью легкою играя...» возникает мотив любви, которая дарует «блаженный рай», таящий сладкую отраву греха...» [1]. Но если внимательно вчитаться в текст указанного лирического произведения, то в нём образ «алых роз» играет, скорее, вспомогательную роль, являясь второй частью развёрнутого сравнения, проходящего крас-

ной нитью через всё стихотворение, лишь подчёркивая «райский» «аромат» женщины, которым «упивается» лирический герой, играющий «любовью лёгкою». Приведём примеры из текста (закрывающие каждую строфу, кроме шестой, двустихия) Ф. Сологуба: «... Вкусили мы веселье рая/ Сладчайшего, чем Божий рай / Я изнывал от сладкой муки/ Какой не знали соловьи/ Я упивался ароматом/ Благоуханней алых роз/ Ты лепетала звонко, звонко/ Как не лепечет и ручей/ То не вино текло играя/ То пена была через край/ Белей лилей, алее лала/ Бела была ты и ала/ Была милее дев лобзальных/Ты, смерть отрадная моя!».

Действительно иное значение, соответствующее авторскому обобщению, приобретает фитоним «роза» в приведённых примерах из лирики

Сюй Чжимо и Се Бин Синь (подстрочник Ши Хана):

*Смотри, красавица!
Солнце весны покрывает ее кожу,
Это роза, это дикая роза...
Шипы розы
Невидят рвущего их человека,
А ее саму радуют и успокаивают... [5].*

Анализируя «образы хвойных деревьев» в четвёртом параграфе третьей главы диссертационного исследования, Ши Хан отмечает, что в русской поэзии начала двадцатого века «образ сосны, как и ели, связан в русской поэзии с смертельным кодом, традиционно считается деревом смерти», а ель в стихотворении Ф. Сологуба «Чёртовы качели» «...связана с мотивом смерти» [там же].

Обратимся к стихотворному тексту, в котором поэт использует традиционный для устного народного поэтического творчества образ ели:

*В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой...
Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
Попался на качели,
Качайся, черт с тобой!
В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
Попался на качели,
Качайся, черт с тобой!...
Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах!
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше... ах! [1]*

Ель «косматая, тёмная», высокая, стихотворный сюжет с чёртом и качелями разворачивается в её «тени», образ дерева в данном контексте, действительно, является воплощением «тёмного царства», где раскачивает свои «смертельные» качели сам чёрт.

Образы –символы Ф. Сологуба Ши Хан рассматривает в поэтическом контексте эпохи, который отражает особенности двух великих культур — русской и китайской: А. Ахматова, К. Бальмонт, А. Блок, С. Есенин, И. Анненский, В. Брюсов, А. Белый, Н. Гумилёв, Н. Клюев, О. Мандельштам, Ли Цзинф, Ван Дуцин, Ин Сюэнь, Сюй Чжимо, Се Бинсинь, Чжу Цзы-цин, Вэнь И-до, Лю Баньнун, Го Можо, Дай Ваншу и др.

Ши Хан, исследуя образ — символ «розы» в русской поэзии (в частности, в лирике Ф. Сологуба) и сопоставляя его восприятие китайскими авторами первой трети двадцатого века, приходит к следующему заключению:

а) поэты Серебряного века придают розе «сакральное» значение, её образ явно преобладает в художественно-образной гамме русской поэтической речи и обладает семантической многозначностью. Роза, взращённая в саду китайской лирики, более «скромна», но зато является «символом женской красоты и соблазна» [5];

б) образ «хвойного дерева» (сосна, ель) также имеет различия: в русской поэзии его семантика связана с тёмными тонами (у Сологуба — «чёртова» сосна в прямом значении, т.е. в её «тени» творится зло), а в китайской поэзии, наоборот, «сосна» -поэтический символ «возрождения жизни, крепости и долголетия» [там же].

К сожалению, Ши Хан, описывая образ розы, даже не упомянул о том, что в поэтическом наследии Ф. Сологуба немало стихотворений, в которых этот образ раскрывается во всей полноте значений и смыслов, например: «Приветом роз наполнено купе...», «Роза и Дева», «Розы Вячеслава Иванова...», «Венок из роз и гиацинтов» и т.п.

То же следует констатировать и по поводу образа «хвойных деревьев» (сосна, ель). Примеры: «Так величавы сосны эти...», «Я лесом шёл. Дремали ели...», «Нарядили елку в праздничное платье...», «Призрак ели с призраком луны...», «Сосны качались, сосны шумели...» и др.

Образы-символы Ф. Сологуба также отражены в опубликованных статьях Ши Хана, таких, как:

«Образы розы в лирике русских и китайских поэтов-символистов»

(«Известия Волгоград. гос. пед. ун-та». Сер. «Филологические науки». — 2012. — № 2(66);

«Образ дерева в русской и китайской поэзии первой трети XX века» («Известия Волгогр. гос. пед. ун-та». Сер. «Филологические науки». — 2012. — № 6(70);

«Пространство растительной символики в русской и китайской поэзии первой трети XX века». «Восток — Запад: пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре» (сб. ст. по итогам IV Междунар. науч. конф. (заочн.). Волгоград, 19 нояб. 2010 г. — Волгоград: Изд-во «Парадигма», 2011);

«Растительная символика как коммуникативный код русской и китайской поэзии». «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире — 4» (сб. ст. отв. ред. Г.Г. Слышкин; ФГОУ ВПО «ВАГС». — Волгоград: Информресурс, 2011).

У Хань в своей диссертационной работе «Орнитологические образы в русской и китайской поэзии первой трети XX в.» (2015 г.) обращается к сравнительному анализу таких орнитонимов, как ласточка, кукушка, ворон, павлин, лебедь, гусь, голубь. Орнитологические образы-символы в каждом отдельном поэтическом тексте имеют свои особенности, но основное символическое значение каждого из них остаётся неизменным, во многом благодаря культурной традиции. У Хань представляет в исследовании «...различные модели типологического сходства / различия смысла художественных образов в лирике неродственных народов» [3].

Один из таких образов в поэзии русского символизма – ворон. В качестве примера, доказывающего традиционную символику данного орнитонима, У Хань приводит стихотворение Ф. Сологуба «Державные боги...», выделяя курсивом ключевое понятие поэтического символа в «вещий ворон».

«Крик ворона мог означать проклятие, ворон, как птица, имеющая отношение к потустороннему миру, мог вещать...» [там же], т.е. говорить, сообщать что-то очень важное и существенное: ворон дважды «вещает» лирическому герою: «Так надо, так надо» — в символическом контексте безличная конструкция подразумевает волю «державных богов», и человек вынужден подчиниться этой воле. За его жизненные муки — ему воздаётся высшая «награда» — «небесные чертоги». Ворон-глас божий, он озвучивает решение богов: страдания человеческие нужны богам. Человек покоряется судьбе-«небесному» своему предначертанию. Иного не дано. Ворон мудр, немногословен и тоже выполняет данную ему свыше роль. «Так надо»-символ человеческих страданий.

К сожалению, приходится констатировать: в литературоведческих «изысканиях» аналитическое восприятие

художественного текста нередко заменяется «околонаучными» пересказами так называемых теоретических источников. Заданная в минувшую эпоху траектория сохраняется и по сей день. Суть аналитического подхода, на наш взгляд, должна заключаться в максимально бережном отношении к художественному слову в поэтическом тексте. Образ-символ «вещего ворона» в стихотворении Ф. Сологуба играет очень важную роль, он буквально насыщен различными смысловыми оттенками: «вещий», «ваш» (т.е. «державных богов»), ворон не говорит, а «твердит» (уверенно, твёрдо). Говорит лирический герой. Боги молчат, доверяя ворону что-то сказать смертному человеку, который покоряется-принимает единственно верный путь. Таков, как нам кажется, символический подтекст образа «вещего ворона» Ф. Сологуба. Но об этом, увы, ничего не сказано в диссертационном исследовании У Ханя.

Особое значение в русской поэзии первой трети XX в. Имеет образ лебедя (в китайской — образ гуся). Диссертант целиком приводит текст стихотворения Ф. Сологуба «Поёт печальный голос...»:

*Поёт печальный голос
Про тишину ночную,
Глядит небесный лебедь
На линию земную.*

*На ней роса мерцает
От четырёх озёр.
В лазоревое море
Она подьмлет взор.
Поёт печальный голос
О чём-то непонятном.
Пред смертью ль горний лебедь,
В пути ли невозвратном?
Она в печали нежной,
Она как снег бела,
Её волна колышет,
Её лелеет мгла[1].*

«Танатологические мотивы связаны с образом лебедя и в стихотворении Сологуба «Поёт печальный голос...» — такова точка зрения У Ханя, вытекающая из предыдущего абзаца, в котором представлено стихотворение К. Бальмонта «Лебедь». Умиравшая птица поёт свою последнюю прощальную песню перед лицом смерти:

*...Это плачет лебедь умирающий,
Он с своим прошедшим говорит...
Не живой он пел, а умирающий,
Оттого он пел в предсмертный час,
Что пред смертью, вечной, примиряющей,
Видел правду в первый раз [3].*

Тема ухода, предсмертного «очищения», пронзительная, истинная оценка прошлого — вот основные мотивы стихотворения К. Бальмонта. Образ смерти — образ «вечной» и «примирающей» Истины, дающей возможность «увидеть» абсолютную, ничем не искажённую «правду». Смысловые оттенки проявляются не в лексических значениях слов, а в их сочетаемости, создающей содержательное наполнение художественного поэтического образа. У Хань не обращает на это внимание, оперируя традиционным шаблоном: «танатологические мотивы». Лебедь Ф. Сологуба никоим образом не «связана» с темой смерти. Анализ поэтических символов требует максимального внимания к нюансам, оттенкам, которые могут приблизить нас к скрытым в подтексте смыслам, хотя многие из них настолько условны, что не подлежат (и не должны) логической интерпретации.

Первое четверостишие — своеобразный зачин, лирическая увертюра, в которой обозначены содержательные мотивы и образы-символы: поющий «печальный голос», он никому не принадлежит, ни автору, ни лирическому герою, ни лебеди, ни Богу. Этот голос существует, как «вещь», — «в себе», но если он замолчит, — всё исчезнет. «Тишина ночная» — не только фон, место действия, обстановка, прежде всего она передаёт ощущение неопределённости происходящего. Параллельно «голосу» возникает главный образ — «небесный лебедь». Под ним — «линия земная» тоже образ-символ. Что это? Однозначного ответа, конечно же, нет. И «гадать» здесь бесполезно. Личные местоимения второй строфы теряют такой признак, как «указание на лицо»: «на ней», «она» — лебедь или земная линия? Третья строфа, как нам кажется, содержит основные смыслы всего поэтического текста: «непонятное» — это и «невозвратный» путь, и моменты «пред смертью» — никто не знает, даже лебедь. Но четвёртая строфа приоткрывает завесу над этой тайной: ни путь, ни «пред смертью»: лебедь «в печали нежной», её «волна колышет» и «лелеет мгла». При чём тут «танатологические мотивы»? И далее У Хань пишет: «По смыслу стихотворение Ф. Сологуба перекликается с картиной М. Врубеля «Царевна-Лебедь»...» [там же].

Художник изобразил любимую женщину — неповторимую, прекрасную и сказочную. Она естественная и «живая» — эфемерность образа лебедя Ф. Сологуба очевидна. «Смыслы» тоже разные: можно говорить лишь о некотором тематическом сходстве образов.

У Хань продолжает сопоставление: «Картина была создана в 1900 году, чуть позже стихотворений К. Бальмонта и Ф. Сологуба, но тема как бы витала в воздухе самой эпохи, особенно если учесть, что почти в это же время, в 1896 году было написано стихотворение Мирры Лохвицкой «Спящий лебедь»...

[там же]. «Лебедь спящий» — «моя тревожная душа» — признаётся лирическая героиня поэтессы. Эта душа «убаюкана» «земной жизнью», в ней таится жизненная энергия, порыв к свободе, и далее: «Но звук, из трепета рожденный/Скользнет в шуршанье камыша/И дрогнет лебедь пробужденный/Моя бессмертная душа/И понесется в мир свободы...» [там же].

Лохвицкая, Бальмонт, Сологуб, Врубель — каждый автор наполняет традиционный образ лебедя своим содержанием и смыслом в зависимости от творческой установки и уровня мастерства.

Выводы и обобщения, сделанные, в том числе и на материале стихотворений Ф. Сологуба (образы ворона и лебедя), У Хань излагает в опубликованных статьях:

«Образ ворона в китайской и русской поэзии» (Н.Е. Тропкина, У Хань // «Известия Волгоградского государственного педагогического университета». Сер. «Филологические науки». — 2014. — № 7(92);

«Орнитологическая символика в русской и китайской поэзии первой трети XX века: гусь и лебедь» («Известия Волгоградского государственного педагогического университета». Сер. «Филологические науки». — 2015. — № 5 (100);

«Орнитологическое пространство в русской и китайской поэзии первой трети XX века. Восток-Запад: типология пространства в русской литературе и фольклоре» (сб. науч. ст. по итогам Пятой Междунар. науч. конф. Волгоград, 19 нояб. 2012 г. / отв. ред. Н.Е. Тропкина; пер. на кит. яз. Ван Вэньцзянь, У Хань. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013).

Таким образом, следует отметить, что художественная семантика флористических (роза, ель) и орнитологических (ворон, лебедь) образов-символов Ф. Сологуба впервые в истории литературоведения становится предметом диссертационного исследования молодых китайских учёных Ши Хана и У Ханя. Художественно-смысловые «приращения», проявляющиеся в конкретном поэтическом контексте, дополняют корневые, традиционные метафорические значения, которые анализируют авторы на материале русской и китайской поэзии первой трети XX в. При этом за рамками исследования остаются художественные детали, привносящие новые смысловые оттенки в трактовку поэтического образа.

Оставляет желать лучшего выбор литературного материала, иллюстрирующего какие-либо аналитические заключения (пример с розой, приведённый выше). Впрочем, подобный подход к анализируемому литературному тексту отражается во многих современных ли-

тературоведческих публикациях, искажающих в псевдонаучной интерпретации авторскую мотивировку того или иного художественного образа. В качестве примера приведём следующий отрывок из диссертации

У Ханя: «...Исследователь пишет: «В структуре «лебединой» образности особое значение у Ахматовой приобретает **лебединый голос как мифологический эквивалент предсмертной песни лебедя**» [Колчина 2007: 9]. В рассматриваемом нами стихотворении **лебединой песней является творчество Блока в целом**» (выделено мной.) [с.129].

Тем не менее, сам факт обращения китайских литературоведов к исследованию русской поэзии Серебряного века заслуживает внимания и уважения. Конечно же, лирические образы Ф. Сологуба, представленные в кандидатских диссертациях Ши Хана и У Ханя, занимают скромное место в общем объёме указанных сочинений, но это нисколько не умаляет их значения и актуальности прежде всего для китайских специалистов (отдел русской литературы Академии наук, Центры изучения русского языка и литературы в Харбине, Пекинском университете иностранных языков и других вузах страны).

ЛИТЕРАТУРА

1. Сологуб Ф. К. Стихотворения. — Л.: Советский писатель, 1979.
2. У Хань. Орнитологические образы в русской и китайской поэзии первой трети XX века: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук (10.01.010/ Хань У; Волгоград. гос. соц. — пед. универ. Волгоград, 2015.
3. У Хань. Орнитологические образы в русской и китайской поэзии первой трети XX века: дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук (10.01.010/ Хань У; Волгоград. гос. соц. — пед. универ. Волгоград, 2015.
4. У Хань. Орнитологическая символика в русской и китайской поэзии первой трети XX века: гусь и лебедь / У Хань // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2015. № 5 (100).
5. Ши, Хан. Флористические образы в русской и китайской поэзии первой трети XX века: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук (10.01.010/ Хан Ши; Волгоград. гос. соц. — пед. универ. Волгоград, 2012.
6. Ши, Хан. Образы розы в лирике русских и китайских поэтов-символистов /Ши Хан //Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2012. № 2(66).
7. Ши, Хан. Образ дерева в русской и китайской поэзии первой трети XX века /Ши Хан // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2012. № 6(70).

© Тан Цзин (istudent20182018@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУ имени М. В. Ломоносова

АВТОРСКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫК ГЕРОЕВ РОМАНА Ч.ДИККЕНСА «ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА»: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

AUTHOR'S LANGUAGE AND LANGUAGE OF HEROES OF CH. DIKENS' NOVEL « THE POSTHUMOUS NOTES OF THE PICKWICK CLUB»: GERMENEUTICAL ASPECT

M. Tsaturyan

Summary. The article is devoted to the investigation of the close relationship between language and culture, which are of interest to linguists and literary scholars, who view them as a single whole. The search for criteria for the derivation of verbal-postpositive entities with respect to linguistic (level) status allows us to determine the supernormal nature of these entities. The artistic text is the subject of understanding and interpretation for the subjects of the hermeneutic process.

Key words and phrases: artistic text; language and culture; hermeneutic aspect; supernatural nature; the author's language.

Цатурян Марина Мартиросовна

*Д.филол.н., профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар)
tsaturyan.mm@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению тесной взаимосвязи языка и культуры, представляющих интерес для лингвистов и литературоведов, рассматривающих их как единое целое. Поиски критериев выведения глагольно-постпозитивных образований в отношении языкового (уровневого) статуса позволяют определить сверхсловную природу данных образований. Художественный текст является предметом понимания и интерпретации для субъектов герменевтического процесса.

Ключевые слова и фразы: художественный текст; язык и культура; герменевтический аспект; сверхсловная природа; авторский язык.

Современный этап развития лингвистики и литературоведения характеризуется стремлением исследователей критически переосмыслить наследие прошлого. При анализе явлений на всех уровнях языковой структуры методологическими принципами становятся системный подход к рассматриваемым объектам и их изучение на уровне функционирования с точки зрения их назначения в процессе коммуникации.

В настоящем исследовании глагольно-постпозитивные образования (ГПО) — принимаемый за рабочий термин для единиц номинации типа *make up* — имеют в истории лингвистики самые разнообразные названия. Причины пристального внимания к ГПО кроются, видимо, в широком их распространении и в возможности по-разному трактовать статус ГПО. Наши наблюдения показали, что в разные периоды, в результате дискуссий, положение ГПО в системе языка менялось. С одной стороны, в плане диахронии ГПО претерпевают постепенную эволюцию, результаты которой, несомненно, нуждаются в описании и обобщении, поскольку для современной системы ГПО характерна функциональная подвижность и гибкость. В настоящее время отмечается большая активность глаголов с постпозитивами, выступающими в качестве основы для создания новых конвертированных существительных (например, в сло-

варе «The Barnhart dictionary of new English» отмечается, что, таким образом, возникли 54 существительных типа *booze-up* (напиваться), *hash-up* (рубить)) [Canon 1987, 48]. У Ч. Диккенса мы находим:

- ◆ *making up a scanty bed* [DPC1837, ch. XVI];
- ◆ стлали постель на полу и стульях [ДПК 1853, гл. XVI];
- ◆ устраивали на полу постель [ДПК 1894, гл. XVI];
- ◆ устраивавших на полу или на стульях убогую постель [ДПК 1984, гл. XVI].

В теоретическом плане вопрос о ГПО английского языка вызывает серьезные разногласия между исследователями. Практически каждое направление в лингвистике по-своему оценивает языковой статус и уровневую принадлежность языковых единиц «глагол + постпозитив».

В отношении формальных и семантических свойств ГПО многое остаётся неясным, что находит отражение в неопределённости терминологии. Приведём существующие наименования всей конструкции:

- ◆ сложные глаголы [Жлуктенко 1954, 13];
- ◆ фразовые глаголы [Bolinger 1977];
- ◆ прерывистые глаголы [Live 1965, 428–451];
- ◆ двухсловные глаголы [Meyer, 1975];

- ◆ глагольные комплексы [Голубкова 1990, 11];
- ◆ глагольно-постпозитивные образования [Николаева 1989, 25];
- ◆ составные глаголы [Жлуктенко, 1954];
- ◆ (не называя их специально) глаголы с предлогами или наречиями [Аксененко, 1956];

второго компонента:

- ◆ послелог [Ильиш 1965, 71];
- ◆ адвербиальный послелог [Аничков, 1968];
- ◆ адвербиальная частица [Seidl 1983, 113];
- ◆ наречие или предложное наречие [Берлизон 1965, 16];
- ◆ предлог или наречие [Аксененко, 1956];
- ◆ постпозитив [Бурлакова 1967, 57] и т.д.

В ходе специального изучения ГПО основными задачами исследователей постоянно являлись:

а) определение набора синтаксических и семантических критериев, на основе которых можно было бы отграничить сочетания глаголов с постпозитивами, являющиеся ГПО (фразовыми, двусловными, сложными и пр. глаголами в других терминах), от сходных с ними по составу единиц, например, от глаголов с предлогами (*look at/for*) или от глаголов с предложным дополнением (*they agreed to the terms*) (они согласились с терминами) и т.д.;

б) установление класса частиц как вторых компонентов ГПО, т.е. определение частеречной принадлежности послелогов и их синтаксических функций, и в связи с этим, определение статуса ГПО как единиц номинации;

в) объяснение смысла различных позиций частиц в предложении (*He took off his hat u He took his hat off* (он снял шапку) и др.);

г) изучение «сочетаемости идиоматичности» ГПО (*collocational idiomatcity*) или феномена широкой сочетаемости определённых групп глаголов с различными постпозитивами наряду с наличием устойчивых сочетаний глагола лишь с одним постпозитивом (*bomb out* (разбомбить), *fed up* (насытитя), *burnt out* (выгореть) и некоторые другие). У Ч. Диккенса мы находим:

- ◆ *and once she burnst into such a passion of grief* [DPC1837, ch. XVIX].
- ◆ расслышал рыдания несчастной, сотрясавшие её тело [ДПК 1853, гл. XLIX].
- ◆ и вслед за тем бедная женщина разрыдалась так горько [ДПК 1894, гл. XVIX].
- ◆ а один раз она отдалась такому приступу отчаяния [ДПК 1984, гл. XVIX].

Главной проблемой в отношении ГПО является «словность» объекта. Внимание исследователей сосредото-

но на том, следует ли считать ГПО словом, словосочетанием или особым промежуточным типом. Большая группа исследователей — А. Смирницкий, И. Арнольд, Л. Talmy, С. Берлизон, С. Гурский, Н. Карягина, Д. Болинджер, К. Срока и др.— настаивает на синтаксической, сверхсловной природе ГПО, включая их наиболее идиоматизированную часть во фразеологический фонд английского языка.

Другая группа лингвистов — И. Аничков, Б. Аксененко, Ю. Жлуктенко, В. Конецкая, Е. Кубрякова, И. Ногина, Дж. Пирс и др.— рассматривает ГПО как часть словообразовательной системы английского языка, относя их к разряду лексем.

С проблемой «словности» ГПО неразрывно связан вопрос о лингвистической природе их второго компонента. В разных работах этот элемент трактуется как наречие [Берлизон 1965, 16], предложное наречие [Смирницкий 1965, 260], служебное слово — послелог [Аничков, 1968], постпозитивная приставка [Жлуктенко 1954, 105–113]. С. Гурский относит элементы типа *up* к классу особых функциональных слов английского языка — релятивов [Гурский 1975, 183]. К релятивам — показателям пространственных отношений предметов — автор относит также наречия и предлоги. Как лексико-грамматическое средство лимитации глагольной семантики рассматривает постверб М. Нагаева [Нагаева 1980, 50–54]. В качестве грамматикализованного показателя аспектуальной характеристики действия рассматривает постверб С. Линднер [Lindner 1983, 200].

Как известно, категоризация лексических единиц может проводиться с учётом их значения, формы и функции. Думается, что в установлении уровневой принадлежности значащих единиц языка определяющим является формальный, а не семантический критерий. Мы придерживаемся точки зрения лингвистов на критерий цельноформленности как главный показатель «словности» объекта. Порог словности определяется «меньшей законченностью и оформленностью частей слова сравнительно с частями словосочетания» [Смирницкий 1965, 3–49]. Развивая точку зрения в связи с проблемой разграничения сложных слов и фразеологических единиц, А. Кунин выделил три степени раздельности оформленности значащей единицы, определил допустимую границу свободы компонентов слова в английском языке [Кунин 1970].

Поиски критериев выведения ГПО в отношении языкового (уровневого) статуса целесообразней было начать с особенностей их формы:

1. раздельность написания;
2. два сильных ударения;
3. возможность инверсии компонентов;
4. возможность дистантного расположения компонентов;
5. раздельность словоизменения.

У Ч. Диккенса:

- ◆ *to come into a close prison* [DPC1837, ch. XVI].
- ◆ вздумала забраться в эту длинную тюрьму [ДПК 1853, гл. XVI].
- ◆ загнать в душную тюрьму [ДПК 1894, гл. XVI].
- ◆ привести в эту душную тюрьму [ДПК 1984, гл. XVI].
- ◆ *he turned again into the coffee-room gallery* [DPC1837, ch. XVI].
- ◆ он повернул опять в галерею, где был буфет [ДПК 1853, гл. XVI].
- ◆ поднялся опять в тот же этаж, где была кофейная [ДПК 1894, гл. XVI].
- ◆ он вернулся в галерею [ДПК 1984, гл. XVI].

Таким образом, компоненты исследуемых комплексов характеризуются фонетической, графической и морфологической раздельно оформленностью, что сближает их с синтаксическими образованиями — словосочетаниями.

Однако каждый из перечисленных признаков, взятый по отдельности, может встретиться и у лексем, например:

1. *schoolboy, school-boy, school boy* (школьник); *homework, home-work, home work* (домашняя работа);
2. *'hard-'boiled, 'hard-'baked* (сваренный вкрутую, прожжённый);
3. *on-looker, looker-on* (зритель);
4. *have never done* (никогда не сделать этого);
5. *passers-by* (прохожие), *men-of-war* (военные корабли), *sons-in-law* (зятья).

Кроме того, некоторые из перечисленных выше признаков раздельно оформленности ГПО могут у этих единиц отсутствовать. «Некоторые новейшие словари приводят многие из рассматриваемых словосочетаний в дефисном или слитном написании: *to-black-out* (выключить свет), *to layout* (выкладывать)» [LDPHV]. Однако в данном случае, как нам представляется, лексикографические данные не отражают тенденции к переходу ГПО в разряд цельнооформленных единиц. Примеры типа *to play-off* (проводить (игры)), *to look-out* (выглядывать) очень редки, а формы прошедшего времени не встречаются вовсе [Ивашкин 1988, 84–93].

Так, например, у Ч. Диккенса:

- ◆ *the editor paused to take breath, and looked majestically at Bob Sawyer* [DPC1837, ch. VI].
- ◆ журналист остановился перевести дух и бросил величественный взгляд на Боба Сойлера [ДПК 1853, гл. VI].
- ◆ издатель приостановился, чтобы перевести дух, и бросил величественный взгляд на Боба Сойлера [ДПК 1894, гл. VI].

- ◆ редактор остановился, чтобы передохнуть, и устремил величественный взгляд на Боба Сойлера [ДПК 1984, гл. VI].

Наряду с этим ГПО обладают общим для них признаком словообразовательной и формообразовательной цельнооформленности: *set up* (воздвигать); *setup* (N) (устройство); *work out* (составлять); *worked-out* (прош. вр.) (Р. Part.— Прич. II). Однако этот признак не является чисто лексическим. В некоторых работах показано, что он может встречаться у устойчивых словосочетаний, в том числе у фразеологических единиц.

У Ч. Диккенса:

- ◆ *turned sharp round to the right* [DPC1837, ch. XVI].
- ◆ круто повернул направо [ДПК 1853, гл. XVI].
- ◆ круто повернул направо [ДПК 1894, гл. XVI].
- ◆ круто повернул направо [ДПК 1984, гл. XVI].

Более логичной представляется точка зрения тех исследователей, которые считают, что рассматриваемые нами ГПО находятся за пределами формального порога «словности», традиционно установленного для лексем английского языка. Вместе с тем, признание сверхсловной природы ГПО на указанных основаниях не лишено условности.

Становится очевидным, что ГПО представляют собой такой языковой материал, на основе которого современная лингвистика может попытаться разрешить сложные проблемы соотношения лексики и грамматики, взаимодействия уровней языка, наличия пространств наложения языковых уровней друг на друга.

Все перечисленные факторы обуславливают многообразие и разносторонность существующих интерпретаций ГПО, краткому обзору которых посвящены следующие параграфы.

Следует отметить, что использование какого-либо подхода определяется целями исследования, которые у лингвистики и литературоведения существенно различаются. Художественный текст является предметом понимания и интерпретации для субъектов герменевтического процесса. Поиски критериев выведения ГПО в отношении языкового (уровневого) статуса позволяют определить сверхсловную природу ГПО. Фонетическая, графическая и морфологическая раздельно оформленность компонентов ГПО сближает их с синтаксическими образованиями — словосочетаниями. Определение нами статуса ГПО в языковой системе — как промежуточного положения между словосочетанием и словом, отличается гибкостью, возможностью представить изучаемое явление в его динамике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bolinger D. Meaning and Form. — London, N-Y.: Longman, 1977.
2. Cannon G. Historical change and English word-formation. New York: Amer. univ. studies Ser., 1987.
3. Courtney R. Longman Dictionary of Phrasal Verbs-Burnt Hill Harlow (England): Longman Group Limited, 1983: [LDPhV].
4. Live A. H. The discontinuous verb in English. // Word: Journal of the linguistic circle of New York, — New York, 1965. — vol. 21, № 3.
5. Meyer J. An English Grammar comprehending the principles and rules of the language. Jork, 1975.
6. Seidl J, Mc. Mordie W. English Idioms and how to use them. М., 1983.
7. Аксененко Б. Н. Предлоги английского языка. М., 1956.
8. Аничков И. Е. Можно ли считать проблему частей речи решённой? // Вопросы теории частей речи, Л., Наука, 1968.
9. Берлизон С. Б. Глагольно-наречные сочетания и их роль в обогащении словарного состава современного английского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, М., 1965.
10. Бурлакова В. В. Комбинаторные свойства английского глагола. — // Вопросы структуры англ. яз. в синхрон. и диахрон., 1967, вып. I.
11. Голубкова Е. Е. Глагольные комплексы типа come in, put away в современном английском языке: семантика и функционирование. Диссерт. на соиск. уч. ст. канд. филологич. наук / МГПИИЯ им. М. Тореза. — М, 1990.
12. Гурский С. Е. Глагольные сочетания типа go out, melt away в современном английском языке. Львов, 1975.
13. Жлуктенко Ю.А. О так называемых сложных глаголах типа «to stand up» в современном английском языке. // Вопросы языкознания, 1954, № 5.
14. Ивашкин М. П. Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке. — М.: Прометей, 1988.
15. Ильиш Б. А. Строй современного английского языка (теоретический курс). М-Л., Просвещение, 1965.
16. Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс). М., Высш. школа, 1970.
17. Нагаева М. Н. Функциональная значимость послелогов в современном английском языке. — // Структурные аспекты слова и словосочетания. Калинин, 1980.
18. Николаева Т. Н. Соотношение глаголов с пространственными префиксами и глагольно-постпозитивных образований в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Киев, 1989.
19. Смирницкий А. И. История английского языка. М., 1965.
20. Dickens Ch. The Posthumous Papers of the Pickwick Club. М., 1837.
21. Диккенс Ч. Замогильные записки Пиквикского клуба. С.-Петербург, 1853 (перевод И. Введенского).
22. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. М., 1894 (перевод М. А. Шишмарёвой).
23. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского Клуба. М., 1984 (перевод А. В. Кривцовой и Е. Ланна).

© Цатурян Марина Мартиросовна (tsaturyan.mm@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-СОМАТИЗМАМИ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ КАЧЕСТВЕННУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ ЧЕЛОВЕКА В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Чумакаев Алексей Эдуардович

К. филол. н., с. н. с., НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова
(Горно-Алтайск)
newchae@mail.ru

**PHRASEOLOGISMS WITH SOMATIC
COMPONENTS IN THE COMPOSITION
OF PHRASEOLOGICAL UNITS WHICH
EXPRESS A PERSON'S QUALITATIVE
CHARACTERISTIC IN THE ALTAI
LANGUAGE**

A. Chumakaev

Summary. The research paper presents the results of an investigation of Altai phraseological units with somatic components, which relate to a qualitative characteristic of a person. The work reveals quantitative data on the composition of somatic components and on phraseological units with these components and gives examples of the most numbered semantic categories of phraseological units with different somatic components

Keywords: somatism, phraseology, phraseological unit, Altaic language, turcology.

Аннотация. В данной работе представлены результаты исследования алтайских фразеологизмов с компонентами-соматизмами на примере фразеологических единиц (ФЕ), выражающих качественную характеристику человека. Приведены количественные данные о составе компонентов-соматизмом и о фразеологизмах с указанными компонентами, а также примеры наиболее многочисленных семантических разрядов ФЕ с теми или иными компонентами-соматизмами.

Ключевые слова: соматизм, фразеология, фразеологическая единица, алтайский язык, тюркология.

Фразеологизмы с компонентами-соматизмами рассматривались лингвистами на материале различных языков, в том числе и в сопоставительном аспекте. Названные фразеологизмы на материале русского языка, а также с привлечением данных из других языков, представлены, например, в работах Ю. А. Долгополова [1], М. А. Хоссейн [2], С. Г. Алексеевой [3], А. Г. Абрамовой [4], Д. С. Скарёва [5], И. А. Туркулец [6]. В тюркологии фразеологизмам с компонентами-соматизмами посвящены исследования А. Исаева [7], Т. Г. Боргояковой [8], Е. В. Николиной [9], А. Н. Чугунковой [10] и некоторых др. авторов.

Алтайские фразеологизмы с компонентами-соматизмами в сопоставлении с русскими рассматривались в работах А. А. Черновой, С. Г. Дыдяновой, А. Э. Чумакаева [11, 12, 13]. В совместной статье А. А. Черновой и С. Г. Дыдяновой проведен семантический и структурный анализ ФЕ с компонентом *кӧс* 'глаз' [11]. Фразеологизмы с компонентом *жӱрек* 'сердце' рассмотрены С. Г. Дыдяновой на примере фразеологизмов, выражающих психическое состояние человека [12]. А. Э. Чумакаев проанализировал ФЕ с компонентом *баш* 'голова' [13, с. 256–258]. Кроме того, алтайские фразеологизмы с компонентами-со-

матизмами в качестве сопоставительного материала использованы в работах Е. В. Николиной (Тюнтешевой) [9, 14].

В данной работе представлены результаты семантической классификации алтайских фразеологизмов с компонентами-соматизмами на примере ФЕ, выражающих качественную характеристику человека. Качественная характеристика человека подразумевает описание его характерных, отличительных качеств, черт, особенностей. Сюда могут быть отнесены описание внутренних свойств (душевных качеств, темперамента), внешности, способностей, социального положения и прочих качеств человека. Названные качества являются постоянными [15, с. 27].

Группа алтайских ФЕ, выражающих качественную характеристику лица, включает более 150 фразеологизмов [15, с. 54], среди них нами зафиксировано 90 алтайских ФЕ с компонентами-соматизмами. Состав компонентов-соматизмов и фразеологизмов с указанными компонентами следующий: *баш* 'голова' — 9 ФЕ; *бут* 'нога' — 3 ФЕ; *жаак* 'щека' — 1 ФЕ; *житке* 'затылок' — 1 ФЕ; *жӱрек* 'сердце' — 9 ФЕ; *жӱс* 'лицо' — 2 ФЕ; *ич* 'живот' —

7 ФЕ; *киндик* 'пупок' — 1 ФЕ; *кол* 'рука' — 16 ФЕ; *көдөн* 'ягодицы' — 2 ФЕ; *көс* 'глаз' — 7 ФЕ; *кулак* 'ухо' — 4 ФЕ; *мандай* 'лоб' — 2 ФЕ; *мее* 'мозг' — 3 ФЕ; *оос* 'рот' — 2 ФЕ; *тил* 'язык' — 12 ФЕ; *сабар* 'палец' — 1 ФЕ; *сөк* 'кость' — 4 ФЕ; *тырмак* 'ноготь' — 1 ФЕ; *эт* 'мышцы' — 2 ФЕ; *эрин* 'губы' — 1 ФЕ.

Как показывают количественные данные, наиболее многочисленными оказались семантические разряды фразеологизмов с компонентами-соматизмами *кол* 'рука' и *тил* 'язык'. Далее идут фразеологизмы с компонентами *баш* 'голова' и *жүрек* 'сердце'.

В качестве иллюстрации в настоящей работе приводятся наиболее многочисленные семантические разряды алтайских фразеологизмов с компонентами-соматизмами, кроме ФЕ с компонентом *баш* 'голова', материал по которым уже опубликован [5, с. 256–258]. В указанных семантических разрядах даны некоторые примеры употребления фразеологизмов с компонентами-соматизмами в художественных произведениях алтайских писателей, пословицах и поговорках.

Фразеологизмы с компонентом-соматизмом **КОЛ** 'рука'

Семантический разряд ФЕ с компонентом-соматизмом *кол* 'рука' включает следующие фразеологизмы: *айры колына (колыла) иш тутпас (этпес)* (букв. раздвоенной рукой своей (рукой своей) работу не держащий (не делающий)) 'человек, который никакой работы не делает; бездельник, лентяй'; *бийанду колду* (букв. с благодатной рукой) 'о человеке, о котором считают, что прикосновение к рукам его или получение чего-либо из рук его якобы приносит благодать, удачу'; *колго түшкен* (букв. на руку опустившийся) 'находящийся на содержании, на попечении кого-л.'; *колго-бутка турган* (букв. вставший на руки-ноги) 1. 'выросший, окрепший физически. 2. 'улучшивший, укрепивший своё материальное положение, обрётший независимость от кого-либо'. 3. 'выздоровевший'; и др.

Примеры в контексте:

Айдаров казырланып күрт эдип кекенди: — Озо баштап иштерге үренигер! Оны уккан Керек-Жоктын алдыгы эрди тырлажа берди. — Кемнен үренименибис! Айры колына качан да иш тутпаган Күжөйден бе? (П. Кучияк. Аза-Жалан) 'Айдаров, разгневавшись, начал угрожать: «Сначала научитесь работать!». У Керек-Жока, услышавшего это, задрожала нижняя губа: «У кого учиться! У бездельника Кыюдея»; ...*Зоя Казакпаевна бу журтка иштеп келгенинен бери одус жыл өдө берди. Мынча ойдин туркунына бийанду колду, жалакай жүректү эмчи... канча кижини жүрүмин*

аргадаган... (АЧ, 1999, № 123) 'Прошло тридцать лет, как Зоя Казакпаевна приехала работать в это село. За это время врач с приносящими благо руками и ласковым сердцем... спасла жизни многих людей...'

Фразеологизмы с компонентом-соматизмом **ТИЛ** 'язык'

Фразеологизмы с компонентом-соматизмом *тил* 'язык' в алтайском языке представлены следующими ФЕ: *куру жаак (оос, тил)* (букв. пустая щека (рот, язык)) 'человек, который делает что-либо лишь на словах, пустослов'; *курч тилдү* (букв. с острым языком) 'остроумный, язвительный'; *кызыл тилдү* (букв. с красным языком) 'любящий ругаться; скандалить'; *тил жок* (букв. языка нет) 'утративший способность говорить, произносить слова; немой'; *тили бош* (букв. язык его слабый) 'не в меру болтливый'; *тили жаман* (букв. язык его плохой) 'саркастичный в разговоре, часто иронизирующий над кем-либо или над чем-либо'; *тили жүзүрүк* (букв. язык его беглый) 'умеющий свободно, складно, хорошо говорить'; *тили узун* (букв. язык его длинный) 'болтливый, не сдерживающийся в разговоре'; *тили уур* (букв. язык его тяжелый) 'имеющий нарушения речи'; *тили эттү* (букв. язык его складный) 1. 'складно, хорошо умеющий говорить'. 2. 'умеющий уговорить кого-либо'; и др.

Примеры в контексте:

Тенек оос жабылбас, куру жаак чылабас (Погов.) 'Глупый рот не закрывается, пустые щеки не устают'; *Жан-жакшыны тообос, тили узун, ...кандый шулмус уулчак эдин? — деп, чербек жайзан жайканып, Мундузакты көстөп, бука чылап кылайта көрүп сурады...* (Ч. Чунижеков. Мундузак) 'Не уважающий старших, с длинным языком, ...какой же шустрый мальчишка ты? — спросил пузатый зайсан, раскачиваясь, смотря пристально, исподлобья, как бык, на Мундузака...'

Фразеологизмы с компонентом-соматизмом **ЖҮРЕК** 'сердце'

К семантическому разряду фразеологизмов с компонентом-соматизмом *жүрек* 'сердце' относятся следующие ФЕ: *ару жүректү* (букв. с чистым сердцем) 'искренний, откровенный'; *жаан (улу) жүректү* (букв. с большим (великим) сердцем) 'кто-либо отзывчив, добр, способен горячо чувствовать'; *жүреги изү* (букв. сердце его горячее) 'о том, кто способен к сильным чувствам, переживаниям; пылкий, страстный'; *жүреги сокор* (букв. сердце его слепое) 'лишенный чуткости, не замечающий чего-либо'; *жүреги түктү* (букв. сердце его волосатое) 'бессердечный, чёрствый'; *жүрек жок* (букв. без сердца) 'бессердечный, бесчувственный, равнодушный к чужому горю, страданиям'; *куш жүректү* (букв. с птичьим сердцем) 'трусливый, пугливый'; и др.

Примеры в контексте:

Бис ойто жанып клееткенис... Кӧп солун, жакшы, ак санаалу, ару жүректү улуска јолукканыс (А. Адаров. Јаан телекейге јол) 'Мы возвращались обратно... Встречались со многими новыми, хорошими, доброжелательными людьми, у которых чистые сердца'; *Киноны Василий Константинович бойы көргүзип јат. Ол сүре ле үренчиктердин ортозында. Улу жүректү кижси. Ол бистерди сүрекей-сүрекей сүүзген...* (А. Адаров. Јаан телекейге јол) 'Кино Василий Константинович показывает сам. Он постоянно бывает среди учеников. Человек с великим сердцем. Он очень-очень любил нас...'

Таким образом, рассмотрение группы фразеологизмов, выражающих качественную характеристику че-

ловека, показало, что большая часть из них включает компоненты-соматизмы. Это свидетельствует о том, что соматизмы широко используются во фразеобразовании. Наиболее многочисленными среди рассмотренной группы фразеологизмов являются ФЕ с компонентами-соматизмами *кол* 'рука', *тил* 'язык', *баш* 'голова' и *јүрек* 'сердце'. Остальные соматизмы представлены единичными примерами.

В дальнейшем алтайские фразеологизмы с компонентами-соматизмами необходимо проанализировать на основе всего фразеологического корпуса алтайского языка, т.е. посвятить указанным ФЕ отдельное научное исследование с тем, чтобы дать более полное их описание, в том числе в сопоставлении с материалом других родственных и неродственных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгополов Ю. А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 1973.
2. Хоссейн М. А. Национально-культурные особенности соматических фразеологизмов русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1994.
3. Алексеева С. Г. Фразеологизмы с компонентами «сердце» и «душа» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1996.
4. Абрамова А. Г. Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разноструктурных языках: на материале русского и чувашского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Чебоксары, 2005.
5. Скарёв Д. С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: проблемы семантики и прагматики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2006.
6. Туркулец И. А. Фразеологизмы с компонентами-соматизмами в художественных текстах М. А. Шолохова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2015. — 20 с.; и др.
7. Исаев А. Соматические фразеологизмы узбекского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ташкент, 1977.
8. Боргоякова Т. Г. Семантическая характеристика соматических фразеологизмов хакасского языка // Исследования по современному хакасскому языку. — Абакан, 1980. — С. 40–49.
9. Николина Е. В. Соматические фразеологизмы, характеризующие человека, в тюркских языках Сибири и казахском: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2002. — 26 с.
10. Чугунекова А. Н. Соматические фразеологические единицы с пространственным значением в хакасском языке // Таврический научный обозреватель. — № 8. — 2017. — С. 54–59.
11. Чернова А. А., Дыдыянова С. Г. Сопоставительный анализ русских и алтайских фразеологизмов с соматическим компонентом «глаз» («кӧс») // Как слово наше отзовется... Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения известного алтайского писателя и фольклориста П. В. Кучияка. — Горно-Алтайск, 1998. — С. 72–77.
12. Дыдыянова С. Г. Алтайские и русские фразеологизмы с соматическим компонентом «дьюрек» (сердце), выражающие состояние человека // Материалы XXXVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Филология / Новосибирский ун-т. — Новосибирск, 1998. — С. 69–71.
13. Чумакаев А. Э. Фразеологизмы с компонентом-соматизмом баш 'голова' в алтайском языке в сопоставлении с русским // Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 27–29 сентября 2007 г.). — Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2007. — С. 256–258.
14. Тютешева Е. В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). — Новосибирск, 2006. — 225 с.
15. Чумакаев А. Э. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики и состояния лица в алтайском языке в сопоставлении с русским. Монография. — Новосибирск, 2006. — 167 с.

© Чумакаев Алексей Эдуардович (newchae@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ   OUR AUTHORS

Agoshkova T. — Moscow State Pedagogical University (Moscow)
agochkovatiana@mail.ru

Altman G. — The Director of the school Galina Altman; postgraduate student, Moscow City Pedagogical University
altman.altman.g@gmail.com

Angaleva M. — PhD in philology, assistant professor of the Military University of the Russian Federation Defense Ministry
angalevama@yandex.ru

Angelova M. — NCFU(Pyatigorsk)
ang-mar@mail.ru

Antoshin A. — Ural Federal University
alex_antoshin@mail.ru

Antoshin V. — Ural Institute of Management of the RANEPА

Antselevich O. — NCFU(Pyatigorsk),
ancelevich@mail.ru

Baskova A. — Cherepovets State University
anastasiya_basko@mail.ru

Belousova I. — Candidate of philological science, associate professor, Kurganer State University
belinak@mail.ru

Burtseva A. — Candidate of pedagogical sciences, Ass. Professor, Murmansk Arctic State University
alexandraburtseva@yandex.ru

Butenko E. — Gnesin Russian Academy of Music, Moscow
aliona@yandex.ru

Chumakaev A. — The Altaic Scientific Research Institute named after S. S. Surazakov (Gorno-Altaysk)
newchae@mail.ru

Devel L. — Candidate of philological Sciences, Associate Professor, St.Petersburg State University of Culture of the Ministry of Culture
miladevel@gmail.com

Gadjahmedov N. — Doctor of philology, professor, Dagestan State University
nur1@yandex.ru

Garbuzov S. — Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Armavir state pedagogical University
garbuzow.sergey2017@yandex.ru

Gaynanova L. — Military Space Academy named after A.F. Mozhaisky (St. Petersburg)
guljimesh@gmail.com

Gusev Y. — Lecturer, Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. I.D. Putilina, Belgorod

Hachev M. — Doctor of physical and mathematical Sciences, Professor, Kabardino-Balkaria State Agricultural University, Nalchik
khachev.mukhadin@yandex.ru

Ivanishcheva O. — Doctor of Philology, Professor, Murmansk Arctic State University
oivanishcheva@gmail.com

Ivanova S. — Candidate of pedagogical science, associate professor, Kurganer State University
svetiva48@mail.ru

Katermina V. — Philology Doctor, Professor, Kuban State University (Krasnodar)
veronika.katermina@yandex.ru

Klimina L. — Candidate of Philology, associate Professor, Sterlitamak branch Bashkir state University
klimina.64@mail.ru

Kolchugina T. — PSU(Pyatigorsk)
kta987@rambler.ru

Koreneva A. — Doctor of Philology, Professor, Murmansk Arctic State University
korenevaanast@mail.ru

Krasilovskaya A. — Graduate student, Humanities and education science (branch) academy of V.I. Vernadsky Crimean Fedral University in Yalta
a.krasilovskaja@rambler.ru

Krasnov P. — PhD in Pedagogy, State Autonomous In-Service Institution of Murmansk Region «Institute of Education Development»
KrasnovPS@mail.ru

Kriuchkova E. — Post-graduate student of the RUDN
kryuchkova_es@rudn.university

Kulikova O. — Doctor of Philology, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia
ok517@yandex.ru

Kulik V. — Postgraduate student, GAOU IN «The Moscow city pedagogical university», Russia
arzt2006@mail.ru

Malkarbaeva L. — Kazan higher tank command institute
luiza1206@mail.ru

Ma X. — Lecturer, Jiangsu Normal University
syana.ma@mail.ru

Mikheev I. — Lecturer, Belgorod Law Institute of the
Ministry of the Interior of Russia. I.D. Putilina, Belgorod

Moiseenko A. — Cherepovets State University
anna.moiseenko@mail.ru

Myasnikova O. — Senior Lecturer, State Autonomous
In-Service Institution of Murmansk Region «Institute of
Education Development»
okmyasnikova@gmail.com

Nikitina E. — Khakassky Technical Institute - branch of
FGAOU VO «Siberian Federal University», (Abakan)
injaz@inbox.ru

Pashkova E. — Post-graduate student, teacher, Samara
state technical University
virginia457@mail.ru

Permiakova T. — Associate Professor of the Institute of
Foreign Philology and Regional Studies, North-Eastern
Federal University (Yakutsk)
ptuiara@mail.ru

Piskun E. — Postgraduate student, Pushkin Leningrad
State University
evgeniya.piskun@mail.ru

Proskurina A. — Kemerovo State University
proskurina@yandex.ru

Radautsky V. — Candidate of technical Sciences,
professor, Belgorod Law Institute of the Ministry of the
Interior of Russia. I.D. Putilina, Belgorod

Rashidov A. — Candidate of Philology, assistant professor,
Institute of Language, Literature and Art. G. Tsadasi of
the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences
Agaverdi.rashidov@yandex.ru

Romanov A. — PhD in philology, Military University of the
Russian Federation Defense Ministry
biyalka@mail.ru

Rychkova T. — Candidate of philological sciences, Ass.
Professor, Murmansk Arctic State University
rychkovata@yandex.ru

Sadovnikova I. — Institute for Humanitarian Studies and
Problems small peoples of the North of the Siberian Branch
Russian Academy of Sciences, (Yakutsk)
Sadovnikova79@mail.ru

Saidov A. — Candidate of Pedagogical Sciences, assistant
professor, Institute of Language, Literature and Art. G.
Tsadasi of the Dagestan Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences
abdul_1950@mail.ru

Satosova N. — Candidate of biological Sciences, associate
Professor, Armavir state pedagogical University
natalis-74@yandex.ru

Savitskaya E. — Candidate of Philology, Assistant
Professor, Samara State University of Social Sciences and
Education, Samara
lampasha90@mail.ru

Semina A. — Lomonosov Moscow State University
seminaaa@yandex.ru

Severin N. — Doctor of pedagogy, professor, Belgorod
Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. I.D.
Putilina, Belgorod
severin-belui@yandex.ru

Severin S. — Postgraduate student, Belgorod State
National Research University, Belgorod

Shnyakina K. — PhD in philology, senior lecturer, Military
University of the Russian Federation Defense Ministry
1881772@mail.ru

Tang J. — Graduate student, Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
istudent20182018@gmail.com

Temmoeva S. — Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Kabardino-Balkaria State Agricultural
University, Nalchik
s.temm@mail.ru

Tsaturyan Marina — Kuban State University (Krasnodar)
ts.m-smile@mail.ru

Tsaturyan Mariam — Philology Doctor, Professor, Kuban
State University (Krasnodar)
tsaturyan.mm@mail.ru

Vankina E. — Lecturer of the Mordovian State University
N.P. Ogareva
malkovaea@inbox.ru

Vinogradova O. — Teacher, LLC «NPF Integral», Rybinsk
oksana_kist@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

